

1909.

Годъ 17.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 1.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1909.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взаменъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состояла въ обмѣнѣ изданіями въ прошломъ 1908 году, продолжать этотъ обмѣнъ и въ текущемъ 1909 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1909.

Годъ 17.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 1.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1909.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 19 марта 1909 г.

№ 605.

И. д. Ректора Проректоръ **В. Алехѣевъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.		Стр.
Краткій отчетъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1908 годъ	1—	32
Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. 1909 г. I семестръ	1—	16
Приложенія.		
П. А. Поляковъ. Основы гистологии съ элементами эмбриологии человѣка и позвоночныхъ	705—	736
С. Д. Ми х н о в ъ. Систематическій указатель русской акушерско-гинекологической литературы отъ ея возникновенія до 1901 года	337—	368
В. И. Синайскій. Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ	145—	176
Н. К. Грунскій. Лекціи по педагогикѣ	97—	128
Д. Кудрявскій. Хитопадеша. Доброе Наставленіе. Сборникъ древнеиндейскихъ разсказовъ	81—	112
Mag. theol. Johannes Frey. Der slavische Josephusbericht über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen kritisch untersucht	65—	96
Pr. Dr. Alexander Jarotzky. Der Idealismus als lebenerhaltendes Prinzip	I—IV	и 1— 48

БРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Юрьевскаго Университета

ЗА 1908 ГОДЪ.

На предложенную богословским факультетом тему „Der Mal'akh Jahveh im Alten Testament“ поступило одно сочинение под девизомъ „Est Deus in nobis, agitante calescimus illo“.

Это сочинение обнимаетъ 236 страницъ. Работа распадается на 4 части. Въ I части авторъ разбираетъ представленія дополнѣннаго, въ II же послѣднѣннаго времени, въ III онъ касается вопроса о вліяніи парсизма на ветхо-завѣтную ангелологию и въ IV устанавливаетъ связь между ангеломъ Господнимъ и архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ въ книгѣ Даніила.

Авторъ обнаруживаетъ способность работать по строго-научному методу. Рука объ руку съ этимъ идетъ крайняя старательность въ изложеніи и толкованіи отдѣльных мѣстъ, хронологически группированныхъ. На основаніи полученныхъ изъ экзегезы отдѣльных мѣстъ, авторъ рисуетъ наглядную картину историческаго развитія ветхо-завѣтнаго понятія объ Ангелѣ Господнѣ. Начитанность автора очень обширна. Не только нѣмецкая, но и также англійская и голландская литература ему хорошо знакома. Однимъ словомъ, не смотря на нѣкоторыя недостатки, сочинение является весьма дѣльной обработкой даннаго вопроса. Поэтому Богосл. фак. присуждаетъ автору сочиненія подъ девизомъ „Est Deus in nobis, agitante calescimus illo“

золотую медаль.

Конвертъ съ девизомъ: „Est Deus in nobis“ etc. содержитъ фамилію: Густавъ Клеманъ, студентъ богословскаго факультета, изъ Лифляндской губерніи.

На тему Ἰησοῦς ὁ Ναζωραῖος поступили два сочиненія.

Первое подъ девизомъ „Ἐκ μέρους γινώσκμεν“ обнимаетъ 44 страницы. Въ первой части авторъ разбираетъ этимологию

слова *Ναζωραῖος*, во второй части толкуетъ стихъ 23 второй главы Евангелія отъ Матѳея, въ томъ смыслѣ, что эпитетъ „*Ναζωραῖος*“ по мнѣнію Евангелія стоитъ въ связи съ ветхо-завѣтнымъ благовѣщеніемъ, что Мессія есть „спаситель“.

Сочиненіе написано старательно и доказываетъ основательное знакомство съ литературой предмета. Высказанныя по этому вопросу мнѣнія ясно изложены и разобраны. Результаты, къ которымъ авторъ приходитъ, хорошо обоснованы и заслуживаютъ полного вниманія. Къ сожалѣнію въ работѣ имѣются отдѣлы, которые въ этомъ отношеніи должны быть изъяты. Преимущественно этимологическія изслѣдованія первой части написаны довольно поверхностно, при чемъ авторъ не въ достаточной мѣрѣ обращаетъ вниманіе на новѣйшую литературу. Второй недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ подробно разбираетъ всего стихъ 23 главы 2 Евангелія отъ Матѳея, между тѣмъ какъ прочіихъ мѣстъ онъ касается только поверхностно.

Въ виду вышеизложеннаго Бог. фак. присуждаетъ автору сочиненія подѣ девизомъ: „Ἐκ μέρους γινώσχομεν“

серебряную медаль.

Конвертъ подѣ девизомъ Ἐκ μέρους etc. содержитъ фамилію: Гербертъ Гиргенсонъ, студ. бог. фак., изъ Лифл. губ.

Вторая работа подѣ девизомъ: „*Ναζωραῖος κληθήσεται*“ обнимаетъ страницъ. Въ первой части сочиненія авторъ сопоставляетъ тѣ мѣста Новаго Завѣта, въ которыхъ встрѣчается выраженіе *Ναζωραῖος*. Во второй части авторъ разбираетъ мнѣнія высказанныя въ литературѣ по этому вопросу. Въ третьей части, присоединяясь къ авторитету профессора А. Зееберга, приходитъ къ тому результату, что названіе *Ναζωραῖος* стоитъ въ связи съ древне-еврейскимъ словомъ „neser“ = вѣтвь.

Работа доказываетъ что авторъ серьезно трудился и это должно быть ему вѣнчано тѣмъ болѣе въ достоинство, что ему приходилось преодолевать большія затрудненія. Къ сожалѣнію авторъ подробно разбираетъ всего одно мѣсто (23 стихъ главы 2 Евангелія отъ Матѳея), между тѣмъ какъ прочія мѣста изложены весьма поверхностно. Неудаченъ и планъ работы. Сверхъ того авторъ касается цѣлаго ряда вопросовъ, относящихся только косвенно къ темѣ. Однимъ словомъ, строгонаучный экзегетическій методъ автору довольно чуждъ.

Въ виду вышеизложеннаго Бог. фак. не считаетъ возможнымъ присудить автору сочиненія подь девизомъ „*Ναζωραῖος κληθήσεται*“ награды.

На остальные предложенныя богословскимъ факультетомъ темы не было представлено сочиненій.

На 1909 годъ богословскій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы :

- 1) „*Amphilochius von Ikonium*“.
- 2) „*Das christologische Problem in der neuesten evangelischen Theologie (nach Ritschl)*“.
- 3) Проповѣдь на текстъ: „Ев. Лук. 5, 1—11 (съ подробно обоснованною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозицію)“.

На заданную юридическимъ факультетомъ тему „Происхождение защиты владѣнія въ римскомъ правѣ“ представлено одно сочиненіе подь девизомъ: „*Rationes praestat praecipue analogia*“. Рѣшеніе поставленной задачи авторомъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Съ внѣшней стороны въ упрекъ ему можетъ быть поставлено прежде всего почти полное отсутствіе указаній на литературу предмета: указанія эти имѣютъ лишь спорадическій и какъ бы случайный характеръ. Поверхностнымъ представляется и изученіе источниковъ; еще болѣе поверхностнымъ — ихъ пониманіе и толкованіе. Тамъ, гдѣ авторъ вступаетъ въ полемику съ чужими мнѣніями, тамъ полемика эта столь же неосновательна, какъ и неудачна по тону (см. напр., критику мнѣнія Савиньи, стр. 14 и сл.). Равнымъ образомъ поверхностно и пользованіе аналогіей германскаго права. При такихъ условіяхъ ни за доводами, ни за выводами автора научнаго значенія признано быть не можетъ: сочиненіе это представляетъ собою лишь расширенную парафразу предложеннаго плана, при отсутствіи болѣе сознательнаго отношенія къ разсматриваемымъ вопросамъ. Помимо трудности самой темы, авторъ встрѣтилъ препятствіе въ своей недостаточной подготовленности къ основнымъ техническимъ приѣмамъ научной работы.

На основаніи изложеннаго Юридическій Факультетъ не призналъ возможнымъ удостоить сочиненіе подь девизомъ: „*Rationes praestat praecipue analogia*“ какой-либо награды,

На тему „Исторія возникновенія и дѣятельности Крестьянскаго и Дворянскаго Банковъ земельного кредита“ представлено два сочиненія. Одну подъ девизомъ: „Во время, во время нужно сумѣть, если же ты не умѣешь, золото вдругъ превращается въ мѣдь, пышный дворець въ подневольную клѣть“ Бальмонтъ, не обнаруживаетъ ни трудолюбія, ни внимательности автора, а лишь его стремленіе рѣшать научные и общественные вопросы фразами, а посему Юридическій Факультетъ это сочиненіе не призналъ заслуживающимъ какой-либо награды.

Другое сочиненіе на ту же тему подъ девизомъ: „Le pauvre honnête a plus besoin de credit, que le riche, Вирзоръ, Wer alles von der staatlichen Initiative und Fürsorge erhofft, thut Unrecht, Gamp“ обнаруживаетъ большое трудолюбіе автора, умѣнье его работать и разбираться въ цифрахъ, стремленіе выяснитъ себѣ явленіе вдумчиво, самостоятельно и безъ всякой погони за фразами. А потому Юридическій факультетъ призналъ сочиненіе подъ указаннымъ девизомъ заслуживающимъ

золотой медали.

Конвертъ подъ девизомъ: „Le pauvre honnête a plus besoin de credit“ и т. д. содержитъ фамилію: Аронъ-Шая Вульфovichъ Красиць, студентъ юридическаго факультета, изъ Могилевской губерніи.

На 1909 годъ юридическій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

1) По уголовному праву: „Ошибка человѣка и ея значеніе при вмѣненіи дѣянія этого лица ему въ вину“.

2) По церковному праву: „О Высочайше утвержденномъ при Святѣйшемъ Синодѣ особомъ Присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Всероссійскаго Собора“.

На предложенную медицинскимъ факультетомъ тему: „Судбно-медицинскія изслѣдованія сѣмянныхъ пятенъ. Обзоръ литературы по вопросу и провѣрка новѣйшихъ способовъ Florence'a и Barberio“, представлена работа подъ девизомъ: „Въ

знаніи сила“. Авторъ раздѣлилъ свою работу на 9 отдѣловъ: 1) Историческій очеркъ вопроса; 2) Проба Florence; 3) Проба Takavama; 4) Проба Barberio; 5) Проба Вокориуса; 6) Биологическая проба Farnum'a; 7) Биохимическая проба Pfeifer'a; 8) Испытанія сѣм. пятенъ поляризаціон. свѣтомъ и 9) микроскопич. изслѣдованія.

Подробное раздѣленіе представляется совершенно излишнимъ и отчасти даже вреднымъ для точнаго уясненія вопроса. Дѣло въ томъ, что проба Takavama только модификація пробы Florence'a, по моему мнѣнію и опыту нисколько не улучшающая послѣднюю, и потому даже и названіе особенной пробы не заслуживающая, авторъ же самъ не провѣривши этотъ методъ, выдѣляетъ его, какъ отдѣльную пробу, но никакихъ основаній для этого не приводитъ. Почти тоже надо сказать и о пробѣ Vosorius'a, которой и Vosorius не придаетъ серьезнаго значенія, судя по его замѣткѣ. Т. н. пробы Pfeifer'a и Farnum'a суть больше предположенія о возможности новыхъ пробъ, а не установленія особой пробы. Всѣ замѣтки объ этихъ пробѣхъ могли бы быть помѣщены въ историческомъ обзорѣ или при описаніи пробъ Florence'a и Barberio, но особенно отгнѣять пробы, описывая ихъ въ отдѣльныхъ главахъ и вмѣстѣ относиться къ нимъ безъ всякой критики — приемъ едва ли удачный.

Что касается до другихъ сторонъ разсматриваемой работы, то онѣ производятъ въ общемъ благопріятное впечатлѣніе. Историческій обзоръ сдѣланъ подробно, хотя и не всегда по подлинникамъ, расположеніе и изложеніе всего литературнаго матеріала сдѣлано хорошо. Также самое можно сказать и относительно описанія пробъ Florence'a и Barberio и изложенія посвященныхъ имъ работъ. Собственныя изслѣдованія автора довольно полны и вполне достаточны. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, этими изслѣдованіями вполне могутъ быть подтверждены. Въ послѣдней главѣ — Микроскопическія изслѣдованія сѣмянныхъ нитей — авторъ подробно излагаетъ способы изслѣдованія сѣмянныхъ нитей въ сѣмянныхъ пятнахъ и здѣсь вполне хорошо критически относится къ многимъ методамъ, что указываетъ на собственное практическое знакомство автора съ этими методами. Въ концѣ работы приложены изящно и вѣрно сдѣланные рисунки, иллюстрирующіе данныя работъ.

На основаніи всего изложеннаго медицинскій факультетъ призналъ что работа подѣ девизомъ: „въ знаніи — сила“ хотя и имѣетъ недостатки, касающіеся главнымъ образомъ плана изложенія, но въ

общемъ всё же представляетъ хорошее научное изслѣдованіе на заданную факультетомъ тему и заслуживаетъ быть награжденной золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ: „Въ знаніи — сила“ содержитъ фамилію: Петръ Сергѣевичъ Семеновскій, студентъ медицинскаго факультета, изъ Москвы.

На тему: „Вліяніе іода на экспериментальный атероматозъ“ представлена одна работа подь девизомъ: „Стойкостью и вѣрностью, и творчествомъ неутомимымъ человекъ покоряетъ міры“.

Современные врачи чувствуютъ свое безсиліе при лѣченіи чрезвычайно распространеннаго заболѣванія артерій въ видѣ т. наз. склероза и атероматоза, но, конечно, не отказываются отъ оказанія больному посильной помощи и на основаніи чисто эмпирическихъ данныхъ лѣчатъ это страданіе іодистыми препаратами. Правда, они не могутъ похвалиться блистательными результатами, но всё же утѣшаютъ себя мыслью, что помогаютъ больному. Казалось бы, что слѣдуетъ только произвести соответственные опыты на животныхъ и такимъ образомъ вполне выяснитъ значеніе іода въ лѣченіи склероза; но у животныхъ идентичнаго заболѣванія не наблюдается, и потому опыты не были возможны. Однако, когда въ недавнее время французскому изслѣдователю Josué удалось, путемъ впрыскиванія адреналина въ кровь, вызвать у кроликовъ процессъ, похожій на артеріосклерозъ, то естественнымъ образомъ явились попытки лѣчить іодомъ этотъ процессъ, чтобы установить законность іодоваго лѣченія при человѣческомъ артеріосклерозѣ. Такихъ попытокъ до сихъ поръ сдѣлано сравнительно немного, и притомъ онѣ дали крайне противорѣчивые результаты. Последнее обстоятельство и было причиной предложенія мною въ факультетѣ медальной темы подь упомянутымъ заглавіемъ.

Авторъ представленной работы совершенно правильно намѣтилъ себѣ планъ опытовъ состоящій въ томъ, что сначала нужно убѣдиться на контрольныхъ животныхъ, не встрѣчается ли у кроликовъ процессовъ, похожихъ на артеріосклерозъ, и безъ всякаго дѣйствія адреналина: изъ 16 такихъ кроликовъ только у одного (т. е. въ $6\frac{1}{4}\%$) оказались подобныя измѣненія. Затѣмъ важно было выяснитъ, у всѣхъ ли животныхъ можно вызвать этотъ процессъ впрыскиваніемъ адреналина: оказалось что у 50% (6 изъ 12) онъ развивается, а у остальныхъ артеріи остаются

нормальными. Послѣ такихъ предварительныхъ опытовъ можно было уже поставить опыты и съ лѣченіемъ іодистыми препаратами. Изъ такихъ препаратовъ были выбраны два, наиболѣе рекомендуемые въ настоящее время, — это іодипинъ и саіодинъ. Съ этими веществами были произведены 2 ряда опытовъ: въ одномъ — съ адреналиномъ вводился іодипинъ, въ другомъ — саіодинъ съ адреналиномъ. При іодипинѣ процентъ заболѣвшихъ оказался въ 66,6% (у 8 изъ 12), при саіодинѣ — въ 84,6% (у 11 изъ 13), т. е. іодистые препараты не только не оказали цѣлебнаго дѣйствія, но какъ бы усилили болѣзненный процессъ. Такъ какъ нѣкоторые авторы приписываютъ лѣчебное значеніе іодипина не іоду, а другой составной части іодипина — сезамовому маслу, то нужно было испробовать лѣченіе и этимъ масломъ: были сдѣланъ опыты на 3 кроликахъ, при чемъ заболѣлъ только одинъ, т. е. 33,3%. Впрочемъ, этотъ сравнительно благопріятный результатъ не можетъ имѣть большого значенія по незначительному числу опытовъ.

Таковы результаты опытовъ: они несомнѣнно имѣютъ отрицательный характеръ. Но авторъ оговаривается — и совершенно справедливо —, что такіе результаты еще не могутъ быть переносимы на человѣка, такъ какъ человѣческій артеріосклерозъ не идентиченъ съ адреналиновымъ склерозомъ кроликовъ, и потому можно еще утѣшать себя мыслью, что, быть можетъ, іодъ полезенъ при лѣченіи человѣческаго склероза. Можно сдѣлать еще одинъ упрекъ этимъ неблагопріятнымъ выводамъ, а именно: такъ какъ адреналинъ и іодъ вводились въ организмъ одновременно, то изъ того обстоятельства, что при одновременномъ введеніи получилось неблагопріятное дѣйствіе, еще вовсе не слѣдуетъ, что послѣдовательное лѣченіе іодомъ, т. е. по окончаніи отравленія адреналиномъ, дастъ непременно подобные же неблагопріятные результаты. Этого упрека въ данное время отвергать нельзя, но можно теперь же предвидѣть и возразить, что результаты, полученные при такихъ условіяхъ, будутъ еще болѣе неопредѣленные и могутъ быть также легко оспариваемы.

Многу приведены только голые выводы изъ работы, но въ самой работѣ они разработаны очень подробно и тщательно; опыты изложены въ подробныхъ протоколахъ и сопровождаются обстоятельно сдѣланными гистологическими изслѣдованіями. Постановка всѣхъ опытовъ, числомъ 57, сдѣлана вполне правильно, согласно научнымъ требованіямъ; анатомическія и гистологическія

изслѣдованія выполнены съ полнымъ знаніемъ дѣла, и потому результаты и выводы заслуживаютъ полного довѣрія.

Медицинскій факультетъ присудилъ автору работы подъ девизомъ: „Стойкостью и вѣрностью“ и т. д.

золотую медаль.

Конвертъ подъ девизомъ: „Стойкостью и вѣрностью“ и т. д. содержитъ фамилію: Павелъ Педдеръ, студентъ медицинскаго факультета, изъ Лифляндской губерніи.

На тему: „Осажденіе фосфорновольфрамовою кислотою продуктовъ гидролитическаго разложенія бѣлковыхъ веществъ“ поступила одна работа подъ девизомъ: „Nec aspera terrent“.

Данная работа имѣетъ предметомъ экспериментальнаго изслѣдованія вопросъ объ осажденіи фосфорно-вольфрамовою кислотою продуктовъ гидролитическаго разложенія бѣлковыхъ веществъ. Вопросъ этотъ представляетъ большой интересъ въ области химіи бѣлковыхъ веществъ. Дѣйствительно, въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для надлежащаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ изслѣдуемымъ бѣлковымъ веществомъ необходимы между прочимъ не только знаніе его элементарнаго состава, качественное изученіе продуктовъ его гидролитическаго расщепленія, но и количественное опредѣленіе этихъ послѣднихъ. Среди нихъ, — продуктовъ расщепленія бѣлковыхъ веществъ, — имѣются и такіе, которые относительно хорошо осаждаются фосфорно-вольфрамовою кислотою, и такіе, которые даютъ съ названнымъ реактивомъ болѣе или менѣе легко растворимыя соединенія. Такимъ образомъ названная кислота даетъ возможность съ большимъ или меньшимъ удобствомъ раздѣлять между собою двѣ главнѣйшія группы продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ: группу базъ и группу моноамино-кислотъ типа лейцина. Къ сожалѣнію, однако, пользованіе съ указанною цѣлью фосфорно-вольфрамовою кислотою представляется довольно различнымъ у различныхъ авторовъ, работавшихъ надъ количественнымъ опредѣленіемъ продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ, такъ-что въ общемъ является затруднительнымъ указать наиболѣе надлежащее съ разсматриваемою цѣлью пользованіе ею, является затруднительнымъ сравнивать между собою количественныя данныя различныхъ авторовъ, относящіяся къ разсматриваемому вопросу. Сверхъ того, свѣдѣнія о количественной сторонѣ процесса осажде-

нія съ помощью ф.-в. кислоты продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ такъ разбросаны по различнымъ работамъ, что собираніе ихъ для руководства при работахъ представляется довольно затруднительнымъ.

Въ рассматриваемой работѣ эти свѣдѣнія собраны очень полно, систематизированы и подвергнуты довольно обстоятельной критикѣ (см. свѣдѣнія о работахъ Nasse, E. Schulze, Haussmann, Winterstein, E. Fischer, Levene и др.).

Въ экспериментальной части работы описывается полученіе авторомъ продуктовъ гидролиза коровьяго казеина, желатинны, оксигемоглобина лошадиного, эритроцитовъ лошадиной крови. Авторомъ были получены въ химически чистомъ видѣ аргининъ, гистидинъ, лизинъ, глутаминовая кислота, аспарагиновая, гликоколь, аланинъ, лейцинъ, аминвалеріановая кислота, α -пирролидин-карбоновая кислота. Полученіе указанныхъ продуктовъ произведено авторомъ по общепринятымъ методамъ. Здѣсь авторъ обнаруживаетъ хорошее знаніе этихъ методовъ, полное пониманіе тѣхъ пріемовъ, какимъ онъ пользовался для изолированія вышеуказанныхъ веществъ. Такое изолированіе требуетъ вообще не мало труда, о чемъ въ данномъ случаѣ свидѣтельствуютъ и прилагаемая при работѣ таблица схемы, по которой авторъ производилъ фракционированную кристаллизацію различныхъ моноамино-кислотъ, и рядъ аналитическихъ данныхъ, относящихся къ полученнымъ авторомъ препаратамъ. Описаніе полученія препаратовъ занимаетъ 65 стр. экспериментальной части работы.

2-ая часть экспериментальной работы содержитъ описаніе ряда опытовъ, поставленныхъ авторомъ съ цѣлью выяснитъ условія количественнаго осажденія съ помощью фосфорно-вольфр. кислоты изолированныхъ авторомъ продуктовъ. Въ общемъ авторъ произвелъ 34 серіи опытовъ съ осажденіемъ. При этихъ опытахъ имѣлось въ виду опредѣлить вліяніе на осажденіе 1) концентраціи минеральной кислоты (въ опытахъ автора сѣрная), въ присутствіи которой производилось осажденіе, 2) вліяніе концентраціи осаждаемаго вещества, 3) количество взятой для данной пробы фосфорно-вольфр. кислоты и 4) наличности въ осаждаемой пробѣ моноамино-кислотъ.

Изъ своихъ опытовъ авторъ дѣлаетъ рядъ вполне обоснованныхъ выводовъ, представляющихъ значительный интересъ въ сферѣ изслѣдуемаго имъ вопроса. Такъ, напр., авторъ устанавливаетъ, что для наиболѣе полного осажденія гистидина требуются

значительные избытки фосфорно-вольфрамовой кислоты; или на осаждение лизина существенно влияет концентрация минеральной кислоты, в присутствии которой производится осаждение; или онъ находитъ, что лизинъ даже въ болѣе или менѣе разведенныхъ растворахъ можетъ быть цѣликомъ осажденъ названною кислотою, при чемъ для осаждения его требуется несравненно болѣе фосфорно-вольфр. кислоты, чѣмъ для осаждения другихъ базъ. Точно также и относительно выше упомянутыхъ моноамино-кислотъ авторъ приводитъ рядъ интересныхъ данныхъ касательно ихъ осаждаемости фосфорно-вольфр. кислотою.

Авторъ своимъ опытомъ выясняетъ, что осаждение смѣсей продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ происходитъ неправильно, а именно по столько, по сколько при извѣстныхъ условіяхъ изъ такихъ смѣсей осаждаются моноамино-кислоты, которыя переходятъ такимъ образомъ въ осадокъ вмѣстѣ съ базами; съ другой стороны, иногда происходитъ переходъ фосфорно-вольфрамовыхъ базъ въ растворъ (см. опыты съ аргининомъ и лейциномъ).

Наконецъ опытъ съ гидролитическимъ расщепленіемъ оксигемоглобина (лошадиного) показываетъ, что 1) для получения полного гидролиза даннаго бѣлковаго вещества достаточно 12—24 час. кипяченія его съ 20% сѣрной кислоты и 2) при осажденіи смѣси получаемыхъ при этомъ продуктовъ происходитъ выпаденіе и моноамино-кислотъ.

Но наряду съ совершенно положительными качествами данная работа представляетъ и нѣкоторые дефекты. Къ таковымъ надо отнести недостатки языка изложенія (неполнѣ правильные обороты русской рѣчи и т. п.), мѣстами излишнюю краткость текста; далѣе къ нимъ надо причислить и нѣкоторую неполноту нѣсколькихъ серій опытовъ.

Въ общемъ-же данная работа произведена вполне научно, съ знаніемъ литературы вопроса, съ отчетливымъ знаніемъ химической методики и, сверхъ того, съ большой добросовѣстностью. Въ виду этого медицинскій факультетъ призналъ работу подъ девизомъ „Nec aspera terrent“ достойною награжденія

золотою медалью.

Конвертъ съ девизомъ: „Nec aspera terrent“ содержитъ фамилію: Мартинъ Артуровичъ Вильбергъ, студентъ медицинскаго факультета, изъ Эстляндской губерніи.

На остальные, заданныя факультетомъ, темы, не было представлено сочиненій.

На 1909 и 1910 годы Медицинскій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

На 1909 годъ.

- 1) „Исслѣдованіе памяти по методу Мюллера и Шумана“.
- 2) „Вліяніе лецитиновъ на дѣятельность вырѣзаннаго сердца животныхъ“.
- 3) „Кожная и глазная реакція туберкулина при бугорчаткѣ у животныхъ и у людей“.
- 4) Для соисканія медали Креславскаго: „Написать монографію о гликозидахъ, руководствуясь сочиненіемъ „Die Glykoside“, Dr. van Rijn. Berlin, 1900 г., съ прибавленіемъ новѣйшей литературы по этому вопросу“ (вторично).
- 5) Для соисканія медали князя Суворова: „Написать монографію о смолахъ, руководствуясь послѣднимъ изданіемъ изданія Tschirch „Die Harze und die Harzbehälter“
- 6) Для соисканія медали Креславскаго: „Сдѣлать переводъ со втораго изданія сочиненія Dr. Georg Baumert „Lehrbuch der gerichtlichen Chemie“ 1907 г., Braunschweig.

На 1910 годъ.

- 1) Для соисканія медали князя Суворова: „Собрать данныя о фабрикаціи маслъ въ Россіи съ указаніемъ примѣняемыхъ при этомъ приѣмовъ производства“.

На предложенную историко-филологическимъ факультетомъ тему „*Παρακλαυσίδυρον* въ греческой и римской поэзіи“ представлены два сочиненія.

Первое сочиненіе подъ девизомъ „Es hat sich nicht anders machen lassen, als dass je nach dem vorhandenen Materiale die Behandlung sehr verschieden ward“ распадается на три части: на введеніе, на исторію греческаго *παρακλαυσίδυρον* и на исторію *παρακλαυσίδυρον* римскаго.

Введеніе ввиду его краткости и неполноты похвалить трудно: въ немъ сперва дается характеристика греческаго комоса, на почвѣ котораго возникло *παρακλαυσίδυρον*, затѣмъ въ общихъ чертахъ набрасывается картина жизни греческой женщины съ точки зрѣнія бытовыхъ и правовыхъ условій и наконецъ упоминается объ одной изъ частныхъ комоса, а именно, о *παρακλαυσίδυρον*, о серенадѣ.

Но вся эта, чисто-реальная, часть работы только слегка намѣчена, не развита и отнюдь не соотвѣтствуетъ по обработкѣ двумъ остальнымъ частямъ, которыя въ противоположность ей отличаются глубиной и полнотой трактовки и производятъ безусловно отрадное впечатлѣніе.

Эти центральныя части доказываютъ и то, что авторъ умѣетъ работать, и то, что онъ умѣетъ выдерживать историческую точку зрѣнія, не теряясь въ частности и строго различая существенное отъ несущественнаго. Ввиду этого можно думать, что введеніе просто не отдѣлано за недостаткомъ времени.

Тѣмъ больше усердія посвящено самому изслѣдованію о *παράκλαυσιθυρον*. Здѣсь, по скольку позволяетъ матеріалъ, дается детальный очеркъ развитія греческой и римской серенады, начиная отъ народныхъ или приближающихся къ нимъ пѣсенъ и кончая литературой александрійскаго и римскаго періодовъ.

Шагъ за шагомъ, держась строго хронологической точки зрѣнія, авторъ прослѣживаетъ поступательное движеніе *παράκλαυσιθυρον*, его постепенныя варіаціи, его освобожденіе отъ тона и чертъ народныхъ пѣсенъ и наконецъ его превращеніе изъ особаго лирическаго жанра въ одинъ изъ многихъ мотивовъ эротической поэзіи.

Исходя изъ совершенно правильной мысли о томъ, что греческая серенада должна быть строго отграничена отъ римской, ей, правда, сродной, но нѣсколько иной по своему характеру, авторъ сперва подробно трактуетъ именно греческую серенаду. Эта трактовка, быть можетъ, слишкомъ уже схематичная, безусловно удалась ему и позволила путемъ градаціоннаго перехода отъ одного памятника къ другому возстановить, насколько это было возможно, довольно полную картину развитія греческаго *παράκλαυσιθυρον*. При этомъ приведенъ и изученъ весь существующій матеріалъ и въ полнотѣ исчерпана вся научная литература. Наконецъ къ чести автора надо отмѣтить, что онъ старается быть самостоятельнымъ, старается не подчиняться авторитетамъ, отстаивать свои точки зрѣнія и даже строить свои гипотезы, иногда очень удачныя.

Тоже самое нужно сказать и про исторію серенады римской. На мой взглядъ эта, послѣдняя часть, работы еще удачнѣе первой, причемъ написана она съ большимъ подъемомъ, а подчасъ и съ увлеченіемъ, чего въ первой части нѣтъ. Автору дѣйствительно удалось хорошо отмѣнить зависимость серенады римской отъ серенады греческой, а также отмѣнить ея самобытныя, только ей присущія черты. Полемику же его съ извѣстнымъ знатокомъ римская

литературы Лео можно признать очень удачной, хотя ему и не удалось выставить на мѣсто отвергнутой имъ гипотезы Лео свою собственную: его гипотеза тоже не имѣетъ подъ собой твердыхъ основаній!

Такимъ образомъ въ разобранной нами работѣ мы имѣемъ прекрасный, съ полнымъ знаніемъ дѣла составленный трудъ, достоинства котораго не умаляютъ кое-какіе недостатки, какъ то излишняя схематичность, сухость и главнымъ образомъ тяжелая и неправильная русская рѣчь. Сюда же можно было бы отнести и еще нѣкоторые пробѣлы, но гораздо справедливѣе будетъ выразить полное сочувствіе трудолюбію автора, его богатому знакомству съ греческой и римской литературой и его дару точнаго и толковаго наблюденія. Когда со временемъ онъ обработаетъ свой первый трудъ, разовьетъ и расширитъ его, то его сочиненіе могло бы быть издано, какъ первая настоящая монографія, посвященная интересному вопросу, до сихъ поръ хорошо не обслѣдованному.

Принимая во вниманіе всѣ указанныя достоинства работы подъ девизомъ: „Es hat sich nicht anders machen lassen“ и т. д. факультетъ признаетъ автора ея достойнымъ награжденія

золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ: „Es hat sich nicht anders machen lassen“ и т. д. содержитъ фамилію: Альфредъ Валтеръ, студентъ историко-филологическаго факультета, изъ Лифляндской губерніи.

Второе сочиненіе подъ девизомъ „Ἔρως δμολογεῖται γὰρ πᾶντων μέγας θεός εἶναι.“ распадается на три приблизительно равныя части, изъ которыхъ первая посвящена подробному выясненію реалій, а двѣ остальныхъ — очерку развитія серенады въ греческой и римской поэзіи.

Изъ этихъ трехъ частей наиболѣе удачной надо считать первую, которая представляетъ собой дѣйствительно интересную попытку дать на основаніи литературныхъ памятниковъ изображеніе тѣхъ нравовъ и тѣхъ обычаевъ, которые имѣли мѣсто въ Греціи и въ Римѣ при исполненіи серенадъ. Свободно владея литературой предмета, авторъ сочиненія очень живо и очень интересно рисуетъ передъ нами одну бытовую картину за другой, причемъ благодаря хорошему русскому языку вся эта часть работы читается очень легко и производитъ впечатлѣніе прекраснаго и солиднаго труда.

Что касается двухъ остальныхъ частей, то въ нихъ сперва дается исторія греческой серенады, а затѣмъ исторія серенады римской. При трактовкѣ этого предмета своего изслѣдованія авторъ тоже обнаруживаетъ безусловное знакомство почти со всѣмъ существующимъ матеріаломъ и ясно доказываетъ, что вся цитруемая имъ научная литература имъ дѣйствительно изучена. Въ этомъ отношеніи онъ и здѣсь стоитъ такъ же высоко, какъ и въ первой части своего труда.

Но къ сожалѣнію, держась въ общихъ чертахъ хронологической точки зрѣнія, авторъ не обращаетъ должнаго вниманія, во 1-хъ, на ту внутреннюю связь, которая существуетъ между серенадами разныхъ эпохъ, а во 2-хъ, на тѣ новыя черты, которыми болѣе позднія серенады отличаются отъ болѣе раннихъ. Всѣхъ этихъ вопросовъ авторъ касается только мимоходомъ, но не останавливается на нихъ спеціально и не развиваетъ ихъ, такъ, какъ слѣдовало бы. Благодаря этому и греческія и римскія серенады представляютъ собой въ его изложеніи рядъ одиноко стоящихъ памятниковъ, а вовсе не цѣпь болѣе или менѣе тѣсно и притомъ генетически связанныхъ другъ съ другомъ литературныхъ произведеній.

Къ этому надо еще прибавить, что авторъ не отграничиваетъ надлежащимъ образомъ греческаго *παρχλουσιδουρον* отъ римскаго. Онъ, правда, разсматриваетъ и тотъ и другой отдѣльно, но одного этого еще не достаточно: надо было ярче выдѣлить специфическія черты какъ греческой, такъ и римской серенады, чего авторъ въ надлежащей степени не сдѣлалъ. Въ силу этого онъ въ концѣ концовъ и пришелъ къ мысли, что типъ римскаго *παρχλουσιδουρον* не снабженъ никакими новыми элементами въ сравненіи съ типомъ греческимъ.

Такимъ образомъ, работа, которая въ общемъ написана хорошо и довольно научно, страдаетъ большимъ не формальнымъ, а внутреннимъ недостаткомъ, что, конечно, невольно умаляетъ ея достоинства. Достоинства же эти, помимо безусловно живого и литературнаго изложенія, заключаются, по скольку дѣло идетъ о двухъ центральныхъ частяхъ труда, еще и въ томъ, что авторъ умѣетъ заинтересовать читателя и при случаѣ дать мѣткую характеристику того или другого изъ упоминаемыхъ имъ поэтовъ. Всѣ это свидѣтельствуетъ, конечно, о способности автора работать, о его несомнѣнномъ трудолюбіи, о хорошемъ знакомствѣ съ литературой предмета и наконецъ о его литературномъ талантѣ, который иногда проявляется довольно ярко.

Въ виду всего этого авторъ работы подъ девизомъ: „Ερωσ δμολογεῖται“ и т. д. признанъ факультетомъ достойнымъ награжденія серебряной медалью.

Конвертъ подъ девизомъ: „Ερωσ δμολογαῖται“ и т. д. содержитъ фамилію: Германъ Кестнеръ, студентъ историко-филологическаго факультета, изъ Лифляндской губерніи.

На остальные заданныя историко-филологическимъ факультетомъ темы не было представлено сочиненій.

На 1909 годъ историко-филологическій факультетъ представляетъ слѣдующія тѣмы.

1) По всеобщей исторіи: „Происхождение пфальцграфствъ Германской имперіи“.

2) По русской исторіи: I. „Землевладѣніе и населеніе Тульского уѣзда въ концѣ XVI столѣтія“. II. Судебная дѣятельность Могилевскаго магистрата въ первые годы послѣ введенія въ Могилевѣ Магдебургскаго права.“

3) По исторіи русской литературы: „Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго“ (вторично).

4) По исторіи славянскихъ литературъ: „Поэзія Залѣскаго и ея отношеніе къ народной малорусской поэзіи“ (вторично).

На предложенную физико-математическимъ факультетомъ тему „Математическія основанія педагогическихъ системъ Гербарта, Фрѣбеля и Штрюмпеля“ представлено одно сочиненіе подъ девизомъ „Истины анализа отличаются общностью и универсальностью. Истины аритмологіи носятъ на себѣ печать своеобразной индивидуальности, привлекаютъ къ себѣ таинственностью и поразительною красотою. Н. В. Бугаевъ“.

Авторъ этого сочиненія, изложивъ вкратцѣ во введеніи сущность аналитическаго и аритмологическаго міровоззрѣнія, переходитъ въ главѣ I къ разбору основъ Гербартовской педагогики. Здѣсь авторъ отмѣчаетъ между прочимъ характерное въ педагогикѣ Гербарта эстетическое направленіе и указываетъ несомнѣнную связь этого направленія съ аритмологическимъ міровоззрѣніемъ. Въ главѣ II авторъ излагаетъ воззрѣнія Фрѣбеля на геометрическія формы, какъ на элементы воспріятія человѣкомъ всего внѣшняго міра, и находящіяся въ связи съ этими воззрѣніями

Фрѣбелевскія системы дѣтскихъ игръ и занятій. Въ главѣ III выясняются аритмологическія и вѣроятностныя причинности, лежащія въ основѣ Штрюмпелевской классификаціи дѣтскихъ недостатковъ.

Въ общемъ надо сказать, что авторъ разсматриваемаго сочиненія весьма умѣло изложилъ въ сжатой и ясной формѣ сущность математическихъ основаній указанныхъ въ темѣ педагогическихъ системъ. Хотя авторъ и не исчерпалъ всей богатой литературы по Гербатовской и Фрѣбелевской педагогикѣ, тѣмъ не менѣе наиболѣе главные вопросы этихъ педагогическихъ системъ имъ разсмотрѣны съ надлежащей точки зрѣнія и исполнѣ основательно.

Принимая во вниманіе всѣ эти достоинства разсматриваемаго сочиненія, принимая во вниманіе трудность заданной темы, требующей знакомства съ весьма разнообразными отраслями наукъ, слѣдуетъ признать сочиненіе подъ девизомъ „Истины анализа отличаются общностью“ и т. д. заслуживающимъ награжденія

золотой медалью.

Конвертъ подъ девизомъ: „Истины анализа“ и т. д. содержитъ фамилію: Бернгардъ Кестнеръ, студентъ физико-математическаго факультета, изъ Лифляндской губерніи.

На тему: „Геологическій очеркъ Богучарскаго уѣзда Воронежской губерніи“ представлено одно сочиненіе подъ девизомъ: „Открыть порядокъ и разумность среди картинъ видимой дикости и безпорядка — такова задача геологическаго изслѣдованія“.

Авторъ сочиненія подъ этимъ заглавіемъ, избравшій девизомъ своей статьи слова „Открыть порядокъ и разумность среди картинъ видимой дикости и безпорядка — такова задача геологическаго изслѣдованія“ — прямо отвѣчаетъ на заданную факультетомъ въ текущемъ году для совсканія преміи по геологій тему. Сочиненіе состоитъ изъ предисловія (1—2 стр.), оро-гидрографическаго очерка (стр. 3—11), главы, посвященной исторіи изслѣдованій геологическаго строенія уѣзда (стр. 12—15), затѣмъ на страницахъ 15—45 изложены собственныя изслѣдованія и наблюденія автора и наконецъ страницы 46—63 посвящены общимъ выводамъ, литературному указателю и объяснительному тексту къ многочисленнымъ фотографическимъ снимкамъ, исполненнымъ авторомъ. Сочиненіе сопровождается геологической картой.

Посмотримъ, какъ авторъ справился съ поставленной имъ себѣ цѣлью. Такъ какъ факультетъ, объявляя свою тему, не

стѣснялъ конкурентовъ въ выборѣ районовъ, гдѣ будутъ произведены геологическія изслѣдованія, то казалось бы, что авторъ могъ выбрать какой нб. другой уѣздъ въ Россіи, болѣе интересный въ геологическомъ отношеніи, чѣмъ Богучарскій. Такія соображенія приходятъ въ голову при взглядѣ на десятиверстную карту Россіи, геологическаго комитета и при ознакомленіи съ довольно скудной литературой, имѣющейся по Богучарскому уѣзду. Въ самомъ дѣлѣ чего можно ожидать отъ геологическаго изслѣдованія этого уѣзда? Всѣмъ извѣстно, что въ уѣздѣ развиты верхнемѣловыя отложенія, вѣроятно сенонъ и туронъ, выраженный преимущественно бѣлымъ пишущимъ мѣломъ. Каждому также извѣстно, что благодаря скудности и нехарактерности (напр. рѣдкости головоногихъ) верхнемѣловыхъ осадковъ южной Россіи, до сихъ поръ на югѣ нашей страны трудно отграничить сенонъ отъ турона, тогда какъ въ Западной Европѣ отличаютъ уже давно болѣе мелкія подраздѣленія (напр. удобно отличаются фауны нижняго и верхняго сенона). Далѣе въ Богучарскомъ уѣздѣ развиты третичныя отложенія, о болѣе точномъ возрастѣ которыхъ въ сущности ничего неизвѣстно. Предполагая, что тамъ развитъ палеогенъ и зная, что онъ выраженъ преимущественно песками и песчаниками, обыкновенно нѣмыми въ этой части Россіи (полтавскій ярусъ Н. А. Соколова), опять получается мало надежды найти что нб. интересное въ этихъ отложеніяхъ.

Наконецъ въ Богучарскомъ уѣздѣ извѣстны послѣтретичныя и современныя отложенія, по литературнымъ даннымъ, представляющія мало интереса, хотя вслѣдствіе находженія уѣзда на окраинѣ Великаго Скандинаво-Финляндскаго ледника можно было бы ожидать чего нб. больше.

Слѣдовательно всякое лицо, которое бы захотѣло заняться геологическими изслѣдованіями Богучарскаго уѣзда могло бы лишь надѣяться собрать порядочную мѣловую коллекцію (въ лучшемъ случаѣ) и пополнить данныя о распространеніи третичныхъ и послѣтретичныхъ породъ, руководясь при ихъ отличіи лишь петрографическими признаками.

Чтеніе настоящей работы приводитъ насъ къ другимъ совершенно заключеніямъ, подтверждая старую истину, что мѣстностей, неинтересныхъ для геолога нѣтъ и что интересъ геологическаго описанія зависитъ не отъ выбора того, или другого района, а отъ наблюдательности, трудолюбія и талантливости лица предпринимающаго геологическія изслѣдованія.

Главнѣйшіе результаты изслѣдованій автора сводятся къ

слѣдующимъ положеніямъ. Мѣловыя отложенія Богучарскаго уѣзда принадлежатъ не къ 2-мъ ярусамъ мѣловой системы, а къ 3-мъ: сенону, турону и сеноману, причемъ этотъ выводъ вполне подтверждается, найденными авторомъ палеонтологическими доказательствами. Сенонъ и туронъ выражены бѣлымъ писчимъ мѣломъ, въ которомъ автору удалось найти и точно опредѣлить 6 видовъ губокъ, 4 вида морскихъ ежей, 12 видовъ брахіоподъ, 16 видовъ двухстворчатокъ, 2 вида головоногихъ и одинъ видъ изъ рыбъ, всего 42 вида. Списокъ опредѣленныхъ формъ не великъ самъ по себѣ, но если исключить работы Радкевича, то для южнаго мѣла Россіи онъ значительно больше списковъ тѣхъ немногихъ формъ, которые были найдены различными изслѣдователями южнорусскаго мѣла. Такимъ образомъ этотъ списокъ не только даетъ намъ впервые обстоятельныя данныя о фаунѣ богучарскаго мѣла, но и пополняетъ наши свѣдѣнія объ южнорусскомъ мѣлѣ вообще. На основаніи петрографич. данныхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что богучарскій мѣлъ представляетъ глубоководную фацію сенона и турона, отложившуюся въ открытомъ морѣ далеко отъ береговъ, съ чѣмъ и я вполне согласенъ, прибавляя отъ себя, что это доказываетъ и характеръ фауны (присутствіе головоногихъ, богатство губками и брахіоподами: 19 видовъ тѣхъ и другихъ приходится на 12 видовъ пеллециподъ). Затѣмъ авторомъ найдено, что въ Богучарскомъ уѣздѣ бѣлый мѣлъ подстигается глауконитовыми мергелями и желѣзистыми песками, въ которыхъ авторомъ открыта фауна, возрастъ которой опредѣляется авторомъ какъ сеноманскій — выводъ, съ которымъ нельзя не согласиться, просматривая списокъ формъ (всего 23), найденныхъ въ этихъ отложеніяхъ. Въ списокѣ этомъ значится до 5 сеноманскихъ формъ и изъ нихъ одна *Pecten asper* Lmk. является руководящей для него. Въ этомъ убѣждаетъ еще то различіе, которое существуетъ между фауной бѣлаго мѣла и нижней глинисто-песчаной толщи. Первая фауна заключаетъ 42 вида, вторая 23, а общихъ видовъ у нихъ всего 4.

Такимъ образомъ работа автора не только даетъ намъ совершенно новый для Богучарскаго уѣзда фактъ — открытіе въ немъ сеномана, но кромѣ того заставляеть думать, что къ сеноману также должны быть отнесены аналогичныя стратиграфически и одинаковые по петрографическому составу отложенія по теченію Дона въ землѣ Войска Донскаго. Такимъ образомъ изслѣдованіе автора, пополняя данныя 10-ти верстной геологической карты

Россіи, увеличиваетъ площадь, которая была занята въ Россіи моремъ въ сеноманскій вѣкъ. Интереснымъ также представляется открытіе авторомъ пластовъ кремнистаго мѣла съ *Ostrea vomer d'Orb.*, *O. proboscidea* и *Spondylus striatus Gldf.* и рифовыми кораллами. Верхнемѣловыя отложенія этого типа найдены авторомъ на западѣ уѣзда у хутора Свинцова, гдѣ онѣ залегаютъ непосредственно на границахъ.

Авторъ эти отложенія, весьма богатые устрицами, считаетъ повидимому прибрежными и неглубоководными въ противоположность бѣлому писчему мѣлу — взглядъ, имѣющій за собой основанія. Наконецъ здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить открытіе въ Богучарскомъ уѣздѣ выходовъ гранита, которые на 60 верстѣ на сѣверѣ отодвигаютъ восточную границу южно-русской кристаллической площади (до настоящей работы самый сѣверо-восточный выходъ гранита извѣстенъ былъ у г. Павловска Воронежской губерніи).

Третичныя отложенія Богучарскаго уѣзда по даннымъ автора довольно разнообразны и выражены различными глинами, мергелями, конгломератами, песками и песчаниками. Отложенія эти оказываются не нѣмыми, а иногда заключаютъ въ себѣ морскую фауну. Кто, какъ я самъ, работалъ на югѣ Россіи въ области палеогена, тотъ знаетъ сколько труда, внимательности и терпѣнія нужно затратить, чтобы найти въ южно-русскихъ палеогеновыхъ отложеніяхъ какія-нб. окаменѣлости. Поэтому важной заслугой автора является нахожденіе въ двухъ мѣстахъ Богучарскаго уѣзда эоценовой и олигоценовой фауны. Эоценовую фауну авторъ нашелъ въ песчанистой желтой глинѣ, переходящей въ глауконитовый глинистый песокъ. Опредѣленія раковинъ, сдѣланныя по просьбѣ автора В. В. Богачевымъ, даютъ преимущественно въ силу плохого сохраненія матеріала только роды, а видовыхъ опредѣленій всего нѣсколько, которыя все же достаточны для отнесенія этой породы къ эоцену. Конечно, верхній ли это эоценъ на примѣръ, или средній, какъ повидимому предполагаетъ авторъ, сказать пока трудно. Однако принимая въ вниманіе крайнюю скудность свѣдѣній о южно-русскомъ эоценѣ (особенно среднемъ и нижнемъ) всякая находка эоценовыхъ окаменѣлостей является весьма любопытной. Еще болѣе важной является находка морскихъ раковинъ въ пескахъ загадочнаго „полтавскаго яруса“ Н. А. Соколова. Въ этомъ ярусѣ до работы автора были извѣстны лишь остатки растений, а поэтому возникали сомнѣнія, отложились

ли въ морѣ пески и песчаники этого яруса, или же имъ слѣдуетъ приписать другое происхождение. Гуровъ даже оспаривалъ (не смотря на флору) принадлежность большей части „полтавскихъ“ песковъ къ палеогену. Прежде всего авторомъ въ песчаникахъ этого яруса найдены въ Подгорной проблематическіе остатки (водорослей или же слѣды аннелидъ) т. назыв. *Taonigus*, по опредѣленію В. В. Богачева. Это первая находка этого рода, сдѣланная въ Россіи. Затѣмъ въ песчаникахъ слободы Красноселовки авторомъ открыта морская аквитанская, т. е. верхнеолигоценовая фауна, изъ которой точно опредѣлены самимъ авторомъ 10 формъ. Такимъ образомъ на пески и песчаники полтавскаго яруса слѣдуетъ теперь смотрѣть какъ на безспорно морскія отложенія и если всѣ опредѣленія автора вѣрны, то, придавая имъ аквитанскій возрастъ, слѣдуетъ измѣнить точку зрѣнія на ихъ возрастъ, которой придерживался Н. А. Соколовъ. Послѣдній ихъ предположительно относилъ къ среднему олигоцену (тонгрійскому) ярусу и въ своей извѣстной монографіи о нижетретичныхъ отложеніяхъ говорилъ, что онъ не знаетъ, въ средне- или же въ верхнеолигоценовую эпоху море покинуло южную Россію. Такимъ образомъ, еслибы разсматриваемая въ этомъ отзывѣ работа содержала лишь эти данныя о третичныхъ отложеніяхъ, она имѣла бы научное значеніе не только для Богучарскаго уѣзда, а и вообще для южной Россіи, пополняя наши свѣдѣнія объ южно-русскомъ палеогенѣ.

Послѣтретичныя отложенія Богучарскаго уѣзда по даннымъ автора интересны и разнообразны. Авторомъ разобраны условія залеганія и распространенія валунныхъ суглинковъ, безвалунныхъ кирпично-красныхъ глинъ, флювіогляціальныхъ песковъ и лессовидныхъ суглинковъ. Особенно интересны красныя глины, заключающіе въ себѣ многогранники песчаника съ поверхностями, отшлифованными вѣтромъ. Мнѣ, кажется, что авторъ вполне основательно сопоставляетъ ихъ съ красными, гипсъ содержащими глинами южной Россіи, указывающими на то, что во время ихъ отложенія климатъ южной Россіи былъ суше, чѣмъ теперь. Для лессовидныхъ суглинковъ приведена авторомъ маленькая фауна, среди которой особенно интересной является *Lagomys*, впервые найденный въ русскомъ лессѣ. Какъ извѣстно находка въ лессѣ Германіи Nehring'омъ такихъ формъ какъ *Lagomys*, *Spermophilus* и *Alactaga* привела западноевропейскихъ ученыхъ къ мысли, что лессъ образовался въ Германіи въ степяхъ съ климатомъ, нѣсколько болѣе сухимъ и холоднымъ, чѣмъ тотъ, который

наблюдается въ Германіи теперь. Интересными наконецъ, являются наблюденія автора надъ современными эоловыми образованіями Богучарскаго уѣзда, причемъ обращено вниманіе на генезисъ сыпучихъ песковъ и указанъ любопытный фактъ (подтверждаемый наличностью въ эоловыхъ пескахъ гумусовыхъ прослоекъ), что въ недавнемъ прошломъ уѣзда періоды заростанія сыпучихъ песковъ смѣнялись періодами ихъ подвижности.

Работа сопровождается альбомомъ изящноисполненныхъ фотографическихъ снимковъ, изъ которыхъ особенно интересными являются тѣ, которые иллюстрируютъ размывъ мѣловой поверхности и происходящіе въ уѣздѣ эоловые процессы напр., выдуваніе и надвиганіе песковъ на лугъ и лѣсъ.

Главными научными результатами работы является :

1) Открытіе въ предѣлахъ уѣзда выходовъ гранита; 2) данъ хорошій списокъ фауны бѣлаго мѣла, причемъ приблизительно сеновъ отграниченъ отъ турона; 3) открытъ сеноманъ; 4) найдена эоценовая фауна; 5) найдена морская фауна въ песчаникахъ полтавскаго яруса и указанъ ея возрастъ (аквитанскій), опредѣлявшійся приблизительно прежде какъ среднеолигоценовый, хотя въ послѣдніе годы работы фитопалеонтолога Палибина повидимому склоняли вѣсы въ пользу аквитанскаго возраста песчаныхъ отложений полтавскаго яруса; 6) выясненъ составъ и распространеніе диллювиальныхъ отложений уѣзда и приводится для нихъ такая любопытная форма какъ *Lagomys*; 7) обращено вниманіе на эоловые процессы, происходившіе и теперь происходящіе въ уѣздѣ.

Каждый научный трудъ, какъ и всякая работа человѣка, не свободна отъ недостатковъ и особенно естественны такіе недостатки при первыхъ шагахъ на научномъ поприщѣ. Несвободна, конечно, и разсматриваемая работа отъ недостатковъ.

Главный недостатокъ работы черезчуръ сжатое (сравнительно съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ) изложеніе и боязнь автора дѣлать выводы и доводить свои заключенія до конца. Это впрочемъ естественно въ молодомъ, начинающемъ авторѣ. Онъ, напримѣръ, находитъ выходы гранита, опредѣляетъ направленіе трещинъ въ нихъ, но боится сдѣлать какія ниб. предположенія относительно возможности дислокацій и связи этихъ явленій съ тектоническими линіями, намѣчаемыми напр. А. Карпинскимъ для Россіи. Авторъ указываетъ, напр. на стр. 35 тотъ любопытный фактъ что по направленію къ югу валунныя глины постепенно переходятъ въ красныя глины, или же желтобурые суглинки, которыя лишь

въ нижнихъ частяхъ содержатъ валуны. Отмѣчая этотъ фактъ, авторъ не даетъ ему никакого объясненія, между тѣмъ какъ это обстоятельство можно, напр. толковать какъ доказательство отступленія краевъ ледника въ предѣлахъ Богучарскаго уѣзда къ сѣверу. Если сдѣлать такое предположеніе, то пришлось бы красныя глины и бурыя суглинки уѣзда отнести къ началу послѣдниковой эпохи и въ такомъ случаѣ пришлось бы ихъ считать за отложенія нѣсколько новѣе, чѣмъ красныя глины юга Россіи, которыя по Н. Соколову относятся къ эпохамъ доледниковой и ледниковой. Авторъ далѣе не любитъ дѣлать сравненій. Было бы, напримѣръ, интересно сравнить фауну бѣлаго мѣла Богучарскаго уѣзда съ таковой же фауной юго-запада Россіи, обстоятельный списокъ которой данъ Радкевичемъ. Наконецъ жаль, что авторъ не даетъ никакихъ данныхъ о микрофаунѣ богучарскаго мѣла.

Обращаясь къ третичнымъ отложеніямъ, мы видимъ, что авторъ не вполне разобрался въ относительномъ залеганіи пластовъ этой системы. Задача эта, впрочемъ, настолько трудна и требуетъ настолько детальнаго изслѣдованія, что этого, конечно, нельзя поставить въ вину автору — онъ сдѣлалъ все, что могъ за 2 года лѣтнихъ работъ. Отъ невыясненности стратиграфій зависятъ и неопредѣленность возраста нѣкоторыхъ пластовъ. Нельзя, напримѣръ, быть убѣжденнымъ на основаніи опредѣленія 2—3 формъ въ среднеэоценовомъ возрастѣ отложеній съ *Nucula aff. Dixoni* и *Psammobia rudis*. Авторъ, впрочемъ, не переоцѣниваетъ этихъ данныхъ и въ этомъ мѣстѣ его осторожность весьма естественна. Жаль также, что авторъ не сравнилъ своихъ отложеній съ тѣми въ южной Россіи, которымъ приписывается эоценовый возрастъ и не отмѣтилъ, что въ буровой скважинѣ Кишинева найденъ несомнѣнный средній эоцень по К. К. Фохту. Въ части работы, трактующей о ледниковыхъ отложеніяхъ, авторъ не высказываетъ никакихъ предположеній о климатическихъ условіяхъ уѣзда въ ледниковую и послѣдниковую эпоху, а такія соображенія, высказанныя даже въ видѣ догадокъ, были бы весьма любопытны.

Наконецъ, слишкомъ сжато изложены любопытныя наблюденія автора надъ эоловыми образованіями уѣзда.

На геологическую карту, приложенную къ работѣ, авторъ не нанесъ особой краской выходы тѣхъ породъ, въ которыхъ найдены палеогеновыя окаменѣлости и такъ какъ и въ текстѣ не указано, гдѣ именно авторъ нашелъ пласты съ *Psammobia* и *Nucula*, то поэтому читатель остается въ недоумѣніи.

Работа написана въ общемъ хорошимъ языкомъ и лишь мѣстами въ ней встрѣчаются неудачныя выраженія и фразы вродѣ: за крайней ледника была суша (стр. 5), очертаній рельефа (стр. 6), изъ окаменѣлостей въ мѣлу встрѣчено (стр. 13), древнимъ материнскимъ породамъ (стр. 15), глинистыхъ мергелей (стр. 21), съ утолщеніемъ толщъ песка утоняются (стр. 43) etc.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что работа представляетъ серьезное и цѣнное въ научномъ отношеніи изслѣдованіе, заключающее рядъ новыхъ, вполне обоснованныхъ данныхъ. Достоинства работы рѣшительно перевѣшиваютъ ея недостатки, зависящіе отъ чрезмѣрной иногда осторожности автора, сжатости изложенія и видимой поспѣшности, съ которой писалась работа (авторъ экскурсировалъ еще лѣтомъ 1808 года и слѣдовательно для приведенія своихъ наблюденій въ окончательный видъ имѣлъ всего нѣсколько мѣсяцевъ).

На основаніи изложеннаго математическій факультетъ наградилъ автора работы подъ девизомъ: „Открыть порядокъ“ и т. д.

золотой медалью.

Конвертъ подъ девизомъ: „Открыть порядокъ“ и т. д. содержитъ фамилію: Александръ Андреевичъ Дубянскій, студентъ физико-математическаго факультета, изъ Воронежской губерніи.

На остальные заданныя физ.-мат. факультетомъ темы не было представлено сочиненій.

На 1909 годъ физико-математическій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

1) по механикѣ: „Теорія Гамильтона-Якоби о приведеніи интегрированія уравненій механики къ интегрированію уравненій съ частными производными“.

2) по астрономіи: „Движеніе солнечныхъ пятенъ по фотографическимъ снимкамъ“.

3) по геологіи: „Изслѣдовать измѣненіе фауны (напр. моллюсковъ) въ закрытомъ бассейнѣ подъ вліяніемъ измѣненій физико-географическихъ условій“.

4) по химіи: „Теплоты плавленія изомерныхъ органическихъ веществъ“.

5) по метеорологіи: „Разсмотрѣть новѣйшіе методы предвидѣнія погоды и разобрать подробно практическое примѣненіе“.

одного изъ нихъ по синоптическимъ картамъ и таблицамъ европейскихъ бюллетеней“.

6) по зоологiи: „Объ иннерваціи железъ“.

Въ личномъ составѣ Университета произошли слѣдующія перемѣны:

Уволены отъ службы при Университетѣ:

Ординарный профессоръ по кафедрѣ экзегетическаго богословія, Деканъ богословскаго факультета, Альфредъ Зебергъ, согласно прошенію.

Библиотечаръ университетской библиотекы Вольфгангъ Шлютеръ, по выслугѣ имъ 25 лѣтъ по учебной части.

Переведены:

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 23 августа с. г. за № 59 заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ астрономіи Григорій Левицкій назначенъ Почетителемъ Виленскаго Учебнаго Округа.

Экстраординарный профессоръ по кафедрѣ химіи Левъ Писаржевскій экстраординарнымъ профессоромъ Кіевскаго Политехническаго Института Императора Александра II по кафедрѣ неорганической химіи.

Назначены:

Экстраординарными профессорами: по кафедрѣ практическаго богословія -- приватъ-доцентъ сего Университета Трауготъ Ганъ; по кафедрѣ исторіи русскаго права — испр. должн. экстраординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея — Теодоръ Тарановскій.

Избраны и утверждены:

Деканами: богословскаго факультета — и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ семитскихъ языковъ Александръ фонъ Бульмерингъ; юридическаго факультета — экстраординарный профессоръ по кафедрѣ государственнаго права Левъ Шалландъ; физико-математическаго факультета — ординарный профессоръ по кафедрѣ минералогіи — Василій Тарасенко.

Астрономомъ-наблюдателемъ астрономической обсерваторіи — астрономъ-вычислитель Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ Александръ Орловъ.

Помощникомъ библиотечаря — и. об. помощника библиоте-

каря С.-Петербургскаго Политехническаго Института Александръ Суходѣвъ.

Членами профессорскаго дисциплинарнаго Суда — профессеры Церетели, Лавровъ, Шепилевскій, Мазингъ и Бѣлявскій; кандидатами въ судьи сего Суда — профессеры Цеге-фонъ Мантейфель, Васильевъ, Колосовъ, Богоявленскій и Невзоровъ.

Утверждены :

Проректоромъ: ординарный профессоръ по кафедрѣ чистой математики Виссаріонъ Алексѣевъ.

Деаномъ историко-филологическаго факультета: ординарный профессоръ по кафедрѣ древне-классической филологіи и исторіи литературы Михайлъ Крашенинниковъ.

Избранъ, но еще не утвержденъ :

Ректоромъ: и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ римскаго права Евгенийъ Пассекъ.

Оставленъ на службѣ, по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, срокомъ на одинъ годъ съ 30 января 1909 года: профессоръ православнаго богословія протоіерей Арсеній Царевскій.

Совѣтомъ Университета допущены къ должности приватъ — доцента :

Докторъ мед. Василій Жуковскій — по дѣтскому болѣзнямъ; маг. фармаціи Викторъ Скворцовъ — при кафедрѣ фармаціи.

Командированы съ ученою цѣлью :

За границу: Профессоры: Колосовъ, Дегіо, Богоявленскій Царевскій, Церетели, Васильевъ, Лавровъ, Яроцкій, Квачала, Грабарь, Кузнецовъ; Доцентъ Томсонъ — приватъ доценты: Грассъ и Бородовскій; ассистенты: фонъ Гафнеръ, Воронцовъ, Луйга, Беттакъ, Морицъ; пом. прозектора Широкогоровъ; лаборанты: Скворцовъ, Сукачевъ.

Во внутреннія губерніи: профессеры: Миклашевскій, Кондаковъ; пом. прозектора Ландау.

Совѣтомъ Университета назначены делегатами: на международный конгрессъ историческихъ наукъ въ Берлиѣ — проф. Квачала; въ комиссію Императорской Академіи Наукъ по производству магнитной съемки — проф. Срезневскій.

Избраны членами въ Совѣтскую Комиссію по студенческому дѣламъ :

Отъ богословскаго факультета — проф. Ганъ и Гиргенсонъ;
 „ юридическаго „ — „ Кривцовъ и Шалландъ;
 „ медицинскаго „ — „ Шепилевскій и Михновъ;
 „ историко-фил. „ — „ Пѣтуховъ и Ясинскій;
 „ физико-матем. „ — „ Сентъ-Илеръ и Колосовъ.

Перемѣщенъ: Помощникъ бібліотекаря Александръ Расторгуевъ на должность бібліотекаря.

Назначены Правленіемъ Университета:

Помощникомъ провизора клинической аптеки: провизоръ Павель Вейнблюмъ.

Сверхштатными ассистентами: женской клиники — Лука Горуновичъ; медицинской клиники — Оскаръ Ротбергъ; химической лабораторіи — Юганнесъ Нарбутъ; хирургической клиники — Арнольдъ Ольдекопъ и Мордухъ Юффе; математическаго кабинета — Максимъ Ребиндеръ.

Сверхштатнымъ лаборантомъ фармацевтическаго Института — Янъ Майзитъ.

Допущены къ исполненію, по найму обязанностей: хранителя зоологическаго музея — Оскаръ фонъ Терне; сверхштатнаго лаборанта фармацевтическаго Института — Янъ Майзитъ; третьяго сверхштатнаго ассистента хирургической клиники — Юганнесъ Гессе; сверхштатнаго ассистента госпитальной хирургической клиники — Николай Макевкинъ; сверхштатнаго ассистента при психіатрической клиникѣ — Яковъ Ильонъ; сверхштатнаго ассистента гигиеническаго кабинета — Василій Цвиневъ; сверхштатнаго ассистента при терапевтическомъ отдѣленіи городской больницы — Беръ Вульфъ; сверхштатнаго ассистента фармакологическаго Института — Мартинъ Вильбергъ; сверхштатнаго ассистента физиологическаго Института — Сергій Бѣляевъ; сверхштатнаго ассистента глазной клиники — Илья Коломинскій; сверхштатнаго ассистента при кабинетѣ оперативной хирургіи — Зельма Фельдбахъ.

Утверждены:

Сверхштатными ассистентами: госпитальной хирургической клиники — Михаилъ Виноградовъ; хирургической клиники — Николай Бурденко; сверхштатнымъ помощникомъ прозектора патологическаго института — Романъ Адельгеймъ; хранителемъ зоологическаго музея — Оскаръ фонъ Терне; сверхштатнымъ ассистентомъ терапевтическаго отдѣленія госпитальной клиники — Беръ Вульфъ.

Перемѣщенъ: на должность штатнаго лаборанта химической лабораторіи — Николай Виноградовъ.

Личный составъ Университета въ настоящее время слѣдующій:

- 1 проффессоръ православнаго богословія,
- 36 ординарныхъ профессоровъ,
- 19 экстраординарныхъ профессоровъ,
- 2 доцента,
- 1 астрономъ-наблюдатель,
- 1 архитекторъ и преподаватель началъ архитектуры,
- 1 ученый аптекаръ,
- 2 прозектора,
- 23 привать-доцента,
- 3 лектора (одинъ изъ нихъ одновременно привать-доцентъ),
- 1 учитель массажа, врачебной гимнастики и механотерапіи,

всего 90 служащихъ по учебной части и кромѣ того 94 служащихъ по административной части.

Вакантны въ настоящее время:

Каѳедры: экзегетическаго богословія; мѣстнаго права, дѣйствующаго въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ; русскаго гражданскаго права и судопроизводства; исторіи философіи права; одна профессура хирургіи; каѳедра древне-классической филологіи и археологіи; одна каѳедра химіи; изъ 5 новоучрежденныхъ доцентовъ по юридическому факультету — должности доцентовъ философіи права и финансовою права (последняя нынѣ замѣщена привать-доцентомъ), 4 изъ прежнихъ штатныхъ доцентуръ (4 въ настоящее время замѣщены профессорами), должности лекторовъ итальянскаго и англійскаго языковъ, учителей гимнастическихъ упражненій, рисованія и музыки; должности штатныхъ ассистентовъ — психіатрической клиники и фізіологическаго института и штатнаго лаборанта фармацевтическаго института; должности сверхштатныхъ ассистентовъ — физическаго кабинета (исполняется по найму); метеорологической обсерваторіи (исполняется по найму); института сравнительной анатоміи (испол. по найму); фармакологическаго института (исполн. по найму); судебно-медицинскаго института; гигиеническаго кабинета; психіатрической клиники.

Всего вакантны 27 должностей.

Студентовъ числилось къ 1 декабря сего года:

По богословскому факультету	120
По юридическому факультету	718
По медицинскому факультету	1155
По историко-филол. факультету	178
По физико-матем. факультету	381

всего 2552

Кромѣ того слушателей фармаціи 147

Всего студентовъ и слушателей фармаціи . 2699

Постороннихъ слушателей 82

(въ томъ числѣ 80 женщинъ).

всего учащихся 2781

Въ теченіе года присуждены слѣдующія званія и степени:

Званіе дѣйствительнаго студента:

По богословскому факультету 9 лицамъ.

По историко-фил. факультету 13 "

По физико-мат. факультету 24 "

всего 46 лицамъ.

Степень кандидата:

По богословскому факультету 7 лицамъ.

По историко-филолог. факультету 11 "

По физико-матем. факультету 13 "

всего 31 лицамъ.

Степень почетнаго доктора физической географіи и метеорологіи:

Начальнику Отдѣленія Германской Морской Обсерваторіи профессору доктору Владиміру Петровичу Кеппенъ.

Въ юридической испытательной Коммисіи въ теченіе сего года выдержало испытанія 85 лицъ, изъ нихъ удостоено диплома первой степени 8 лицъ, диплома II-ой степени, съ правомъ получить дипломъ I-ой степени по представленіи и одобреніи сочиненія — 51 лицо и диплома второй степени 26 лицъ.

По медицинскому факультету приобрѣло:

Степень доктора медицины 4 лица.

Степень лѣкаря 102 "

Званіе уѣзднаго врача 2 "

Степень провизора 104 "

Званіе аптекарскаго помощника 125 лицъ.

Званіе зубного врача 6 "

Званіе дантиста 1 лицо.

Званіе повивальной бабки 55 лицъ.

всего 399 лицъ.

Итого присуждены академическія и медицинскія званія и степени 562 лицамъ.

Съ разрѣшенія Господина Министра Народнаго Просвѣщенія оставленъ при университетѣ на два года, съ назначеніемъ стипендіи въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ исторіи русскаго права, удостоенный диплома I-ой степени Николай Озерецковскій.

Испытаніе на званіе учителя прогимназіи и гимназіи выдержало 25 лицъ, а именно по историко-филологическому факультету 15 лицъ и по физико-математическому факультету 10 лицъ. По окончаніи курса представлены къ опредѣленію на службу изъ казенныхъ стипендіатовъ медицинскаго факультета: 8 стипендіатовъ.

Относительно учебно вспомогательныхъ учрежденій Университета должно упомянуть слѣдующее:

Въ продолженіе времени съ 1 декабря 1907 по 1 декабря 1908 года отчасти клинически, отчасти амбулаторно и поликлинически пользовалось въ университетскихъ клиникахъ всего 20343 больныхъ, а именно:

въ медицинской клиникѣ	2497	больныхъ.
въ поликлиникѣ.	5489	„
въ хирургической клиникѣ	2514	„
въ офтальмологической клиникѣ	3457	„
въ акушерской и женской клиникѣ	1710	„
въ клиникѣ для нервныхъ и душевныхъ болезней	1284	„
въ терапевтическомъ отдѣленіи госпит. клиники.	1447	„
въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальн. клиники	1945	„
	всего	20343 больныхъ.

Въ патологическомъ институтѣ въ продолженіе того же времени было вскрыто 68 труповъ.

Въ судебно-медицинскомъ Институтѣ въ продолженіе того же времени было произведено 63 вскрытія.

Въ университетской библіотекѣ числилось:

Къ 1 декабря 1907 г.	231,236	томовъ и 177,497	диссертаций.
Вновь поступило въ отчет-			
номъ году	2,029	„ „	7,952 „
Состояніе къ 1 дек. 1908 г.	233,265	томовъ и 185,449	диссертаций.

Относительно учрежденія имени Роберта Геймбюргера симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что на соисканіе назначенной на 1908 годъ полной преміи за ученые изданія въ области наукъ физико-математическаго факультета представлены были научныя сочиненія однимъ лицомъ, каковыя сочиненія однако Совѣтомъ Университета не удостоены означенной преміи.

Назначенная на 1907 годъ и сохраненная на 1908 годъ стипендія для научныхъ поѣздокъ въ размѣрѣ 1118 руб. 33 коп. Совѣтомъ Университета присуждена ученому аптекарю Юрьевского Университета Ивану Шиндельмейзеру. Назначенная на этотъ годъ стипендія для научныхъ поѣздокъ въ размѣрѣ 1118 руб. 33 коп. сохраняется на будущій 1909 годъ.

Для соисканія преміи Роберта Геймбюргера на 1909 годъ допускаются сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или латинскомъ языкахъ, вышедшія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и принадлежащія по своему содержанію къ наукамъ богословскаго факультета, авторы которыхъ состояли по крайней мѣрѣ три года имматрикулованными студентами сего Университета или во время удостоенія означенной преміи состоятъ уже три года въ семъ Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцентовъ, штатныхъ доцентовъ, прозекторовъ, астронома-наблюдателя или ученаго аптекаря. Конкурсныя сочиненія должны быть представлены въ Совѣтъ Юрьевского Университета въ двухъ экземплярахъ не позже 1 мая 1909 года.

Выборщиками членовъ Государственнаго Совѣта въ засѣданіяхъ Совѣта Императорскаго Юрьевского Университета отъ 22 и 23 сентября сего года избраны: ординарные профессора: по кафедрѣ уголовного права — Петръ Пусторослевъ и по кафедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи — Вячеславъ Афанасьевъ и испр. должны ординарнаго профессора по кафедрѣ римскаго права Евгений Пассекъ.

Съѣздомъ выборщиковъ въ С-Петербургѣ 6 октября сего года избранъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта проф. Ф. Афанасьевъ.

Отъ Его Высочества Герцога Михаила Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго Ботаническимъ Садомъ получены въ даръ двѣ большихъ пальмы.

ОБОЗРѢНІЕ
ЛЕКЦІЙ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ЮРЬЕВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1909 г. I семестръ.

Профессоръ православнаго богословія.

Маг. **А. С. Царевскій**, протоіерей: православное богословіе 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 4—6 ч.

I. Богословскій факультетъ.

Маг. (почетный докторъ богословія Эбердинскаго Университета **А. М. фонъ Бульмерингъ**, испр. должн. орд. проф. семитскихъ языковъ, Деканъ: 1) еврейская грамматика, ч. II, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 8—9 ч.; 2) объясненіе доплѣнныхъ малыхъ пророковъ, 3 час. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 8—9 ч.; 3) практическія упражненія (курсорное чтеніе книги Бытія) 2 ч. въ нед., по четв. отъ 9—10 и субб. отъ 8—9 ч.; 4) арабскій языкъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 9—10 ч.

Докт. **І. І. Квачала**, орд. проф. историческаго богословія: 1) церковная исторія, ч. II, 5 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 5—7 ч. и по сред. отъ 5—6 ч.; — 2) археологія искусства древне-христіанскаго періода, 2 ч. въ нед.; по четв. отъ 5—7 ч.

Маг. **Н. Ю. Гиргенсонъ**, экстраорд. проф. систематическаго богословія: 1) догматика, ч. I, 6 час. въ нед., ежедневно отъ 1—2 ч. — 2) практическія упражненія, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч. (о „Melanchthons Loci“ 1521 г. и древне-правовѣрная догматика).

Маг. **Т. Т. Ганъ**, экстраорд. проф. практическаго богословія, пасторъ университетскаго прихода: 1) гомилетика и ученіе о миссіи, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., сред. и четв. отъ 9—10 ч.; 2) гомилетическо-катехизическій семинарій, 3 ч. въ нед., по четв. отъ 5—6 ч. и по пятн. отъ 10—12 ч. (одинъ часъ бесплатно).

Маг. **А. Г. Берендтъ**, доцентъ историческаго богословія: 1) символика, 4 ч. въ нед., по вторн., сред. и пятн. отъ 7—8 ч., по субб. отъ 5—6 ч.; — 2) практическія упражненія по церковной исторіи, (бесплатно): общеизвѣстные подлоги, 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ впоследствии.

Маг. **І. А. Фрей**, приватъ-доцентъ экзегетическаго богословія: 1) объясненіе посланія къ Евреямъ, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., сред. и субб. отъ 11—12 ч.; — 2) введеніе въ Новый Завѣтъ, ч. II, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 10—11 ч.; — 3) исторія страстей и славы Христовыхъ, 1 ч. въ нед. по сред. отъ 10—11 ч.

Маг. **О. Г. Зеземанъ**, приватъ-доцентъ семитскихъ языковъ: 1) объясненіе пророка Исаи, 5 ч. въ нед., по понед., вторн.,

пятн. и субб. отъ 12—1 ч., по сред. отъ 6—7 ч.; — 2) исторія израильскаго народа, ч. II, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и четв. отъ 10—11 ч.; — 3) сирійскій языкъ (продолженіе), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи.

Маг. **Н. К. Грассъ**, приватъ-доцентъ экзегетическаго богословія: объясненіе Евангелія отъ Іоанна, 4 ч. въ нед., по сред. отъ 12—1 ч., по четв. отъ 11—1 ч. и по субб. отъ 10—11 ч.

II. Юридическій Факультетъ.

Маг. **Л. А. Шалландъ**, экстрард. проф. государственнаго права, Деканъ: 1) государственное право, ч. I, 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по государственному праву, (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи.

Докт. **П. П. Пусторослевъ**, орд. проф. уголовного права: 1) уголовное право (особенная часть), 6 ч. въ нед., по понед., сред. и четв. отъ 4—6 ч.; — 2) уголовное судопроизводство, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 4—5 ч., по пятн. отъ 4—6 ч.; — 3) практическія занятія по уголовному праву (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—7 ч.

Докт. **М. Е. Красноженъ**, орд. проф. церковнаго права: 1) устройство церквей римско-католической, евангелическо-лютеранской и армяно-грегоріанской; церковное управленіе, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 4—6 ч.; — 2) практическія занятія (знакомство съ литературою церковнаго права въ подлинникѣ, разборъ церковно-правовыхъ казусовъ, обсужденіе студенческихъ сочиненій), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 4—6 ч.

Маг. **Е. В. Пассекъ**, испр. должн. орд. проф. римскаго права: исторія римскаго права, 6 ч. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 12—2 ч.

Маг. **Н. Н. Бѣлявскій**, испр. должн. орд. проф. полицейскаго права: 1) полицейское право, 4 ч. въ нед., по четв. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 10—12 ч.

Докт. **А. Н. Миклашевскій**, орд. проф. политической экономіи и статистики: 1) политическая экономія, [вторая половина теоретическаго курса (обрабатывающая промышленность) — и главные вопросы исторій п. эк.] по понед. отъ 10—12 ч., по вторн. и сред. отъ 11—12 ч., 4 ч. въ нед.; — 2) статистика (теорія статистическаго метода) по четв. отъ 10—12 ч., 2 ч. въ нед.; — 3) практическія занятія по политической экономіи, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—5.

Маг. **А. С. Кривцовъ**, испр. должн. орд. проф. римскаго права: 1) система римскаго гражданскаго права, ч. II и ч. III, (обязательственное, семейное и наслѣдственное право) 6 ч. въ нед. по вторн., сред. и четв. отъ 12—2 ч.; — 2) гражданское судопроизводство, 3 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 3—4 ч.

Маг. **В. Э. Грабарь**, испр. должн. орд. проф. международного права, находится въ заграничной командировкѣ.

Маг-нтъ **А. С. Невзоровъ**, исп. должн. экстраорд. проф. торговаго права: 1) торговое право, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 2) мѣстное гражданское право Прибалтійскихъ губерній, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 ч. и по сред. отъ 10—12 ч.; — 3) практическія занятія по торговому праву, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 4—6 ч. (бесплатно, необязательно).

Маг. **Ө. В. Тарановскій**, экстраорд. проф. исторіи русскаго права: 1) для студентовъ первыхъ 4 семестровъ — исторія русскаго (государственнаго) права, 6 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 9—10 ч. и вторн. и сред. отъ 9—11 ч.; 2) практическія занятія (толкованіе памятниковъ древнерусскаго права), 2 ч. въ нед. День и часы будутъ объявлены въ началѣ семестра.

Маг-нтъ **О. И. Остроградскій**, приватъ-доцентъ финансоваго права: курсъ финансоваго права, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 9—11 ч.

Маг-нтъ **Д. А. Червонецкій**, приватъ доцентъ уголовнаго права, находится въ заграничной командировкѣ.

Маг. **В. И. Синайскій**, приватъ доцентъ римскаго права: 1) русское гражданское право, ч. II, (обязательственное право 3 ч. и семейное и наслѣдственное право 3 ч.), 6 ч. въ нед., по вторн., пятн. и субб. отъ 4—6 ч.

III. Медицинскій Факультетъ.

Докт. **А. С. Игнатовскій**, орд. проф. государственнаго врачевнѣдѣнія, исп. об. Декана: 1) теоретическій курсъ по судебной медицинѣ (для студентовъ IV курса), 4 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 11—12 ч. и по субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія упражненія по судебной медицинѣ и по вскрытію труповъ, 2 ч. въ нед., въ четв. отъ 5—7 ч. или другіе дни, въ случаѣ необходимости произвести судебно-медицинскія вскрытія неотложно; — 3) первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, для фармацевтовъ и студентовъ, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—6 ч.; — 4) общая патологія клѣтки, 2 ч. въ нед. Часы будутъ назначены впоследствии.

Докт. **Б. А. Керберъ**, орд. проф. государственнаго врачевнѣдѣнія: о гигиенѣ городовъ (продолженіе, бесплатно), 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ впоследствии.

Докт. **А. С. Рауберъ**, орд. проф. анатоміи: 1) анатомія человека, ч. II, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 3—4 ч.; — 2) упражненія въ препарировкѣ (съ прозекторомъ Адольфи и помощникомъ прозектора Ландау), ежедневно отъ 9—1 и 3—6 ч.

Докт. **К. К. Дегио**, орд. проф. специальной патологіи и клиники: терапевтическая факультетская клиника (для сту-

дентовъ IV курса), 9 ч. въ нед. (изъ которыхъ 3 ч. бесплатно), ежедневно отъ 9 $\frac{1}{2}$ —11 ч.

Докт. **В. Ф. Чижъ**, орд. проф. психіатріи: 1) общая патологія нервной системы, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч.; — 2) клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по сред. отъ 3—5 ч.

Докт. **В. А. Афанасьевъ**, орд. проф. общей патологіи и патологической анатоміи: лекціи читать не будетъ.

Докт. **В. П. Курчинскій**, орд. проф. физиологіи: 1) физиологія, 6 ч. въ нед., — 2) физиологическая химія, съ практическими занятіями въ лабораторіи, 4 ч. въ нед. (по группамъ). Лекціи и практическія занятія будутъ происходить въ физиологическомъ институтѣ по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 11—1 ч. и отъ 5—9 ч. (въ томъ числѣ 14 ч. практическихъ занятій бесплатно).

Маг. **И. Л. Кондаковъ**, испр. должн. орд. проф. фармаціи: 1) фармація (для медиковъ), 4 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по субб. отъ 9—11 ч.; — 2) фармацевтическая химія (для фармацевтовъ 4-го семестра), 5 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 10—11 ч., по четв. отъ 11—12 ч. и по пятн. отъ 10—12 ч.; — 3) практическія занятія по качественному анализу: а) для медиковъ, 3 ч. въ нед., по пятн. отъ 2—5 ч.; б) для фармацевтовъ 2-го семестра, 5 ч. въ нед., по вторн. отъ 2—4 ч. и по пятн. отъ 2—5 ч.; 4) практическія занятія по судебной химіи (для фармацевтовъ 4-го семестра), 5 ч. въ нед., по сред. отъ 2—5 ч. и четв. отъ 2—4 ч.; — 5) объемный анализъ (для фармацевтовъ 4-го семестра), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 2—5 ч.

Докт. **Ө. О. Евецкій**, орд. проф. офталмологіи и офталмологической клиники: офталмологія и офталмологическая клиника, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Докт. **Н. А. Савельевъ**, орд. проф. специальной патологіи и клиники: 1) поликлиника (для студентовъ V курса), 6 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 3—5 ч.; — 2) врачебная діагностика (для студентовъ III курса), 4 ч. въ нед., по понед. и пятн. отъ 3—5 ч.; — 3) разборъ клиническихъ случаевъ (бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Докт. **В. Г. Цеге фонъ Мантейфель**, орд. проф. хирургіи: 1) хирургическая клиника, 12 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—2 ч. (6 ч. бесплатно); — 2) хирургическая поликлиника (вмѣстѣ съ ассистентомъ), 4 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 9—11 ч.

Докт. **С. В. Михновъ**, орд. проф. акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней: 1) теоретическія лекціи по гинекологіи (для студентовъ III курса), 3 ч. въ нед., по вторн. и субб. отъ 7—8 $\frac{1}{2}$ ч.; — 2) клиническія лекціи (для студентовъ IV курса), 6 ч. въ нед., по понед., четв., пятн. и субб. отъ 11—12 ч. и по пятн. отъ 3—5 ч.

- Докт. **П. А. Поляковъ**, орд. проф. сравнительной анатоміи, эмбриологии и гистологии: 1) гистология и эмбриология, съ практическими занятіями, 8 ч. въ нед., (изъ нихъ 2 бесплатно), по понед., вторн., сред. и четв. отъ 9—11 ч.; — 2) сравнительная анатомія, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч.
- Докт. **Д. М. Лавровъ**, экстраорд. проф. фармакологіи, діететики и истории медицины: 1) фармакологія съ токсикологіею, рецептурою и ученіемъ о минеральныхъ водахъ (для студентовъ-медиковъ), 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 11—1 ч.; — 2) практическія занятія по фармакологіи (для студентовъ-медиковъ, необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполслѣдствіи; — 3) общая патологія, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполслѣдствіи.
- Докт. **Е. А. Шепилевскій**, экстраорд. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія: 1) гигиена, теоретическій курсъ, ч. II, 4 ч. въ нед., по понед. и субб. отъ 5—7 ч.; — 2) эпизоотология и ветеринарная полиція, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 5—7 ч.; — 3) теоретическій курсъ бактериологіи, 6 ч. въ нед.; — 4) методика санитарныхъ и клиническихъ бактериологическихъ изслѣдованій, 6 ч. въ нед. [не свыше 60 слушателей: (оба послѣдніе) необязательны]. Часы будутъ назначены вполслѣдствіи.
- Докт. **М. И. Ростовцевъ**, экстраорд. проф. хирургіи: 1) курсъ общей хирургіи (для студентовъ III курса), 3 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполслѣдствіи; — 2) хирургическая госпитальная клиника (для студентовъ V курса), 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполслѣдствіи; — 3) оперативная хирургія (для студентовъ IV курса), 4 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 5—7 ч. веч.
- Докт. **А. И. Яроцнй**, экстраорд. проф. специальной патологіи и клиники: 1) терапевтическая госпитальная клиника, 6 ч. въ нед., по вторн., сред., пятн. и субб. отъ 9¹/₂—11 ч.; — 2) теоретическій курсъ частной патологіи и терапіи, 4 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 5—7 ч. веч.
- Маг. **И. В. Шиндельмейзеръ**, ученый аптекарь: 1) отдѣльныя главы изъ судебной химіи, 1 ч. въ нед.; — 2) фармацевтическая бухгалтерія, 1 ч. въ нед. Дни и часы будутъ назначены вполслѣдствіи.
- Докт. **Г. А. Адольфи**, прозекторъ при анатомическомъ институтѣ и приватъ-доцентъ по нормальной анатоміи: 1) міология, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 3—4 ч.; — 2) остеология и синдесмология, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 3—5 ч.
- Докт. **Г. П. Свирскій**, приватъ-доцентъ фармакологіи: 1) бальнеология, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 5—6 ч.; — 2) о лекарствахъ, дѣйствующихъ на желудочно-кишечный каналъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч.
- Докт. **И. Ю. Мейеръ**, приватъ-доцентъ акушерства и гинекологіи: практическія занятія на фантомѣ (для студентовъ IV курса), 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ вполслѣдствіи.

- Докт. **И. В. Георгіевскій**, приватъ-доцентъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи и сверхштатный ассистентъ кабинета оперативной хирургіи: ученіе о вывихахъ, 1 ч. въ нед. (необязательно), по сред. отъ 6—7 ч.
- Докт. **А. К. Пальдронъ**, приватъ-доцентъ наложныхъ и венерическихъ болѣзней: о венерическихъ болѣзняхъ съ демонстраціями больныхъ, 6 ч. въ нед. (изъ нихъ 2 ч. бесплатно), по понед. и четв. отъ 9—11 ч., по вторн. отъ 11—1 ч.
- Докт. **Г. И. Коппель**, приватъ-доцентъ ушныхъ, носовыхъ и горловыхъ болѣзней и ассистентъ поликлиники: поликлиника ушныхъ, носовыхъ и горловыхъ болѣзней, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.
- Докт. **Г. В. Идельсонъ**, приватъ-доцентъ психіатріи: электротерапія, 2 ч. въ нед. которые будутъ назначены впоследствии.
- Докт. **В. П. Жуковскій**, приватъ-доцентъ по дѣтскимъ болѣзнямъ: курсъ дѣтскихъ болѣзней, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.
- Маг. **В. А. Скворцовъ**, приватъ-доцентъ фармаціи: основы количественнаго анализа (для фармацевтовъ II и IV сем.), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 11—1 ч.
- Докт. **И. И. Широкогоръ**, помощникъ прозектора патологическаго института и приватъ-доцентъ по общей патології и патологической анатоміи: курсъ патологической анатоміи съ патологической гистологіей, 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

* * *

- Г. О. Вельць**, учитель массажа врачебной гимнастики и механотерапіи: полный курсъ массажа врачебной гимнастики и механотерапіи съ практикою надъ больными, 6 ч. въ нед. Дни и часы будутъ назначены впоследствии.

IV. Историко-филологическій Факультетъ.

- Докт. **М. Н. Крашенинниковъ**, орд. проф. древне-классической филологіи и исторіи литературы, Деканъ: 1) Петроній, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч. пополудни (для классиковъ специалистовъ); — 2) Юстинъ, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 3—5 ч.; — 3) Латинская эпиграфика, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 5—7 ч.; — 4) элементарный курсъ греческаго языка, 3 ч. въ нед.; дни и часы будутъ назначены впоследствии.
- Докт. **Р. П. Мунке**, орд. проф. географіи, этнографіи и статистики: 1) древнѣйшія времена Греціи въ географическо-этнографическомъ отношеніи, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 5—7 ч.; — 2) практическія упражненія по географіи и этнографіи, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 5—7 ч.
- Докт. **Е. В. Пѣтуховъ**, орд. проф. русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще: 1) исторія русской литературы XVIII и начала XIX вѣка (общій курсъ), 3 ч. въ

- нед., по понед. отъ 10—12 ч. и сред. отъ 11—12 ч.; — 2) источники и пособія по исторіи русской литературы, 1 ч. (спеціальный курсъ), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія (чтеніе памятниковъ; разборъ студенческихъ сочиненій), 1 ч. въ нед., по сред. отъ 10—11 ч.
- Докт. **Я. Ф. Озе**, орд. проф. философіи и педагогики: 1) исторія древней философіи, ч. I (окончаніе, бесплатно), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 11—12 ч.; — 2) исторія древней философіи, ч. II, 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 11—12 ч.; — 3) гносеология (окончаніе, бесплатно), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 12—1 ч.; — 4) логика, 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 12—1 ч.
- Докт. **А. Н. Ясинскій**, орд. проф. всеобщей исторіи: 1) исторія Италіи въ связи съ исторіей Византіи и папства, (для студентовъ I—IV сем.), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 5—7 ч.; — 2) исторія крестовыхъ походовъ въ связи съ исторіей Византіи, (для студентовъ III—VIII сем.), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—7 ч.; — 3) дипломатика (для студ. V—VIII сем.), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 5—7 ч.; — 4) исторія церкви въ 1—IV вв. (для студ. 1—VIII сем.), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 5—7 ч.
- Докт. **А. А. Васильевъ**, орд. проф. всеобщей исторіи: 1) исторія французской революціи и Наполеоновской эпохи, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч.; — 2) исторіографія французской революціи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 9—11 ч.; — 3) практическія занятія, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч.
- Докт. **Л. К. Мазингъ**, орд. проф. сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій: 1) сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, ч. I (продолженіе), 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) славянскіе тексты, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и пятн. отъ 11—12 ч.
- Маг. **Д. Н. Нудрявскій**, испр. должн. орд. проф. нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ, 4 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 4—6 ч.; — 2) практическія занятія по санскриту, 2 ч. въ нед. (необязательно, бесплатно), по вторн. отъ 4—6 ч.
- Маг. **Г. Ф. Церетели**, экстраорд. проф. древне-классической филологии и греческихъ и римскихъ древностей: 1) исторія греческой комедіи (для специалистовъ классиковъ и словесниковъ), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 12—1 ч. и по четв. отъ 10—11 ч.; — 2) Лукіанъ (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 11—1 ч.; — 3) избранныя произведенія поэтовъ Александрійскаго періода, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 1—2 ч. и по четв. отъ 11—12 ч. (для специалистовъ классиковъ); — 4) Арріанъ, Анабазисъ I книга, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 3—5 ч.
- Маг. **И. И. Лаппо**, экстраорд. проф. русской исторіи: 1) общій курсъ русской исторіи (продолженіе курса осенняго се-

местра), 2 ч. въ нед., во вторн. отъ 10—12 ч.; — 2) спеціаль-
ный курсъ (политическій и социальный строй Великаго Княже-
ства Литовскаго во вторую половину XVI столѣтія), 2 ч. въ нед.,
по понед. отъ 11—1 ч.; — 3) практическія занятія по
русской исторіи, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 10—12 ч.; —
4) исторія русской церкви (продолженіе курса осенняго
семестра), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 9—11 ч.

Маг. **Н. Н. Грунскій**, экстраорд. проф. русскаго языка въ особенности
и славянскаго языковѣднія вообще: 1) древне-церковно-
славянскій языкъ, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 11—12 ч.; —
2) русскій языкъ 1 ч. въ нед., по субб. отъ 10—11 ч.; —
3) практическія занятія по русскому и древне-
церковно — славянскому языку, 2 ч. въ нед., по пятн.
отъ 1—3 ч.; — 4) исторія славянскихъ литературъ,
2 ч. въ нед., по сред. отъ 11—1 ч.; — 5) очерки по исторіи
русской педагогики, 1 ч. въ нед. (день и часъ будутъ на-
значены впослѣдствіи); — 6) практическія занятія по
педагогикѣ, 1 ч. въ нед. (который будетъ назначенъ впо-
слѣдствіи).

Маг. **В. Ф. Шлютеръ**, приватъ-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго
языковѣднія: древне-нижненѣмецкая грамматика,
съ упражненіями (Heliand), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч. веч.

Маг. **Я. И. Лаутенбахъ**, приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣднія
и лекторъ латышскаго языка: 1) исторія всеобщей лите-
ратуры (нѣмецкая литература конца XVIII и первой половины
XIX столѣтій), 2 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 9—10 ч.; —
2) начальный курсъ литовскаго языка (фонетика и
морфологія), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 3—4 ч.; — 3) Meta s
До налейтиса, 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 3—4 ч.; — 4) исторія
новѣйшей латышской литературы (продолженіе), 1 ч.
въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.

Маг. **И. М. Эндзелинъ**, приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣднія
и славяно-русской филологіи: практическія занятія по
греческой діалектологіи, 1 ч. въ нед., который будетъ
назначенъ впослѣдствіи.

Маг-нтъ **Э. Р. Фельсбергъ**, приватъ-доцентъ по кафедрѣ древне-
классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей:
1) исторія римскаго аграрнаго строя, 2 ч. въ нед.,
по сред. отъ 12—2 ч.; — 2) лекторскій курсъ нѣмец-
каго языка, 2 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 2—3 ч.

Маг-нтъ **М. В. Бречневичъ**, приватъ-доцентъ всеобщей исторіи:
исторія южныхъ славянъ, 4 ч. въ нед., по вторн. отъ
9—11 ч. и по четв. отъ 12—2 ч.

V. Физико-математическій факультетъ.

Докт. **В. Е. Тарасенко**, орд. проф. минералогіи, Деканъ: 1) кристал-
лографія, 4 ч. въ нед., по понед., сред., четв. и пятн. отъ
1—2 ч.; — 2) коллоквиумъ по кристаллографіи
(необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назна-

чены в послѣдствіи; — 3) петрографія, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 1—2 ч. и по субб. отъ 11—12 ч.; — 4) практическія занятія по кристаллографіи (необязательно, безплатно), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч.

Докт. **Ю. Г. фонъ Кеннель**, орд. проф. зоологіи: 1) специальная зоологія, ч. II, сравнительная анатомія, эмбриологія и систематика безпозвоночныхъ животныхъ (продолженіе), 5 ч. въ нед., по понед., вторн., сред., четв. и пятн. отъ 12—1 ч.; — 2) практическія занятія по сравнительной анатоміи безпозвоночныхъ животныхъ (въ связи съ лекціями 4 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 4—6 ч.

Докт. **Б. И. Срезневскій**, орд. проф. физической географіи и метеорологіи: 1) метеорологія и физическая географія, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—1 и субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по метеорологіи, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч.; — 3) математическія дополненія къ общему курсу метеорологіи, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 5—6 ч.; — 4) атмосферное электричество и земной магнетизмъ, 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ в послѣдствіи.

Маг. **А. И. Садовскій**, испр. должн. орд. проф. физики: 1) общій курсъ физики, (вторая половина), 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 11—12 ч.; — 2) термодинамика (продолженіе для студентовъ математическаго и химическаго отдѣленій), 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 3) практическія занятія по физикѣ, 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены в послѣдствіи; — 4) физическая лабораторія (практическія занятія только для студентовъ математическаго отдѣленія группы В, числящихся на 6, 7 и 8-омъ семестрахъ), 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены в послѣдствіи.

Маг. **Н. И. Кузнецовъ**, исп. должн. орд. проф. ботаники: 1) систематика растений, 5 ч. въ нед., по четв. отъ 9—10 ч., по пятн. и субб. отъ 9—11 ч.; — 2) практическія занятія по систематикѣ растений, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 11—1 ч.; — 3) коллоквиумъ по ботаникѣ (необязательно, безплатно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 6—8 ч.

Докт. **В. Г. Алексѣевъ**, орд. проф. чистой математики, Проректоръ: 1) начертательная геометрія, 4 ч. въ нед., по сред. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) интегральное исчисленіе, ч. II, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 11—12 ч. и пятн. отъ 10—12 ч.; — 3) дифференціальныя уравненія съ частными производными, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 10—11 ч.

Докт. **П. П. Граве**, орд. проф. чистой математики: 1) аналитическая геометрія въ пространствѣ (окончаніе курса предыдущаго семестра), 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) дифференціальное исчисленіе (часть I) — аналитическія приложенія, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 10—11 ч.; 3) теорія

вѣроятностей и конечныхъ разностей, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг-нтъ **С. К. Богушевскій**, испр. должн. экстраорд. проф. сельскаго хозяйства и технологіи: 1) сельскохозяйственная экономія, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 12—2 ч.; — 2) почвовѣдѣніе (окончаніе, бесплатно), 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—1 ч.; — 3) коневодство (окончаніе, бесплатно), 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 1—2 ч.; 4) краткій курсъ лѣсоводства, 2 ч. въ нед., крторые будутъ назначены впоследствии.

Маг. **Г. В. Колосовъ**, экстраорд. проф. прикладной математики: 1) кинематика твердаго тѣла и динамика точки (1-я часть аналитической механики), 4 ч. въ нед., по вторн. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) динамика системъ точекъ и твердыхъ тѣлъ (2-я часть аналитической механики), 3 ч. въ нед., по сред. отъ 10—12 ч. и четв. отъ 11—1 ч

Докт. **К. К. Сентъ-Илеръ**, 1) а) курсъ сравнительной анатоміи и эмбриологіи безпозвоночныхъ животныхъ (продолженіе), 5 час. въ нед., по понед. и сред. отъ 10—12 ч. и по пятн. отъ 10—11 ч.; б) практическія занятія къ этому курсу, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии; — 2) практическія занятія по гистологіи животныхъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии; — 3) бесѣды по біологіи, (необязательно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 6—8 ч.; — 4) педагогической семинарій (необязательно), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.; — 5) практическія занятія по фізіологіи животныхъ, 4 ч. въ нед., (необязательно), время по соглашенію со слушателями.

Маг. **Г. П. Михайловскій**, экстраорд. проф. минералогіи: 1) курсъ общей геологіи (продолженіе, обязательно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 3—5 ч.; — 2) историческая геологія, 4 ч. въ нед., по сред. отъ 12—2 ч. и пятн. отъ 3—5 ч.; — 3) практическія занятія по палеонтологіи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 4—6 ч. (необязательно).

Маг. **К. Д. Покровскій**, экстраорд. проф. астрономіи: 1) общій курсъ астрономіи, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и субб. отъ 10—11 ч.; — 2) практическія упражненія по сферической астрономіи, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 10—12 ч.; — 3) практическая астрономія, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 11—12 и вторн. отъ 9—10 ч.; — 4) теоретическая астрономія, 2 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 5) коллоквиумъ по астрономіи (необязательно бесплатно) 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 7—8 ч. — 6) Основы высшего анализа (для химиковъ), 4 час. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг. **А. Д. Богоявленскій**, экстраорд. проф. химіи: 1) органическая химія, 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 10—11 ч.; — 2) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ приватъ-доцентами Г. А.

Ландезеномъ и Р. Ф. Холлманомъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. **А. И. Томсонъ**, доцентъ сельскаго хозяйства: 1) агрономическая химія, ч. II, 2 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) растеніеводство (продолженіе) 2 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 10—11 ч.; — 3) сельскохозяйственная технологія, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 10—11 ч.; — 4) практическія занятія въ лабораторіи, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. **Г. А. Ландезепъ**, привать-доцентъ химіи и помощникъ директора химическаго кабинета: 1) аналитическая химія 4 ч. въ нед., которые назначены вполсѣдствіи; — 2) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. А. Д. Богоявленскимъ и привать-доц. Р. Ф. Холлманомъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг-нтъ **Н. В. Култашевъ**, привать-доцентъ химіи и штатный ассистентъ минералогическаго кабинета: практическая минералогія, 2 ч. въ нед. Дни и часы будутъ назначены вполсѣдствіи.

Маг-нтъ **Р. Ф. Холлманъ**, привать-доцентъ химіи и лаборантъ химическаго кабинета: 1) электрохимія, 1 ч. въ нед., день и часть будутъ назначены вполсѣдствіи; — 2) газовый анализъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи; — 3) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. А. Д. Богоявленскимъ и привать-доц. Г. А. Ландезеномъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг-нтъ **Б. Б. Гриневецкій**, привать-доцентъ ботаники и помощникъ директора ботаническаго сада: 1) Анатомія растеній, 5 час. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи; 2) практическія занятія по анатоміи растеній, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч.

Маг-нтъ **В. А. Бородовскій**, привать доцентъ химіи, находится въ заграничной командировкѣ.

В. А. Несслеръ, инженеръ путей сообщенія, архитекторъ и преподаватель началъ архитектуры: начала сельскохозяйственной архитектуры, и сельскохозяйственнаго межеванія (съ практическими занятіями), 4 ч. въ нед.; дни и часы будутъ назначены вполсѣдствіи.

VI. Уроки по языкамъ и искусствамъ.

Маг. **Я. И. Лаутенбахъ**, лекторъ латышскаго языка и привать-доцентъ сравнительнаго языковѣднія: 1) латышская грамматика (синтаксисъ), 1 ч. въ нед., по понед. отъ 3—4 ч.; — 2) практическія занятія (репетиторій латышской морфологій, чтеніе и разборъ избранныхъ памятникоевъ латышской словесности, переводы и письменныя работы на латышскомъ языкѣ), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 3—5 ч.

Канд. **А. А. Саме**, лекторъ французскаго языка: 1) младшій курсъ (продолженіе), 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 7—8 ч.; — 3) чтеніе и переводъ избранныхъ разсказовъ Daudet (продолженіе), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 7—8 ч.; — 3) чтеніе Molière, le Tartufe (продолженіе), 1 ч. въ нед., по сред. отъ 7—8 ч.

Для обученія механическимъ работамъ предлагаетъ свои услуги испр. должн. университетскаго механика **Б. П. Шульце**.

VII. Принадлежація къ составу университета учебныя заведенія и музеи.

Въ клиникахъ будутъ обучать директоры оныхъ, а именно: въ медицинской проф. Дегіо, въ хирургической проф. Цеге фонъ Мантейфель, въ акушерской и гинекологической проф. Михновъ, въ офтальмологической проф. Евецкій, въ клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней проф. Чижъ, въ поликлиникѣ проф. Савельевъ и въ университетскомъ отдѣленіи городской больницы: въ хирургическомъ проф. Ростовцевъ и въ терапевтическомъ проф. Яроцкій.

Университетская бібліотека, которую завѣдываетъ въ качествѣ директора проф. Васильевъ, открыта въ теченіи семестра ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10—2 ч., а во время вакацій, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно отъ 12—2 ч.

Директоромъ музея изящныхъ искусствъ состоитъ проф. Крашенинниковъ, **музея отечественныхъ древностей** приватъ-доцентъ Шлютеръ, **астрономической обсерваторіи** проф. Покровскій, **фармацевтическаго института** проф. Кондаковъ, **химическаго кабинета** проф. Бегоявленскій, **физическаго кабинета** проф. Садовскій, **математическаго кабинета** проф. Колосовъ, **экономическаго кабинета и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи** проф. Богусевскій, **минералогическаго кабинета** проф. Тарасенко, **геологическаго кабинета** проф. Михайловскій, **зоологическаго музея** проф. фонъ Кеннель, **зоотомическаго кабинета** проф. Сентъ-Илеръ, **ботаническаго сада** проф. Кузнецовъ, **метеорологической обсерваторіи** проф. Срезневскій, **анатомическаго института** проф. Рауберъ, **института сравнительной анатоміи** проф. Поляковъ, **физиологическаго института** проф. Курчинскій, **патологическаго института** проф. Афанасьевъ, **гигіеническаго кабинета** проф. Шепилевскій, **фармакологическаго института** проф. Лавровъ, **судебно-медицинскаго института** проф. Игнатовскій, **коллекціи предметовъ по библейской и церковной археологіи** проф. Квачала,

статистическаго кабинета проф. Мукке, кабинета оперативной хирургіи проф. Ростовцевъ и коллекціи геометрическихъ моделей проф. Алексѣевъ.

Задачи для соисканія наградъ на 1909 годъ.

I. Отъ богословскаго факультета:

1. „Amphilochius von Ikonium“.
2. „Das christologische Problem in der neuesten evangelischen Theologie (nach Ritschl)“.
3. Проповѣдь на текстъ: „Ев. Лук. 5, 1—11“ (съ подробно основанною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозицію).

II. Отъ юридическаго факультета:

1. По уголовному праву: „Ошибка человека и ея значеніе при вѣненіи дѣянія этого лица ему въ вину“.
2. По церковному праву: „О Высочайше утвержденномъ при Святѣйшемъ Синодѣ особомъ Присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Всероссийскаго Собора“.

III. Отъ медицинскаго факультета:

1. „Исслѣдованіе памяти по методу Мюллера и Шумана“.
2. „Вліяніе лецитиновъ на дѣятельность вырѣзаннаго сердца животныхъ“.
3. „Кожная и глазная реакція туберкулина при бурчаткѣ у животныхъ и людей“.
4. Для соисканія медали Креславскаго: „Написать монографію о гликозидахъ, руководствуясь сочиненіемъ „Die Glykoside“. Dr. van Rijn. Berlin, 1900 г., съ прибавленіемъ новѣйшей литературы по этому вопросу“ (вторично).
5. Для соисканія медали князя Суворова: „Написать монографію о смолахъ, руководствуясь послѣднимъ изданіемъ изданія Tschirch „Die Harze und die Harzbehälter.“
6. Для соисканія медали Креславскаго: „Сдѣлать переводъ со втораго изданія сочиненія Dr. Georg Baumert „Lehrbuch der gerichtlichen Chemie“ 1907 г. Braunschweig.

На 1910 годъ.

Для соисканія медали князя Суворова: „Собрать данныя о фабрикаціи маселъ въ Россіи съ ука-

заніємъ примѣняемыхъ при этомъ приѣмовъ производства“.

IV. Отъ историко-филологическаго факультета:

1. Повсеобщей исторіи: „Происхожденіе пфальцграфствъ Германской имперіи“.
2. По русской исторіи: I. „Землевладѣніе и населеніе Тульского уѣзда въ концѣ XVI столѣтія“. II. „Судебная дѣятельность Могилевскаго магистрата въ первые годы послѣ введенія въ Могилевѣ Магдебургскаго права“.
3. По исторіи русской литературы: „Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго“ (вторично).
4. По исторіи славянскихъ литературъ: „Поэзія Залѣскаго и ея отношеніе къ народной малорусской поэзіи“ (вторично).

V. Отъ физико-математическаго факультета:

1. По механикѣ: „Теорія Гамильтона-Якоби о приведеніи интегрированія уравненій механики къ интегрированію уравненій съ частными производными“.
2. По астрономіи: „Движеніе солнечныхъ пятенъ по фотографическимъ снимкамъ“.
3. По геологіи: „Ислѣдовать измѣненіе фауны (напр. моллюсковъ) въ закрытомъ бассейнѣ подъ вліяніемъ измѣненій физико-географическихъ условій“.
4. По химіи: „Теплоты плавленія изомерныхъ органическихъ веществъ“.
5. По метеорологіи: „Разсмотрѣть новѣйшіе методы предвидѣнія погоды и разобрать подробно практическое примѣненіе одного изъ нихъ по синоптическимъ картамъ и таблицамъ европейскихъ бюллетеней“.
6. По зоологіи: „Объ иннерваціи железъ“.

сѣтъ, ячейки которой составляютъ сначала сообщающіяся между собой углубленія сердечной полости и бывають выстланы эндотелиемъ. Такое сѣтчатое строеніе сердечной стѣнки у рыбъ и амфибій сохраняется на всю жизнь. У выс-

Рис. 1032.

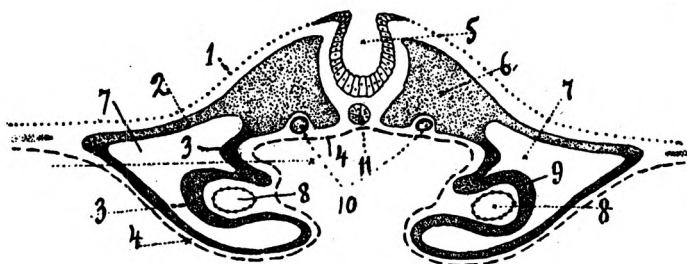
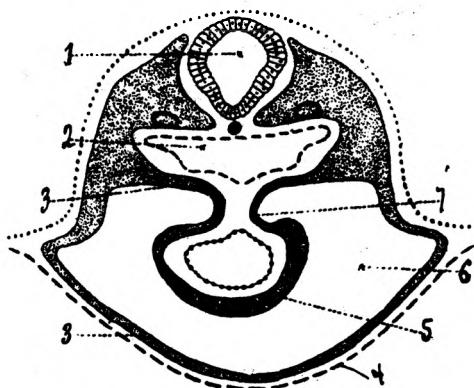

Рис. 1032. Поперечное сѣченіе тѣла зародыша кролика для показанія развитія сердца: 1 — эктодерма; 2 — соматоплевра; 3 — спланхноплевра; 4 — энтодерма; 5 — мозговая бороздка; 6 — мезодерма первичнаго позвонка; 7 — мезодермная полость тѣла (*cavum parietale*); 8 — сердечная трубка; 9 — сердечная складка спланхноплекры; 10 — аорты; 11 — спинная струна; мѣсто, гдѣ стоитъ знакъ 11 — полость головной кишки (*Strahl*).

Рис. 1033.

Рис. 1033. Поперечное сѣченіе тѣла зародыша кролика черезъ сердечную трубку; развитіе сердца: 1 — мозговая трубка; 2 — головная кишка; 3 — спланхноплевра; 4 — энтодерма; 5 — мезодермная сердечная трубка, а внутри ея эндотельная трубка; 6 — околосердечная полость; 7 — сердечная связка — мезокардь — *mesocardium* (*Strahl*).

шихъ позвоночныхъ пучки мышечныхъ волоконъ постепенно утолщаются и разрастаются, начиная снаружи внутрь; при этомъ они заполняютъ полости ячеекъ, превращая сѣтчатое строеніе сердечной мышцы въ плотное. Только въ самомъ внутреннемъ слѣѣ остаются углубленія, а мышечные пучки

располагаются въ перекладины, образующія гребенчатая и сосочковыя мышцы (*musculi pectinati et papillares*).

Сердечная трубка, образуемая изъ сблизившихся и сросшихся на срединной линіи двухъ боковыхъ зачатковъ, не долго остается въ прямомъ вертикальномъ положеніи.

Рис. 1034.

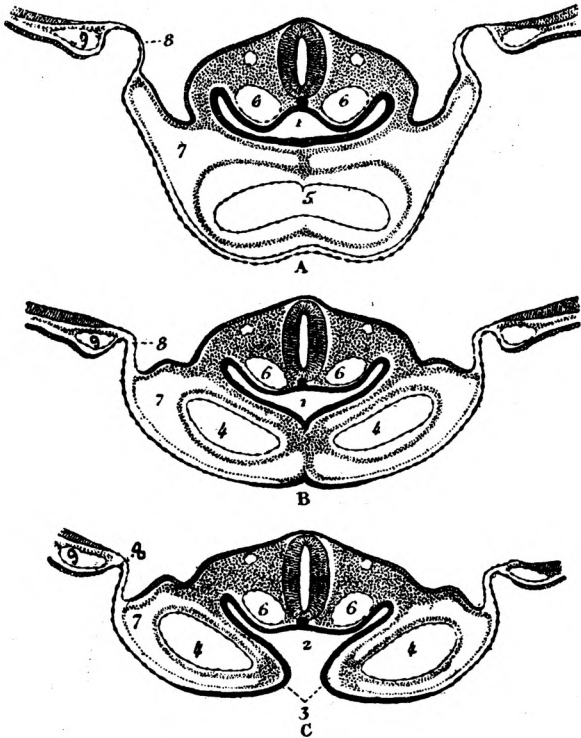

Рис. 1034. Три поперечныхъ сѣченія тѣла зародыша кролика (210 часовъ) проходящихъ А выше В, В выше С чрезъ нижній конецъ сердечной складки и показывающихъ способъ образования сердца чрезъ срастаніе сверху внизъ двухъ боковыхъ сердечныхъ трубокъ, соприкасающихся на срединной линіи: 1 — головная кишка; 2 — кишечная бороздка; 3 — рога сердечной складки; 4 — боковые зачатки сердца; 5 — сердечная трубка; 6 — аорты; 7 — мезодермная краевая полость (*savum parietale*); 8 — складка водной оболочки (*amnion*); 9 — желточная вена.

Увеличеніе 60 (Tourneux).

Еще раньше, чѣмъ закончится сращеніе двухъ зачатковъ, сердечная трубка изгибается впередъ и изогнутая часть слегка расширяется. Когда этотъ изгибъ, сопровождаемый быстрымъ удлиненіемъ сердечной трубки, закончится, сердце принимаетъ форму (ω) лежащей буквы S, передній конецъ которой направленъ вверхъ и вправо, а задній конецъ внизъ и влѣво. Въ это время сердечная трубка въ своей длинѣ

Рис. 1035. Продольное стрѣловидное сѣчение головного конца зародыша кролика (209 часовъ): 1 — мозговая трубка; 2 — головной слѣпой мѣшокъ первичной кишки; 3 — головная часть полости водной оболочки (proamnion); 4 — боковая мезодермная полость (cavum parietale); 5 — передняя складка водной оболочки (proamnion); 6 — трубка сердца; 7 — сердечная складка спланхноплевры; 8 — глоточная перепонка (membrana pharyngealis); 9 — переднее отверстие мозговой трубки (neuroporus anterior); 10 — энтодерма; 11 — соматоплевра. Увеличение 30 (Tourneux).

Рис. 1035.

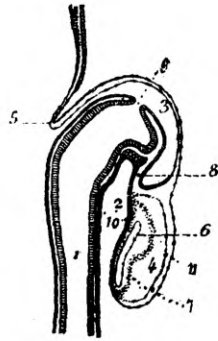

Рис. 1036.

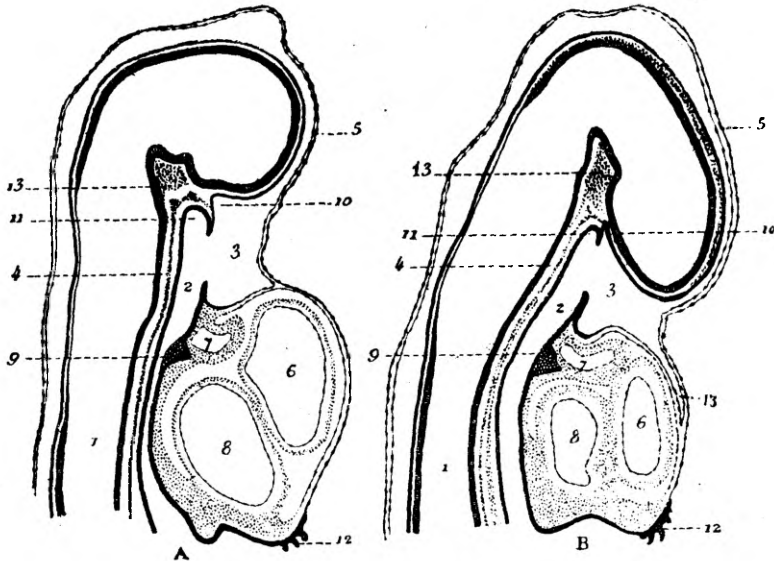

Рис. 1036. Продольное стрѣловидное и осевое сѣчение головного конца зародыша кролика (216 часовъ) — А и В — (224 часовъ): 1 — мозговая трубка; 2 — головная кишка сообщается посредствомъ отверстія, образовавшагося въ двухлистковой глоточной перепонкѣ, съ носоротовой ямкой — 3; 4 — спинная струна; 5 — proamnion; 6 — желудочекъ сердца; 7 — аортное расширение; 8 — сердечное ушко или предсердіе; 9 — зачатокъ легкиихъ; 10 — слѣпой мѣшокъ Rathke; 11 — слѣпой мѣшокъ Seessel'a; 12 — ворсинки желточного протока; 13 — средняя пластинка черепа; 15 — вѣдреніе эктодермы между спланхноплеврой извнутри и энтодермой снаружи для образованія зачатка передней грудной стѣвки. Увеличение 30 (Tourneux).

представляет три расширенных части, разделенных двумя суженными частями. Наибольшее сужение находится в задней ветви, представляя собою ушковый каналъ (canalis auricularis), отдѣляющій венную часть сердца (заднюю

Рис. 1037.

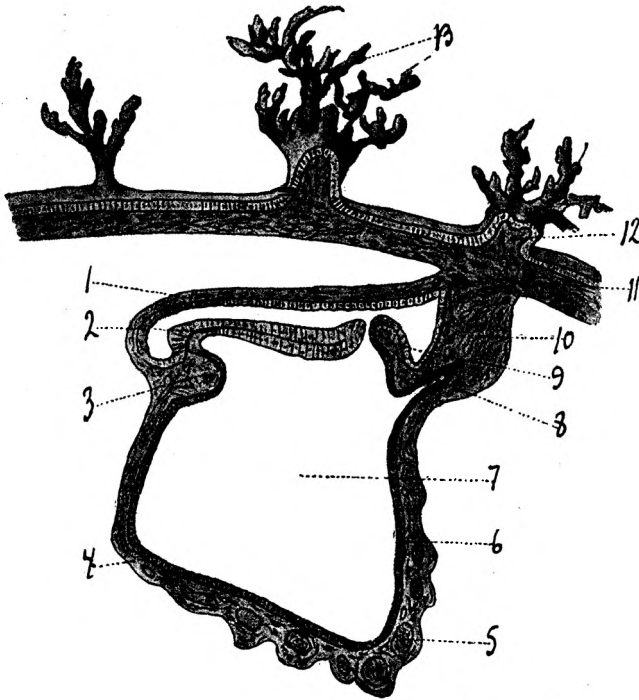

Рис. 1037. Продольно-срединное сѣчение зародыша чловѣка длиною въ 2 миллиметра: 1 — водная оболочка плода (amnion); 2 — мозговая пластинка; 3 — сердечная складка; 4 — мезодерма; 5 — кровеносные сосуды; 6 — энтодерма; 7 — желточный мѣшокъ; 8 — выпячиваніе зачатка первичнаго мочевого пузыря; 9 — первичная линия, а за ней нервнокишечный каналъ; 10 — пупочный канатикъ; 11 — мезодерма; 12 — ворсинчатая оболочка (chorion). Увеличеніе 30 (Graf Spee).

и нижнюю) отъ артерійной части (передней и верхней). Венная часть является въ видѣ первичнаго уха сердца и сообщается книзу съ венной пазухой посредствомъ суженнаго отверстія, ограниченнаго заслонкой (заслонка венной пазухи). На передней вѣтви сердечной трубки на-

ходится второе сужение, менѣе значительное чѣмъ ушковый каналъ. Это сужение — тѣсно на Haller'a (fretum Halleri). Она отдѣляетъ среднюю часть сердца (первичный желудочекъ) отъ верхней части, аортнаго расширения. Отъ этого расширения отходятъ кверху двѣ первичныхъ аорты или верхнія позвоночныя артеріи. Во время дальнѣйшаго развитія сердца желудочекъ опускается внизъ, а первичное ушко поднимается вверхъ и образуетъ два отростка — ушки (auriculi), обхватывающія спереди расширение аорты у зародыша длиною въ 4—5 миллиметровъ. Всѣ три части сердца постепенно располагаются въ одной вертикальной переднезадней плоскости. (Рис. 1038—1047.)

Рис. 1038.

Рис. 1038. Продольное сѣченіе 12-дневнаго зародыша человѣка длиною въ 2,15 миллиметра: 1 — глоточная перепонка (membrana pharyngealis); 2 — головная кишка; 3 — передняя кишка; 4 — задняя кишка; 5 — желточная ножка; 6 — носоротовая полость; 7 — печеночное выпячиваніе; 8 — желточный мѣшокъ; 9 — желточный протокъ; 10 — средняя кишка; 11 — протокъ первичнаго мочевого пузыря — allantois (W. His).

Раздѣленіе полостей сердца начинается съ ушка. На 4 недѣлѣ начинаетъ появляться углубленіе на наружной поверхности задневерхней стѣнки ушка въ видѣ вертикальной бороздки. На внутренней поверхности ей соотвѣтствуетъ также вертикальная пластинка, выступающая мало по малу въ полость ушка и направляющаяся къ передненижней стѣнкѣ (septum superius, His). Прямо кпереди эта пластинка прикрѣпляется къ стѣнкѣ ушка: внизу, въ области ушковаго канала, она встрѣчаетъ промежуточную пластинку

(septum intermedium, His), развивающуюся независимо от двух эндокардных выступов, вырастающих на передней и задней стѣнках ушковаго канала, и сливающуюся съ ней.

Рис. 1039.

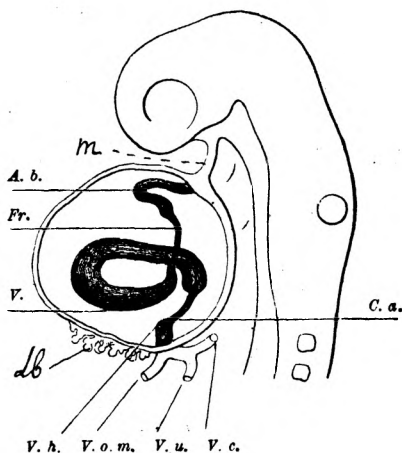
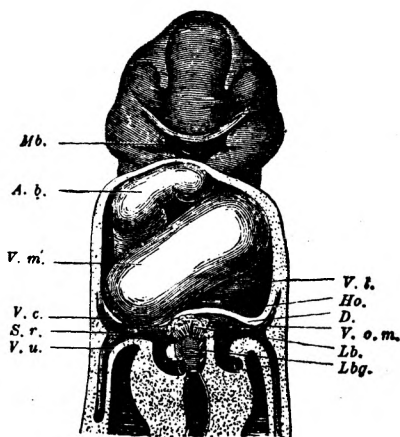

Рис. 1039. Продольный разръзъ человѣческаго зародыша длиною въ 2,15 миллиметровъ; видъ слѣва эпителиальной части сердца: A. b. — аортное расширение; Fr. — fretum Halleri; V. — желудочекъ сердца; C. a. — каналъ ушка сердца; V. h. — предсердіе; V. o. m. — желточно-брыжжеечная вена; V. u. — пупочная вена; V. c. — желточная вена; m — глоточная перепонка; Lb — зачатокъ печени. Увеличеніе 40 (W. His).

Рис. 1040. Расположеніе сердца и вей у человѣческаго зародыша длиною въ 2,15 миллиметра, видъ спереди: Mb. — носо-ротовая ямка; A. b. — аортное расширение (bulbus aortae); V. m. — средняя часть желудочка сердца; V. c. — верхняя полая вена; V. u. — пупочная вена (vena umbilicalis); V. o. m. — желточно-брыжжеечная вена; S. r. — соединительная венная пауза — sinus reunions; V. l. — лѣвая половина желудочка сердца; Ho. — предсердіе; D. — поперечная перегородка (septum transversum); Lb. — зачатокъ печени; Lbg. — печеночный протокъ. Увеличеніе 40 (W. His).

Рис. 1040.

Такимъ образомъ полость первичнаго ушка является раздѣленной на двѣ вторичныя полости: правое и лѣвое ушко. (Рис. 1048—1050.) Промежуточная перегородка раз-

Рис. 1041.

Рис. 1041. Расположение эндотельнаго сердца (безъ мышечнаго слоя) и вень у зародыша челоуѣка длиною въ 2,15 миллиметра; видъ спереди: 1,2 — первая и вторая жаберныя дуги; Но — предсердіе; V. m — средняя часть желудочка сердца. Увеличеніе 40 (W. His).

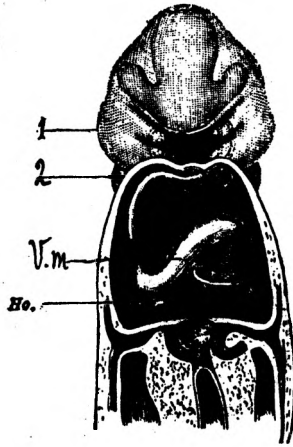

Рис. 1042.

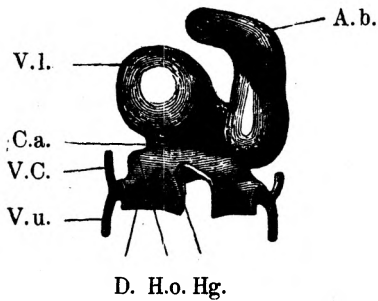
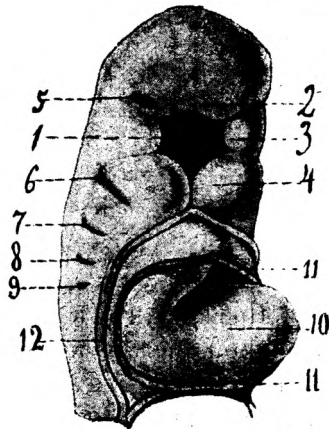

Рис. 1042. Сердце челоуѣческаго зародыша длиною въ 2,15 миллиметра и вены; видъ сзади: A. b. — аортное расширеніе; V. l. — лѣвая часть желудочка сердца; C. a. — ушковый каналъ; Н. о. — ушко сердца; Нг. — задняя подвѣшивающая сердце связка; D. — поперечная перегородка полости тѣла (diaphragma); V. c. — верхняя полая вена; V. u. — пупочная вена. Увеличеніе 40 (W. His).

Рис. 1043.

Рис. 1043. Головная половина зародыша челоуѣка длиною въ 4,2 миллиметра; видъ спереди: 1 — носоротовая ямка; 2 — лобный отростокъ; 3 — верхняя челюсть; 4 — нижняя челюсть; 5 — носовая щель; 6, 7, 8, 9 — соответственно 1, 2, 3, 4 наружныя жаберныя бороздки; 10 — сердце; 11 — сердечная сорочка (pericardium); 12 — мѣсто заворота водной оболочки зародыша (amnion). Увеличеніе 30 (W. His).

горазживаетъ также и ушковый каналъ на два ушкожелудочковья отверстія: правое и лѣвое. Боковыя части эндокарднаго выступа, не участвующія въ построении промежуточной перегородки образуютъ потомъ ушкожелудочковья заслонки.

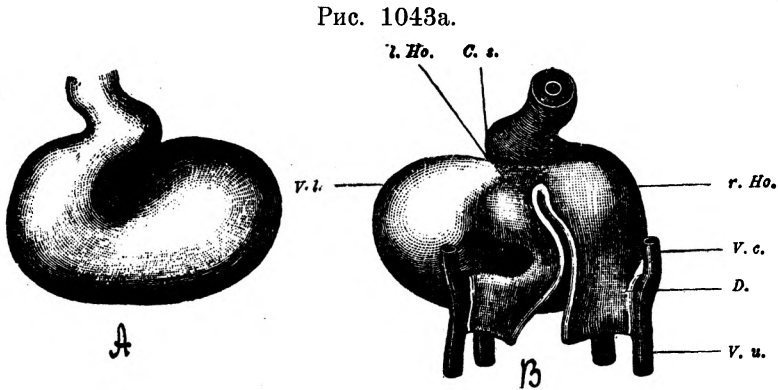

Рис. 1043а. Сердце челоѣческаго зародыша длиною въ 4,2 миллиметра: А — видъ спереди; В — видъ сзади: С. а. — аортное расширеніе; l. Ho. — лѣвое ушко сердца; r. Ho. — правое ушко сердца; V. l. — лѣвая часть желудочка сердца; V. c. — верхняя полая вена; V. u. — пупочная вена; D. — поперечная перегородка полости тѣла. Увеличеніе 40 (W. His).

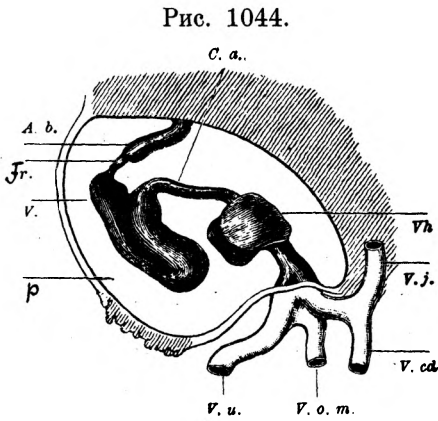

Рис. 1044. Эпителиная трубка сердца челоѣческаго зародыша длиною въ 4,2 миллиметра длиною: А. б. — аортное расширеніе; Fr. — fretum Halleri; v. — желудочекъ сердца; С. а. — ушковый каналъ; Vh — предсердіе; V. u. — пупочная вена; V. o. m. — желточно-брыжжеечная вена; V. cd — кардинальная вена; V. j. — яремная вена; P — полость околосердечной сумки. Увеличеніе 40 (W. His).

Прежде, чѣмъ верхняя перегородка дойдетъ до промежуточной, между ними имѣется отверстіе, извѣстное подъ названіемъ перваго отверстія (*ostium primum*). Это отверстіе исчезаетъ послѣ срастанія перегородокъ. Въ то

же время надъ нимъ появляется вторичное отверстие въ межущковой перегородкѣ, образующее овальное отверстие (foramen ovale s. Botali). Задній край этого отверстия,

Рис. 1045.

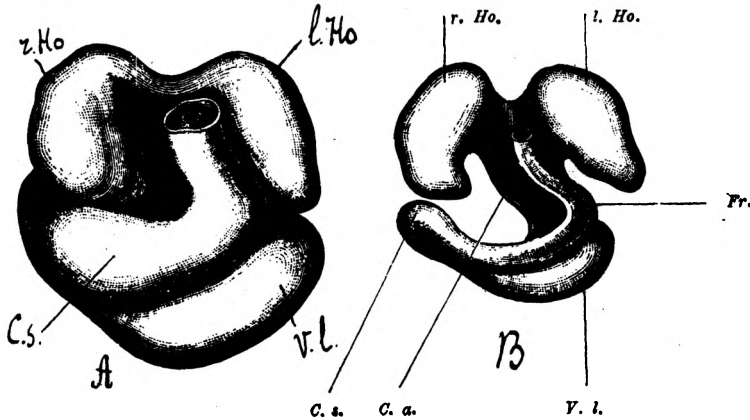
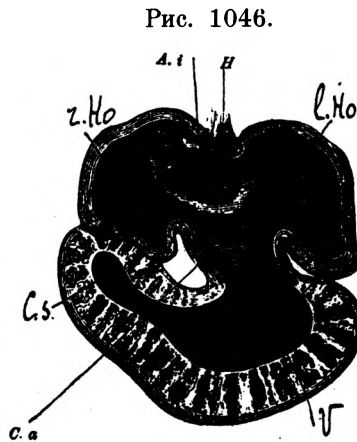

Рис. 1045. Сердце человѣческаго зародыша длиною въ 4,25 миллиметра: А — мышечное, В — эндотельное сердце: г. Но. — правая, л. Но. — лѣвая полость предсердія; V. l. — лѣвый желудочекъ; С. s. — аортное расширение; С. а. — ушковый каналъ; Fr. — fretum Halleri. Увеличеніе 40 (W. His).

Рис. 1046. Задняя стѣнка сердца человѣческаго зародыша длиною въ 4,25 миллиметра: V — желудочекъ сердца; С. s. — аортное расширение; С. а — ушковый каналъ; г. Но — правая, л. Но — лѣвая часть полости предсердія; А. і — выступающая въ полость часть задней стѣнки предсердія, раздѣляющая всю полость его на правую и лѣвую части; это разграничивающая площадка — *area interposita*; Н — задняя поддерживающая связка сердца (*mesocardium*). Увеличеніе 40 (W. His).

вогнутый впередъ, утонченъ; это — заслонка овальнаго отверстия, которая при дальнѣйшемъ развитіи бываетъ отодвинута токомъ крови, нижней полой вены и

Рис. 1047.

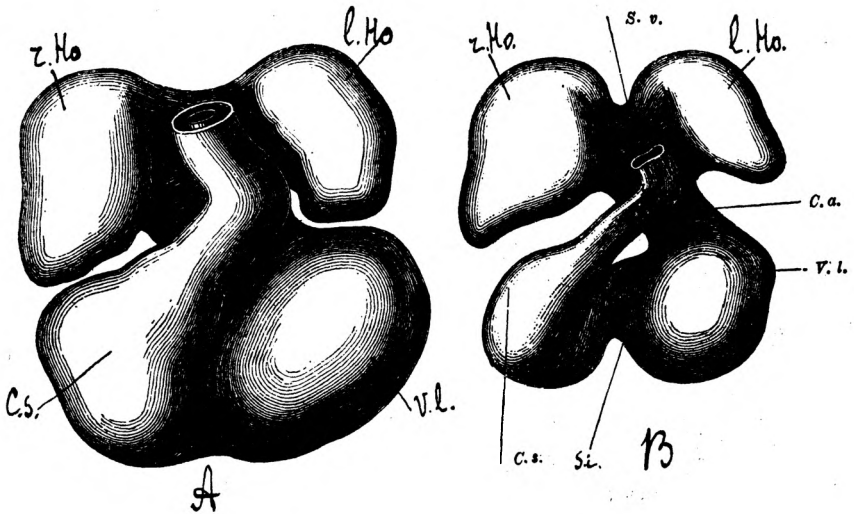

Рис. 1047. Сердце человеческого зародыша длиною въ 5 миллиметровъ: А — мышечное, В — эндотельное сердце: г.Но. — правая, л.Но. — лѣвая полость предсердія; V.l. — лѣвый желудочекъ; C.s. — аортное расширение; C.a. — ушковый каналъ; S.i. — мѣсто образованія внутри нижней перегородки въ полости желудочка; S.v. — венная пазуха предсердія (sinus vestibuli). Увеличеніе 40 (W. His).

Рис. 1048.

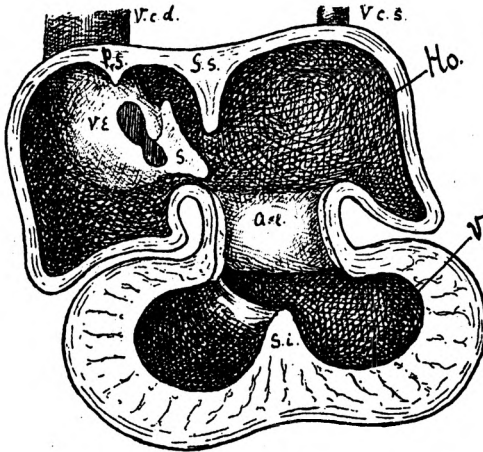

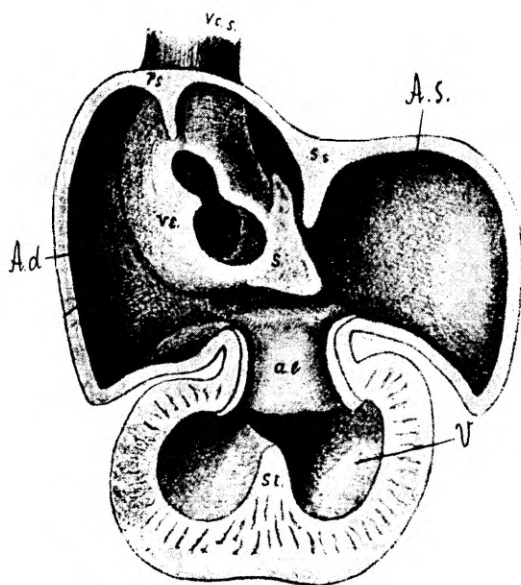
Рис. 1048. Сердце человеческого зародыша длиною въ 7,5 миллиметра, перерѣзанное на переднюю и заднюю половины; видъ задней половины: V. c. d. — правая, V. c. s. — лѣвая верхняя полая вена; Но. — полость предсердія; V — полость желудочка сердца; A. l. — предсердно-желудочковое отверстіе; S. s. — верхняя перегородка; S. i. — нижняя перегородка; P. s. — ложная перегородка; S — выступъ задней стѣнки предсердія (spina vestibuli); V. E. — заслонки Eustachi. Увеличеніе 36 (W. His).

выпячивается въ полость лѣваго ушка. Передній болѣе толстый край образуетъ заслонку Vieussen'a.

Правая и лѣвая заслонки, ограничивающія отверстие изъ венной пазухи въ первичное ушко, срастаются своими верхними краями и продолжаются выпячивающеюся на внутренней поверхности полости ушка пластинкой, известной подъ названіемъ ложной ушковой перегородки (*septum spurium*, His).

Рис. 1049. Задняя половина сердца чело-вѣческаго зародыша длиною въ 10 миллиметровъ: V. c. s. — верхняя полая вена; A. d. — правое предсердіе; A. s. — лѣвое предсердіе; V — полость желудочка сердца; a. l. — предсердно-желудочковое отверстие (*ostium atrio-ventriculare*); Ss — верхняя перегородка; Si — нижняя перегородка; Ps — ложная перегородка; S — выступъ задней стѣнки предсердія; VE — заслонка Eustachi. Увеличеніе 32 (W. His).

Рис. 1049.

Мало по малу венная пазуха у зародыша длиною въ 10 миллиметровъ исчезаетъ, участвуя въ образованіи праваго ушка, именно его задненижней стѣнки, лишенной гребенчатыхъ мышцъ. Верхняя и нижняя полая вены а также вѣнечная теперь открываются отдѣльными отверстиями внутрь ушка. (Рис. 1051, 1052.) Лѣвая изъ двухъ заслонокъ, ограничивавшихъ отверстие венной пазухи, исчезаетъ, а правая отчасти остается въ видѣ заслонокъ у отверстій нижней полой вены (*valvula Eustachi*) и вѣнечной вены (*valvula Thebesi*). Края этой заслонки (*valvula Eustachi*) продолжаютъ отъ нижняго края отверстия нижней полой

вены къ переднему краю овальнаго отверстія (*valvula Vieuseni*). Она ограничиваетъ бороздку, по которой кровь изъ нижней полвой вены, т. е. изъ дѣтскаго мѣста, направляется прямо въ лѣвое ушко чрезъ овальное отверстіе.

Рис. 1050.

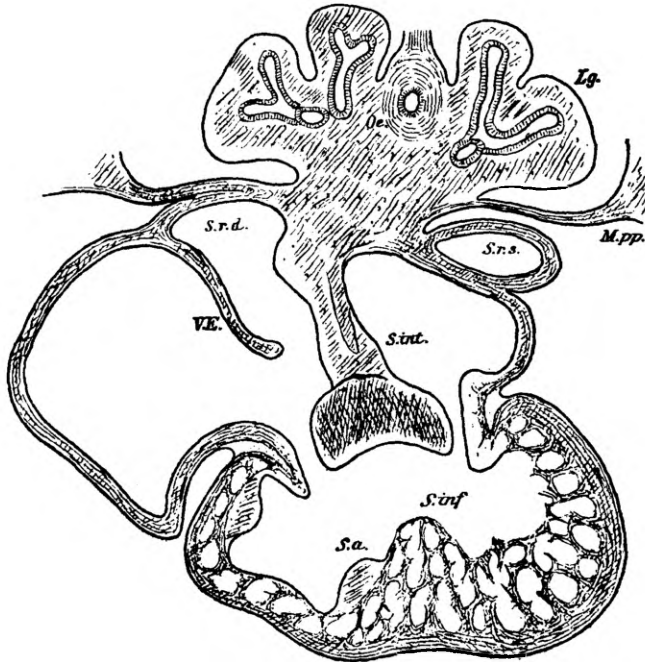

Рис. 1050. Продольное сѣченіе сердца зародыша чловѣка длиною въ 8,5 миллиметра: *Oe* — пищеводъ; *Lg* — легкія; *M. pp.* — плевроперикардная перепонка; *S. r. d.* — правая, *S. r. s.* — лѣвая вѣтвь веной пазухи (*sinus reuniens*); *V. E.* — заслонка *Eustachi*; *S. int.* — промежуточная перегородка (*septum intermedium*); *S. inf.* — нижняя перегородка; *S. a.* — аортная перегородка. Увеличеніе 36 (*W. His*).

Лѣвое ушко вначалѣ имѣетъ только одинъ тонкій протокъ — общій стволъ четырехъ легочныхъ венъ, открывающихся въ сосѣдствѣ съ междушковой перегородкой. Потомъ общій стволъ уничтожается вслѣдствіе перехода его составныхъ элементовъ въ построение стѣнки ушка, какъ равно элементы веной пазухи переходятъ въ составъ праваго ушка. Въ это время четыре легочныхъ вены по двѣ съ каждой стороны открываются непосредственно въ лѣвое ушко.

Немного спустя, въ концѣ перваго мѣсяца начинается раздѣленіе желудочка и заканчивается въ началѣ 8 недѣли. Отъ нижней и задней стѣнокъ желудочка поднимается перегородка (*septum inferius*, His), которая разрастается назадъ навстрѣчу промежуточной перегородкѣ и впередъ къ расширенію аорты навстрѣчу перегородкѣ аортнаго расширенія (*septum aorticum*). Мѣсто этой перегородки снаружи отмѣчается небольшой межжелудочковой бороздкой. (Рис. 1053 и см. рис. 1047—1050.)

Рис. 1051.

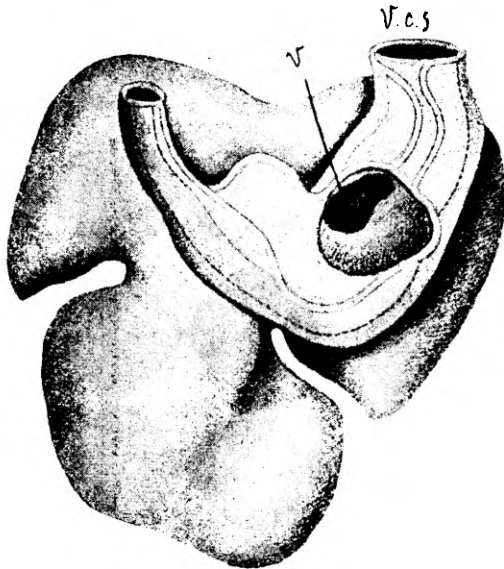

Рис. 1051. Сердце человеческого зародыша длиною въ 10 миллиметровъ, видимое сзади; пунктиромъ обозначена соединительная венная пазуха (*sinus reuniens* s. *ductus Cuvieri*): V. c. s. — верхняя полая вена; V — отверстіе изъ венозной пазухи въ полость предсердія. Увеличеніе 32 (W. His).

Вслѣдствіе сращенія нижней перегородки съ промежуточной въ области ушковаго канала полость первичнаго желудочка раздѣляется на двѣ желудочковыя полости: правую и лѣвую, находящіяся въ связи съ соответственными ушковыми полостями чрезъ посредство ушкожелудочковыхъ отверстій (*ostium atrio-ventriculare*).

Въ это время нисходящая отъ аортнаго расширенія перегородка (*septum aorticum*) еще не соединилась съ восходящей перегородкой желудочка и промежуточной перегородкой предсердія; поэтому еще въ теченіи нѣкотораго времени полости желудочковъ сообщаются между собой

посредствомъ маленькаго отверстія, имѣющагося между краями аортной перегородки и нижней межжелудочковой перегородки. (Рис. 1054.) Это — межжелудочковое отверстие (ostium interventriculare), которое у рептилій подь названіемъ отверстія Раницца (foramen Panizzae) остается на всю жизнь.

Рис. 1052.

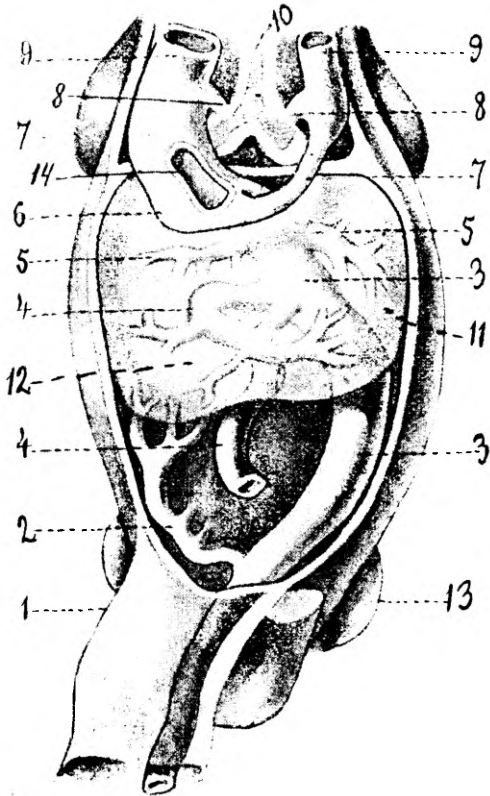

Рис. 1052. Человѣчскій зародышъ длиною въ 10 миллиметровъ со срѣзанной передней стѣнкой и сердцемъ для обнаруженія распределенія системы венъ печени и сердца: 1 — пупочный канатикъ; 2 — правая, 3 — лѣвая пупочныя вены; 4 — воротная вена; 5 — печеночная вена; 6 — венная пазуха сердца; 7 — венный протокъ Cuvier (ductus Cuvieri); 8 — кардинальная вена; 9 — первичная яремная вена; 10 — зачатокъ легкихъ; 11, 12 — печень; 13 — конечность, нижняя; 14 — отверстие ведетъ въ правое предсердіе срѣзаннаго сердца. Увеличеніе 18 (W. His).

Образованіе аортной перегородки начинается съ уплощенія аортнаго расширенія (bulbus aortae). Потомъ на его стѣнкахъ появляются продольные выступы эндокарда, растущіе одинъ на встрѣчу другому до полнаго соединенія и срастанія. Это срастаніе начинается съ верхней части въ области угла соединенія четвертой и пятой лѣвыхъ аортныхъ дугъ и продолжается внизъ. Послѣ образованія перегородки

Рис. 1053.

Рис. 1053. Продольное сечение сердца зародыша человека длиной в 13,6 миллиметра: Ое. — пищеводъ; Вр. — бронхъ легкихъ; S. r. d. — правая, S. r. s. — левая вѣтвь веной пазухи сердца; VE — заслонка Eustachi; R. V. — правое, L. V. — левое предсердіе; S. int — промежуточная перегородка; S. inf. — нижняя перегородка. Увеличение 36 (W. His.)

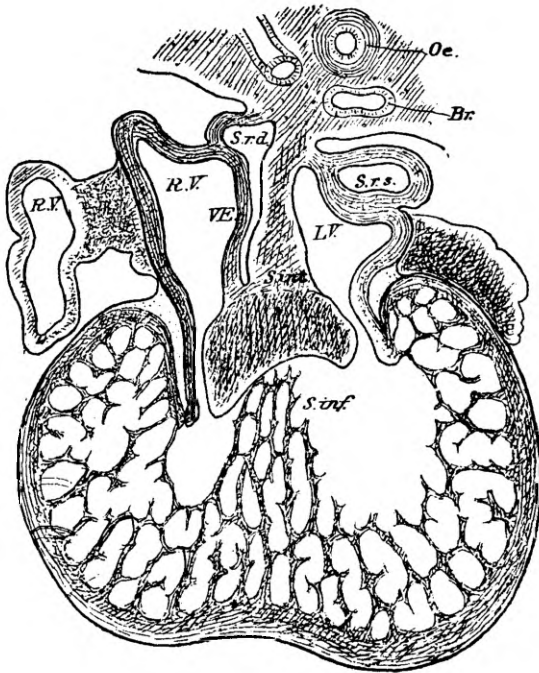

Рис. 1054.

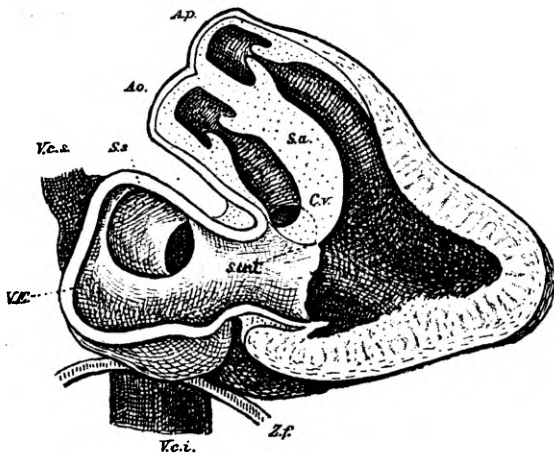

Рис. 1054. Продольное сечение спереди назад (сагитальное) сердца зародыша человека длиной в 13,8 миллиметра; пунктиромъ обозначена кривая линия — верхній край нижней перегородки сердца: V. c. s. — верхняя, V. c. i. — нижняя полая вена; V. E. — заслонка Eustachi; S. s. — верхняя перегородка; S. int. — промежуточная перегородка; S. a. — перегородка аортнаго расширения; Ao. — аорта; A. p. — легочная артерія; C. v. — межжелудочковое отверстие (ostium interventriculare) надъ нижней перегородкой, посредствомъ котораго аорта соединяется съ полостью праваго и лѣваго желудочка, здѣсь сѣзаннаго. Увеличение 20 (W. His.)

по всей длинѣ аортнаго расширения она продолжается въ полость желудочка и соединяется съ передней частью верхняго края межжелудочковой перегородки, закрывая при этомъ межжелудочковое отверстие.

Эта перегородка образуетъ перепончатую часть межжелудочковой перегородки взрослого.

Она разгораживаетъ аортное расширение на двѣ трубки, изъ которыхъ передняя соединяется съ правымъ желудочкомъ внизу и съ пятой лѣвой аортной дугой вверху; это — легочная артерія. Задняя трубка внизу сообщается съ лѣвымъ желудочкомъ, а вверху съ четвертой аортной дугой обѣихъ сторонъ; это — восходящая аорта.

Полулунныя заслонки развиваются у основанія аортнаго расширения изъ эндокарда въ количествѣ четырехъ. Но потомъ аортная перегородка опускаясь раздѣляетъ противолежащія боковыя заслонки на двѣ части каждую; поэтому въ аортѣ и легочной артеріи имѣется по три заслонки. (Рис. 1055—1057.)

Рис. 1055.

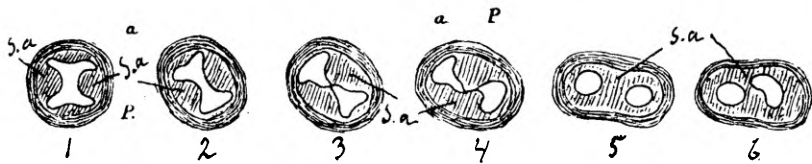

Рис. 1055. Поперечныя сѣченія аортнаго расширения сердца человѣческаго зародыша длиною въ 11,5 миллиметра: 1 — сѣченіе аортнаго расширения, прилегающее къ выходу изъ желудочка; 2, 3, 4, 5 — промежуточные послѣдовательныя сѣченія кнаружи; 6 — сѣченіе аортнаго расширения около передней кишки; а — аортный ходъ; Р — ходъ легочной артеріи; S. a. — перегородка аортнаго расширения. Увеличение 20 (W. His).

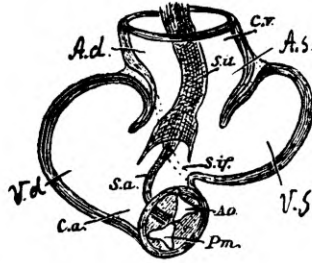
Рис. 1056.

Рис. 1056. Схема образования трехстворчатыхъ полулунныхъ клапановъ аорты и легочной артеріи (В) изъ одного четырехстворчататаго клапана аортнаго расширения (А): р — легочная артерія; а — аорта (Gegenbaur).

Рис. 1057. Схема раздѣленія полостей сердца и аортнаго расширения перегородками: C. v. — венное расширение (conus venosus); C. a. — аортное расширение (conus arteriosus); S. it — промежуточная перегородка предсердій; S. if. — нижняя перегородка; S. a. — перегородка аортнаго расширения; Ao. — аорта; Pm. — легочная артерія; A. d. — правое, A. s. — лѣвое предсердіе; V. d. — правый, V. s. — лѣвый желудочекъ (W. His).

Рис. 1057.

ж. Устройство кровообращенія у зародыша ко времени рожденія.

Зародышъ до самаго рожденія получаетъ смѣшанную артеріюную кровь съ венной, такъ какъ у него существуютъ сообщенія между стволомъ легочной артеріи и нисходящей аортой посредствомъ артеріянаго протока (ductus arteriosus Botali), а также между ушковыми полостями, т. е. полостями предсердій посредствомъ овальнаго отверстія (foramen ovale s. Botali). Кровь изъ сосудовъ дѣтскаго мѣста, насыщенная кислородомъ и питательными веществами по пупочнымъ венамъ достигаетъ до тѣла зародыша. Въ области печени эта кровь можетъ направляться или прямо чрезъ венный протокъ Arantius'a въ нижнюю полую вену или попадаетъ въ нее только чрезъ посредство системы воротной вены и печеночной вены. Въ нижней полой венѣ эта артеріяная кровь смѣшивается съ венной кровью тѣла зародыша. (Рис. 1058.)

Потомъ изъ нижней полой вены она поступаетъ въ полость праваго ушка сердца или предсердія. Здѣсь, благодаря заслонкѣ Eustachius'a, которая составляетъ продолженіе нижняго края отверстія нижней полой вены въ полости ушка до овальнаго отверстія въ междушковой перегородкѣ, кровь по образованной этой заслонкой бороздкѣ проникаетъ чрезъ овальное отверстіе въ полость лѣваго ушка. Отсюда она проходитъ въ лѣвый желудочекъ и поступаетъ въ аорту, распространяясь далѣе по всему тѣлу.

Артеріи, снабжающія кровью голову и верхнія конечности, берущія начало выше артеріянаго протока, соеди-

носящего легочную артерию съ нисходящей аортой, приносятъ болѣе чистую артерійную кровь. Такимъ образомъ къ артерійной крови дѣтскаго мѣста присоединяется венная кровь нижней полой вены, небольшая часть венной крови верхней полой вены въ полости праваго ушка и венная кровь легочныхъ венъ въ полости лѣваго ушка. (Рис. 1059.)

Рис. 1058.

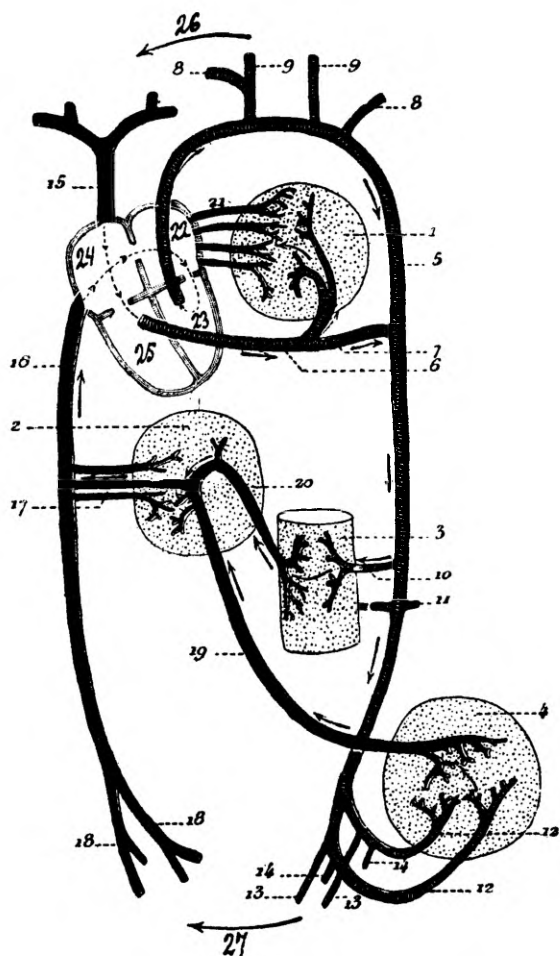

Рис. 1058. Схема кровообращенія у плода передъ рожденіемъ: 1 — легкое; 2 — печень; 3 — кишечникъ; 4 — дѣтское мѣсто; 5 — аорта; 6 — легочная артерія; 7 — артерійный протокъ (Botal); 8 — подключичная артерія; 9 — общая сонная артерія; 10 — верхняя брыжжеечная артерія; 11 — почечная артерія; 12 — пупочныя артеріи; 13 — наружная подвздошная артерія; 14 — внутренняя подвздошная артерія; 15 — верхняя полая вена, образовавшаяся изъ соединившихся праваго и лѣваго плечеголовныхъ вѣнныхъ стволовъ; 16 — нижняя полая вена; 17 — печеночныя вены и среди нихъ вѣнный протокъ Arantius'a; 18 — общая подвздошная

вена; 19 — пупочная вена; 20 — воротная вена; 21 — легочныя вены; 22 — лѣвое предсердіе; 23 — лѣвый желудочекъ; 24 — правое предсердіе; 25 — правый желудочекъ; 26 — сѣтъ кровеносныхъ сосудовъ головной части; 27 — сѣтъ кровеносныхъ сосудовъ задней части тѣла (Tourneux).

Рис. 1059.

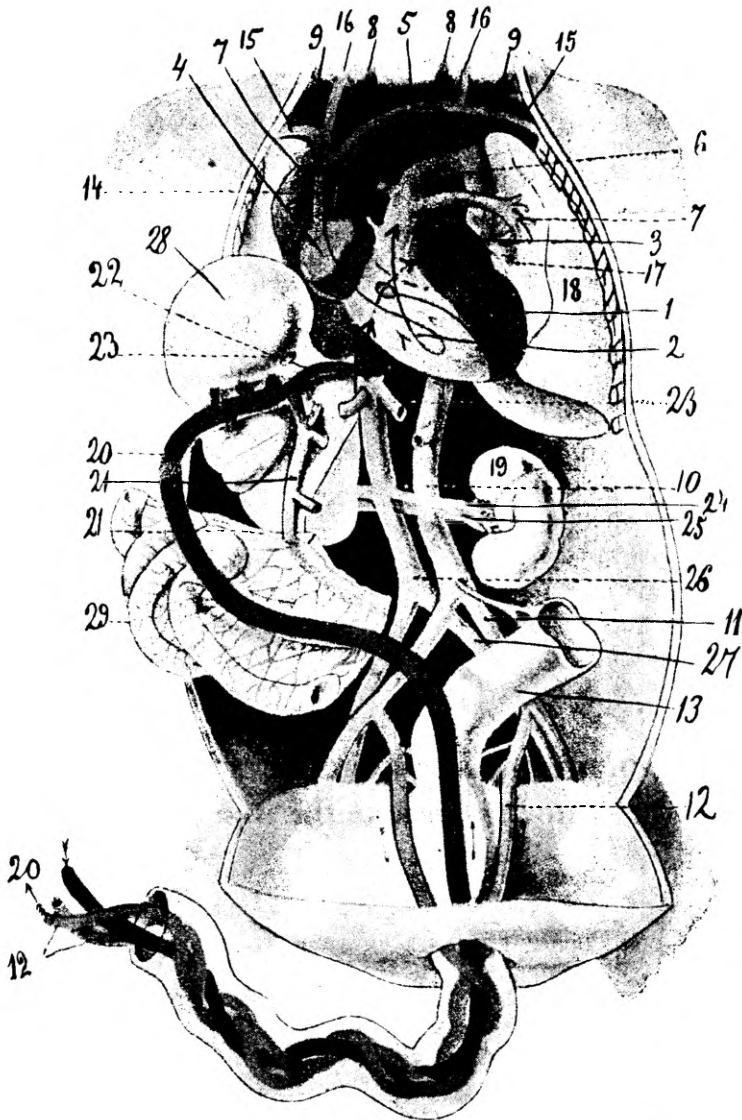

Рис. 1059. Кровообращение плода передъ рождениемъ: 1 — лѣвый желудочекъ сердца; 2 — правый желудочекъ; 3 — лѣвое предсердіе; 4 — правое предсердіе; 5 — дуга восходящей аорты; 6 — артерійный протокъ (Botal); 7 — лѣвая легочная артерія; 8 — общая сонная артерія; 9 — подключичная артерія; 10 — нисходящая аорта; 11 — общая подвздошная артерія; 12 — пупочная артерія; 13 — толстая кишка; 14 — верхняя полая вена;

15 — подключичная вена; 16 — яремная вена; 17 — лѣвая легочная вена; 18 — легкое; 19 — почка; 20 — пупочная вена; 21 — воротная вена; 22 — венный протокъ (Arantius); 23 — печеночная вена; 24 — почечная вена; 25 — почечная артерія; 26 — нижняя полая вена; 27 — общая подвздошная вена; 28 — печень; 29 — кишечникъ; O — пупочный канатикъ (пуповина), содержащій двѣ пупочныя артеріи и одну пупочную вену; стрѣлки показываютъ движеніе крови изъ плода въ дѣтское мѣсто и отъ него къ плоду (Kollmann).

Въ то же время почти вся кровь изъ верхней полой вены, благодаря заслонкѣ Eustachius'a, направляется въ правый желудочекъ и изъ него по легочнымъ артеріямъ отчасти въ легкія, а главной массой чрезъ артеріальный протокъ (ductus arteriosus Botalli) въ нисходящую аорту, значительно увеличивая въ ней количество венной крови, разносимой по остальной части тѣла зародыша.

Къ дѣтскому мѣсту кровь направляется изъ аорты по пупочнымъ артеріямъ.

Вслѣдствіе болѣе изобильнаго питанія верхняя часть тѣла зародыша, какъ это наблюдается, быстрѣе развивается, чѣмъ нижняя.

3. Измѣненія въ устройствѣ кровообращенія послѣ рожденія плода.

Послѣ рожденія и перевязки пуповины кровь въ пупочныхъ артеріяхъ свертывается и онѣ постепенно зарастаютъ и превращаются въ шпурки, помѣщающіеся въ боковыхъ пупочныхъ складкахъ (plicae umbilicales laterales).

Пупочная вена подвергается тому же превращенію и имѣется у взрослого въ видѣ круглой печеночной связки (ligamentum teres hepatis).

Венный протокъ (ductus venosus Arantii), соединявшій непосредственно пупочную вену съ нижней полой веной, также зарастаетъ и остается въ видѣ шпурка, составляющаго продолженіе круглой печеночной связки. Послѣ этого кровь изъ венъ брюшной полости направляется только чрезъ систему ворот-

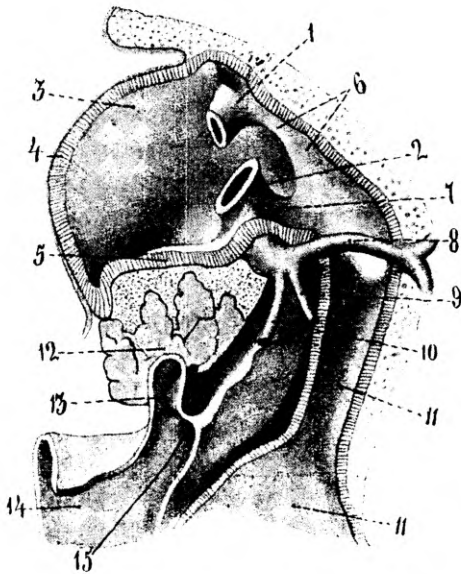
ной вены печени и печеночную вену въ нижнюю полую вену.

Вмѣстѣ съ рожденіемъ начинается дѣятельность легкихъ, сопровождаемая усиленнымъ притокомъ къ нимъ крови по легочнымъ артеріямъ во время вдоха. Этимъ самымъ уменьшается количество крови, поступающей чрезъ артеріальный протокъ (*ductus arteriosus Botalli*) въ нисходящую аорту, вслѣдствіе чего онъ постепенно зарастаетъ, превращаясь въ плотный шнурокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ большая часть крови начинаетъ поступать чрезъ легкія въ полость лѣваго ушка, давленіе въ ней увеличивается. Это въ свою очередь ведетъ къ тому, что заслонка овальнаго отверстія въ межущковой перегородкѣ сначала прижимается только кровью къ заслонкѣ *Valvula Vieussen'a*, а потомъ онъ постепенно срастается и вполнѣ закрываютъ бывшее овальное отверстіе. Это преобразование заканчивается на 3—5 мѣсяцѣхъ внѣтробной жизни.

4. Развитие полостей тѣла.

Полость тѣла (*Coelom*) дѣлится у зародыша на грудную и брюшную возникающей поперечной перегородкой (*septum transversum*). Эта перегородка закладывается элементами спланхноплевры, входящими въ составъ сердечной складки и организующими нижнюю стѣнку околосердечной сумки (*pericardium*). Сначала эта поперечная перегородка не вполнѣ разгораживаетъ грудную и брюшную полости тѣла, оставляя сообщеніе между ними въ задней части за сердцемъ. Въ толщѣ поперечной перегородки возникаетъ зачатокъ печени. (Рис. 1060—1062.) Вмѣстѣ съ развитіемъ сердца грудной отдѣлъ полости тѣла дѣлится на двѣ части перепонками, возникающими по направленію протоковъ *Cuvier*, боковыми поддерживающими сердце связками. Въ переднемъ отдѣлѣ полости помѣщается сердце; это околосердечная полость. Задняя часть полости выполняется легкими, зачатокъ которыхъ появляется въ задней поддерживающей сердце связкѣ (*mesocardium posterius*) и представляетъ собою первоначально выпячиваніе передней стѣнки первичной кишки. (Рис. 1063—1065.)

Рис. 1060.

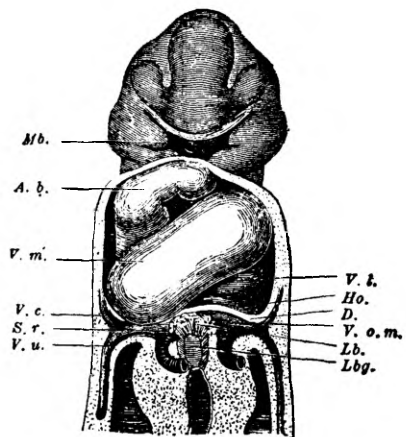

ка (mesocardium posterius); 7 — боковая связка сердца (mesocardium laterale); 8 — венный проток Cuvier (ductus Cuvieri); 9 — пупочная вена; 10 — желточная вена; 11 — брюшная часть полости тѣла (Coelom); 12 — зачаток печени; 13 — выпячивание кишки — зачаток печеночнаго желчнаго протока; 14 — желточный проток; 15 — первичная кишка. Увеличение 16 (W. His).

Рис. 1060. Полость тѣла (Coelom), образование поперечной перегородки (septum transversum — diaphragma), зачаток печени и ея протока на продольномъ сѣченіи зародыша человека длиною въ 3 миллиметра; сердце сръзано и удалено: 1 — стволъ аорты; 2 — венный стволъ; 3 — околосердечная полость тѣла (Coelom); 4 — передняя стѣнка околосердечной полости (pericardium); 5 — нижняя стѣнка той же полости или поперечная перегородка полости тѣла (septum transversum); 6 — задняя поддерживающая сердце связка (mesocardium posterius); 7 — боковая связка сердца (mesocardium laterale); 8 — венный проток Cuvier (ductus Cuvieri); 9 — пупочная вена; 10 — желточная вена; 11 — брюшная часть полости тѣла (Coelom); 12 — зачаток печени; 13 — выпячивание кишки — зачаток печеночнаго желчнаго протока; 14 — желточный проток; 15 — первичная кишка. Увеличение 16 (W. His).

Рис. 1061.

Рис. 1061. Расположение сердца и венъ у человѣческаго зародыша длиною въ 2,15 миллиметра, видъ спереди: Mb. — носо-ротовая ямка; A. b. — аортное расширение (bulbus aortae); V. m. — средняя часть желудочка сердца; V. c. — верхняя полая вена; V. u. — пупочная вена (vena umbilicalis); V. o. m. — желточно-брыжжеечная вена; S. r. — соединительная венная пауза — sinus reuniens; V. l. — лѣвая половина желудочка сердца; Ho. — предсердіе; D. — поперечная перегородка (septum transversum); Lb. — зачаток печени; Lbg. — печеночный проток. Увеличение 40 (W. His).

Mb.
A. b.
V. m.
V. c.
S. r.
V. u.
V. l.
Ho.
D.
V. o. m.
Lb.
Lbg.

Рис. 1061а.

Рис. 1061а. Головная половина зародыша человека длиною въ 4,2 миллиметра; видъ спереди: 1 — носороговая ямка; 2 — лобный отростокъ; 3 — верхняя челюсть; 4 — нижняя челюсть; 5 — носовая щель; 6, 7, 8, 9 — соответственно 1, 2, 3, 4 наружные жаберныя бороздки; 10 — сердце; 11 — сердечная сорочка (pericardium); 12 — мѣсто заворота водной оболочки зародыша (amnion). Увеличение 30 (W. His).

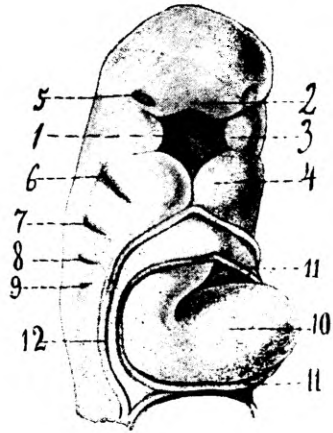

Рис. 1062.

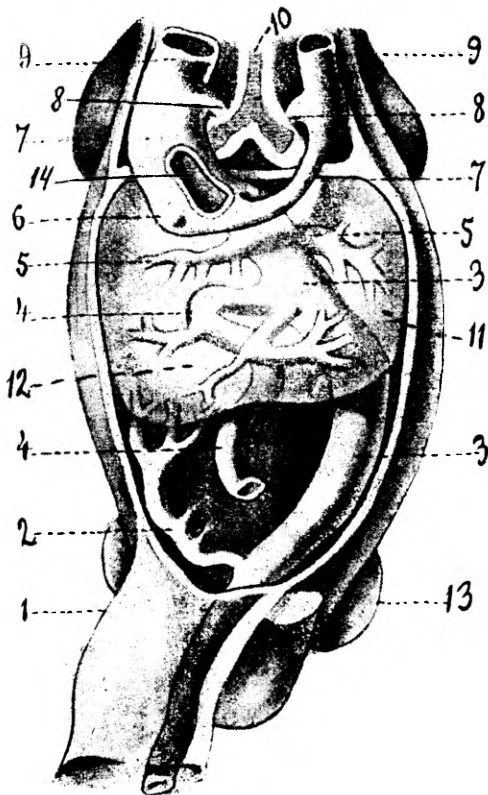

Рис. 1062. Человѣчскій зародышъ длиною въ 10 миллиметровъ со срѣзанной передней стѣнкой и сердцемъ для обнаруженія распредѣленія системы венъ печени и сердца: 1 — пупочный канатикъ; 2 — правая, 3 — лѣвая пупочныя вены; 4 — воротная вена; 5 — печеночная вена; 6 — венная пазуха сердца; 7 — венный протокъ Cuvier (ductus Cuvieri); 8 — кардинальная вена; 9 — первичная яремная вена; 10 — зачатокъ легкихъ; 11, 12 — печень; 13 — конечность нижняя; 14 — отверстие ведетъ въ правое предсердіе срѣзаннаго сердца. Увеличение 18 (W. His).

Рис. 1063.

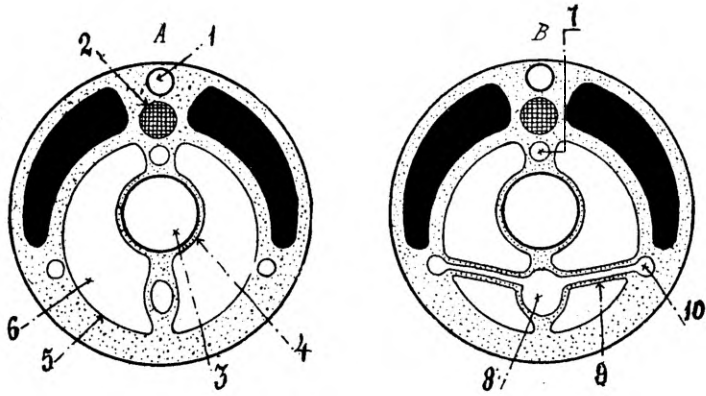

Рис. 1064.

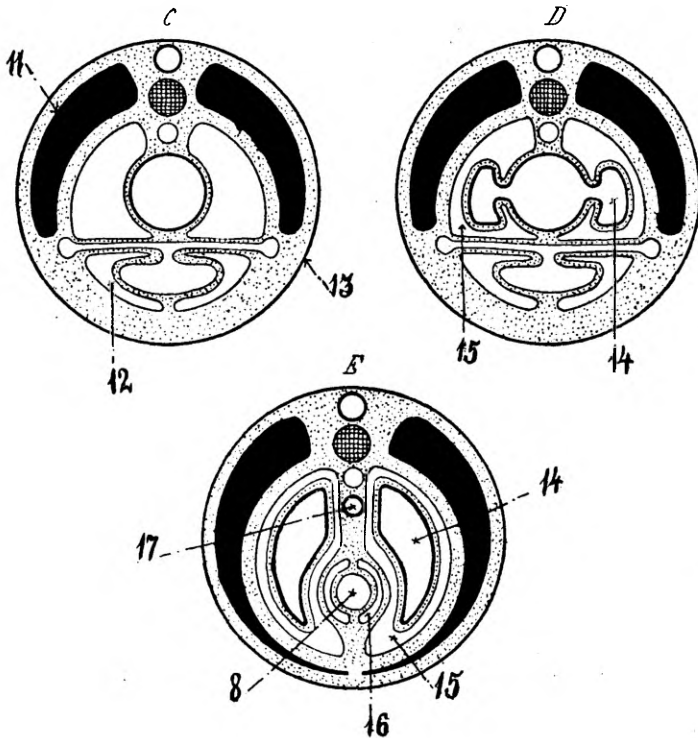
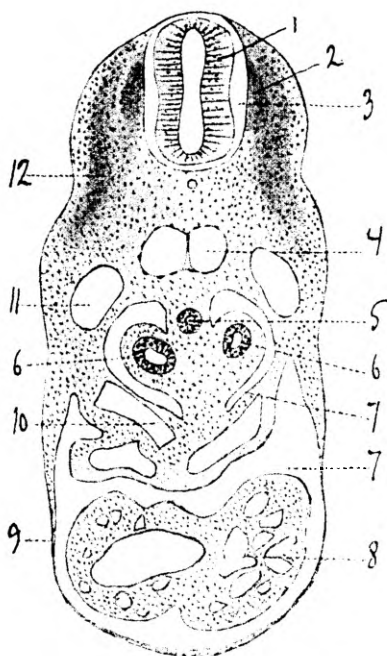

Рис. 1063, 1064. Схема последовательного развития (А—Е) у зародыша главных полостей тела в поперечных сечениях тела через область сердца: 1 — мозговая трубка; 2 — спинная струна; 3 — пищеварительная трубка; 4 — спланхноплевра; 5 —

соматоплебра; 6 — полость тѣла (Coelom); 7 — аорта; 8 — полость сердца; 9 — протокъ Cuvier; 10 — кардинальная вена; 11 — міомера; 12 — околосердечная полость; 13 — надкожица; 14 — легкое; 15 — окололегочная (плевральная) полость; 16 — околосердечная полость; 17 — пищеводъ. Рис. 1063. А — полость тѣла — 6 нераздѣльная; сердце развивается въ брюшной части поддерживающей кишку связкѣ (*mesenterium ventrale*), а аорта — въ спинной части (*mesenterium dorsale*); В — протоки Cuvier, соединяя сердце съ кардинальными венами, участвуютъ въ образованіи боковыхъ поддерживающихъ сердце связокъ (*mesocardium laterale*) и отгораживаютъ изъ общей полости тѣла околосердечную полость. Рис. 1064. С — сердце выросло и окружено полостью (околосердечной), отдѣленной отъ общей полости тѣла боковыми поддерживающими сердце связками (*mesocardium laterale*). D — въ остальной полости тѣла разрастаются легкія, какъ выпячиванія изъ пищеварительной трубки; вслѣдствіе этого полость тѣла превращается въ окололегочную полость или плевральную. E — всѣ названныя части достигли своего развитія и полости тѣла выполнены ими (Roule).

Рис. 1065.

Рис. 1065. Поперечное сѣченіе средней части туловища зародыща кролика; животная и растительная полости: 1 — спинной мозгъ; 2 — межпозвоноковый нервный узелъ; 3 — животная полость; 4 — аорта; 5 — полость кишки; 6 — полость легкихъ; 7 — растительная полость; 8 — сердце; 9 — соединительная перепонка (*membrana reuniens*); 10 — вена; 12 — мышечная пластинка — Myotom (Kollmann).

Отдѣль ІХ.

Лимфенная организація.

А. Лимфеносные сосуды.

Самыя тонкія развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ не проникають въ ткани и органы человѣческаго тѣла настолько, чтобы подносить и передавать питательныя вещества крови непосредственно всѣмъ, требующимъ того, форменнымъ элементамъ. Поэтому кровяная лимфа выступаетъ изъ капилларовъ и далѣе распространяется въ болѣе или менѣе тонкихъ щелевидныхъ пространствахъ и межклеточныхъ канальцахъ, доходя до каждой клетки, до каждаго форменнаго образованія.

Кромѣ того клетки, питаясь и проявляя жизненную дѣятельность, всегда должны отдавать отбросы своего питанія, въ жидкомъ видѣ поступающіе въ тѣ же межклеточные канальцы и щелевидные ходы, въ которыхъ содержится питательная лимфа. Въ виду того, что существуетъ постоянный притокъ все новыхъ и новыхъ частей лимфы, а также клетки выдѣляютъ соотвѣтственно непрерывно отбросы своего питанія, должна существовать особенная организація для постояннаго оттока отработавшей лимфы, чтобы избыточное скопленіе ея въ ткани или органѣ не нарушало правильной ихъ жизни и дѣятельности. Вотъ эта лимфеотводная организація существуетъ въ организмѣ человѣка и животныхъ въ видѣ лимфеносныхъ сосудовъ и лимфенныхъ узловъ.

Лимфеносные сосуды устроены по типу кровеносныхъ. Они также раздѣляются на капиллары и болѣе крупныя сосуды.

1. Лимфеносные капиллары.

Лимфеносные капиллары подобно кровеноснымъ капилларамъ состоятъ изъ однѣхъ только эндотельныхъ клѣтокъ, ограничивающихъ ихъ просвѣтъ. (Рис. 1066.) Въ отличіе отъ кровеносныхъ капилларовъ съ параллельными стѣнками лимфеносные капиллары имѣютъ форму трубочекъ съ весьма часто измѣняющимся поперечникомъ. Поэтому въ оптиче-

Рис. 1066.

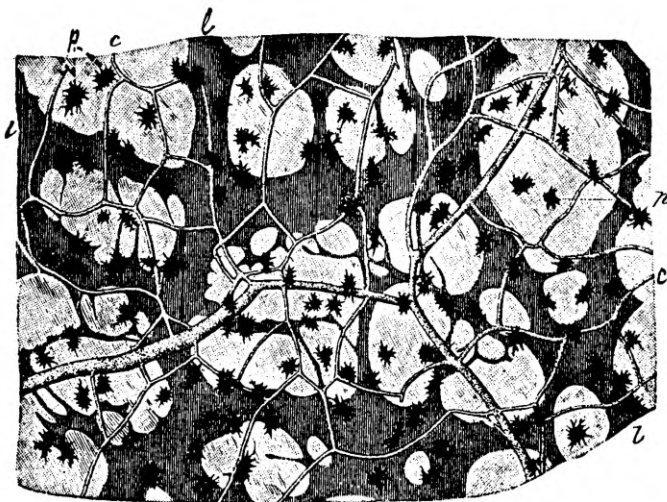

Рис. 1066. Межпальцевая перепонка лягушки съ налитыми массой кровеносными и лимфеносными сосудами: с — кровеносные капиллары; l — лимфеносные капиллары; p — пигментныя клѣтки волокнистой соединительной ткани (Ranvier).

скомъ сѣченіи продольныя границы ихъ стѣнокъ не представляютъ двухъ параллельныхъ линій, но крайне неправильно изогнутыхъ, изломанныхъ линій, сходящихся, расходящихся, изгибающихся. Типичной для лимфеноснаго капиллара является крайняя неравномѣрность просвѣта его сосѣднихъ частей. (Рис. 1066.)

Пластинчатая эндотельная клѣтка, образующія стѣнки лимфеносныхъ капилларовъ имѣютъ форму неправильнаго многоугольника съ изрѣзанными краями, напоминающую

форму дубоваго листа. Величина ихъ 30—40 μ въ поперечникѣ. (Рис. 1067.)

Лимфеносные капиллары весьма рѣдко идутъ одиночно; болѣе постоянно они образуютъ сѣти. Начальныя сѣти лимфеносныхъ капилларовъ сообщаются отдѣльными болѣе толстыми капилларами съ глубже лежащими сѣтями болѣе толстыхъ капилларовъ, дающими начальныя вѣтви лимфеносныхъ сосудовъ. (Рис. 1068—1073.)

Рис. 1067.

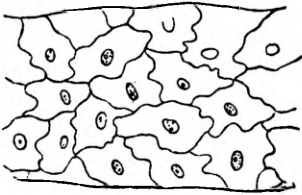

Рис. 1067. Однослойный плоскій эпителий лимфеноснаго сосуда изъ мышечной оболочки кишки морской свинки послѣ обработки растворомъ азотнокислаго серебра, разсматриваемый съ поверхности. Клетки съ извилистыми очертаніями. Увеличеніе 240 (Kölliker).

Рис. 1068.

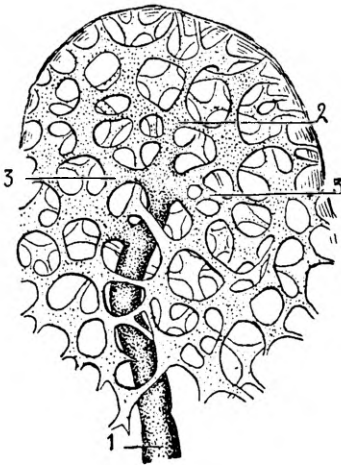

Рис. 1069.

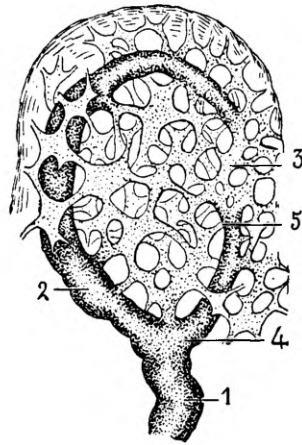

Рис. 1068, 1069. Начало лимфеносныхъ сосудовъ въ сосочкахъ кожи: Рис. 1068 — сосочекъ съ однимъ лимфеноснымъ капилларомъ (1), составляющимся изъ сѣти лимфенныхъ щелей и капилларовъ (2, 3). Рис. 1069 — сосочекъ съ двумя лимфеносными капилларами (2, 4), составляющимися изъ лимфенныхъ щелей и капилларовъ (3, 5) и соединяющихся въ общій стволъ — 1 (Sappey).

2. Лимфеносные сосуды.

Тонкіе лимфеносные сосуды содержатъ кромѣ эндотельной оболочки еще снаружи соединительнотканную оболочку изъ тонкихъ клейдающихъ и эластинныхъ волоконъ. Въ болѣе толстыхъ сосудахъ въ составъ наружной оболочки входятъ отдѣльно расположенныя то косо, то кольцеобразно

Рис. 1070.

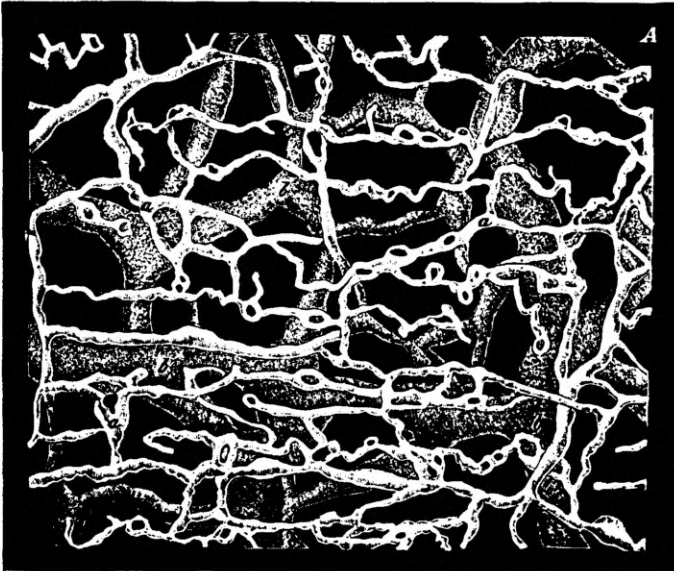

Рис. 1070. Лимфеносные сосуды кожи человѣка: видъ съ поверхности: а — сѣть тонкихъ лимфеносныхъ сосудовъ ближе къ поверхности; б — сѣть болѣе толстыхъ лимфеносныхъ сосудовъ, лежащихъ въ болѣе глубокомъ слоеѣ основы кожи (Teichmann).

идуція гладкія мышечныя волокна-кѣтки. Въ крупныхъ лимфеносныхъ сосудахъ стѣнки устроены, какъ въ артеріяхъ, изъ трехъ слоевъ. Внутренній слой состоитъ изъ эндотельныхъ кѣтокъ, удлиненныхъ соотвѣтственно оси сосуда, и лежащей кнаружи отъ нихъ сѣти изъ тонкихъ продольно идущихъ эластинныхъ волоконъ. Средній слой состоитъ изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-кѣтокъ, собранныхъ въ отдѣльные пучки, имѣющіе круговое расположеніе; между

Рис. 1071.

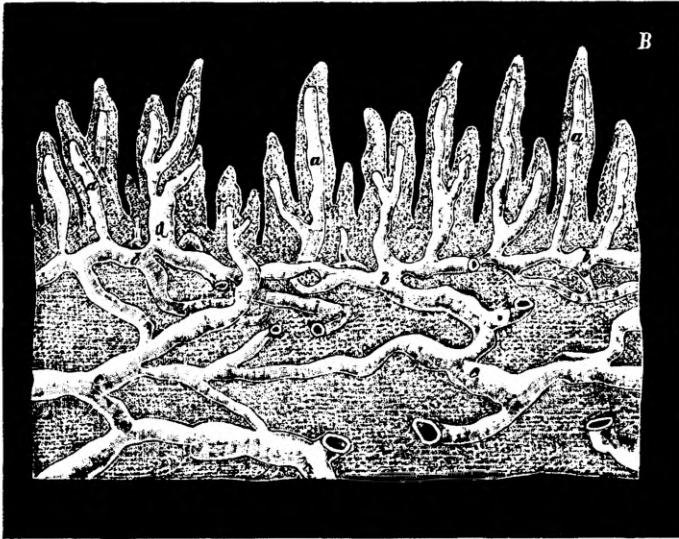

Рис. 1071. Лимфеносные сосуды кожи человѣка въ ея сѣченіи, перпендикулярномъ поверхности: а — лимфеносные капилляры въ сосочкахъ основы кожи; б — сѣтъ тонкихъ лимфеносныхъ сосудовъ подъ основаніями сосочковъ; в — сѣтъ болѣе толстыхъ лимфеносныхъ сосудовъ въ толщѣ основы кожи (Teichmann).

Рис. 1072.

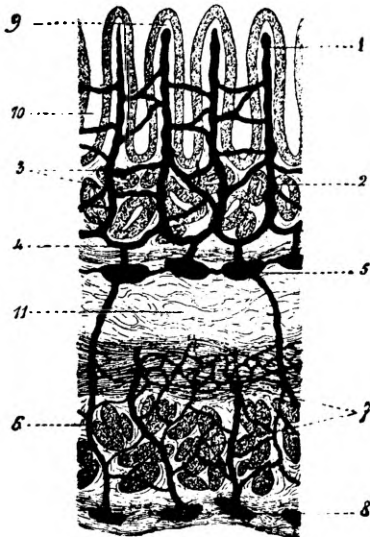

Рис. 1072. Схема распределеія лимфеносныхъ сосудовъ въ стѣнкѣ желудка въ ея перпендикулярномъ къ поверхности сѣченіи: 1 — начальныя части лимфеносныхъ сосудовъ; нисходящія сосуды; 3 — околожелезистыя сѣти; 4 — сѣти подъ днами железъ; 5 — подслизистая сѣтъ; 6 — радиальныя соединительныя сосуды; 7 — сѣтъ внутримышечная; 8 — подсерозная сѣтъ; 9 — межжелезистыя перегородки; 10 — желудочныя железы; 11 — подслизистый слой (Cunéo).

этими пучками, кнутри и кнаружи отъ нихъ идутъ въ томъ же круговомъ направленіи клейдающія и эластинныя волокна соединительной ткани, продолжающіяся въ наруж-

Рис. 1073.

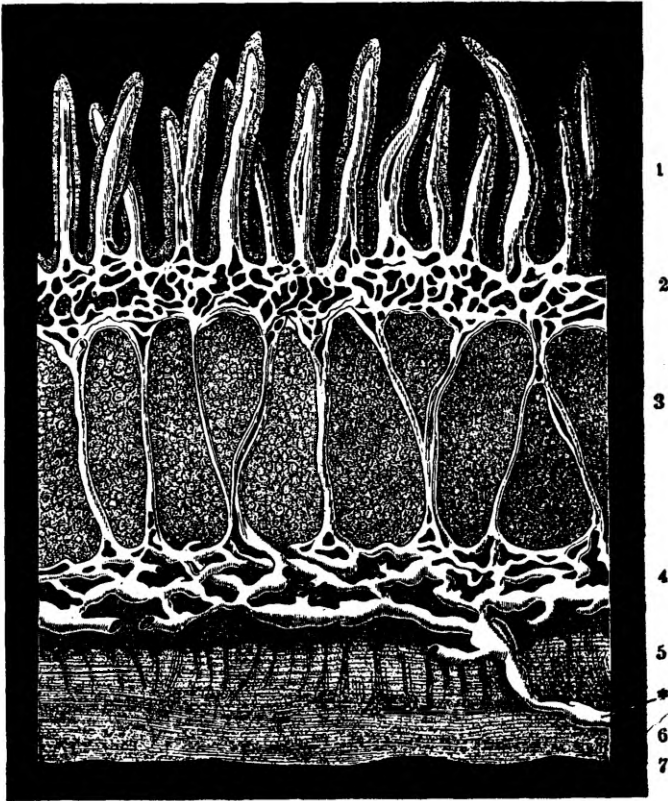

Рис. 1073. Стѣнка тонкой кишки телянка въ перпендикулярномъ къ ея поверхности сѣченіи въ области Пейеровой бляшки: 1 — лимфеносные сосуды ворсинокъ; 2 — сѣтъ лимфеносныхъ сосудовъ подъ основаніями ворсинокъ; 3 — слой лимфенныхъ фолликуловъ Пейеровой бляшки; 4 — глубокая сѣтъ болѣе толстыхъ лимфеносныхъ сосудовъ въ подслизистомъ слоѣ; * — отводящій лимфеносный сосудъ; 5 — круговой слой мышечной оболочки; 6 — продольный слой той же оболочки; 7 — серозная оболочка (Зерновъ).

ную оболочку. Наружная оболочка состоитъ изъ продольно и косо идущихъ клейдающихъ и эластинныхъ волоконъ соединительной ткани, переходящихъ непосредственно въ

элементы окружающей рыхлой волокнистой соединительной ткани. Таким же образом устроен грудной лимфеносный проток. Клапаны, во множествѣ имѣющіеся въ лимфеносныхъ сосудахъ, состоятъ изъ складки внутренней оболочки. (Рис. 1074.)

Лимфеносные сосуды всегда идутъ, сопровождая кровеносные сосуды и нервы.

Они имѣютъ питающіе ихъ стѣнки кровеносные сосуды и оплетаются безмякотными нервными волокнами: чувствительными и двигательными (Кытмановъ). (Рис. 1075.)

Рис. 1074.

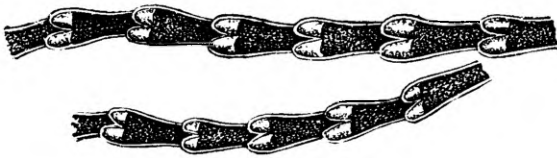

Рис. 1074. Заслонки въ лимфеносныхъ сосудахъ.

Рис. 1075.

Рис. 1075. Тонкій лимфеносный сосудъ изъ наружной оболочки желчнаго пузыря собаки: 1 — безмякотныя нервныя волокна развѣтвляясь образуютъ сѣть вокругъ лимфеннаго сосуда — 2. Увеличеніе 30 (А. Догель).

- Федоровъ И. И.** Врожденные перепончатые стенозы влагалища, какъ причина осложненій родового акта и этиологическое значеніе ихъ въ развитіи хроническихъ ретенціонныхъ опухолей матки. — Журн. акуш., 1888, стр. 619. (Въ одномъ случаѣ зарощеніе влагалища наблюдалось у роженицы, въ другомъ случаѣ эта аномалія привела къ развитію haematometrae).
- Финкель П. И.** Перепончатый стенозъ влагалища, какъ причина затрудненія родового акта. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 4, стр. 11. Реф. (Два случая).
- Хилецкій И. Н.** Къ ученію о зарощеніи маточнаго рукава, разрывнаго при родахъ. — Прот. Минскаго Мед. Общ. за 1870—71 г., № 11. Цитир. по Змѣеву.
- Шанявскій С. А.** Случай vaginae septae supra simplex, составлявшей препятствіе для родовъ. — Медич. Обзоръніе, 1892, т. 37, стр. 1043.
- Шлезингеръ О. А.** Къ казуистикѣ пороковъ развитія влагалища. Vagina subsepta supra simplex, какъ препятствіе для родового акта. — Врачъ, 1884, № 27.
- Эберлинъ А.** Два случая порока развитія женскихъ половыхъ органовъ. — Медич. Обзоръніе, 1892, т. 37, стр. 319. Пунктъ 2-ой: Аномалія въ развитіи половыхъ органовъ, потребовавшая операціи во время родовъ. Vagina subsepta, какъ препятствіе при родахъ.
- Эберлинъ А.** Роды при зарощеніи рукава. — Журн. акуш., 1896, стр. 1100.
- Эргардтъ.** Случай беременности при непроходимости (въ оригиналѣ по ошибкѣ напечатано: необходимости) маточнаго рукава. — Москов. Медич. Газета, 1860, № 14. (Была травма; во время родовъ сдѣланъ разрывъ; смерть).

Беременность при цѣлости дѣвственной плевы.

- Амчиславскій М. С.** Беременность и роды при ненормально плотной и неповрежденной дѣвственной плевѣ съ отверстіемъ, едва пропускающимъ тонкій зондъ. — Журн. акуш., 1896, стр. 1403. Корресп.
- Ахшарумовъ Б. И.** Случай родовъ при зарощеніи дѣвственной плевы. — Сборникъ трудовъ вр. СПбургскаго Род. Зав., вып. VI, СПб., 1898.

- Бриль.** Два случая беременности при цѣлости дѣвственной плевы.
— Врачъ, 1882, № 34, стр. 573. Корресп.
- Зенковъ А. М.** Беременность и роды при цѣлости дѣвственной плевы (hymen). — Еженедѣльникъ журн. „Практ. Мед.“, 1894, № 39.
- Криволицкій В. И.** Случай родовъ при цѣлости hymenis, у 22 лѣтней. — Прот. Орловскаго Мед. Общ. за 1883. Цитир. по Змѣеву.
- Медовщиковъ В. В.** Случай родовъ при неповрежденной дѣвственной плевѣ. — Моск. Мед. Газета, 1866, № 3, стр. 22. Реф. доклада.
- Орловъ В. Н.** Случай беременности и родовъ при полной цѣлости гимена. — Медицина, 1892.
- Паргаминъ М.** Роды при цѣлой дѣвственной плевѣ. — Врачъ, 1882, № 2, стр. 30. Корресп.
- Полотебновъ С. М.** Случай беременности при полной цѣлости гимена. — Труды Общ. русс. вр. въ СПб. за 1885—86 г., стр. 10. (Едва замѣтное отверстіе плевы пропускало лишь самый тонкій зондъ).
- Славянская-Гренстрандъ О. Ф.** Беременность и роды при цѣломъ hymen'ѣ; центральный разрывъ промежности. — Журн. акуш., 1887, стр. 1006.

4. Осложненіе беременности неправильнымъ положеніемъ матки.

Ущемленіе перегнутой кзади беременной матки.

- Аменитскій.** Наклоненіе назадъ и ущемленіе беременной матки. — Задержаніе мочи. — Проколъ мочеваго пузыря. — Выздоровленіе. — Прот. зас. Общ. русс. вр. въ СПб. за 1864—65 г., стр. 181.
- Добрынинъ П. И.** О дифференціальной діагностикѣ между беременностью и кистами яичника. — Медич. Вѣстникъ, 1875, № 44, стр. 459. Реф. (Больная была прислана врачами изъ провинціи для оваріотоміи, между тѣмъ какъ у нея оказалась беременность въ изогнутой кзади маткѣ, близкой къ ущемленію, съ переполненіемъ мочеваго пузыря).
- Какушкинъ Н. М.** По поводу случая перегиба назадъ и ущемленія беременной матки. — Русская Медицина, 1894, № 7.

(Авторъ отмѣчаетъ то, что дежурный врачъ, при поверхностномъ осмотрѣ, не поставилъ правильнаго діагноза).

Кушевъ Н. Е. Къ казуистикѣ ущемленій искривленной къзади беременной матки. — Журн. акуш., 1897, стр. 63.

Львовъ. Случай загиба беременной матки назадъ съ явленіями ущемленія. — Русская Медицина, 1887, № 44.

Неёловъ Н. Случай ущемленія перегнутой къзади беременной матки. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 3, вып. 6, прил. стр. 45. (Въ выпущенной мочѣ громадное количество красныхъ кров. шариковъ, лихорадка; начинающіяся родовыя схватки; вправленіе матки, выкидышь, смерть; при вскрытіи найдено въ мочевомъ пузырьѣ присутствіе язвъ съ дифтеритическими наслоеніями; до поступления моча выпускалась акушеркою и фельдшеромъ.)

Паргаминъ М. Задержаніе мочи вслѣдствіе retroflexionis uteri gravidi. — Врачъ, 1884, № 43.

Пезаровіусъ М. (акушерка). Механическое задержаніе мочи у беременной. — Акушерка, 1899, № 19/20. (При загибѣ матки).

Покровскій Н. И. Къ казуистикѣ ущемленій беременной матки. — Труды Общ. Курскихъ вр. за 1895 г.

Рихтеръ В. М. Historia retroversionis uteri gravidi, cum prolapsu vaginae, annexa descriptione instrumenti novi, pro repositione uteri retroflecti, id est hysteromochlii sive vectis uterini. — 1) Synopsis, стр. 62. Съ рисункомъ предложеннаго инструмента. 2) Московскія Ученыя Вѣдомости, 1805, № 28, стр. 222. Реф. доклада въ Общ. соревнованія Медич. и Физ. Наукъ.

Практическія наблюденія касательно органическихъ или мѣстныхъ болѣзней матки. — Медико-Физическій Журналъ, часть I, стр. 76—94. Москва, 1808.

Розенплентеръ Б. (Rosenplänter B.) Cystitidis cruposae, retroversionem uteri gravidi subsequatae, casus singularis. — Diss., Dorpat, 1855.

Хазанъ С. Ю. О загибѣ беременной матки взадъ. — Акушерка, 1896, № 5/6.

Якубъ І. Ю. Retroflexio uteri gravidi съ ущемленіемъ. — Медич. Обзорніе, 1887, т. 27, стр. 981.

Якубъ І. Ю. Къ казуистикѣ ущемленія перегнутой назадъ беременной матки. — Медич. Обзорніе, 1892, т. 37, стр. 737. (Повторный случай ущемленія у той же больной, о которой шла рѣчь въ предыдущей статьѣ; моча съ примѣсью крови,

вправленіе при положеніи à la vache; чрезъ 4 мѣсяца послѣ срочно наступившихъ родовъ найдено: суженіе таза съ выстояніемъ мыса, сильная изогнутость крестцовой кости, значительное опущеніе изогнутой кзади матки; этимъ даннымъ, въ связи съ дѣйствіемъ брюшнаго пресса, слѣдуетъ приписать важное этиологическое значеніе).

Выпаденіе беременной матки.

Рихтеръ В. М. Historia partus, cum prolapsu completo uteri gravidi. — Synopsis, стр. 77.

Prolapsus completus uteri gravidi, nec non annexa partus historia. — Москов. Ученыя Вѣдомости, 1805, № 28, стр. 222. Реф. доклада.

Практическія наблюденія касательно органическихъ или мѣстныхъ болѣзней матки. — Мед.-Физ. Журналъ, часть I, стр. 76—94. Москва, 1808.

Грыжа беременной матки.

Типяковъ В. В. Случай грыжи беременной матки. Чревосѣченіе. Благополучное окончаніе беременности. — Медиц. Обзорніе, 1895, т. 44, стр. 409. (Чрезъ кольцо въ брюшной стѣнкѣ съ крѣпкими краями выпала матка на 5-омъ мѣсяцѣ беременности; такъ какъ она обратно не вправлялась и начиналось уже ея ущемленіе, то сдѣлана операція, причемъ матка была вправлена и грыжевое кольцо зашито.)

Отвислый животъ.

Лебедевъ А. И. См. стр. 76 „Указателя“.

Муратовъ А. А. См. стр. 230 „Указателя“.

Райхъ М. З. Отвислый животъ у беременныхъ и роженицъ (venter propendens). — Акушерка, 1897, № 19/20.

5. Осложненіе беременности новообразованіями половых органовъ.

Фиброміомы матки.

- Алексѣевъ П.** Къ вопросу объ опухоляхъ шейки матки, осложняющихъ родовой актъ. — Москов. Врачебный Вѣстникъ, 1873—74, № 26.
- Баландинъ И. О.** Сообщилъ о двухъ случаяхъ кесарскаго сѣченія при міомахъ матки съ благополучнымъ исходомъ. — Журн. акуш., 1890; прот. ак.-гин. Общ. въ СПб., годъ 5-ый, № 5, стр. 33 и приложение, стр. 37.
- Барциковскій Н. В.** Случай родовъ, осложненныхъ разрывомъ матки и опухолью въ маломъ тазу, съ послѣдовательною операціею по Porro. — Южно-русская Мед. Газета, 1892, № 6. (Авторъ полагаетъ, что въ его случаѣ была fibromyoma retrocervicale, хотя изъ описанія это неясно; опухоль была плотно соединена съ костями, начинаясь отъ послѣдняго поясничнаго позвонка и доходя до послѣдняго крестцоваго; смерть оперированной наступила быстро въ день операціи при явленіяхъ коллапса; кровоизліянія при вскрытіи не найдено.)
- Бацевичъ Э. Ф.** Роды, осложненные фиброміомами (интерстиціальными). — Журн. акуш., 1889, стр. 732.
- Бидеръ Э. Ф.** Случай міотоміи у беременной. — Журн. акуш., 1889, стр. 40. (Смерть; вскрытіе; въ брюшной полости кусокъ марли.)
- Быховскій С. Б.** Фиброміома матки, осложненная беременностью. — 1) Журн. акуш., 1900, стр. 881; 2) Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 12, вып. 24. (Сдѣланъ искусственный абортъ, чрезъ 1¹/₂ мѣсяца — міотомія.)
- Васильевъ Н. И.** Случай родовъ, продолжавшихся 6¹/₂ сутокъ вслѣдствіе фиброміомы colli uteri, съ благоприятнымъ исходомъ для матери и плода и послѣдовательнымъ всасываніемъ опухоли въ послѣродовомъ періодѣ. — Журн. акуш., 1888, стр. 28.
- Случай родовъ, продолжавшихся 160 часовъ, вслѣдствіе фиброміомы шейки матки, съ благоприятнымъ исходомъ для матери и плода и послѣдовательною резорбціею опухоли in utero, — Прот. Ковенскаго Мед. Общ. за 1887 г., стр. 22.

- Горвиць М. И.** Обь осложненіи родильнаго состоянія фиброзными полипами матки. — Москов. Мед. Газета, 1868, №№ 22, 24, 25, 29 и 30.
- Горецкий.** Сообщилъ случай уклоненія отъ механизма родовъ и послѣродоваго кровотеченія вслѣдствіе опухоли въ маточной ткани. — Прот. Общ. Одесскихъ вр., 8 ноября 1880 г., № 4.
- Живописцевъ Н. А.** Къ вопросу о вліяніи родовъ и послѣродоваго періода на фиброзныя опухоли матки съ описаніемъ одного случая. — Больничная Газета Боткина, 1894, № 10.
- Захарьевскій А. И.** Фиброміома (шейки) матки, удаленная непосредственно послѣ родовъ. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1897 г., вып. III, стр. 165.
- Заяицкій С. С.** Интересные случаи удаленія опухолей яичниковъ и матки при беременности. — 1) Медиц. Обзоръіе, 1898, т. 49, стр. 657; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1898 г. (Въ одномъ случаѣ міома матки, въ другомъ — киста яичника).
- Ивановъ А. И.** Къ вопросу о родахъ, осложненныхъ фиброміомами матки. — Журн. акуш., 1894, стр. 444.
- Корде В. К.** Два случая міомектоміи при беременности. — 1) Врачебныя Записки, 1899, № 4; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ, сообщено 16 декабря 1898 г.
- Красина Т. М.** Случай самороднаго обратнаго развитія фиброміомы матки послѣ родовъ. — Врачъ, 1881, № 22, стр. 361.
- Красногладовъ Е.** Фиброзный полипъ матки у беременной женщины; выпаденіе его кнаружи на 6-омъ мѣсяцѣ, выкидышь, наложеніе лигатуры, выздоровленіе. — Другъ Здравія, 1852, № 3.
- Львовъ И. М.** Случай осложненія беременности большой междуточной міомой матки. — 1) Медиц. Обзоръіе, 1887, т. 27, стр. 774; 2) Дневникъ Общ. вр. при Казан. Унив. за 1887 г., стр. 136. (Родился мертворожденный плодъ около 5 мѣсяцевъ утробной жизни и имѣлъ нѣкоторыя неправильности развитія; лѣченіе міомы состояло въ подкожныхъ впрыскиваніяхъ эрготины).
- Михельсонъ Э. Ю.** Случай родовъ при фиброміомѣ матки. — Прот. зас. Общ. морскихъ вр. въ Кронштадтѣ за 1895—96 г., вып. 34, стр. 121.
- Михинъ П. В.** (Въ оригиналѣ напечатано: **В. П. Михинъ**). Къ казуистикѣ фиброміомъ матки, осложненныхъ беременностью. — Журн. акуш., 1898, стр. 487.

- Муратовъ А. А.** Къ лѣченію подслизистыхъ и межучочныхъ фиброзныхъ опухолей матки въ послѣродовомъ періодѣ. — Журн. акуш., 1894, стр. 869.
- Орловъ В. Н.** Къ вопросу о лѣченіи беременности и родовъ при фиброзныхъ опухоляхъ матки, стѣсняющихъ полость малаго таза. — Врачъ, 1893, № 16. (Произведено кесарское сѣченіе; удаленіе опухоли признано затруднительнымъ и, поэтому, сдѣлана кастрація).
- Оттъ Д. О.** Кесарское сѣченіе по способу Рогго-Рейна съ благоприятнымъ исходомъ для матери и плода. — Труды Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1888—1890 гг., стр. 38.
Кесарское сѣченіе по способу Рогго съ благоприятнымъ исходомъ для матери и плода. Показаніе: фиброміома, развившаяся въ шейкѣ матки. — Врачъ, 1888, № 52.
- Першинъ А. В.** Къ вопросу о міомахъ матки при беременности. — Дневникъ Общ. вр. при Казан. Унив. за 1899 г., вып. II, стр. 48.
- Піотровичъ Ѳ. И.** Къ казуистикѣ фиброміомъ беременной матки. — Сообщенія и прот. зас. СПбургскаго Мед. Общ. за 1885 г., стр. 203. (Поделизистая фиброміома, послужившая причиною задержанія послѣда; опухоль отдѣлена введенною въ матку рукою).
- Побѣдинскій Н. И.** Къ вопросу о лѣченіи беременности и родовъ, осложненныхъ фиброміомами матки. — Журн. акуш., 1899, стр. 1404.
Консервативное кесарское сѣченіе и удаленіе фиброміомы. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1899 г., стр. 54.
- Порошинъ М. Н.** Чревосѣченія во время беременности. (Къ вопросу объ овариотоміи и консервативной міотоміи во время беременности.) — Журн. акуш., 1897, стр. 1517.
- Соловьевъ Г.** Случай родовъ послѣ фиброміотоміи у беременной. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1899 г., сообщено 27-го января.
- Сутугинъ В. В.** Къ вопросу о лѣченіи при беременности и родахъ, осложненныхъ фиброміомами, стѣсняющими полость малаго таза. — Врачъ, 1891, №№ 1 и 2.
- Теръ-Микаэляницъ С. В.** Къ вопросу объ осложненіи міоматозной матки беременностью и объ оперативныхъ способахъ лѣченія въ первую половину послѣдней. — Врачъ, 1891, №№ 19 и 20.

- Толочиновъ Н. Ф.** Роды при фиброидахъ матки. — Москов. Медицин. Газета, 1869, № 21/22. (По наблюдениямъ въ Вѣнѣ).
- Томсонъ Г. И.** Къ вопросу о консервативной міомотоміи при беременности. — Журн. акуш., 1897, стр. 311.
- Урвичъ Б. О.** Случай удаленія подслизистой фиброміомы въ родахъ. — Журн. акуш., 1887, прот. ак.-гин. Общ. въ СІІБ., приложение къ прот. № 13.
- Фогель О. А.** Къ казуистикѣ осложненій родовъ и послѣродоваго періода субмуковными міомами. — Журн. акуш., 1899, стр. 366.
- Фраткинъ Б. А.** Къ вопросу о пособіяхъ при осложненіи беременности и родовъ міомами матки. (Случай операціи Рогго). — Хирург. Вѣстникъ, 1892, стр. 688.
- Чунихинъ П. Н.** Случай родовъ, осложненныхъ фиброміомой шейки и тѣла матки. — Журн. акуш., 1888, стр. 429.
- Штраухъ М. А.** Myomectomy in graviditate. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1892 г., № 2.
- Юрасовскій И. К.** Интересный случай беременности и родовъ при Fibromyoma uteri multiplex. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1899 г., выпускъ безъ обозначенія нумера, стр. 43. (Предполагалось произвести кесарское сѣченіе, но передъ операціей опухоль отошла изъ малаго таза въ подреберье; операція отмѣнена; чрезъ недѣлю самостоятельные срочные роды, въ каналѣ шейки большой дивертикуль; затянувшіеся роды потребовали экстракціи плода, закончившейся перфорацией послѣдующей головки; чрезъ 3 недѣли чревосѣченіе, удаленъ лишь крупный фиброидъ на тонкой ножкѣ, узлы же въ стѣнкахъ матки оставлены на мѣстѣ.)

Ракъ матки.

- Абрамовичъ А. Я.** Случай родовъ, осложненныхъ ракомъ маточной шейки. — Еженедѣльникъ журн. „Практ. Мед.“, 1899, № 1.
- Бекманъ В. Г.** Къ осложненію беременности и родовъ ракомъ шейки матки. — Журн. акуш., 1896, стр. 123.
- Докушевская М. А.** Случай влагалищнаго вырѣзыванія матки на 13-й день послѣ родовъ, по поводу пораженія влагалищной части раковымъ новообразованіемъ. — Журн. акуш., 1894, стр. 979. Реф.

- Зеленскій М. Я.** Къ вопросу объ осложненіи беременности и родовъ ракомъ матки. — Дисс., СПб., 1897. (Кромъ 2 случаевъ, о которыхъ сдѣланы сообщенія М. А. Докушевскою и Д. О. Оттомъ, описаны еще 2 случая; въ одномъ до наступленія родовъ произведено кесарское сѣченіе и полное удаленіе матки; въ другомъ случаѣ по вскрытіи матки, послѣ влагалищной экстирпаціи ея, въ ней оказалось плодное яйцо, соответствующее 4-хъ недѣльной беременности.)
- Крассовскій А. Я.** Два случая кесарскаго сѣченія, произведенные по способу Рогго. — Журн. акуш., 1888, стр. 178. (Случай 2-ой: Ракъ влагалищной части, распространившійся на влагалище; когда наступили въ срокъ роды, сдѣлана операція; оперированная умерла, протоколъ вскрытія.)
- Лебедевъ А. И.** Задача акушера при родахъ, осложненныхъ ракомъ шейки матки. Къ казуистикѣ надрѣзовъ на маточной шейкѣ. — Ежед. Клин. Газета, 1881, № 32.
- Лебедевъ А. И.** Къ леченію рака матки во время беременности. — Лѣтопись Русской Хирургіи, 1896, книга 3, прот. русс. хир. Общ. Пирогова. (Помѣщены лишь пренія по поводу доклада; хотя сдѣлано указаніе, что статья напечатана въ отдѣлѣ „самостоятельныхъ статей“, но таковой тамъ не оказалось.)
- Левинъ С.** Случай родовъ при ракъ матки. — Прот. Ковенскаго Мед. Общ. за 1889 и 90 гг., прил.
- Оттъ Д. О.** О лѣченіи рака матки во время беременности, родовъ и въ послѣродовомъ періодѣ. — Журн. акуш., 1894, стр. 981. Реф. (Въ одномъ случаѣ влагалищная экстирпація черезъ 3½ недѣли послѣ родовъ; въ другомъ случаѣ, при 6-мѣсячной беременности, полное вырѣзываніе матки, начатое черезъ влагалище и законченное чревосѣченіемъ.)
- Першинъ А. В.** Беременность, осложненная ракомъ влагалищной части матки. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1890 г., № 1.
- Побѣдинскій Н. И.** Къ лѣченію рака матки во время беременности и родовъ. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1896 г., стр. 29. (При беременности 7-ми мѣсяцевъ произведена операція Рогго и вслѣдъ затѣмъ черезъ влагалище удалена шейка съ культєю, на широкія связки наложены пинцеты; выздоровленіе. Въ другомъ случаѣ неоперируемаго рака произведена операція Рогго, исходъ неблагополучный.)

- Побѣдинскій Н. И.** Кесарское съченіе и удаленіе матки, пораженной ракомъ. — Хирургія, 1899, т. 5, стр. 143.
- Рейнъ Г. Е.** Демонстрація препарата 3-мѣсячной беременной раково-перерожденной матки, удаленной черезъ влагалище вмѣстѣ съ кистой яичника. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 9, стр. 13. Реф.
- Снегиревъ В. Ѳ.** Сообщилъ о случаѣ кесарскаго съченія на живой женщинѣ, страдавшей раковымъ перерожденіемъ нижняго отрѣзка матки и окололежащихъ частей. — Прот. Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1881 г., стр. 54.
- Сутугинъ В. В.** Лѣченіе рака матки, осложненнаго беременностью и родами. — Врачъ, 1890, №№ 10 и 11. (Два случая на 9000 родовъ; въ обоихъ случаяхъ произведена операція Porro; одна оперированная умерла на 43-ій день отъ воспаленія легкихъ, другая — на 8-ой день отъ общаго гнойнаго перитонита.)
- Федуловъ Я. С.** Случай полнаго удаленія черезъ влагалище беременной матки, пораженной ракомъ. — Журн. акуш., 1895, стр. 397.
- Штраухъ М. А.** Случай полной экстирпаціи матки черезъ влагалище непосредственно послѣ родовъ по поводу рака влагалищной части. — Журн. акуш., 1900, стр. 1456.

Кавернозная опухоль шейки матки.

- Дубенскій П. И.** Кавернозная опухоль влагалищной части матки. — Сборникъ Славянскаго, т. II, стр. 275. (Беременность 7-и мѣсяцевъ, кровотеченіе, поворотъ и извлеченіе плода, смерть отъ кровотеченія; предлежанія плаценты не было; опухоль макроскопически похожа на кровяной сгустокъ; при микроск. изсл. она представляется состоящею изъ утолщенной слиз. оболочки съ большимъ развитіемъ сосудовъ, въ одномъ мѣстѣ покрывка опухоли изъ слиз. оболочки какъ бы разорвана.)

Новообразованія яичниковъ.

- Автандиловъ М. З.** Случай удаленія кисты яичника при беременности. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1895—96 г., стр. 253.

- Алексенко Н. Д.** Ovariotomy per rectum. — Журн. акуш., 1889, стр. 740. (При извлеченіи щипцами, изъ задняго прохода выпала опухоль, покрытая переднею стѣнкою кишки; ножка опухоли перевязана en masse и опухоль ампутирована вмѣстѣ съ покрывающею стѣнкою кишки; опухоль оказалась дермоидною кистою яичника.)
- Баташевъ И. С.** Случай оваріотоміи при пятимѣсячной беременности. — Медиц. Обозрѣніе, 1899, т. 52, стр. 842.
- Британъ А. И.** Оваріотомія у беременныхъ. — 1) Врачъ, 1885, № 1; 2) Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1885, т. VI, № 3, стр. 183.
- Воскресенскій М.** Оваріотомія при беременности. — Приложенія къ прот. Общ. Кіевскихъ вр. за 1885—86 г., стр. 112.
- Гордонъ Л. А.** Къ вопросу объ оваріотоміи при беременности. — 1) Дисс., СПб., 1894; 2) Труды V Съѣзда русс. вр. въ память Пирогова, т. I, СПб., 1894. Кратко.
- Драницынъ А. А.** Демонстрація препарата: многополостная железистая киста, удаленная на 5-омъ мѣсяцѣ беременности. — Журн. акуш., 1894, стр. 130.
- Заяицкій С. С.** См. выше стр. 342 „Указателя“.
- Карповъ М. И.** Дермоидная киста яичника у беременной. — Удаленіе ея. — Приложенія къ прот. Общ. Донскихъ вр. за 1897 г., стр. 45.
- Клячкина В. Г.** См. выше стр. 317 „Указателя“.
- Кочурова С. А.** Случай удаленія путемъ чревосѣченія дермоидной кисты яичника, осложненной двухмѣсячною беременностью. Выздоровленіе. Нормальные срочные роды. — Журн. акуш., 1896, стр. 733.
- Кузнецкій П. В.** Оваріотомія на четвертомъ мѣсяцѣ беременности. — Еженед. Клин. Газета, 1881, № 4. (Первый въ Россіи случай оваріотоміи при беременности).
- Левицкій Г. Г. и Гогоцкій В. Н.** Удаленіе дермоидной кисты яичника черезъ прямую кишку во время родовъ. (Ovariotomy per rectum). — 1) Журн. акуш., 1897, стр. 1154; 2) Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 10, вып. 19, прил., стр. 55. (При извлеченіи щипцами, опухоль выпятилась чрезъ задній проходъ, стѣнка кишки дала разрывъ, чрезъ который выступилъ сегментъ опухоли; содержимое кисты выпущено, плодъ извлеченъ, опухоль удалена; чрезъ 33 часа смерть.)

- Львовъ И. М.** Демонстрація больной, у которой была удалена многополостная киста на 5-омъ мѣсяцѣ беременности. — Журн. акуш., 1894, стр. 987. Реф.
- Маевскій А.** Роды, осложненные кистовиднымъ перерожденіемъ яичника, кончившіеся смертью вслѣдствіе разрыва кисты и остраго перитонита. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1887 г., стр. 151.
- Мандельштамъ.** Къ казуистикѣ оваріотоміи. — Прот. зас. Общ. Одесскихъ вр. за 1889 г., зас. 18 марта. (Въ одномъ случаѣ при беременности).
- Муратовъ А. А.** Къ вопросу о кровотеченіи въ полость дермоида при маточной беременности, симулировавшемъ разрывъ плододвѣстилица при внѣматочной беременности. — Журн. акуш., 1895, стр. 603.
- Орбантъ М.** Вліяніе опухолей яичниковъ на беременность, роды и послѣродовой періодъ и ихъ лѣченіе. — Журн. акуш., 1899, стр. 490.
- Порошинъ М. Н.** Чревоушибы во время беременности (къ вопросу объ оваріотоміи и консервативной міомотоміи во время беременности). — Журн. акуш., 1897, стр. 1517.
- Порошинъ М. Н.** Къ вопросу объ оваріотоміи въ послѣродовомъ періодѣ. — Журн. акуш., 1898, стр. 602.
- Прокопьевъ Г.** Случай беременности, осложненной двусторонней кистой яичника. — Русская Медицина, 1891, №№ 45 и 46. (Оваріотомія, выкидышь на 5-ый день).
- Прокопьевъ Г.** Два случая оваріотоміи во время беременности. — Русская Медицина, 1893, № 19, стр. 295.
- Пуховскій Л.** Случай оваріотоміи, осложненной мертвою беременностью и послѣдующимъ выкидышемъ. — Ежедневникъ журн. „Практ. Мед.“, 1899, № 40.
- Руновъ Н.** Яичниковая киста и проколь у родившей женщины. — Врачебныя Вѣдомости, 1882, № 43.
- Славянскій К. Ѳ.** Случай оваріотоміи sub graviditate. — Прот. и труды русс. Хир. Общ. Пирогова, годъ 3-ій, стр. 4. Цитир. по Сборн. Слав., т. I, стр. XXII.
- Суслинъ Н. Н.** Оваріотомія на седьмомъ мѣсяцѣ беременности съ благопріятнымъ исходомъ. — Дневникъ Казанскаго Общ. вр. за 1885 г., стр. 357. (Окружность живота равнялась 139 сантиметрамъ).
- Щеткинъ Д. С.** Къ вопросу о леченіи опухолей яичниковъ у беременныхъ. — Журн. акуш., 1887, стр. 737, 831 и 992.

Эхинококкъ половыхъ и сосѣднихъ органовъ.

- Бриль.** Случай родовъ, осложненныхъ присутствіемъ эхинококковъ въ толщѣ маточной стѣнки и въ Дугласовомъ пространствѣ. — Врачъ, 1882, № 10, стр. 150.
- Гинзбургъ М.** Эхинококковая опухоль беременной матки, потребовавшая окончанія родовъ прободеніемъ головки и краниоклазомъ. — 1) Медич. Обзорѣніе, 1884, т. 21, стр. 553; 2) Приложенія къ прот. Харьков. Мед. Общ. за 1884 г., вып. 1, стр. 119.
- Першинъ А. В.** Echinococcus retro-peritonealis, graviditas IV mens. Laparotomia. Выздоровленіе. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за іюнь и іюль 1889 г.
- Рейнъ Г. Е.** Эхинококкъ сальника, осложненный беременностью. Полное удаленіе эхинококка посредствомъ чревосѣченія. Выздоровленіе. — Журн. акуш., 1887, стр. 115.

Опухоли влагалища, прямой кишки и таза.

- Жемчужниковъ В.** Случай долговременнаго задержанія головки плода въ полости матки послѣ декапитачіи. — Прот. зас. ак. гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 5, приложенія, стр. 73. (Была опухоль крестцовой кости).
- Красковскій А. И.** Демонстрація больной послѣ операціи удаленія внутритазовой опухоли. — Тоже, т. 6, вып. 12, стр. 2. Реф. (Дополнительныя свѣдѣнія къ случаю д-ра Жемчужникова; д-ромъ Сапѣжко произведено изсѣченіе нижней части крестца и вылушеніе опухоли).
- Крассовскій А. Я.** Два случая кесарскаго сѣченія, произведенные по способу Рогого. — Журн. акуш., 1888, стр. 178. (Въ 1-омъ случаѣ по поводу опухоли неподвижной, имѣющей почти хрящеватую плотность, съ широкимъ основаніемъ, занимавшимъ лѣвое крестцово-подвздошное соединеніе и большую половину крестцовой впадины.)
- Липинскій С. А.** Случай родовъ, осложненныхъ присутствіемъ дермоидной кисты въ клѣтчаткѣ таза. Разрѣшеніе путемъ операціи кесарскаго сѣченія съ благопріятнымъ исходомъ для роженицы и ребенка. — Прот. зас. Общ. вр. Могилевской губ. за 1899 г., стр. 54.

- Макѣвъ А. М.** Тазъ многородящей женщины съ наростомъ на передней стѣнкѣ его. — Врачъ, 1881, № 2. (Произведено прободеніе головки живаго плода).
- Нечипоренко В. С.** Къ казуистикѣ операций новообразованій малаго таза, препятствующихъ родоразрѣшенію. — Врачъ, 1899, № 15. (Сдѣлано кесарское сѣченіе, а впоследствии произведено удаленіе копчика съ хрящевикомъ.)
- П. П.** Серозная киста во влагалищѣ во время родовъ. Правильное окончаніе ихъ послѣ выпущенія жидкости. — Врачебныя Вѣдомости, 1879, № 341. Замѣтка.
- Петровъ В. А.** Кесарское сѣченіе изъ-за тазовой опухоли. — Врачъ, 1892, № 2. (Въ полости малаго таза круглая, неподвижная, плотная опухоль, выполняющая всю крестцовую впадину; неходъ операциі неблагополучный, вскрытія не было; какого рода опухоль, точно выяснитъ не удалось; вѣроятно, она имѣла воспалительный характеръ и явилась слѣдствіемъ сильнаго ушиба при паденіи на крестецъ за 1½ мѣсяца до родовъ, послѣ чего были сильныя боли и лихорадка съ ознобами.)
- Ракѣвъ А. П.** Случай кесарскаго сѣченія по поводу опухоли таза. — Журн. акуш., 1896, стр. 800. (Правое бедро въ верхней трети имѣетъ окружность въ 78 сантиметровъ, правая ягодица также значительно увеличена, почти вся полость малаго таза занята неподвижною плотною опухолью, довольно быстро выросшею.)
- Рейнъ Г. Е.** Демонстрація родильницы послѣ лоносѣченія. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 7, стр. 13 и 22. (Препятствіемъ къ прохожденію головки плода являлось запруженіе полости таза тремя опухолями, повидимому, фибрознаго строенія, величиною до гусиного яйца.)
- Рейнъ Г. Е.** Сообщилъ о случаѣ кесарскаго сѣченія. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 8, стр. 61. (Операциа произведена у той же больной, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ докладѣ; опухоли малаго таза значительно увеличились; настоящий случай кес. сѣченія является вторымъ за 50-лѣтнее существованіе Кіевской акушерской клиники и первымъ по благопріятному исходу.)
- Рейнъ Г. Е.** Сообщилъ о второмъ случаѣ кесарскаго сѣченія по поводу фиброзной опухоли малаго таза. — Тамъ же, стр. 73. (Опухоль, величиною съ голову поворожденнаго, плотной кон-

систенці, совершенно неподвижная, съ широкимъ основаніемъ, расположена на крестцовой кости.)

Рейнъ Г. Е. См. далѣе въ главѣ: „Кесарское сѣченіе“.

Снѣжко и Парфіановичъ. Сообщили о случаѣ родовъ, гдѣ встрѣтилось препятствіе вслѣдствіе опухоли. — Прот. зас. Общ. Калужскихъ вр. за 1882 г., стр. 18. Реф. (Опухоль расположена на передней и лѣвой стѣнкѣ прямой кишки, при схваткахъ опухоль показывалась наружу; послѣ прокола опухоли роды легко окончились.)

6. Осложненіе беременности процессами воспалительнаго характера въ половыхъ органахъ.

(Воспаленіе, гранулема, папиллярныя разращенія.)

Баскинъ С. Гранулема влагалища у беременной. — Мед. Вѣстникъ, 1884, № 12.

Какушкинъ Н. М. Къ этиологіи влагалищныхъ кровотеченій во время беременности. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1888 г., стр. 338. (Кровотеченіе изъ папиллярныхъ разращеній).

Маевскій А. И. О ревматизмѣ внутреннихъ органовъ. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1880 г., № 1. (Описывается случай ревматическаго воспаленія беременной матки).

Толочиновъ Н. Ф. Два случая мѣстнаго воспаленія въ окружности матки у беременныхъ женщинъ. — Врачебныя Вѣдомости, 1882, № 22 (№ 524). (Въ одномъ случаѣ воспаленіе лѣвой широкой связки; въ другомъ — perioophoritis sin., сопровождавшійся выкидышемъ).

7. Осложненіе беременности страданіями мочевыхъ органовъ.

Гижицкій Ю. Случай уреміи послѣ родовъ безъ явленій эклампсіи. — 1) Журн. акуш., 1897, стр. 1138; 2) Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 10, вып. 19, прил., стр. 39.

Львовъ И. М. О показаніяхъ къ производству перерыва беременности при болѣзняхъ почекъ. — Врачъ, 1899, № 24.

Красковскій А. И. Искусственные преждевременные роды при нефритѣ, осложненномъ отслойкой сѣтчатки на обоихъ глазахъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, прил., стр. 79.

Соловьевъ Г. А. См. стр. 328 „Указателя“. (Въ концѣ статьи сообщается о случаѣ піелита и катарра мочевого пузыря).

Шредеръ. Два случая кровотеченія изъ мочевыхъ путей. — Медич. Прибавленія къ Морскому Сборнику, 1864, вып. 4, стр. 438. (Въ одномъ случаѣ, касающемся беременной, было острое воспаленіе мочевого пузыря, „сопряженное съ кровотеченіемъ изъ мочевого канала“.)

8. Осложненіе беременности болѣзнями внутреннихъ органовъ.

Болѣзни органовъ кровообращенія. (Пороки сердца, аневризма, эмболія легочныхъ сосудовъ шантскими клѣтками).

Бондаревъ П. Г. Къ вопросу объ искусственномъ прерываніи беременности при различныхъ порокахъ сердца. — Журн. акуш., 1899, стр. 915.

Зельдовичъ (ж.-вр.). Vitiū cordis. Forceps. — Отчетъ Столыпинскаго (СПБ.) за 1898—1900 гг., стр. 372.

Львовъ И. М. Пороки сердца и беременность. — Еженедѣльникъ журн. „Практ. Мед.“, 1895, № 9.

Касьяновъ Н. Е. Къ вопросу объ эмболіи легкихъ плацентарными гигантами. — 1) Дисс., СПБ., 1896; 2) Врачъ, 1896, № 40. Предварительное сообщ.; 3) Журналь Русс. Общ. охраненія народнаго здравія, 1897, апрѣль. Докладъ въ Обществѣ. (Д-ръ К. произвелъ работу для провѣрки теоріи Schmorl'я, который, встрѣтивши при изслѣдованіи труповъ экламптичекъ въ легочныхъ сосудахъ закупорку гигантскими клѣтками, полагаетъ, что эти клѣтки попали туда, отдѣлившись отъ кровя ворсинъ, и предлагаетъ новую теорію объясненія эклампсіи отравленіемъ веществами, образующимися отъ распада поступающихъ въ кровь плацентарныхъ клѣтокъ. Д-ръ К. нашелъ гигантскія клѣтки во всѣхъ случаяхъ вскрытія берем. и родильницъ, гдѣ смерть произошла и отъ другихъ причинъ, помимо эклампсіи, и думаетъ, что эта эмболія представляется явленіемъ, до нѣкоторой степени, физиологическимъ.)

- Максимовъ А. А.** Къ вопросу объ эмболіяхъ легочной артеріи. — Журн. Русс. Общ. охр. нар. здравія, 1897, ноябрь, стр. 647. (Продолженіе работы д-ра Н. Е. Касьянова).
- Миловзоровъ П. А.** Сердцебиеніе во время беременности. — Медиц. Вѣстникъ, 1884, № 43.
- Соловьевъ Г. А.** Къ вопросу о беременности при хроническихъ порокахъ сердца. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1893 г., № 3.
- Къ вопросу о прерываніи беременности при хроническихъ порокахъ сердца. — 1) Медиц. Обзоръніе, 1893, т. 40, стр. 703; 2) Отчетъ Макъева (Москва) за 1892 и 93 гг., прил., стр. 47.
- Соловьевъ Г. А.** Случай смерти во время родовъ при некомпенсированномъ порокѣ сердца. — 1) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1893 г., № 4; 2) Врачебныя Записки, 1894; 3) Отчетъ Макъева (Москва) за 1892 и 93 гг., прил., стр. 55.
- Толмачевъ М.** 2 случая аневризмы брюшной аорты, развившихся послѣ беременности. — Русская Медицина, 1885, № 27. (У двухъ родныхъ сестеръ; кратко и неточно описанное наблюденіе).

Добавленіе I: Кровотеченіе изъ расширенныхъ венъ.

- Кохъ М. Б.** Два случая смертельнаго кровотеченія изъ варикозныхъ узловъ у беременныхъ. — Врачъ, 1893, № 40. (Въ 1-омъ случаѣ кровотеченіе изъ трещины въ выпавшей части влагалища; кровотеченіе остановлено лигатурой; наступили преждевременные роды, а черезъ нѣсколько дней родильница умерла „отъ злокачественнаго нарастающаго малокровія“; во 2-омъ случаѣ смерть быстро наступила послѣ появленія кровотеченія изъ разрыва варикознаго узла вблизи лодыжки.)
- Шклярскій В. М.** Смертельное кровотеченіе изъ расширенной вены. — Труды Общ. Русс. вр. въ СПб., часть IV, стр. 315. СПб., 1845. (Въ концѣ беременности, изъ *vena saphena interna* вблизи большаго пальца).

Добавленіе II: Водянка живота.

- Архиповъ А. А.** Водянка живота и матки у беременной женщины. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1859—60 г., стр. 474.

Грубе В. Ф. Осложненный случай Paracentesis abdominis. — Прот. Харьков. Мед. за 1870 г., стр. 180. (У беременной на 5-омъ мѣсяцѣ животъ сталъ быстро увеличиваться и окружность его на уровнѣ пупка достигла 142 сантиметровъ; діагнозъ: брюшная водянка при беременности; въ виду затрудненія дыханія сдѣлана пункція, выпущено $\frac{1}{2}$ ведра жидкости; чрезъ 3 дня вторая пункція, выпущено болѣе ведра жидкости; чрезъ 2 дня началась родовая дѣятельность, родилось два пятимѣсячныхъ мертвыхъ плода.)

Лямбль Д. Hydramnios? — или Ascites? — Тамъ же, стр. 186. (Л. доказываетъ, что въ описанномъ случаѣ больше вѣроятія поставить діагнозъ многоводія, чѣмъ асцита.)

Сообщеніе **Лашкевича.** — Тамъ же, стр. 197.

Сообщеніе г. **Ясинскаго.** — Тамъ же, стр. 200.

Лямбль Д. Къ исторіи случая пузырной водянки (Hydramnios) при беременности двойнями. — Приложенія къ прот. зас. Харьковскаго Мед. Общ., № 9, за 1871 г., стр. 45—63.

Возраженія г. **Пономарева** на статью г. Лямбля. — Тамъ же, стр. 65—67.

Грубе В. Ф. Разъясненіе сомнѣній, возникшихъ по поводу сообщеннаго въ Харьковскомъ Медицинскомъ Обществѣ случая Paracentesis Abdominis при Ascites у беременной. — Тамъ же, стр. 68—96.

Петровскій И. Брюшная водянка и беременность. — Москов. Медиц. Газета, 1875, № 19.

Болѣзни органовъ пищеваренія.

Александровъ И. Н. Случай неоднократнаго появленія эпулида, какъ спутника беременности. — Труды Общ. Русс. вр. въ Москвѣ за 2-ое полугодіе 1886 г., стр. 139.

Догаевъ П. В. Вліяніе беременности на костоѣду зубовъ. — Врачъ, 1882, №№ 50 и 51.

Спасскій. Желтуха въ беременности. — Военно-Мед. Журн., 1835, т. 26, стр. 530.

Тарновскій И. М. Случай ileus во время беременности и родовъ. — 1) Военно-Мед. Журн., 1877, т. 128; 2) Мед. отчетъ СПбургскаго Род. Зав. за 1873—76 гг., приложенія. (Непроходимость появилась на 5-омъ мѣсяцѣ беременности и не была устранена

оперативнымъ пособіемъ; при вскрытіи найдено хрон. воспаление брюшины, послужившее причиною непроходимости).

Федуловъ Я. С. Чревосъченіе при ущемленіи тонкой кишки у беременной. — 1) Записки Уральскаго Мед. Общ. въ Екатеринбургѣ, годъ VI, стр. 36; 2) Медиц. Обзорѣніе, 1896, т. 45, стр. 211.

Чеботаревъ П. Случай употребленія песку при запорѣ у беременной. — Земскій Врачъ, 1889, № 11. (Дѣйствіе кишечника наступало, если беременная употребляла по 2 глубокихъ тарелки песку въ день).

Болезни крови, обмѣна веществъ и питанія.

Берберовъ Л. И. Къ вопросу о сахарѣ въ мочѣ беременныхъ, родильницъ и кормящихъ грудью. — Дисс., Спб., 1893.

Предварительное сообщеніе. — Врачъ, 1893, № 16.

Грегори В. Diabetes insipidus; выздоровленіе послѣ родовъ. — Военно-Мед. Журн., 1875, т. 123.

Пяткинъ А. И. Случай родовъ при заболѣваніи скорбутомъ. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1900 г., стр. 28.

Репревъ А. В. О зависимости дѣятельности половой сферы отъ питанія организма. — Врачъ, 1888, №№ 36 и 37. Экспер. изслѣд.

Рудольскій Л. В. Къ вопросу о беременности при недостаточномъ питаніи организма. — Предв. сообщ. — Врачъ, 1891, № 5.

О беременности у животныхъ при недостаточномъ питаніи организма. — Дисс., Спб., 1893.

Рылло А. И. Случай morbi maculosi Werlhofii и вліяніе ея на теченіе беременности. — Труды Общ. вр. гг. Ростова на Дону и Нахичевани за 1897 г.

Инфекціонныя болѣзни. О переходѣ микроорганизмовъ отъ матери къ плоду.

Абуладзе Д. Къ вопросу о вліяніи заболѣванія холерою на теченіе беременности. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 7, приложенія, стр. 111.

- Быховскій С. Б.** Вліяніе беременности и родовъ на бугорчатку легкихъ. — Труды Общ. Кіевскихъ вр., т. IV, вып. 2, стр. 158. Кіевъ, 1898.
- Гельманъ Г.** Случай беременности, родовъ и послѣродоваго состоянія, осложнившихся скарлатиной. — Медич. Обзорѣніе, 1892, т. 37, стр. 134.
- Гиммельфарбъ Г.** Объ искусственномъ перерывѣ беременности при легочной бугорчаткѣ. — Южно-русская Мед. Газета, 1895, №№ 7 и 8.
- Гордзялковскій И.** Къ вопросу о переходѣ бактерій антраха чрезъ плаценту овецъ. — Дисс., Харьковъ, 1896.
- Кавецкій Е. Л.** Легочная форма сибирской язвы у беременной. — Медич. Обзорѣніе, 1900, т. 53, стр. 807.
- Каминскій С. С.** Къ ученію о теченіи беременности подъ вліяніемъ тифа и возвратной горячки (*febris recurrens*). — 1) Дисс., Москва, 1866; 2) Приложение къ Моск. Мед. Газетѣ за 1866 г.
- Z.** Библиографическая замѣтка. — Моск. Мед. Газета, 1866, № 49.
- Каминскій С. С.** Замѣтка на библиографическую замѣтку г. Z. — Тоже за 1867 г., № 1/2.
- Каминскій С. С.** Условія и причины измѣненнаго сердцебіенія утробнаго дитяти при горячечныхъ болѣзняхъ матери. — Моск. Мед. Газ., 1867, №№ 13—22.
- Ковальскій О. Ю.** Холера у беременныхъ. — Русская Медицина, 1894, № 46.
- Колесниковъ Н.** Патолого-анатомическія измѣненія въ тканяхъ плодовъ бѣшенныхъ собакъ. — Журн. Руднева, 1875, т. IX.
- Колли В.** Случай внутриутробнаго зараженія плода брюшнотифозными бациллами. — Врачебныя Записки, 1896, № 16.
- Короткевичъ И. Д.** Дифтеритъ у беременной. — Русская Медицина, 1887, № 33.
- Красногладовъ Е. И.** Нѣсколько замѣчаній относительно дѣйствія сѣрно-кислаго хирина въ лихорадкахъ на беременную матку. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1858—59 г., стр. 361.
- Кубасовъ П.** О переходѣ патогенныхъ микробовъ отъ матери къ плоду. — (Предв. сообщ.). — Русская Медицина, 1885, № 3 и № 22.
- Лебедевъ А. И.** О внутриутробной передачѣ рожи. — Ежемед. Клин. Газета, 1886, №№ 14 и 15.

- Левандовскій Г. А.** Сообщилъ случай остраго ревматизма сочлененій у беременной на 9-омъ мѣсяцѣ. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1876 г., № 2.
- Львовъ И. М.** Къ вопросу о вліяніи перемежной лихорадки на теченіе беременности и утробный плодъ. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1882 г., № 22.
- Львовъ И. М.** О вліяніи гриппа (influenza) на теченіе беременности. — Медиц. Обзорѣніе, 1890, т. 33, стр. 149.
- Львовъ И. М.** О вліяніи сыпнаго тифа на теченіе беременности и утробный плодъ. — Журн. акуш., 1893, стр. 24.
- Мамуровскій А.** Случай внутриутробнаго зараженія возвратнымъ тифомъ. Къ вопросу о передачѣ плоду болѣзни матери черезъ плацентарное кровообращеніе. — Медиц. Обзорѣніе, 1895, т. 44, стр. 708.
- Пликусъ.** Острыя заразныя болѣзни, осложняющія беременность. — Акушерка, 1900, № 17/18.
- Ратимовъ В.** Къ патологіи беременной матки при тифѣ. — Медиц. Вѣстникъ, 1876, № 30.
- Ростовцевъ М. И.** О переходѣ сибиреязвенныхъ бациллъ отъ матери къ плоду у человѣка при *pustula maligna* и о распространеніи ихъ въ организмъ матери. — Архивъ Подвысоцкаго, 1898, т. V.
- Соловьевъ Г. А.** Къ вопросу о маляріи при беременности и послѣ родовъ. — 1) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1894 г., стр. 3; 2) Врачебныя Записки, 1894, № 5; 3) Отчетъ Макѣева (Москва) за 1892 и 93 гг., прил.
- Сочава Н. А.** О вліяніи дифтерита на беременность. — Врачъ, 1883, № 33.
- Сутугинъ В. В.** Прививаніе предохранительной оспы беременнымъ женщинамъ. — Медиц. Вѣстникъ, 1871, № 31.
- Суховецкій І. Б.** Наблюденія надъ холерными заболѣваніями у беременныхъ. — 1) Журн. акуш., 1897, стр. 1163; 2) Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 10, вып. 19, приложенія, стр. 65.
- Типяковъ В. В.** Нѣсколько замѣчаній о холерѣ у женщинъ. — Медиц. Обзорѣніе, 1892, т. 38, стр. 538. (Вліяніе на беременность и патолого-анатомическія измѣненія въ половыхъ органахъ).
- Толмачевъ Н., Асташевскій П. и Котовщиковъ Н.** Вліяніе холеры на ходъ беременности и жизнь плодовъ въ эпидемію истекшаго

года. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1873 г., стр. 7.
Краткая замѣтка.

Урвичъ Б. О. О переходѣ бациллъ, при septicaemia muris изъ крови матери въ кровь плода. — Труды Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1884—85 г., стр. 123.

Къ вопросу о переходѣ микроорганизмовъ изъ крови матери въ кровь плода. — Дисс., СПб., 1885.

Фагонскій О. О. Къ вопросу о вліяніи беременности на теченіе туберкулеза. — Архивъ Подвысоцкаго, 1898, т. VI. (Экспер. изсл. на морскихъ свинкахъ).

Хазанъ С. Ю. О вліяніи гриппа на заболѣванія половыхъ органовъ. — Акушерка, 1894, № 2.

Черепнинъ Н. П. Вліяніе беременности на теченіе сифилиса. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1877—78 г., стр. 77.

Ивановскій Н. П. Случай сифилитическаго выкидыша. — Тамъ же, стр. 85. (Д-ръ Ч. сообщилъ о случаѣ интересномъ по соотношенію сифилиса съ беременностью, а Н. П. Ивановскій — о результатахъ вскрытія сифилитическаго плода).

Якубъ. О вліяніи острыхъ заразныхъ заболѣваній на теченіе беременности, родовъ и послѣродоваго періода. — Журн. акуш., 1897, стр. 1074. Реф. доклада на XII Междунар. Съѣздѣ.

9. Осложненіе беременности заболѣваніемъ глазъ.

Родзевичъ Г. I. Изъ гинекологической практики. — Русская Медицина, 1894, № 25. (Между другими наблюденіями сообщается о случаѣ куриной слѣпоты).

Красковскій А. И. См. стр. 351 „Указателя“.

Козловскій К. С. Офтальмоскопическое наблюденіе у беременной женщины. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1861—62 г., стр. 265.

10. Осложненіе беременности болѣзнями кожи.

Райхъ М. З. Накожные болѣзни у беременныхъ. — Акушерка, 1898, № 7/8.

Черепнинъ Н. Вліяніе беременности на теченіе заболѣваній кожи. — Медич. Вѣстникъ, 1874, №№ 17 и 18.

11. Осложненіе беременности психическими и нервными заболѣваніями.

- Выгодскій Я. Е.** Четыре случая *polyneuritis puerperalis et graviditatis*. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1896 г., стр. 73.
- Вяжлинскій Н.** Базедова болѣзнь и беременность. — Ежемед. Клин. Газета, 1885, № 20. (Въ литературѣ вездѣ указывается на то, что беременность оказываетъ благопріятное дѣйствіе на теченіе Базед. болѣзни, въ сообщаемомъ же случаѣ, наоборотъ, подъ влияніемъ беременности произошло разстройство компенсаціи сердечной дѣятельности, настолько рѣзкое, что пришлось прибѣгнуть къ искусств. преждеврем. родамъ.)
- Грумъ К. И.** Обмороки у беременныхъ. — Другъ Здравія, 1839, стр. 247. Замѣтка.
- Зейдлеръ П.** Отклоненія въ психической сферѣ женщины во время беременности и родовъ и ихъ судебнo-медицинское значеніе. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1874—75 г., стр. 44.
- Ковалевскій П. И.** Душевное состояніе беременныхъ и психозы беременности. — Вѣстникъ Общ. Гиг., Суд. и Практ. Мед., 1894, т. XXI, отд. III, стр. 6.
- Колбасенко И. С.** Къ вопросу о причинахъ *pruritus universalis* у беременныхъ. — Журн. акуш., 1895, стр. 721. (Въ виду того, что у беременной были явленія диспепсіи и околоплодная вода окрашены въ зеленовато-желтый цвѣтъ, а послѣ родовъ зудъ тотчасъ исчезъ, авторъ полагаетъ, что зудъ былъ токсическаго происхожденія и происходилъ отъ выдѣленія чрезъ кожу веществъ, образовавшихся въ околоплодной жидкости вслѣдствіе диффузіи продуктовъ разложенія изъ кишечнаго канала.)
- Левестамъ.** Необыкновенный болѣзненный припадокъ у беременной. — Москов. Врачебный Журн., 1847, стр. 95. Реф. (Ощущеніе холода въ области таза и живота).
- Львовъ И. М.** Хроническій алкоголизмъ — прихоть беременности и причина преждевременныхъ родовъ. — Медиц. Вѣстникъ, 1884, № 33.
- Муратовъ А. А.** Сообщилъ о случаѣ парѣза половины тѣла при беременности. — Труды Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1878 г., стр. 17. Очень краткій реф.
- Орловъ В. П.** Столбнякъ у беременной. — Медиц. Вѣстникъ, 1876, № 28. (Повидимому, судороги истерическаго характера).

- Стембо Л. С.** Случай множественнаго дегенеративнаго неврита у беременной послѣ неукротимой рвоты. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1895 г., стр. 279.
- Щеткинъ Д. С.** Случай хорей у беременной. Ежемед. Клин. Газета, 1882.
- Язвицкій.** Къ казуистикѣ психозовъ беременности. — Ежемедьельникъ журн. „Практ. Мед.“, 1899, № 19.

12. Осложненіе беременности хирургическими болѣзнями.

Травмы и раненія половыхъ и другихъ органовъ.

- Боряковскій А. Г.** Къ казуистикѣ травматическихъ поврежденій наружныхъ половыхъ органовъ у беременныхъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 1, вып. 1, прил., стр. 55. (Вслѣдствіе паденія верхомъ на перила балкона произошло глубокое разможженіе тканей въ области преддверія и отверстія уретры съ разсѣченіемъ губъ и отслойкой тканей отъ симфізы; отыскать отверстіе уретры оказалось невозможнымъ, пришлось вскрыть ее на протяженіи и оттуда провести зондъ, затѣмъ уже сдѣлана операція; чрезъ двѣ недѣли — преждевременные роды мацерир. плодомъ.)
- Бурлаковъ В. М.** Особыя травматическія осложненія беременности: проникающія раны беременной матки и т. наз. utero-intestinal'ныя фистулы. — Медиц. Бесѣда, 1900, № 24. (Литературный обзоръ).
- Васильевъ В. В.** Случай осложненнаго перелома голени у беременной на 9-омъ мѣсяцѣ. — Медиц. Вѣстникъ, 1879, № 49.
- Вертель.** О произвольномъ переломѣ бедра у беременной. — Русская Медицина, 1885, № 9. Реф.
- Виноградовъ А. Т.** Оригинальныя показанія къ laparotomia. — Русская Медицина, 1888, № 21. (Для извлеченія обломковъ деревяннаго аршина, втолкнутаго мужемъ больной во влагалище при 7-мѣсячной беременности.)
- Зейдлеръ П. Н.** Къ вопросу о вліяніи травмъ на беременность. — Труды Общ. русс. вр. въ СПБ. за 1882—83 г., стр. 85.
- Какушкинъ Н. М.** Случай раненія половыхъ органовъ у беременной. — Прот. Тамбов. Мед. Общ. за 1889 г., стр. 55. (Бере-

менная сшиблена съ ногъ экипажемъ; кровотеченіе изъ происшедшей трещины кавернознаго тѣла клитора).

Нейгебауеръ Ф. Л. Самоубійство беременной посредствомъ прыжка изъ окна 4-го этажа на каменную мостовую. — Полный разрывъ матки, переломъ костей черепа и таза, тройной переломъ послѣдняго поясничнаго позвонка, *sectio caesarea in mortua*, мертвый ребенокъ, внутриматочный переломъ черепа. — Труды Русс. Мед. Общ. при Варш. Унив., 1890, т. II, вып. 1.

Никитинъ М. Д. О вліяніи наружной травмы на исходъ беременности. — Труды Общ. русс. вр. въ Москвѣ за 2-ое полугодіе 1883 г., стр. 214.

Прозоровскій Н. Случай заживленія тяжелаго огнестрѣльнаго раненія у беременной женщины. — Врачебныя Вѣдомости, 1879, № 398. (Выше пупка двѣ небольшія раны и многочисленныя раненія на конечностяхъ).

Рубецъ Н. Г. Случай огнестрѣльнаго поврежденія беременной матки на 9-омъ мѣсяцѣ. — Журн. акуш., 1898, стр. 558. Корресп.

Фраткинъ Б. А. Разрывы мочеваго пузыря у женщинъ. — Случай разрыва мочеваго пузыря у беременной. — Лѣтопись Русской Хирургіи, 1898, т. III, книга 3.

Хандриковъ В. Ѳ. Докладъ объ рѣдкомъ случаѣ *hysterotomiae*. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, т. II, стр. 48. (Беременная на послѣднемъ мѣсяцѣ при паденіи наткнулась на желѣзный листъ, который разрѣзалъ брюшную стѣнку).

Хламовъ В. И. Самопроизвольный переломъ во время беременности. — Ежемед. Клин. Газета, 1886, № 47.

Шклярскій В. М. О случаѣ разрыва *lineae albae* въ концѣ беременности при чиханіи. — Другъ Здравія, 1838, № 19. Реф. Разрывъ бѣлой линіи брюха у женщины въ послѣднемъ срокѣ беременности, благополучно излеченный. — Труды Общ. Русс. вр. въ СПБ., часть II, годъ 1840, стр. 275. (Отъ чиханія образовалась опухоль въ брюшной стѣнкѣ).

Хирургическія операціи при беременности.

Полѣновъ А. Л. Сообщилъ случай нефротоміи при гнойномъ піелитѣ вслѣдствіе камня. — Прот. Орловскаго Мед. Общ. за 1898 г., стр. 14.

- Рахмановъ А. Н.** Случай экстирпации блуждающей селезенки у беременной. — Медич. Обзорѣніе, 1896, т. 45, стр. 611.
- Ростошинскій Р. П.** Два случая эхинококка изъ моей больничной практики. — Прот. Тамбов. Мед. Общ. за 1890 г., стр. 141. (Эхинококкъ печени у беременной во второй половинѣ; абсцессъ въ области пупка, вскрытъ разрѣзомъ; выздоровленіе).
- Федуловъ Я. С.** Чревосѣченіе при ущемленіи тонкой кишки у беременной. — 1) Записки Уральскаго Мед. Общ. въ Екатеринбургѣ, т. VI, стр. 36; 2) Медич. Обзорѣніе, 1896, т. 45, стр. 211.

13. Внѣматочная беременность.

- Агафоновъ С. Н.** Случай повторной внѣматочной беременности. — Сборникъ Славянскаго, т. I, стр. 355.
- Андріяшевъ К.** Случай трубной беременности (*graviditas tubae Fallopii*). — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1896 г., стр. 247. (Скоропостижная смерть, вскрытіе).
- Артемьевъ А. П.** Случай *laparokelyphotomiae* при внѣматочной беременности, симулировавшей кистому яичника. — Научныя Бесѣды вр. Закавказ. Пов. Инст., годъ 3-ій. Тифлисъ, 1888.
- Барская.** Случай внѣматочной беременности. — Прот. Общ. Одесскихъ вр., зас. 24 ноября 1884 г. (Вскрытіе).
- Бекманъ В. Г.** Къ ученію о междуточной беременности (*graviditas interstitialis*). — Врачъ, 1898, №№ 15 и 17.
- Бенисовичъ Н.** Къ вопросу о внѣматочной беременности. — Хирург. Вѣстникъ, 1892, стр. 1411. (Случай съ операцией).
- Бобровницкій.** Необыкновенное образованіе *ani*. — Другъ Здравія, 1843, стр. 77. (Около пупка образовался нарывъ, изъ коего больная сама вынимала кости плода.)
- Бобровъ В.** Къ вопросу о внѣматочной беременности. Случай громаднаго внутренняго кровотеченія вслѣдствіе разрыва беременной на пятомъ мѣсяцѣ трубы, излѣченный чревосѣченіемъ. — Хирургія, 1897, т. 1, стр. 64.
- Бобаевскій А. Т.** *Graviditas extrauterina abdominalis. Laparokelyphotomia.* Выздоровленіе. — Хирург. Вѣстникъ, 1885, стр. 498.
- Богдановъ П. Ф.** Къ вопросу о внѣматочной беременности. — Журн. акуш., 1899, стр. 531.
- Буяльскій И. В.** Краткое описаніе брюшной беременности (*graviditas abdominalis s. ventralis*), послѣ которой кости согнившаго

зародыша, спустя 12 лѣтъ, вышли чрезъ нарывъ, прорвавшийся въ прямую кишку, съ совершеннымъ выздоровленіемъ матери. — Военно-Мед. Журн., 1831, т. 17, стр. 3.

Буяльскій И. В. Анатомико-патологическое разсмотрѣніе вѣматочной беременности. — Записки по части Врачебныхъ Наукъ, 1843, книжка 1-ая, стр. 57. (Операція произведена К. Ф. Арендтомъ, плодъ вѣсилъ 8 аптек. фунтовъ, послѣдъ остался въ брюшной полости, оперированная прожила 2 дня.)

Буяльскій И. В. Выхожденіе костей согнившего зародыша, спустя 12-ть лѣтъ, чрезъ нарывъ, открывшійся въ прямую кишку матери, и вообще о вѣматочныхъ беременностяхъ. — Другъ Здравія, 1856, №№ 17 и 18.

Бѣляевъ Я. П. Случай чревосѣченія при вѣматочной беременности. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 1, вып. 2, стр. 5. Реф.

Варнекъ Л. Н. Случай вѣматочной беременности, чревосѣченіе при мертвомъ плодѣ съ удаленіемъ всего плоднаго мѣшка. — Медиц. Обзорѣніе, 1889, т. 32, стр. 711.

Варнекъ Л. Н. Демонстрація препарата вѣматочной беременности. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1895 г., № 1, стр. 26.

Варнекъ Л. Н. Случай одновременной внутри- и вѣматочной беременности. — Тоже за 1900 г., стр. 31.

Васильевъ. Разрывъ матки во время родовъ. — Другъ Здравія, 1844, стр. 39. Реф. (Авторъ полагаетъ, что въ сообщаемомъ случаѣ произошелъ разрывъ матки, плодъ вышелъ въ брюшную полость и остается тамъ 9 лѣтъ.)

Хоменко А. Т. Разборъ статьи Васильева „разрывъ беременной матки“. — Тамъ же, № 11. (Общество Русс. вр. въ СПБ., гдѣ было сдѣлано сообщеніе Васильева, поручило А. Т. Хоменко дать свое заключеніе объ этомъ случаѣ; Х. допускаетъ возможность такого толкованія случая).

Вастень В. А. Краткій обзоръ 77 случаевъ вѣматочной беременности. — Журн. акуш., 1896, стр. 707.

Венеръ А. Р. О кольпотоміи при вѣматочной беременности. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1898 г., № 2, стр. 24. (Высказывается противъ кольпотоміи, такъ какъ въ 1-омъ случаѣ въ заднемъ сводѣ остался болѣзненный рубецъ, во 2-омъ — пришлось перейти къ лапаротоміи, въ 3-емъ — черезъ часъ послѣ операціи появилось кровотеченіе, для остановки коего пришлось удалить матку.)

- Верцинскій У. Э.** Къ дифференціальной діагностикѣ трубной беременности и сальпинго-оофорита. — Медиц. Обзорѣніе, 1892, т. 37, стр. 313.
- Владиміровъ В. В.** Сообщилъ о двухъ случаяхъ внѣматочной беременности, оперированныхъ въ клиникѣ проф. Н. Н. Феноменова. — Врачъ, 1895, № 7. Реф. докл.
- Воскресенскій А.** Практическія замѣчанія о внѣматочной беременности (*graviditas extrauterina*). — Труды Общ. Русс. вр. въ СІБ., часть IV, стр. 248. СІБ., 1845. (Составлено по литературнымъ даннымъ, безъ собственнаго матеріала).
- Воскресенскій М. А.** Демонстрація препарата внѣматочной беременности. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 9, прот. № 75.
- Воффъ И. А.** Къ теченію и лѣченію внѣматочной беременности. — Медиц. Обзорѣніе, 1900, т. 54, стр. 609.
- Гальбрейхъ Н. Л.** Гематома широкой связки въ зависимости отъ внѣматочной трубной беременности. — 1) Врачебныя Записки, 1899, № 12/13; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1899 г., стр. 69.
- Горвицъ М. И.** Къ казуистикѣ внѣматочной беременности. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СІБ. за 1868—69 г., стр. 213. (Протоколь вскрытія).
- Гороховъ Д. Е.** Случай чревосѣченія при внѣматочной беременности. — Хирург. Лѣтопись, 1895, т. V, стр. 951.
- Гороховъ Д. Е.** Къ казуистикѣ внѣматочной трубной беременности. — Медиц. Обзорѣніе, 1897, т. 48, стр. 685.
- Гроссгеймъ А.** Случай внѣматочной беременности, принятой за кисту яичника. — (Операція проф. Шимановскаго). — Современная Медицина, 1865, № 7. (Съ протоколомъ вскрытія).
- Губаревъ А. П.** Нѣсколько случаевъ врожденныхъ аномалій тазовыхъ органовъ и покрывающей ихъ брюшины. — Журн. акуш., 1899, стр. 319. Пунктъ в): Случай эктопической беременности, развившейся въ овариальномъ мѣшкѣ и случай „*ovarian hydrocele*“.
- Гурвичъ Б. С.** *Graviditas extrauterina*. — Прот. зас. и труды Бѣлосток. Мед. Общ. за 1897—1900 гг., вып. 1, стр. 33. Ауторефератъ.
- Давыдова-Шепелева В. В.** Случай доношенной эктопической беременности. Чревосѣченіе чрезъ 1 годъ и 8 мѣс. послѣ смерти плода. — Журн. акуш., 1900, стр. 1491. Корресп.

- Де-Котъ.** Беременность, кончившаяся изверженіемъ согнившего младенца чрезъ нарывъ брюха съ выздоровленіемъ матери. — Записки по части Врачебныхъ Наукъ, 1843, книжка 3, стр. 118.
- Домашевичъ А. С.** Сообщилъ о случаѣ внѣматочной трубной беременности. — Прот. Омскаго Мед. Общ. за 1899—1900 г., вып. 2, стр. 206.
- Драницынъ А. А.** Клиническіе матеріалы къ ученію о трубной беременности. — Журн. акуш., 1895, стр. 501. (13 оперированныхъ и 9 неопер. случаевъ; продолженіе ряда случаевъ **Д. О. Отта**, опубликованныхъ имъ во „Врачъ“ за 1893 г.)
- Дыскій И.** Четыре случая внѣматочной беременности. — Хирургія, 1900, т. 7, стр. 365.
- Еджубовъ.** Объяснительная записка къ случаю внѣматочной беременности, при которой семимѣсячный плодъ былъ извлеченъ изъ задняго прохода по истеченіи двухъ лѣтъ. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1881—82 г., № 10, зас. 16 ноября.
- Дальнѣйшія подробности объ этомъ случаѣ см. въ тѣхъ же прот., зас. 2 октября 1882 г.
- Живописцевъ Н. А.** Къ казуистикѣ внѣматочной беременности. — Медиц. Обзорѣніе, 1883, т. 20, стр. 482. (Случай вскрытія умершей безъ операціи).
- Живописцевъ Н. А.** Graviditas extrauterina tubaria. — Труды ак. гин. Общ. въ Москвѣ за 1890 г., № 6.
- Журковскій Ф.** Случай беременности фаллопиевой трубы (graviditas tubaria). — Другъ Здравія, 1852, № 18. (Протоколъ вскрытія).
- Заяицкій С. С.** Операція внѣматочной беременности на мертвомъ плодѣ съ удаленіемъ всего мѣшка. Выздоровленіе. — Медиц. Обзорѣніе. 1888; т. 29, стр. 32.
- Заяицкій С. С.** Внѣматочная брюшная беременность. Операція на мертвомъ плодѣ. Выздоровленіе. — Тоже, 1888, т. 30, стр. 300.
- Заяицкій С. С.** Случай межсвязочной беременности (graviditas interligamentaris). Тоже, 1894, т. 42, стр. 685.
- Заяицкій С. С.** См. двѣ работы его на стр. 273 „Указателя“.
- Земацкій и Котельниковъ.** Вливаніе солянаго раствора въ вены ради остраго малокровія при внѣматочной беременности. — Врачъ, 1885, № 33.
- Змигородскій К. І.** Къ вопросу о чревосѣченіи при внѣматочной беременности послѣ смерти плода. Прот. и труды Русс. Хир. Общ. Широкова за 1884—85 г.

- Змигородскій К. І.** Къ ученію о вѣматочной беременности. Симптомы, исходы и лечение вѣматочной беременности. — Дисс., Спб., 1886.
- Змигородскій К. І.** О вѣматочной беременности въ Россіи. — Сборникъ Славянскаго, т. I, стр. 319.
- Ивановъ А. И.** Матеріалы къ вопросу о вѣматочной беременности. — Журн. акуш., 1892, стр. 132 и 224.
- Иванченко.** Подробное описаніе операціи, произведенной надъ крестьянкою Ириною Петровою крестьяниномъ Шамакою. — Другъ Здравія, 1844, стр. 20. („На лѣвой сторонѣ живота выше пупа была большая красная твердая опухоль“ „ощупываніемъ перстами можно узнать, что она была причиняема младенцемъ“ „Иванъ Шамака, опасаясь разрѣзать опухоль, положилъ на оную пластырь“ „Оставивъ больную, онъ поѣхалъ въ подвѣдомственный Приказъ, чтобы пригласить Голову и Писаря быть свидѣтелями предположенной имъ операціи. Но они отказались“ „Шамака, чрезъ три дня возвратясь къ больной, приглашалъ деревенскаго Старосту присутствовать при операціи; но когда и онъ отказался, то Шамака принужденъ былъ одинъ въ присутствіи мужа страдалицы совершить операцію“ „По снятіи пластыря, Шамака нашелъ всю опухоль испортившеюся и перешедшею въ большую открытую язву“ „При тщательномъ осмотрѣ язвы, сначала онъ вынулъ щипцами нѣсколько отдѣлившихся реберъ младенца, потомъ, разширяя рану, и отдѣляя испорченныя части обшихъ покрововъ острымъ перочиннымъ ножикомъ, ощупалъ младенца“ „Главная операція Шамаки состояла въ томъ, что, захвативъ щипцами позвоночный столбъ, и нѣсколько разшевеливъ его, осторожно вынулъ пѣлый оставъ младенца“.)
- Игнатовскій А. С.** Демонстрація препарата 5-недѣльной трубной беременности. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 7, стр. 50. (Суд.-мед. вскрытіе скоропостижно умершей).
- Исполатовъ А.** Къ вопросу о значеніи патологическихъ измѣненій яйцепроводовъ въ этиологіи безплодія и вѣматочной беременности. — Дисс., Москва, 1883. Цитир. по лит. указ.
- Каблуковъ А. Ѳ.** Graviditas extrauterina tubaria sin.; разрывъ плоднаго мѣшка; чревосѣченіе in extremis; выздоровленіе. — 1) Хирург. Лѣтопись, 1894, т. IV, стр. 981; 2) Прот. и труды Общ. Симферопольскихъ вр. за 1893—94 г., стр. 147.

- Каблуковъ А. Ѳ.** Случай 7-мѣсячной вѣматочной беременности, оперированной черезъ влагалище. — Прот. и труды Общ. Симфер. вр. за 1900 г., отд. трудовъ, стр. 63.
- Кадьянъ А. А.** Вѣматочная беременность заносомъ. — 1) Журн. акуш., 1889, стр. 342; 2) Труды Общ. Русс. вр. въ Спб., сообщено 9 марта 1889 г.
- Калабинъ И. С.** Случай вѣматочной беременности, леченный электричествомъ. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1888 г., № 1.
- Калабинъ И. С.** Случай вѣматочной беременности, леченный индуктивнымъ токомъ. — Тоже за 1889 г., № 10.
- Кашеварова В.** О свободныхъ тѣлахъ брюшной полости и о вѣматочной беременности. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ Спб. за 1868—69 г., стр. 425. (Найдено у самки-кролика).
- Кашкадамовъ.** О вѣматочной беременности. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1869—70 г., стр. 231. (См. далѣе случай **Э. Р. Кушелевскаго**).
- Кирѣевъ Д. М.** О методахъ оперативнаго лѣченія остановившейся въ своемъ развитіи вѣматочной беременности. — Сборникъ Славянскаго, т. I, стр. 337.
- Козловъ Н. А.** Два случая вѣматочной беременности. — Труды Общ. вр. гг. Ростова на Дону и Нахичевани за 1900—1901 г.
- Коппе Р.** Абдоминальная аутотрансфузія при острой послѣродовой анеміи головного мозга. — Медиц. Обзорѣніе, 1885, т. 24, стр. 332. (Сдавливаніе живота для перемѣщенія крови; примѣнено однажды и при разрывѣ трубнаго мѣшка.)
- Космовскій Ю. А.** Случай естественныхъ преждевременныхъ родовъ при существованіи брюшной беременности. — Прот. и труды Общ. Арханг. вр. за 1891 г., вып. 1, стр. 50. (Заглавіе взято изъ оглавленія тома; замѣтка по поводу доклада д-ра **Большесольскаго** о случаѣ haematocеле).
- Котелянскій Б. О.** Два случая вѣматочной беременности. — Медиц. Обзорѣніе, 1890, т. 33, стр. 919. Объ этихъ случаяхъ сдѣлано сообщеніе д-ромъ **Онуфриевымъ** въ Уральскомъ Мед. Общ. 17 апр. 1890 г.)
- Котелянскій Б. О.** Къ діагностикѣ вѣматочной беременности въ раннихъ стадіяхъ. (По поводу четырехъ случаевъ вѣматочной беременности). — Записки Уральского Мед. Общ. въ Екатеринбургѣ, годъ 2-ой, вып. 2.
- Красновъ В. О.** Объ исходѣ вѣматочной беременности въ литопедіонъ. — Медиц. Обзорѣніе, 1900, т. 53, стр. 848.

- Крассовскій А. Я.** Внѣматочная беременность — вѣроятно трубно-яичниковая лѣвой стороны — прерванная на 4-омъ мѣсяцѣ проколомъ плоднаго яйца черезъ сводъ влагалища. — Врачъ, 1882, № 24.
- Крассовскій А. Я.** Рѣчь председателя Акушерско-Гинекологическаго Общества А. Я. Крассовскаго произнесенная въ засѣданіи 19 апрѣля 1890 г. — Журн. акуш., 1890, стр. 305.
- Кузнецкій П. В.** О лапаротоміи при внѣматочной беременности съ демонстраціею каменнаго плода. — Прот. VІІ Съѣзда русс. естествоисп. и вр., прот. 2-го зас. Мед. Секціи. Реф.
Лапаротомія при внѣматочной беременности. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив., 1884, № 3. (Съ описаніемъ 2 случаевъ).
- Кушелевскій Э. Р.** Случай продолжительнаго задержанія плода въ маткѣ. — Мед. Вѣстникъ, 1865, № 23. (Присоединено примѣчаніе Редакціи, которая высказываетъ предположеніе, не есть ли это случай внѣматочной беременности.)
Случай продолжительнаго пребыванія плода въ маткѣ. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1865—66 г., вып. 1, стр. 26.
Докладъ Комиссіи, избранной Обществомъ для разбора сообщенія Э. Р. Кушелевскаго. — Тамъ же, стр. 30. (Комиссія нашла, что въ данномъ случаѣ была трубно-маточная беременность, причемъ плодъ опустился въ полость матки и изъ него образовался lithopedion, остающійся въ маткѣ.)
- Кушелевскій Э. Р.** Случай внѣматочной беременности. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1869—70 г., стр. 28. (Авторъ сознается въ поспѣшности и неосновательности своего мнѣнія о продолжительномъ задержаніи плода въ маткѣ и соглашается съ указаніями Комиссіи и Редакціи Мед. Вѣстника; дальнѣйшія наблюденія убѣдили его въ наличности внѣмат. беременности: во влагалищѣ имѣется отверстіе, ведущее въ мѣшокъ съ костями плода; въ концѣ концовъ образовался свищъ въ брюшной стѣнкѣ, черезъ который выходили кости плода.)
- Лебедевъ А. И.** Къ терапіи внѣматочной беременности. — Труды Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1890—91 г., сообщено 22 ноября 1890 г. (Случай чревосѣченія при мертвомъ доношенномъ плодѣ съ удаленіемъ плоднаго мѣшка).
- Лебедевъ А. И.** Къ казуистикѣ, распознаванію и лѣченію внѣматочной беременности. — Врачъ, 1891, № 48, стр. 1093. Реф.

то онъ колебался, по указанію Варрона, отъ самъ-десять до самъ-пятнадцать въ зависимости отъ плодородія почвы⁴⁷⁵). Такимъ образомъ, сравнивая количество зерна пшеницы, высьянной на *одинъ югеръ*, съ урожаемъ, полученнымъ съ него, мы имѣемъ слѣдующія данныя:

	Худшая почва.	Средняя почва.	Хорошая почва.
Высьвъ пшеницы:	6 модіевъ	5 модіевъ	4 модія
Размѣръ урожая:	самъ-десять ⁴⁷⁶)	самъ-двѣнадцать	самъ-пятнадцать
	или 60 модіевъ	или 60 модіевъ	или 60 модіевъ
Чистый сборъ:	54 "	55 "	56 "
Количество пшеницы, приходящееся въ среднемъ на пропитаніе чловѣка въ мѣсяцъ:	4 ¹ / ₂ "	4 ² / ₁₂ "	4 ² / ₃ "

3. Сопоставляя данныя источниковъ о солдатскомъ пайкѣ въ 3¹/₃ модія съ пайкомъ работника-раба въ 4 и 4¹/₂ модія, мы видимъ, что урожай съ одного югера въ 60 модіевъ, за вычетомъ сѣмянъ, даетъ въ среднемъ для мѣсячнаго про-

2, 75; *Plin.* Н. Н. XVIII, 24, 198. *Pall.* X, 3, 1; XII, 1, 1 (болѣе подробно см. *Voigt*, I. c. S. 60, Anm. 21).

475) *Varr.* R. R. I, 44, 1: „ut ex eodem semine, aliubi cum decimo redeat, aliubi cum quintodecimo, ut in Hetruria, et locis aliquot in Italia.“ Иначе — въ позднѣйшій періодъ римской исторіи; см., напр., *Col. R. R.* III, 3, 4: „nam frumenta maiore quidem parte Italiae quando cum quarto responderint, vix meminisse possumus“. См. *Voigt*, I. c. S. 60, Anm. 22.

476) Понижая урожайность до самъ-восемь, мы получимъ все-таки при 6 модіяхъ сѣмянъ на мѣсячное пропитаніе 3¹/₂ модія, т. е. не ниже, чѣмъ солдатскій паекъ въ 3¹/₃ модія. — Въ основаніе нашего расчета мы положили комбинированныя данныя *Col. R. R.* II, 9, 1 и *Varr.* R. R. I, 44, 1. Этими мы уменьшили доходность лучшей земли и почти приравняли ея урожайность къ худшей и средней землѣ. Если же положить въ основаніе расчета цѣликомъ данныя *Варрона*, R. R. I, 44, 1, то мы получимъ:

	Худшая почва.	Средняя почва.	Хорошая почва.
Высьвъ пшеницы:	4 модія	5 модіевъ	6 модіевъ
Размѣръ урожая:	самъ-десять	самъ-двѣнадцать	самъ-пятнадцать
	или 40 модіевъ	или 60 модіевъ	или 90 модіевъ
Чистый сборъ:	36 "	55 "	84 "
Количество пшеницы, приходящееся въ среднемъ на пропитаніе чловѣка въ мѣсяцъ:	3 "	4 ¹ / ₁₂ "	7 "

Такимъ образомъ, согласно Варрону, одинъ югеръ хорошей земли могъ прокормить даже двухъ солдатъ, а югеръ худшей земли былъ почти достаточенъ для прокормленія одного солдата.

питанія челоуѣка $4\frac{1}{2}$ модія; слѣдовательно, одинъ югеръ былъ въ состояннн прокормить солдата въ теченіе года даже однимъ хлѣбомъ, какъ это и имѣло мѣсто въ отношеніи работника - раба ⁴⁷⁷). Что югеръ могъ дѣйствительно прокормить взрослога челоуѣка, въ пользу этого высказались косвенно *Момсенъ* и прямо *Мейтценъ* и *Фогтъ* ⁴⁷⁸).

ХСV. Такимъ образомъ, основываясь на вышеизложенныхъ доказательствахъ (ХСII. 1, ХСIII. 2 и ХСIV. 3) мы можемъ, хотя и съ большою осторожностью, предположить существованіе въ древности *временнаго одноюгероваго солдатскаго надѣла*, соотвѣтственно чему и употреблялась въ этомъ случаѣ при межеваннн земли *центурія въ сто югеровъ*. Едва ли можно думать, что временный, такъ сказать, лагерный надѣлъ земли нарѣзался въ размѣрѣ постояннаго наследственнаго надѣла въ два югера (*heredium*). Войско было занято осадю; оно нуждалось въ обработкѣ земли только *временно* — въ теченіе осады; обработка же земли по одному югеру на солдата,

477) Римскій модій=8,75 литра= $2\frac{2}{3}$ гарнца. Отсюда, солдатскій паяскъ въ $3\frac{1}{2}$ модія= $\frac{8}{3} \times 10\frac{1}{3} = 8\frac{8}{9}$ гарнца, или 1 четверику и $\frac{8}{9}$ гарнца; принимая, при вѣсѣ четверти = 9 пудамъ, вѣсъ 1 чк. $\frac{8}{9}$ гр. = 49 фунтамъ и дѣля 49 ф. на 30 дней, мы получимъ на содержаніе солдата въ день пшеницы 1 $\frac{1}{3}$ ф. зерномъ, или — при предположеннн, что изъ $\frac{3}{4}$ ф. зерна выпекался 1 ф. хлѣба, — $2\frac{2}{3}$ ф. печенымъ хлѣбомъ. Объ отношенн между хлѣбомъ въ зернѣ и печенымъ хлѣбомъ, какъ 3 : 4, см. *Voigt*, l. c. S. 62. Прилагая тотъ же самый расчетъ къ ежемѣсячнымъ пайкамъ на раба въ 4 и $4\frac{1}{2}$ модія, мы получимъ въ первомъ случаѣ $\frac{8}{3} \times 4 = 10\frac{2}{3}$ гр. = 1 чк. $2\frac{2}{3}$ гр. = 62 ф. : 30 = $2\frac{2}{15}$ ф. въ зернѣ или немного болѣе $2\frac{2}{3}$ въ печеномъ хлѣбѣ (точно $2\frac{28}{45}$) на день; во второмъ — $\frac{8}{3} \times 9\frac{1}{2} = 12 = 1\frac{1}{2}$ чк. = 67 $\frac{1}{2}$ ф. : 30 = $2\frac{1}{4}$ ф. въ зернѣ или 3 ф. хлѣбомъ. Такимъ образомъ, нормальная суточная дача колебалась отъ $2\frac{2}{3}$ ф. хлѣба на солдата въ день до $2\frac{2}{3}$ ф. на рабочаго раба въ зимнее время и 3 ф. въ лѣтнее время. Средннй же урожай пшеницы съ одного югера въ $4\frac{1}{12}$ модія обезпечивалъ продовольствн хлѣбомъ въ размѣрѣ *трехъ фунтовъ на день*. Съ этою мѣрою совпадаетъ введенная у насъ съ 1871 г. нормальная указная суточная дача провіанта въ сухопутныхъ войскахъ, пшеницею или рожью безразлично, а именно, $\frac{15}{30}$ гарнца или 2 ф. 25 $\frac{1}{2}$ зол. муки, или 3 ф. печенаго хлѣба.

478) *Момсенъ*, R. G. Bd. I, S. 183, Anm.; *А. Мейтценъ*, Siedelung und Agramwesen. Berlin. 1895. Bd. I. S. 252 f. Подробно объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующемъ очеркѣ. Тамъ же будетъ указана ошибка *Фогта*; этотъ авторъ, соглашаясь съ тѣмъ, что одинъ югеръ, засѣянный пшеницею, могъ прокормить $1\frac{1}{2}$ челоуѣка, утверждаетъ, что при посѣвѣ *полбы* на одномъ югерѣ могли кормиться этимъ хлѣбомъ уже $9\frac{1}{2}$ взрослыхъ челоуѣкъ (*Voigt*. l. c. S. 64 cf. S. 60).

какъ мы видѣли, *вполнѣ обезпечивала* его пропитаніе хлѣбомъ на цѣлый годъ; слѣдовательно, *не было цѣли* отрывать солдата отъ военныхъ дѣйствій для обработки *двухъ* югеровъ земли, т. е. ослаблять веденіе осадныхъ работъ въ два раза больше, чѣмъ это требовалось по существу дѣла. Наконецъ, при двухъюгеровомъ надѣлѣ и полевой центурии въ сто югеровъ, мы имѣли бы дѣленіе войска по *полсотнямъ*; между тѣмъ въ источникахъ не сохранилось никакихъ указаній на то, чтобы въ древнѣйшемъ Римѣ существовало такое дѣленіе. Все это побуждаетъ насъ склониться въ пользу *гипотезы о временномъ солдатскомъ надѣлѣ въ одинъ югеръ, какъ объ одномъ изъ учрежденій древности* ⁴⁷⁹).

§ 26. Колоніальный отводъ земель и наследственный двухъюгеровый солдатскій надѣлъ.

ХСVI. Колоніальный отводъ земель былъ неразрывно связанъ съ основаніемъ новой гражданской общины ⁴⁸⁰). Мы

479) Идея, лежащая въ основѣ этой гипотезы, была высказана нами выше (см. стр. 120); здѣсь мы дали ея обоснованіе лишь въ общихъ чертахъ, откладывая болѣе детальное развитіе до слѣдующихъ очерковъ. Ср., въ частности, § 26 этого очерка.

480) См. литературу о колоніяхъ: *C. Sigonius*, De antiquo iure Italiae (экземпляръ, которымъ мы располагаемъ, не имѣетъ ни мѣста изданія ни года) р. 624—688; *W. Goesius*, Antiquitatum agrariarum liber singularis (въ *Rei agrariae auctores legesque variae*. Amstelredami 1674) р. 3 и слѣд. Оба указанные авторы даютъ подробный перечень источниковъ о колоніяхъ. *Heune*, De veterum coloniarum iure eiusque causis (въ *Opusc. Acad.* I. р. 290—329; см. еще *Opusc.* III р. 79—92); *Niebuhr*, R. G. Bd. II, S. 48 ff.; *N. Madvig*, De iure et conditione coloniarum populi romani quaestio historica (въ *Opusc. Acad. Hauniae* 1887, р. 169 и слѣд.); *W. Zumpt*, De coloniis Romanorum militaribus, въ *Commentationes epigraphicae*. Berolin. 1850, I, 193 sq. *Walter*, Gesch. d. röm. Rechts. Bonn 1860. I. S. 319 ff.; *A. Schwegler*, R. G. Bd. II, S. 485; у него же см. еще указанія на болѣе старую литературу (R. G. Bd. II, S. Anm. 6); *A. Rudorff*, Gromat Institutionen (см. Die Schriften d. röm. Feldmesser, ed. von Blume, Lachmann und Rudorff. Berlin. 1852. Bd. II р. 323—418; *I. Marquardt*, Staatsverw. I, 35—40; 48 ff., 88 ff., 132 ff.; *Th. Mommsen*, Röm. St. II, 624—639. III, 793 ff.; *I. Madvig*, Die Verfass. und Verwalt. d. röm. Staates Leipz. 1882. Bd. II, S. 23 ff. *O. Karlowa*, R. RG. Bd. I, S. 304 ff. *Kornemann*, s. v. coloniae (въ *Real-Encycl. von Pauly-Wissowa*. Berlin. 1900 Bd. IV, 1, S. 511 ff.; здѣсь же см. литературу S. 588); *O. Seck*, Gesch. d. Unterangs d. antiken Welt. Berlin. 1901. Bd. II. S. 126 ff. *H. Nissen*, Ital. Landekunde. Berlin. 1902. Bd. II, S. 24 ff. — *Ch. Dubois*, Du droit latin. (Thèse) Lille. 1868. p. 43 suiv. *P. Willems*, Le droit public

видѣли выше, что основаніе колоніи имѣло своею цѣлью военную защиту города-государства⁴⁸¹). Съ этой точки зрѣнія древне-римская колонія представляла изъ себя скорѣе *гарнизонъ*, чѣмъ гражданскую общину⁴⁸²). Мы знаемъ также мнѣніе Цицерона, что римскія колоніи были *крѣпостцами* (*propugnacula*)⁴⁸³). Мы знаемъ, наконецъ, что поэтическая легенда о постройкѣ фабіями крѣпостцы Кремеры есть ничто иное, какъ добровольное, за свой страхъ и рискъ, основаніе въ сущности колоніи. Но если все это такъ, то спрашивается, въ чемъ же выражалось тогда различіе между *колоніей* и *гарнизономъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова? Этимъ вопросомъ мы подходимъ къ сложной проблемѣ римской исторіи о *колоніальномъ отводѣ земель въ два югера на поселенца*. Начнемъ изслѣдованіе вопроса съ понятія о *гарнизонѣ*. Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, разумѣется въ источникахъ *отрядъ войска*, оставляемый въ неприятельской мѣстности, въ какомъ либо изъ ея укрѣпленныхъ пунктовъ, съ цѣлью несенія тамъ *охранной* военной службы⁴⁸⁴). Нерѣдко гарнизонъ охранялъ тамъ колонію⁴⁸⁵); но обыкновенно съ помощью гарнизоновъ происходило занятіе страны и подчиненіе побѣжденныхъ народу-побѣдителю⁴⁸⁶). Имѣются ука-

romain. Paris. 1888. p. 352 et suiv. (см. у него на стр. 352, прим. 3 перечень литературы); I. Toutain, Les cités romaines de la Tunisie. Paris. 1895 (Thèse), p. 321 et suiv. См. еще Humbert, Colonies rom. (въ Dict. de Daremberg et Saglio). — G. De Sanctis, Storia dei romani. Vol. II, p. 445 segg.; *E. de Ruggiero, Diz. epigr. II, 415—457; отдѣльно Le colonie dei romani, Roma Spoleto 1897.

481) См. стр. 70.

482) Колонія называется въ источникахъ *φρουρίον*, *φρουρά*, *φυλακή*, *praesidium*, а колонисты — *φρουροί*. См. ссылки на источники и литературу въ прим. 242.

483) См. прим. 242.

484) Varr. l. l. V, 90: „Praesidium dictum qui extra castra praesidebant in loco aliquo, quo *tutior* regio esset“. *Corn. Front.*: „praesidium *ad custodiam* collocatur“ (см. въ Auctor. lat. ling. 1585, p. 1332, 33). *Paul. Diac.* p. 223: „praesidium est quod pro utilitate ac salute alicuius *auxilii gratia* praerponitur“.

485) См., напр., *Tacit. Hist.* III, 43: „Foroiuliensem coloniam, claustra maris, praesidio tuebatur“; *Tacit. Agric.* 16: „sparsos per castella milites consecretati, expugnatis praesidiis ipsam coloniam invasere (Britanni)“. Ср. *Dionys.* II, 53. Ср. также опредѣленіе гарнизона, сохраненное Павломъ *Діакономъ* (см. конецъ предыдущаго примѣчанія).

486) См., напр., *Tacit. Hist.* III, 35; *Agric.* 23; — *Ann.* XIV, 30. — См. у насъ стр. 67 и прим. 241. *Dionys.* II, 53: „Καὶ φυλακὴν ἐν τῇ πόλει

заняя, что число солдатъ гарнизона равнялось тремъ сотнямъ ⁴⁸⁷). Случалось, что солдатъ гарнизона и не доставало для охраны стѣнъ города ⁴⁸⁸). Такимъ образомъ, *гарнизонъ*, какъ учрежденіе древности, выполнялъ весьма важную роль удержанія завоеванной территоріи и покоренныхъ народовъ во власти побѣдителя. Эту же роль, по общему свидѣтельству древнихъ ⁴⁸⁹), выполняла и *колонія*, почему она называется въ источникахъ крѣпостью ⁴⁹⁰). Этимъ объясняется, почему также въ римскія колоніи далеко не всегда такъ охотно шли поселенцы, какъ это можно было бы ожидать при основаніи мирныхъ поселеній ⁴⁹¹). Поэтому же колонисты, занятые сторожевою службою на мѣстахъ, освобождались отъ несенія воинской полевой службы ⁴⁹²).

ХСVII. Но если древне-римская колонія была по существу гарнизономъ, или даже форпостомъ, то этимъ не устраняется все-таки вопросъ и о *существенномъ различіи* между ними. *Сервій*, передавая понятіе древнихъ о колоніи, указываетъ въ числѣ признаковъ ея *на обработку земли* колонистами и *на возникновеніе новой гражданской общины* ⁴⁹³). Дѣйствительно, эти два признака настолько существенны, что

τριακοσίων ἀνδρῶν καταλιπόν, τῆς τε χώρας μοῖραν ἀποτετιμένους, ἣν τοῖς σφετέροις διετέλεν, ἀποικὸν ἐποίησε Ῥωμαίων καὶ ταύτην τὴν πόλιν." *Liv.* XXVII, 41, 1; *Thuc.* III, 114, 4; ср. — V, 56, 1. Ср. опредѣленіе гарнизона у *Varr.* l. 1. V, 90 и *Corn. Front.*, приведенное нами въ прим. 484.

487) *Thuc.* III, 114, 4; — V, 56, 1. Ср. *Dionys.* II, 53.

488) *Tacit. Ann.* XIII, 41.

489) См. выше стр. 70.

490) См. прим. 482; ср. прим. 486, изъ котораго между прочимъ видно, что Діонисій Галикарнасскій даже смѣшиваетъ между собою понятія о гарнизонѣ и колоніи.

491) *Dionys.* VII, 13; — IX, 59; *Liv.* III, 1, 7; — X, 21, 10; *Dio Cass. fr.* 18, 4; *Plut. Coriol.* 13. См. *Schwegler*, R. G. Bd. II, S. 487, Anm. 2.

492) См. *Kornemann*, s. v. coloniae (у Pauly-Wissowa, Real-encycl.), S. 561, 7, гдѣ онъ подчеркиваетъ указаніемъ на это характеръ колоній, какъ военныхъ поселеній (praesidia). Колонисты, говоритъ онъ, были солдаты или, лучше сказать, граждане, одѣтые постоянно въ солдатскую одежду.

493) Въ виду важности этого понятія мы приводимъ текстъ цѣликомъ: „sane veteres colonias ita definiunt: colonia est coetus eorum hominum qui *universi* deducti sunt in locum certum aedificiis munitum, quem *certo iure* obtinerent. alii: colonia est quae graece ἀποικία vocatur; *dicta autem est a colendo*; est autem pars civium aut sociorum missa, ubi *rem publicam* habeant ex consensu suae civitatis, aut publico eius populi unde profecta est consilio. hae autem coloniae sunt quae ex consensu

съ помощью ихъ колонія, какъ *земледѣльческая и гражданская община*, рѣзко отличается отъ гарнизона — *сторожевого воинскаго поста*. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, какимъ образомъ примирить представленіе древнихъ о колоніи въ качествѣ гарнизона съ понятіемъ о ней, какъ общинѣ? Очевидно, такое примиреніе возможно при томъ лишь условіи, что колонія, эта новая гражданская община, была такъ организована, что она могла и дѣйствительно выполняла функціи гарнизонной службы. Эта мысль, насколько намъ извѣстно, не выдвинута въ литературѣ со всею ея силою, а между тѣмъ съ помощью ея уясняется такое малопонятное до сихъ поръ явленіе, какъ колониальный отводъ земель поселенцамъ въ размѣрѣ двухъ югеровъ на cadaго изъ нихъ ⁴⁹⁴). Въ самомъ дѣлѣ, колонисты выводились, особенно въ древнѣйшемъ Римѣ, обыкновенно въ размѣрѣ трехъ центурій = *треста* человекъ ⁴⁹⁵); эта же цифра встрѣчается какъ разъ и при опредѣленіи количества солдатъ въ гарнизонѣ ⁴⁹⁶). Большею частью колонисты выводились, далѣе, такъ же, какъ и гарнизонъ, въ *завоеванный* городъ. Отсюда, колонисты, находясь въ томъ же *количествѣ*, какъ и солдаты въ гарнизонѣ, и при томъ же *условіи* жительства во враждебномъ городѣ, могли нести сторожевую службу, ставъ лишь въ *положеніе гарнизонныхъ воиновъ*. Имъ необходимо было жить въ самомъ городѣ, дабы его крѣпость находилась въ ихъ рукахъ; они не могли всѣ сразу покидать города, а оставляли его лишь частями; они наблюдали за сохранностью городскихъ стѣнъ и защищали самый городъ отъ непріятеля; они на самомъ дѣлѣ, коротко сказать, замѣняли гарнизонъ. Однако, въ отличіе отъ положенія гарнизона, колонисты находились въ меньшей опасности отъ жившаго съ ними прежняго населенія города и его области.

publico, non ex secessione sunt conditae (*Serv. ad. Aen. I, 12*)⁴. Разборъ этого текста съ ссылками на другіе источники далъ *Goës.* въ *antiquitatum agrariarum.* p. 6 и слѣд.

494) Вопросъ о характерѣ двухъюгероваго надѣла, весьма спорный въ современной литературѣ, будетъ рассмотрѣнъ нами подробно въ слѣдующемъ очеркѣ.

495) *Dionys.* II, 35, 53. *Liv.* VIII, 21; — XXXII, 29; — XXXIV, 45. См. *Madvig, De iure et conditione coloniarum populi romani* (въ *Opusc.*) p. 183; *Kornemann, l. c. S.* 571.

496) См. прим. 486, 487.

Надѣясь на свою осторожность, они уже могли болѣе или менѣе рассчитывать и на примиреніе съ своимъ господствомъ покореннаго непріятеля. Иначе — они находились бы еще въ положеніи воюющей стороны или гарнизона въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но и при этой относительно лучшей жизни въ завоеванной мѣстности колонисты, представляя изъ себя народъ (*populus*), общину (*civitas*), должны были все-же думать о возможности возмущенія покоренныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о своемъ изгнаніи и даже истребленіи⁴⁹⁷). Поэтому-то колонисты выводились съ сохраненіемъ воинскаго порядка и подъ своими знаменами⁴⁹⁸). Этотъ воинскій порядокъ характеризовалъ и всю организацію колоніи, какъ гражданской общины.

ХCVIII. Что касается, въ частности, *землевладѣнія*, то о немъ на первыхъ порахъ существованія колоніи не приходилось, конечно, серьезно думать. Интересъ самосохраненія стоялъ у колоніи на первомъ мѣстѣ; ея *землевладѣніе* не переходило, поэтому, границъ, такъ сказать, *земледѣлія*, поскольку имъ удовлетворялись насущныя потребности колониста въ хлѣбѣ. Но *земледѣліе* и въ этомъ размѣрѣ должно было все-же такъ быть организовано, чтобы оно не грозило существованію общины. Мы предположили выше (стр. 120), что самостоятельно происшедшій городъ занимался *земледѣліемъ* по *центуріямъ*, такъ сказать, въ строю; хлѣбопашцы были тамъ готовы стать при малѣйшей опасности снова воинами и защищать себя. То же самое необходимо повторить здѣсь съ тою разницею, что высказанное нами выше предположеніе получаетъ теперь свое *обоснованіе*. Этимъ *обоснованіемъ* является фактъ надѣленія землею колонистовъ *по центуріямъ*. Въ исторіи надѣльнаго *землевладѣнія* вообще такой порядокъ раздѣла земли нельзя не считать въ высшей степени характернымъ и оригинальнымъ явленіемъ⁴⁹⁹). Въ самомъ

497) Римская традиція знаетъ случаи возстанія покоренныхъ жителей колоніи и истребленія колонистовъ; см., напр., *Dionys.* II, 54; *Liv.* IX, 23 и *Diod.* XIX, 72.

498) *Cic.* Phil. II, 102; de leg. agr. II, 86; *Plut.* C. Gracch. II. См. *Kornemann*, l. c. S. 572, 64. Ср. *App.* bell. civ. II, 120 и *Hug.* (ed Lachm.) p. 176, 1 (у насъ I, 107). См. объ этомъ *A. Zumpt*, l. c. I p. 442 sq.

499) Въ современной литературѣ, если мы не ошибаемся, эта особенность римскаго колоніальнаго надѣльнаго *землевладѣнія* не оценена въ достаточной степени и остается до сихъ поръ въ тѣни.

дѣлѣ, что заставляло римлянъ надѣлять своихъ колонистовъ землю *по центуріямъ*, т. е. такимъ образомъ, что каждая воинская центурія получала на свою долю по полевой центуріи? Выясняя этотъ вопросъ, мы остановимся на одномъ примѣрѣ — извѣстіи Ливія *объ основаніи въ 425/329 г. колоніи Таррацины (Анксуръ)*⁵⁰⁰. Діодоръ сообщаетъ, что городъ Анксуръ, названный потомъ Таррациною, былъ *завоеванъ* у вольсковъ⁵⁰¹; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ выводъ въ него колоніи, при томъ въ количествѣ трехсотъ человѣкъ, должно разсматривать, собственно говоря, какъ посылку гарнизона; отсюда, главная обязанность колонистовъ состояла въ томъ, чтобы они были стражами побѣжденныхъ вольсковъ⁵⁰². При такомъ положеніи дѣла, очевидно, колонистамъ необходимо было *жить въ самомъ городѣ* и — это болѣе, чѣмъ вѣроятно — занимать его крѣпость. Но *Титъ Ливій* сообщаетъ, что колонисты получили въ надѣль каждый по два югера земли. Спрашивается, гдѣ же находились эти надѣлы? Намѣрить въ самомъ городѣ три центуріи по двѣсти югеровъ каждая, т. е. 600 югеровъ, или, на нашъ счетъ, нѣсколько болѣе 138 десятинъ — было невозможно, если бы даже мы предположили и полное выселеніе изъ города вольсковъ. Какъ

500) Мы избрали этотъ примѣръ по многимъ основаніямъ: 1) самый текстъ звучитъ лаконически: „*Eodem anno Anxur trecenti in coloniam missi sunt; bina iugera agri acceperunt* (Liv. VIII, 21, 11)“, что уже одно служитъ нѣкоторой гарантіей его чистоты въ передачѣ источниками; 2) Выводъ колоніи въ Таррацину съ двухъюгеровымъ надѣломъ на колониста имѣлъ мѣсто въ довольно позднее время — въ V столѣтіи отъ основанія Рима, или соотвѣтственно въ IV до Р. Хр.; это также говоритъ за большую достовѣрность передачи; 3) источникомъ для Ливія, хотя и непрямо, является въ данномъ мѣстѣ лѣтописецъ *Пизонъ*; онъ былъ консуломъ въ 621/133 г. до Р. Хр. и жилъ, слѣдовательно, не такъ уже далеко отъ переданнаго имъ событія основанія Таррацины; см. *Solltau* I. с. S. 207; 4) въ современной литературѣ данное извѣстіе Ливія не оспаривается. Его достовѣрность признаетъ даже *Моммсенъ*, подвергшій сомнѣнію правильность другихъ сообщеній Ливія о выводѣ колоній съ надѣленіемъ поселенцевъ по два югера и 5) извѣстіе о выводѣ колоніи въ Таррацину занимаетъ особое мѣсто въ современной литературѣ; это извѣстіе приводится Моммсеномъ и слѣдующими за нимъ писателями въ доказательство существованія еще въ V в. отъ основанія Рима общиннаго землевладѣнія (объ этомъ будетъ сказано въ слѣующемъ очеркѣ).

501) *Diod.* XIV, 16.

502) Ср. *Appian.* b. c. II, 140 (у насъ стр. 67).

велика была площадь Таррацины мы не знаемъ, но о величинѣ ея можно съ достовѣрностью судить по окружности города, которая равнялась 1,5 километра. Сравнивая соотношение между окружностью и площадью другихъ городовъ ⁵⁰³⁾, окружность которыхъ была приблизительно равна окружности Таррацины, мы получимъ отсюда, что площадь ея была не меньше 14 гектаровъ и никоимъ образомъ не больше 28 или 42 гектаровъ, т. е. въ два, три раза больше ⁵⁰⁴⁾. Но во всѣхъ этихъ трехъ площадяхъ въ 14, 28 и 42 гектара число югеровъ будетъ нѣсколько менѣе 55, 110, 165, такъ что даже и въ послѣднемъ случаѣ величина площади Таррацины не достигнетъ размѣра одной двухсотъюгеровой центуріи ⁵⁰⁵⁾. Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что триста колонистовъ, выведенные въ Анкуръ или Таррацину получили свои двухъюгеровые надѣлы *вне города*.

XCIX. Но если колонисты Таррацины, живя въ самомъ городѣ, получили свои двухъюгеровые надѣлы *вне города*, то спрашивается, въ какомъ же именно мѣстѣ его области? Колонисты были вообще поселяемы въ самомъ завоеванномъ городѣ, или въ его укрѣпленіи затѣмъ, чтобы они отсюда могли нести гарнизонную службу. При такомъ положеніи вещей надѣлы поселенцевъ Таррацины могли находиться *близъ самаго города*. Только въ этомъ случаѣ они могли болѣе или менѣе спокойно покидать временно городъ для обработки своей надѣльной земли. Въмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ покоренные вольски жили и въ городѣ, и *вне города*, то обработка земли въ виду опасности отъ вольсковъ могла на самыхъ первыхъ порахъ существованія колоніи производиться попеременно, частями; одна часть сторожила городъ, другая въ это время работала въ полѣ. Такое положеніе колонистовъ требовало отъ нихъ, понятно, большой осторожности. Отсюда, покидая городъ воинскими частями, они работали *по центуріямъ* на разбитой же по центуріямъ надѣльной землѣ ⁵⁰⁵⁾.

503) См. прим. 386.

504) Мы нарочно предположили максимальную величину площади Таррацины въ 28 и 42 гектара, чтобы лучше показать, даже и при этомъ невѣроятномъ предположеніи, невозможность намѣрить въ городѣ 600 югеровъ. Площади въ 28 и 42 гектара соответствуетъ приблизительно окружность отъ 2 до 3 километровъ; см. объ этомъ *Nissen*, Ital. Landesk. Bd. II S. 39.

505) О соответствіи между войсковою центуріей и полевой см. ниже § 27.

СС. Въ связи съ воинскою обработкою земли по центуріямъ выясняется тотъ въ высшей степени любопытный фактъ, что двухъюгеровые надѣлы *были пахотной, а не усадебной или огородной землей*⁵⁰⁶). Это слѣдуетъ изъ того, что колонисты прежде всего нуждались въ *хлѣбѣ*, а не въ мѣстѣхъ подъ усадьбу или въ овощахъ. Обработка же *одного югера* была достаточна, какъ мы видѣли выше, для прокормленія солдата въ теченіе одного года даже и однимъ хлѣбомъ. Но колонисты располагали при этомъ, надо думать, и скотомъ, пасшимся близъ города подъ ихъ охраною. Такимъ образомъ, *двухъюгеровый* надѣлъ при *двухпольной* системѣ хозяйства былъ *постояннымъ* надѣломъ. Кромѣ того, обработка земли подъ огородъ входила у исконныхъ римлянъ въ область женскаго хозяйства⁵⁰⁷); она требовала кропотливой и мелкой работы, а также близости воды и усадьбы, — все это, при гарнизонной службѣ колонистовъ, жившихъ въ городѣ, мѣшаетъ признать два югера надѣльною мѣрою усадебной или только огородной земли. Однако, по мѣрѣ того, какъ покоренное населеніе (въ случаѣ съ выводомъ колоніи въ Таррацину — вольски) свыкалось съ своимъ положеніемъ и теряло вѣру въ возможность стать снова самостоятельною общиною (populus), колонисты всѣ болѣе и болѣе переходили отъ сторожевой службы на положеніе настоящей общины (civitas, populus). Они были ея дѣйствительными членами; имъ принадлежалъ общественный выгонъ; они заправляли всѣми дѣлами города. Одновременно съ этимъ число колонистовъ увеличивалось пришлыми изъ метрополи и другихъ городовъ; вѣроятно, и часть покореннаго населенія (вольсковъ, въ нашемъ примѣрѣ) получала также право гражданства, будучи принята въ общину и надѣлена землею. Короче, начиналось обычное развитіе гражданской общины. Нѣкоторые колонисты переселялись тогда изъ города на свои надѣлы, устраивали тамъ усадьбы и превращали полевою землю въ усадебно-огородную, какъ дающую наибольшій доходъ подъ городомъ. Холостые изъ колонистовъ обзаводились при этомъ семьями, и *полевой двухъюгеровый надѣлъ* становился такимъ образомъ *усадебно-огороднымъ надѣломъ наследственной земли* (hortus, heredium)⁵⁰⁸).

506) См. прим. 494.

507) См. у насъ стр. 13.

508) Ср. прим. 20, 28.

Полевое же хозяйство вели колонисты, какъ члены общины, свободно на общинной землѣ, имѣя право на ея заимку сообразно своимъ рабочимъ силамъ. Рядомъ съ ними — первыми колонистами, ихъ потомствомъ и принятыми потомъ въ колонію — жило еще населеніе, находившееся внѣ общины, такъ сказать, кліенты и плебеи колоніи.

§ 27. Надѣленіе по жребію колонистовъ домами и землею (sortitio)⁵⁰⁹.

С. С. I. Размежеваніе земли по центуріямъ соотвѣтственно дѣленію войска по сотнямъ уже было отмѣчено нами въ § 26, какъ характерное явленіе римскаго надѣльнаго землевладѣнія. Мы предположили тамъ, что это явленіе стояло въ связи съ сторожевою службою колонистовъ въ незамиренной еще мѣстности, когда они подъ страхомъ своего изгнанія или даже истребленія вынуждены были сохранять воинскій строй и при полевыхъ работахъ. Надѣленіе по жребію колонистовъ домами и землею служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ и доказательствомъ правильности нашего предположенія. Поскольку мы знаемъ, въ *современной литературѣ* обходятъ молчаніемъ весьма интересный фактъ: распределеніе домовъ между колонистами путемъ бросанія между ними жребія. Изъ *старой литературы* мы нашли указанія на это у одного писателя⁵¹⁰). Что же касается *источниковъ*, то они убѣждаютъ въ томъ, что въ древнемъ Римѣ имѣло мѣсто не только надѣленіе колонистовъ землею, но и жилищами, или домами⁵¹¹). Теоретически мысль о такомъ надѣленіи домами вполне допустима. Колонисты несутъ охранную службу въ интересахъ метрополии, и на обязанности послѣдней лежитъ,

509) Литература: *W. Goesii antiquitatum agrariarum* (въ *Rei agrar. auctores leg. variae*. Amstelred. 1674) p. 9 sq.; *Rudorff*, *Grom. instit.* (см. *Die Schriften d. röm. Feldmesser*. Berl. 1852. Bd. II), S. 366 sq.; *O. Karlowa*, *Röm. Rechtsg.* Bd. I, S. 316 f.; *Mommsen*, *Iurist. Schriften*. Bd. I. Berlin. 1905. S. 98 (перепечатано изъ *C. I. L.* Vol. I n. 200 p. 87). Ср. *M. Weber*, *Die röm. Agrargeschichte*. Stuttgart. 1891. S. 21; *Kubitschek*, s. v. *centuria* (*Pauly-Wissowa*, *Real-encycl.* Bd. III², S. 1961); *B. Brugi*, *Le dottrine giuridiche degli Agrimensori Romani comparate a quelle del digesto*. Verona 1897, p. 230 segg.

510) См. *Goes*. *antiquit. agrar.* p. 9 sq.

511) См. прим. 513 и 514, гдѣ приведены свидѣтельства древнихъ о надѣленіи по жребію колонистовъ домами.

поэтому, естественный долгъ позаботиться во всѣхъ отноше-
ніяхъ о своей колоніи. При выводѣ колоніи въ завоеванный
городъ не требовалось отъ метрополи много жертвъ для
снабжения поселенцевъ жилищами. Въ завоеванномъ городѣ
находились пустые дома, и ихъ нужно было только раздѣ-
лить между колонистами⁵¹²⁾. При выводѣ колоніи во вновь
основываемый городъ дѣло нѣсколько усложнялось. Метро-
полия должна была воздвигнуть укрѣпленіе и настроить въ
немъ домовъ для поселенцевъ. Мы видѣли выше, что *Сервій*
опредѣляетъ „колонію“ въ смыслѣ совокупности людей, вы-
веденныхъ, какъ одно цѣлое, въ опредѣленное мѣсто, *укрѣ-
пленное зданіями*⁵¹³⁾. Но если это опредѣленіе можетъ вы-
звать сомнѣніе относительно того, какъ слѣдуетъ понимать
выраженіе: „укрѣпленное зданіями“, въ смыслѣ ли постройки
стѣнъ или также домовъ, то — и помимо этого — имѣются
въ источникахъ еще доказательства надѣленія колонистовъ
домами⁵¹⁴⁾. Такимъ образомъ, раздѣлы поселенцамъ земли и

512) Ср. стр. 49. Иногда римскіе граждане самовольно занимали
дома въ завоеванномъ городѣ; см. объ этомъ у *Ливія* (*Liv.* VI, 4, 5),
который рассказываетъ, что денать подъ угрозой смертной казни по-
требовалъ возвращенія изъ Вей римлянъ, самовольно поселившихся
тамъ въ пустыхъ домахъ и не хотѣвшихъ строиться снова въ разру-
шенномъ галлами городѣ.

513) *Serv. ad. Aen.* I, 12: „sane veteres colonias ita definiunt: co-
lonia est coetus eorum hominum qui universi deducti sunt in locum cer-
tum *aedificiis munitum*“ и т. д. (см. прим. 493). Въ сочиненіи *Goes.* l. c.
р. 10 это мѣсто *Сервія* комментируется такимъ образомъ: „... ideo
eum dixisse *locum aedificiis munitum*, ut indicaret aedes etiam colonis in
novis sedibus fuisse assignatus, ut id ipsum etiam ex aliis auctoribus
constat“. Эту мысль *Goesius* доказываетъ, далѣе, ссылками на источ-
ники: „Sed et Aeneas, cum in Sicilia sub Aceste coloniam esset relicturus,

Urbem designat aratro

Sortiturque domos,

sive sorte dividit, quas coloni essent habitaturi. Et Virgilius alibi:

Connubiis arvisque novis operata iuventus.

Iura domosque dabam.

Quod scriptum ex usu et consuetudine sui temporis a Virgilio non dubito.
Sed et in lege Thoria est: *quod eius in urbe, oppido, vico est, quod eius
triumvir dedit assignavit*. Et aedium quidem distributionem tanquam rem
primatiam suis dicitur pollicitus Antonius, cum in armis esset et Urbi
inhiaret. Ita enim de eo Cicero Philippica octava: *Ille latronibus pri-
mum pollicetur domos, Urbem enim se divisurum affirmat. Deinde omni-
bus partis deducturum* iu agrum vicinum (*Goesius*, l. c. p. 11)*.

514) *Cic. de leg. agr.* III, 2, 7: „*quae post Marium et Carbonem*

домовъ сопутствуютъ другъ другу. Жилища отводятся въ самомъ городѣ, или укрѣпленіи, а земельные надѣлы — внѣ его; слѣдовательно, эти надѣлы не были усадебной землей. Надѣленіе колонистовъ домами указываетъ, далѣе, что поселенцы несли гарнизонную службу въ интересахъ метрополии, почему послѣдняя и заботилась о колонистахъ, надѣляя ихъ не только землею, но и жилищами. Понятно, наконецъ, что лишь при этихъ льготныхъ условіяхъ поселенія въ незамиренной мѣстности бѣдный человѣкъ могъ пойти въ колонию, подвергая тамъ свою жизнь постоянной опасности.

ССII. Раздѣленіе по жребію колонистамъ *земли* представляется также не менѣе заслуживающимъ вниманія съ точки зрѣнія развиваемой нами гипотезы о солдатскомъ надѣльномъ землевладѣніи. Римскіе писатели-землемѣры сохранили намъ подробности распредѣленія надѣловъ между колонистами⁵¹⁵). Изъ ихъ сообщеній слѣдуетъ, что путемъ

consules agri, *aedificia*, locus, possessiones publice data, *assignata*, *vendita*, *concessa* sunt". *Appian.* b. c. II, 120: „Κοινή δὲ ἐς κληρουχίας ἀδικούς ἀλλοτριὰς τε γῆς καὶ ἀλλοτριῶν οἰκιῶν ἐξίόν, ἄθροον τότε ἐστάθμευσεν ἐν τοῖς ἱεροῖς καὶ τεμένεσιν, ὅφ' ἐνὶ σημείῳ καὶ ὅφ' ἐνὶ ἄρχοντι τῆς ἀποικίας.“ Ср. *Liv.* IV, 49, 11 и 14; — XXVI, 21, 13; — XXVII, 3, 2; — XXXVII, 56, 6. Ср. *Платонъ*, который въ своихъ „Законахъ“ неоднократно говоритъ о раздѣлѣ между колонистами полей и жилищъ: „γῆ δὲ καὶ οἰκήσεις ὡσαύτως τὰ αὐτὰ μέρη διανεμηθέντων, γινόμενα ἀνὴρ καὶ κλήρος ἕν νομῇ, или: ἐπὶ δε ταῦτα, τὴν τε γῆν καὶ τὰς οἰκήσεις ὅτι μάλιστα ἴσας ἐπιμεμητέον (*Leg.* V, p. 739).“ или еще: „νευμάσθων μὲν δὴ πρῶτον γῆν τε καὶ οἰκίας· καὶ μὴ κοινή γεωργούντων (*Leg.* V, p. 739).“ — См. прим. 513.

515) *Гигинъ Громатикъ* (*de limit. const.* p. 199—204) говоритъ, что въ его время при распредѣленіи по жребію поселенцамъ земельныхъ участковъ поступали слѣдующимъ образомъ: 1) сначала опредѣляли, въ зависимости отъ качества почвы, сколько надѣловъ можно положить на одну полевою центурію. Если, напр., при размежеваніи земли употребляли полевою центурію въ двѣсти югеровъ, а каждому изъ поселенцевъ давали по $66\frac{2}{3}$ югера, то на одну центурію приходилось три надѣла. Каждая центурія имѣла свой жребій; эти жребіи бросались въ урну. Первый жребій, взятый изъ урны, опредѣлялъ первую центурію, второй — вторую и т. д. 2) Дальше дѣлили поселенцевъ по группамъ, — во взятомъ выше примѣрѣ по три поселенца на группу; каждая группа имѣла также свой жребій. Первый, вынутый жребій опредѣлялъ первую воинскую группу, второй — вторую и т. д. Опредѣленіе состава солдатъ въ каждой группѣ происходило съ помощью урны; писались жребіи всѣхъ поселенцевъ, и по мѣрѣ того, какъ вынимались, напр., первые три жребія, опредѣлялся составъ первой группы; слѣдующими тремя жребіями — составъ вто-

бросанія жребія распредѣлялись совокупности надѣловъ (центуріи) по группамъ лицъ (conternationes), какъ напримѣръ, въ десять (декурія) и три человѣка⁵¹⁶); слѣдовательно, жребій не опредѣлялъ *надѣла каждаго поселенца*. Какъ распредѣлялись надѣлы между лицами, получившими на свою долю полевую центурію, было ли еще одно между ними бросаніе жребія или нѣтъ, — объ этомъ источники не говорятъ⁵¹⁷). Возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить эту странную на первый взглядъ римскую систему метанія жребія?

ССІІІ. Та система, о которой говорятъ писатели-землемѣры, не была произведеніемъ ихъ времени. Римское преданіе вообще⁵¹⁸), а также и сами землемѣры сохранили свѣдѣнія о томъ, что въ древнѣйшемъ Римѣ существовало метаніе жребія по группамъ; при этомъ, между группами воинской и полевой было большое въ то время соотвѣтствіе: воинская группа состояла изъ ста человѣкъ и называлась *центуріей*, полевая — изъ ста⁵¹⁹), двѣсти югеровъ и называлась также центуріей⁵²⁰). Такимъ образомъ, метаніе жребія происходило *по группамъ* — *центуріямъ*. Едва ли можно думать, что эта древнѣйшая система разверстки земли по центуріямъ была по существу иною, чѣмъ во время землемѣровъ; различіе между этими системами сводилось къ большому или меньшему количеству поселенцевъ, приходившихся на одинъ надѣльный жребій, что стояло въ связи съ величиною единичнаго надѣла. Очевидно, напр., что при двухсотъ-

рой группы и т. д. 3) Такимъ образомъ, первая группа получала первую полевую центурію, вторая — вторую и т. д. — Иногда одинъ надѣлъ въ $66\frac{2}{3}$ югера распредѣлялся между тремя центуріями: въ одной центуріи нарѣзалось $46\frac{2}{3}$, — въ другой — $6\frac{2}{3}$ (?) и въ третьей — 15 югеровъ. — Другой писатель — *Гигинъ* говоритъ о распредѣленіи надѣляемыхъ землею поселенцевъ по группамъ въ *десять* человѣкъ или по *декуріямъ* (см. прим. 105). — Въ результатъ всего изложеннаго мы видимъ, что жребій опредѣлялъ не отдѣльныя доли или надѣлы каждаго надѣляемаго, а опредѣлялъ сразу группу лицъ (въ три, въ десять человѣкъ) и соотвѣтственно — групповой полевой участокъ (центурію).

516) См. предыдущее примѣчаніе.

517) См. *O. Karlowa*, l. c. I, S. 316.

518) *Varr. R. R.* I, 10, 2 (у насъ I, 28 и 32); *Paul. Diac.* p. 53 (I, 248); *Isid. Orig.* XV, 15, 7.

519) *Varr. l. l.* V (предположительно: см. § 25).

520) *Sic.* 153, 26 (I, 53); *Front.* 30, 17 (I, 118). Ср. у насъ I, 248.

югеровой центурии и единичных надѣлахъ въ 2, 20 и 66 $\frac{2}{3}$ югера, группа воиновъ будетъ соотвѣтственно образовывать центурию (100 человекъ), декурию (10 человекъ) и просто группу изъ трехъ человекъ. Изъ этого ясно, что сущность римской разверстки земли — ея *групповой* характеръ — была одна и та же въ теченіе всей исторіи Рима. Поэтому, обращаясь къ выясненію происхожденія системы метанія жребія по центуриямъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выяснимъ разверстку земли по декуриямъ и другимъ большимъ или меньшимъ воинскимъ *группамъ*.

Мы видѣли выше, что въ древнѣйшемъ Римѣ надѣльное землевладѣніе носило характеръ солдатскаго (§ 25) или даже было въ родѣ гарнизоннаго надѣленія землею (§ 26). Римскій воинъ, получивъ себѣ надѣлъ въ только что завоеванной странѣ⁵²¹⁾, могъ воздѣлывать его въ безопасности при условіи совмѣстной обработки земли съ другими воинами. При этомъ, лучшимъ построеніемъ воиновъ во время сельскихъ работъ, въ цѣляхъ защиты на случай нападенія непріятели, была форма квадрата⁵²²⁾. Отдѣльныя части легіона — манипулы стояли въ лагерѣ также по квадратамъ⁵²³⁾. Римское преданіе, въ передачѣ *Варрона*⁵²⁴⁾, сохранило память о легіонѣ въ три тысячи солдатъ⁵²⁵⁾. Принимая во вниманіе, что древнѣйшая римская центурия состояла, по свидѣтельству древнихъ писателей, изъ ста воиновъ⁵²⁶⁾, мы должны предположить, что первоначальный римскій легіонъ содержалъ въ себѣ *тридцать центуриій* или *десять когортъ* по 300 солдатъ въ каждой⁵²⁷⁾. Что касается, въ частности, формы древнѣй-

521) Ср. *Sic.* 153, 26 (I, 58) и стр. 37 (латинскій текстъ).

522) Ср. *W. Rüstow*, Heerwesen u. Kriegführung C. Julius Cäsars. Gotha, 1855. S. 56.

523) *I. Lipsi* de militia romana libri quinque, commentarius ad Polybium. Ed. tertia. Antverp. 1602 S. 234. *I. Marquardt*, Röm. Staatsv. Leipz. 1884, Bd. II, S. 404 f. (см. въ *Handbuch d. röm. Altert.* Bd. V).

524) *Varr.* l. I. V, 89: „Milites quod trium milium primo legio fiebat...“

525) См. литературу о первоначальномъ римскомъ легіонѣ въ три тысячи солдатъ: *I. Lipsius*, l. c. L. II, p. 60; *M. Le Beau*, De la Legion Romaine (въ *Histoire de l'Acad. royale des inscriptions et belles-lettres.* Paris. 1759. T. XXV, p. 481 et suiv.; *I. Madvig*, l. c. Bd. II, S. 480 f.; *I. Marquardt* (въ *Handb. d. röm. Altert.* Bd. V, S. 345; см. у него же еще указанія на литературу S. 319 Anm. 1).

526) См. прим. 395. См. *I. Marquardt*, l. c. Bd. V. S. 345 и предыдущее примѣчаніе.

527) См. предыдущее примѣчаніе. *Front. strat.* I, 6, 1. Ср. *I. Marquardt*, l. c. Bd. V. S. 435.

шей центурии, то она представляла изъ себя квадратъ въ 10 рядовъ по десяти солдатъ ⁵²⁸).

ССIV. Этому дѣленію древнѣйшаго римскаго легіона въ 3000 солдатъ, какъ мы выше замѣтили, соответствовало, можетъ-быть, въ древности дѣленіе земли на три трибы, тридцать курій или столько же центурій. Здѣсь необходимо отмѣтить характерное совпаденіе между строеніемъ воинской центурии въ 10×10 солдатъ и строеніемъ полевой центурии въ 10×10 наслѣдственныхъ участковъ (heredia):

Центурия въ 200 югеровъ.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	} 10 солдатъ во фронтѣ и 10 наслѣдственныхъ участковъ (heredia).	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		20 actus
1											} 10 солдатъ глубины центурии и 10 наслѣдственныхъ участковъ (heredia).	
2	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		1
3												2
4	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		3
5												4
6	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30		5
7												6
8	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40		7
9												8
10	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50		9
11												10
12	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60		
13												
14	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70		
15												
16	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80		
17												
18	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90		
19												
20	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100		

528) *H. Delbrück* (Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Nebst einem Anhang über die röm. Manipular=Taktik. Berlin. 1887) доказываетъ, что позднѣйшая манипула изъ 120 солдатъ имѣла глубины 6 человекъ при фронтѣ въ 20 человекъ; однако и онъ ограничиваетъ это утверждение, склоняясь къ тому, что *обыкновенной* формой строенія манипулы было 12 человекъ глубины при 10 человекъ во фронтѣ (S. 292, Anm. 1; ср. у него S. 269 f.). *I. Marquardt*, l. c. Bd. V. S. 346 f. говоритъ, что позднѣйшая манипула изъ 120 тяжелооруженныхъ солдатъ и 40 легкооруженныхъ (velites), содержащая въ себѣ двѣ центурии,

Этой полевой центуріи соотвѣтствуетъ вполнѣ центурія воинская съ ея строеніемъ въ 10 рядовъ по 10 солдатъ въ каждомъ. Такое *полное соотвѣтствіе* строенія обѣихъ центурій должно было имѣть свою цѣль. Этою цѣлью не могло быть распланированіе земли подъ усадьбы или вообще селеніе, потому что болѣе неудобной и казарменной распланировки, чѣмъ десятью рядами по десяти усадебъ въ рядъ — трудно придумать. Къ тому же, мы видѣли выше, что солдаты-колонисты жили въ самомъ городѣ и, слѣдовательно, центурія въ двѣсти югеровъ не могла быть усадебной землей. Остается думать, что надѣленіе воинскихъ центурій полевыми центуріями преслѣдовало военную цѣль. Мы предположили выше, что этою цѣлью была *защита* солдатъ, работавшихъ внѣ города — въ его области, завоеванной, но еще не замиренной окончательно. Теперь *проверимъ* правильность нашего предположенія. Допустимъ, что воинская центурія работаетъ на полученной ею по надѣлу полевой центуріи, и въ это время показывается непріятель. Спросимъ себя, какъ скоро могутъ солдаты построиться въ центурію, чтобы встрѣтиться съ врагомъ уже готовыми, если не къ бою, то къ защитѣ, пока не будетъ подана помощь изъ города? Длина стороны двухсотъ-югеровой квадратной центуріи=710,4 метра или, при переводѣ на нашу мѣру, = почти 334 саж. При поспѣшной ходьбѣ челоуѣкъ можетъ пройти въ 15 минутъ одну версту=500 саж.; при быстромъ бѣгѣ — время сократится вдвое; отсюда, въ одну минуту челоуѣкъ можетъ пробѣжать $66\frac{2}{3}$ саж. Такъ какъ, далѣе, при смычкѣ рядовъ, напр., фронта потребуется крайнимъ солдатамъ пробѣжать половину линіи, т. е. вмѣсто 334 саж. — всего 167 саж., то окончательная смычка каждаго ряда произойдетъ черезъ $2\frac{1}{2}$ минуты ($167 : 66\frac{2}{3} = 2\frac{1}{2}$); столько же времени потребуетъ потомъ смычка рядовъ глубины; и,

была построена такъ, что каждая изъ ея центурій имѣла 10 рядовъ по 8 солдатъ или 8 рядовъ по 10 солдатъ. Отсюда, манипула = 20 рядамъ по 8 солдатъ или = 8 рядамъ по 20 солдатъ. Ср. *W. Rüstow*, I. с S 35 ff. Такимъ образомъ, если позднѣйшая манипула строилась, какъ 10×12 (*Delbrück*), а ея центурія, включая въ нее и *velites*, какъ 10×8 (*Marquardt*), то древнѣйшая манипула, или центурія была, надо думать, построена, какъ 10×10. Съ этимъ согласуется и то, что древнѣйшая манипула=центурія дѣлилась на декуріи (десятки). Къ тому же, какъ мы выше замѣтили, квадратная форма центуріи была наиболѣе удобнымъ построеніемъ войска для самозащиты.

такимъ образомъ, черезъ пять минутъ центурія будетъ приведена въ военный порядокъ. На случай перехода центурій въ нападеніе на непріятеля она можетъ легко развернуть фронтъ на 20 солдатъ при пяти солдатахъ глубины⁵²⁹⁾.

CV. Подтвержденіемъ правильности нашего объясненія *соотвѣтствія въ построеніи центурій воинской и полевой* можетъ, пожалуй, служить еще употреблявшаяся въ Римѣ, въ болѣе позднее время, центурія въ 240 *югеровъ*. Въ періодъ республики численность римскаго легіона равнялась первоначально 4200 солдатамъ. Легіонъ состоялъ:

изъ тяжело- оруженныхъ ³³⁰⁾ и	{	1200 <i>hastati</i> или 10 манипулъ по 120 солдатъ
		1200 <i>principes</i> „ 10 „ „ 120 „
		600 <i>triarii</i> „ 10 „ „ 60 „

529) Выгоды сохраненія военного строя при полевыхъ работахъ на случай нападенія непріятеля — очевидны. Бѣгство каждаго солдата будетъ при построеніи центуріи легко замѣчено. Каждый солдатъ при малѣйшей опасности знаетъ, что ему дѣлать. Бѣгство одного солдата, замѣтившаго врага, служитъ немедленнымъ и естественнымъ сигналомъ къ построенію центуріи. Всѣмъ этимъ предупреждаются паника и бѣгство врасыпную, столь желательныя для нападающаго непріятеля, въ особенности, если онъ самъ находится въ незначительномъ числѣ; послѣдній случай, конечно, наиболѣе возможный и частый. Работой, такъ сказать, по растянутымъ центуріямъ достигалась и другая цѣль. Если мы не ошибаемся, при покореніи, напр., Кавказа, въ отдѣльныхъ случаяхъ тамъ производилась рубка лѣса поочередно: полсотня рубила, а другая полсотня караулила. Это и понятно, такъ какъ въ лѣсу строиться въ боевой порядокъ весьма трудно; равнымъ образомъ трудно за работой въ лѣсу наблюдать и за появленіемъ врага. При работѣ въ полѣ, на открытомъ мѣстѣ, нѣтъ надобности въ специальной охранѣ. Одновременной работой всей римской центуріи сокращалось, такимъ образомъ, время *вдвоѣ*, и въ то же время, въ *любой моментъ*, центурія могла построиться для защиты себя въ боевой порядокъ.

530) См. *J. Marquardt*, I. c. S. 334 f. S. 346; *H. Delbrück*, I. c. S. 290 Anm. 2. — *Hastati*, *principes* и *triarii* составляли 3000 солдатъ, т. е., собственно говоря, первоначальный римскій легіонъ. Различіе между обоими легіонами состоитъ въ томъ, что болѣе поздній изъ нихъ заключалъ въ себѣ еще и *velites*, которые присоединялись по 40 человекъ на каждую манипулу (*Marquardt*, I. c. S. 346). Кромѣ того, хотя прежнее дѣленіе легіона на 30 центурій или манипулъ сохранилось и въ болѣе позднемъ легіонѣ, но раньше манипула состояла изъ 100 солдатъ, а теперь она имѣла ихъ 120 (*hastati* и *principes*) или 60 (*triarii*); при чемъ, манипула дѣлилась на двѣ центуріи по 60 человекъ въ каждой (*hastati* и *principes*) или по 30 (*triarii*). Къ каждой изъ этихъ центурій прибавлялось еще по 20 *velites*.

легковооруженныхъ { 1200 *velites* ⁵³¹).

Такимъ образомъ, манипула тяжеловооруженныхъ состояла обыкновенно изъ 120 солдатъ ⁵³²); построение этой манипулы было 10 солдатъ во фронтѣ на 12 солдатъ глубины ⁵³³) или наоборотъ. Этой формѣ манипулы вполне соответствовало строение полевой центурии въ двѣсти сорокъ югеровъ, которая имѣла видъ 10 X 12 двухъюгеровыхъ участковъ наследственной земли (*heredia*):

Центурия въ 240 югеровъ.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	} 10 солдатъ во фронтѣ и 10 наследственныхъ участковъ (<i>heredia</i>).
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	} 12 солдатъ глубины центурии и 12 наслед. участк. (<i>heredia</i>).
2											
3	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
4											
5	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	
6											
7	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	
8											
9	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	
10											
11	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	
12											
13	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	
14											
15	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	
16											
17	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	
18											
19	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	
20											
21	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	
22											
23	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120	
24											

531) *Velites* присоединялись по 20 человекъ на центурию тяжеловооруженныхъ во время военныхъ дѣйствій; въ другое время, напр. при расположеніи войска лагеремъ, они отдѣлялись отъ центурій тяжеловооруженныхъ и, можно думать, занимали мѣсто внѣ лагеря (*Marquardt*, l. c. S. 409). Такимъ образомъ, манипула тяжеловооруженныхъ состояла изъ 120 солдатъ (*hastati* и *principes*) или изъ 60 солдатъ (*triarii*); соответственно этому дѣленію на манипулы войско располагалось и въ лагерѣ (*Marquardt*, l. c. S. 404 f. 408 f.).

532) См. прим. 530 и 531.

533) Такъ предполагаетъ *Delbrück*, l. c. S. 292, Anm. 1.

Правда, *Goesius* пытается объяснить происхождение центурии въ 240 югеровъ удобствомъ дѣленія этой мѣры на числа 120, 60, 30, 15 и на 80, 40, 10, 5⁵³⁴). Такое объясненіе, однако, формально и не рѣшаетъ вопроса⁵³⁵). Можетъ-быть, вѣрнѣе будетъ думать, что происхождение центурии въ 240 югеровъ стоитъ въ связи съ болѣе позднимъ дѣленіемъ войска по манипуламъ въ 120 солдатъ. Какъ двухсотъюгеровая центурия была создана черезъ надѣленіе солдатъ по сотнямъ (древнимъ центуриямъ), такъ точно, можно предположить, произошла и двухсотсорокаюгеровая центурия изъ надѣленія солдатъ по манипуламъ въ 120 человекъ. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что двухсотъюгеровая центурия и съ новымъ дѣленіемъ войска по манипуламъ продолжала примѣняться въ жизни. Въ особенности она употреблялась при размежеваніи земли въ колоніяхъ, куда выводились поселенцы обыкновенно въ круглыхъ сотняхъ⁵³⁶). Отсюда становится, далѣе, понятнымъ (см. стр. 158) бросаніе жребія по центуриямъ и другимъ воинскимъ группамъ. Римляне сохранили въ позднѣйшее время прежній размѣръ древнихъ полевыхъ центурій въ 200 и 240 югеровъ⁵³⁷), а между тѣмъ солдатскіе надѣлы были значительно

534) *Goesius*, l. c. S. 94: „Centuriis vero CCXL. iugerum assignatum et saepe, et non sine ratione invenio, quandoquidem nullae assignationes tam commodam recipiunt divisionem quam hae ipsae. Nam omnium primo illa CCXL. iugera dividuntur in CXX. LX. XXX. XV. Deinde si eadem illa CCXL. iugera per numerum ternarium dividere placuerit, habebis ter LXXX, quae iterum divisuram suscipiunt in XL. XX. X. V. quod minime in aliis centuriis invenias“.

535) Прежде всего, если мы сравнимъ извѣстные намъ поздніе размѣры колониальныхъ надѣловъ въ 5, 6, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 50, 50¹/₂, 60, 66²/₃, 70, 100, 140 югеровъ и т. д. (таблица этихъ надѣловъ будетъ дана въ слѣдующемъ очеркѣ, ср. въ первомъ очеркѣ прим. 126) съ тѣми дѣленіями, которыя даетъ *Goesius*, то окажется, что числа CXX, LXXX не встрѣчаются при надѣленіи, а XL, XX, X, V могутъ быть легко получены отъ дѣленія центурии въ двѣсти югеровъ. Слѣдовательно, остаются числа LX, XXX и XV. Но, во 1) эти числа могутъ быть получены отъ дѣленія не только 240, но и 60, 120, 360 югеровъ и т. д., во 2) центурия въ 240 не даетъ обычныхъ дѣленій въ L и XXXV, о которыхъ сообщаютъ землемѣры (*Lib. col.* p. 214, 14: у насъ прим. 126). Все это побуждаетъ признать догадку *Goesius*'а мало-вѣроятной, а его объясненіе — формальнымъ.

536) См., напр., *Liv.* VI, 16, 6. — VIII, 21, 11; — IX, 26, 5; IX, 28, 8 и др.

537) На ряду съ ними менѣе часто употреблялись у римлянъ

увеличены сравнительно съ надѣломъ въ 2 югера. Оттого и произошелъ раздѣлъ земли по меньшимъ воинскимъ группамъ, чѣмъ центурии въ 100 или манипулы въ 120 человекъ. Наконецъ, не было бросанія жребія между соучастниками въ полученной ими центурии, вѣроятно, потому, что распределение надѣловъ шло соответственно мѣсту, занимаемому каждымъ солдатомъ въ воинской центурии⁵³⁸).

§ 28. Неколониальный отводъ земель и двухъюгеро- вый плебейскій надѣлъ.

CVI. Въ древнемъ Римѣ, съ самаго начала его существованія, имѣлъ мѣсто рядомъ съ основаніемъ колоній неколониальный отводъ земель гражданамъ и преимущественно плебеямъ⁵³⁹). Мы видѣли выше (§ 26), что основаніемъ ко-

центурии въ 50, 210 и 400 югеровъ; ср. *Rudorff*, Gromat. Instit. (Die Schrift. d. röm. Feldmesser ed. Lachm.) Bd. II, S. 352.

538) Т. е. солдаты перваго ряда во фронтѣ занимали первый рядъ участковъ центурии и т. д. Неизвѣстно, правда, съ какой стороны центурии начиналось ея занятіе солдатами.

539) Неколониальный отводъ земель, или раздача земли, называется въ литературѣ именемъ *assignatio viritana*. Терминологія эта не можетъ быть названа точной (мы скажемъ объ этомъ въ слѣдующемъ очеркѣ; тамъ же дадимъ разборъ ученія *Моммсена* о различіи между колониальнымъ и неколониальнымъ отводомъ земель). — См. *литературу*: *Goesius*, l. c. S. 44; *C. G. Heyne*, *Leges agrariae* (въ его *Opusc.* Gotting. 1796. Vol. IV); *Niebuhr*, *Röm. Gesch.* Bd. II, S. 176 ff.; *W. Wachsmuth*, *Die ältere Geschichte des röm. Staates.* Halle 1819. S. 325 ff.; *K. D. Hüllmann*, *Röm. Grundverfassung.* Bonn. 1832, S. 251 ff.; *Ph. E. Huschke*, *Ueber die Stelle des Varro von den Liciniern.* Nebst einer Zugabe über *Fest.* v. *Possessiones und Possessio.* Heidelb. 1835. S. 91. *W. Ihne*, *Forschungen auf d. Gebiete d. röm. Verfassungsgeschichte* Frankf. 1847. S. 88 f.; *Rudorff*, *Grom. instit.* (l. c.) S. 323 ff.; *Schwegler*, *Röm. Gesch.* Bd. II, S. 413 ff.; *Mommsen*, *Juristische Schriften.* Berlin. 1905 Bd. I, p. 100 и слѣд. (см. то же въ *Corp. inscript. latinarum.* v. I n. 200 p. 88 и слѣд.; *O. Karlowa*, *Röm. Rechtsg.* Bd. I. S. 304; *Kubitschek*, s. v. *assignatio* (въ *Pauly-Wissova, Real-encycl.* Bd. I' S. 426; у него же сдѣланы ссылки на другую литературу и, между прочимъ, на **Ruggiero*, *Diz. epigr.* I 103 ff.; *agrariae leges* въ **Enciclop. giuridica Italiana* § 71 77); *B. Brugi*, *Le doctrine giuridice.* Verona 1897, p. 251 sgg. — См. у насъ прим. 57, гдѣ рѣчь идетъ объ особомъ мнѣніи *Beaudouin'a*. См. также *Neumann*, l. c. S. 10 ff. и *Ed. Meyer*, l. c. Bd. II S. 519, Anm. — Въ частности, литературу о двухъюгеромъ надѣлѣ см. у насъ въ Подушномъ надѣлѣ, прим. 1 и 2.

лоній, въ особенности древнѣйшихъ, римляне стремились замирить завоеванную мѣстность, поставивъ тамъ сторожевыя посты и организовавъ ихъ въ гражданскія общины. Надѣльное землевладѣніе играло при этомъ незначительную роль; двухъюгеровый надѣлъ былъ въ родѣ какъ бы „хлѣбнаго солдатскаго пайка“.

Возникаетъ, поэтому, прежде всего основной вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи неколоніальный отводъ надѣльныхъ земель стоялъ въ Римѣ къ отводу колониальному⁵⁴⁰⁾? Что было причиною раздачи земель, или надѣленія землею не колонистовъ? Въ болѣе позднее время римской исторіи, въ особенности если судить по *Ливію*, такою причиною были аграрныя волненія. Безземельный плебсъ угрожалъ безопасности римскаго государства, и его выселяли изъ Рима, надѣляя землею въ какой-либо завоеванной мѣстности. Такое объясненіе дѣйствительно подтверждается нѣкоторыми древними писателями⁵⁴¹⁾. Другіе изъ нихъ указываютъ на ту же причину и для неколоніальнаго надѣленія землею въ древнѣйшемъ Римѣ⁵⁴²⁾. Въ правильности представленій древнихъ авторовъ о надѣленіи землею безземельныхъ гражданъ, угрожавшихъ спокойствію государства, едва-ли можно сомнѣваться. Мы отмѣтили выше⁵⁴³⁾, что на территоріи первоначальной римской общины жили люди, вольные и невольные поселенцы, которые, не войдя въ составъ самой общины, не имѣли права на заимку и оставались, поэтому, безъ собственной земли. Часть изъ нихъ, отдаваясь подъ покровительство членовъ общины, работала на общественной землѣ въ качествѣ кліентовъ; другая часть обрабатывала, надо думать, ради засушнаго куска хлѣба⁵⁴⁴⁾ чужія земли: царскія, жреческія и частныя. Эта послѣдняя часть — первоначальные плебеи, становясь все болѣе и болѣе значительной по сравненію съ первой — кліентами, не могла оставаться вовсе безъ земли. Съ другой стороны, посылка плебеевъ въ колоніи — въ новыя гражданскія общины, и къ тому же съ отвѣтственною тамъ сторожевою службою, не могла на первыхъ порахъ широко практи-

540) Ученіе *Моммсена* объ assignatio viritana будетъ изложено въ слѣдующемъ очеркѣ; см. у насъ въ Подушномъ надѣлѣ § 5.

541) См., напр., *Діонъ Кассій* (у насъ стр. 55).

542) См., напр., *Діонисій Галикарнасскій* (у насъ стр. 49).

543) См. § 24.

544) См. *Dionys.* IV. 9.

коваться⁵⁴⁵). Нужно было найти средній выходъ, и онъ былъ найденъ въ неколоніальномъ надѣленіи *плебеевъ* землею.

CVII. Это надѣленіе землею плебея — пришлого человека или его потомка послужило въ послѣдствіи однимъ изъ оснований возникновенія его обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ права несенія военной службы⁵⁴⁶). Надѣленный землею заносился въ цензъ и становился изъ пришлого чужака *плебеемъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Отсюда, *неколоніальное надѣленіе землею вело за собою увеличеніе римскаго населенія черезъ созданіе особаго плебейскаго класса*. Если завоеванная территория *охранялась* съ помощью сторожевыхъ поселеній — колоній, то *заселялась* она плебеями⁵⁴⁷). То и другое вело къ одной цѣли — росту римскаго государства, его территории и населенія. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что причины колоніальнаго и неколоніальнаго отвода земель не всегда проявляли свое дѣйствіе въ чистомъ видѣ, въ особенности это слѣдуетъ сказать по отношенію къ болѣе позднему періоду римской исторіи. Въ это время въ колоніи уже посылались въ большомъ количествѣ плебеи, и, такимъ образомъ, сторожевая служба на границахъ государства соединялась съ удаленіемъ плебеевъ изъ Рима; грозившихъ нерѣдко его безопасности. Но теоретически должно строго отличать цѣль *вывода* колоніи — охрану границъ — отъ *раздачи* земель или созданія плебса, какъ населенія, способнаго по цензу нести военную службу.

CVIII. Но если неколоніальный отводъ земель дѣйствительно служилъ въ римской исторіи, въ особенности въ древнѣйшей ея періодъ, созданію и поддержанію плебейскаго класса и можетъ быть названъ, поэтому, отводомъ *плебейскимъ*⁵⁴⁸), то не стоитъ ли это въ противорѣчій съ тѣми

545) Первоначальныя колоніи состояли по общему правилу изъ римскихъ гражданъ, членовъ общины.

546) Ср. стр. 135.

547) Иногда надѣлялось землею непосредственно само побѣжденное населеніе; см. у насъ прим. 97.

548) Едва ли нужно доказывать, что землею надѣлялись *плебеи*. Цѣлый рядъ аграрныхъ реформъ связанъ въ римской исторіи съ плебсомъ. Раздѣлъ земли — боевой кличъ *плебеевъ*, требующихъ себѣ земельныхъ надѣловъ, — есть явленіе, хорошо извѣстное въ литературѣ. Въ частности, мы могли бы сослаться на *Ливія*, см. *Liv.* I, 44, 2; II, 48, 2; — III, 1, 2; 1, 5; — IV, 12, 4; 44, 9; 51, 6; — V, 11, 9; 30, 8; ср. VI, 5, 5; — VIII, 11, 13; 12, 12; — XXV, 1, 8; — XXXIV, 31, 11 и

данными источниковъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о неколоніальномъ надѣленіи землею гражданъ, а не плебеевъ? Сюда могутъ быть отнесены слѣдующіе случаи: 1. Раздѣлъ, по преданію, Ромуломъ земли римскимъ гражданамъ⁵⁴⁹); 2. Надѣленіе землею переселенцевъ, пришедшихъ съ Аппіемъ Клавдіемъ и принятыхъ въ число гражданъ⁵⁵⁰) и 3. Надѣленіе землею, о которомъ въ источникахъ говорится, что раздѣлены были земли *народу* (*populus*)⁵⁵¹). Но въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *основаніемъ* города-государства; во второмъ — рѣчь идетъ объ *увеличеніи* числа гражданъ; въ третьемъ — употреблено общее выраженіе въ смыслѣ всего народа-побѣдителя, а не однихъ только гражданъ. Впрочемъ, нѣтъ надобности оспаривать, что неколоніальный отводъ земель имѣлъ мѣсто въ отношеніи гражданъ. Мы уже видѣли выше, что гражданская община, принимая въ свою среду часть побѣжденнаго непріятели, надѣляла его вмѣстѣ съ тѣмъ землею⁵⁵²). Но, по мѣрѣ того, какъ увеличеніе плебейскаго класса обгоняло ростъ самой общины, исторія неколоніальнаго надѣла все болѣе и болѣе тѣсно связывалась съ надѣленіемъ землею *плебеевъ*. Вотъ почему мы говоримъ о *плебейскомъ* надѣлѣ при неколоніальномъ отводѣ земель, не опасаясь стать въ противорѣчіе съ источниками, передающими въ отдѣльныхъ случаяхъ о раздачѣ земель *гражданамъ*, а не только плебеямъ.

СІХ. *Вторымъ* основнымъ предметомъ (ср. стр. 166) въ изложеніи неколоніальнаго отвода земель является вопросъ о *величинѣ надѣла*. Мы видѣли выше, что писатели римской древности представляли себѣ этотъ надѣлъ равнымъ *двумъ югерамъ*. Въ современной литературѣ эта римская традиція объ исконномъ двухъюгеромъ надѣлѣ не вызываетъ сомнѣній⁵⁵³). Дѣйствительно, трудно оспаривать цѣлый рядъ сви-

нѣкоторыя другія мѣста. См. еще *Varr. L. L. V, 40; Col. R. R. I, 3, 4.* и т. д.

549) См., напр., *Varr. R. R. I, 10, 2* (у насъ I, 28); *Paul. Diac. p. 53* (I, 248); *Cic. de re pub. II, 14* (I, 170); ср. *Plin. H. N. XVIII, 2* (I, 12).

550) *Plut. Popl. 21* (I, 167).

551) *Sic. 153, 26* (I, 58).

552) См. стр. 126.

553) См. *Niebuhr, R. G. II S. 177; Schwegler, R. G. I. S. 451, Anm. 2* и *II S. 417; Ed. Meyer, Gesch. des Altert. II S. 519, Anm.; Kubitschek, s. v. centuria* (въ Pauly-Wissowa, Real-encycl. Bd. III 2 S. 1960 f. Доказательствомъ этого можетъ служить также споръ, до сихъ поръ

дѣтельность древнихъ писателей⁵⁵⁴), изъ которыхъ одни являются лучшими знатоками римской старины⁵⁵⁵), а другіе специалистами по межеванію земли и связанныхъ съ нимъ вопросовъ по надѣленію землей⁵⁵⁶). Сомнѣніе рождается, однако, съ другой стороны: незначительность площади земли въ два югера для прокормленія семьи плебея требуетъ объясненія. Римскіе авторы представляли себѣ возможнымъ жить человѣку съ двухъ югеровъ. Оставляя въ сторонѣ поэтическое описаніе *Ювенала* довольствія крестьянской семьи двумя югерами⁵⁵⁷), мы имѣемъ передъ собою заслуживающее болѣе довѣрія свидѣтельство *Плинія Старшаго*, когда онъ говоритъ, что огородъ (*hortus*) замѣнялъ для бѣдняка поле и что плебей получалъ съ огорода *нужное для пропитанія*⁵⁵⁸). Это свидѣтельство Плинія особенно цѣнно; мы видимъ здѣсь, что *бѣднякъ* и *плебей* приравняются другъ другу, а съ другой стороны — приравняются также между собою *поле* (*ager*) и *огородъ* (*hortus*)⁵⁵⁹). Тотъ же *Плиній* въ другомъ мѣстѣ сообщаетъ, что въ законахъ XII таблицъ въ значеніи *огорода* (*hortus*) употреблялось слово „наслѣдствен-

неразрѣшенный, о характерѣ двухъюгероваго надѣла (см. у *насъ* Подушный надѣлъ стр. 6 и слѣд.).

554) *Plin.* Н. Н. XVIII, 2 (у *насъ* I, 12), ср. XIX, 4 (I, 253); *Varr.* R. R. I, 10, 2 (I, 28); *Sic. Flacc.* p. 153, 26 ed. Lachm. (I, 58); *Front.* 30, 12 (I, 118); *Liv.* VI, 36 11 (I, 150); *Plut.* Popl. 21 (I, 167); *Fest.* ap. Paul. Diac. p. 53 (I, 248); *Iuv.* XIV, 161 (I, 262).

555) Къ нимъ мы относимъ *Варрона* и *Феста* (см. прим. 554).

556) Мы имѣемъ въ виду писателей-землемѣровъ *Сикюла Флакка* и *Фронтину* (см. прим. 554).

557) *Iuv.* XIV, 161 (см. стр. 76 и слѣд.).

558) Собственно — „*macellum*“: см. *Plin.* Н. Н. XIX, 4 (I, 24). Это слово обозначаетъ мясной и овощной рынокъ. *A. Walde* (Lat. etym. Wörterb. Heidelb. 1906, S. 357 s. v. *macellum*) сближаетъ происхождение и значеніе этого слова съ словами: 1) еврейскими *mikhela, makhela* = изгородь, загороженное мѣсто и 2) съ спартанскимъ *Μακέλλον* того же значенія *Варронъ* (l. I. V, 146) говоритъ: „*Ubi quid generatim, additum ab eo cognomen, ut Forum Bovarium, Forum Olitorium; hoc erat antiquum Macellum, ubi olerum copia*“. Самое же названіе рынка словомъ *macellum* произошло по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей отъ того, что на этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда огородъ — *hortus* (*Varr.* l. I. V 147). Приводя это мнѣніе, *Варронъ* допускаетъ, очевидно, связь между словами *macellum* и *hortus*. Изъ этого слѣдуетъ, что подъ именемъ *macellum* въ переносномъ смыслѣ надо разумѣть все то, что можетъ быть получено для пропитанія съ „огороженного мѣста“ = „огорода“.

559) См. стр. 13.

ный участокъ“ (heredium)⁵⁶⁰). Было бы не совсѣмъ вѣрно думать, что „наслѣдственный участокъ“ есть то же, что „огородъ“ (hortus)⁵⁶¹); но будетъ правильно полагать, что „наслѣдственный участокъ“ могъ быть и землей, обращаемой часто подъ огородъ. Дѣйствительно, „наслѣдственный участокъ“, по свидѣтельству грамматиковъ, обозначалъ „всякій небольшой участокъ земли“ (praedium parvulum)⁵⁶²), а одинъ изъ писателей по сельскому хозяйству называетъ этимъ именемъ также и семиюгеровый надѣлъ⁵⁶³). Однако, очевидно, что семь югеровъ земли, обращенные подъ огородъ, могли бы сдѣлать ихъ владѣльца и не бѣднымъ человекомъ. *Плиній* же говоритъ о бѣднякѣ и плебеѣ. Отсюда, необходимо сопоставить это мѣсто съ свидѣтельствомъ *Варрона*: онъ, какъ намъ извѣстно, называетъ именемъ „наслѣдственный участокъ“ (heredium) два югера надѣльной земли⁵⁶⁴). Эти два югера, обращенные даже подъ огородъ, не могли, конечно, сдѣлать человека житочнымъ. *Ливій* подтверждаетъ правильность этого сопоставленія. Онъ говоритъ, что плебеи жаловались на недостаточность двухъ-

560) *Plin.* Н. Н. XIX, 4 (I, 20); см. стр. 12.

561) Такъ думаетъ, однако, большинство современныхъ писателей, когда они ставятъ между словами *hortus* и *heredium* знакъ равенства (подробнѣе скажемъ въ слѣдующемъ очеркѣ) и на этомъ основаніи признаютъ *heredium* всегда и вездѣ усадебной землей. Доказательствомъ неправильности такого мнѣнія служатъ: во 1) слова *Плинія*: „in XII tabulis legum nostrarum nusquam nominatur villa, semper in significatione ea hortus: in horti vero heredium (*Plin.* XIX, 4)“. Этими словами *Плиній* говоритъ только о времени XII таблицъ и вовсе не говоритъ, что *heredium* былъ *hortus*, а что лишь первое слово употреблялось для обозначенія (in significatione) второго; во 2) надѣлъ въ семь югеровъ былъ также „наслѣдственнымъ участкомъ“ (heredium); но этотъ надѣлъ былъ *пахотной*, а не огородной землей (hortus). Едва ли можно оспаривать, что семь югеровъ были „наслѣдственнымъ участкомъ“; это вытекаетъ изъ существа надѣльного землевладѣнія въ Римѣ; но и помимо этого, древній авторъ *Колумелла* прямо называетъ случайно уменьшенный семиюгеровый надѣлъ именемъ *herediolum* (*Col.* I, Praef. 13, см. у насъ I, 41). Уменьшительное названіе *herediolum* мѣсто *heredium* объясняется здѣсь тѣмъ, что Цинциннатъ, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, лишился 3 югеровъ изъ семи, и его „наслѣдственный участокъ“ названъ, поэтому, *herediolum*. См. еще у насъ стр. 73.

562) *Paul. Diac.* s. v. heredium (I, 254).

563) *Col.* R. R. I, Praef. 13 (I, 41). См. предыдущее примѣчаніе.

564) *Varr.* R. R. I, 10, 2 (I, 28).

югероваго надѣла, едва хватавшаго для *кровли* и *мѣста погребенія*⁵⁶⁵). *Ливій* говоритъ это, излагая жалобы плебеевъ, которые сравнивали свои надѣлы съ земельными захватами патрициевъ по пятисотъ югеровъ. Мы должны, поэтому, отдать предпочтеніе болѣе объективнымъ словамъ *Плинія*, который свидѣтельствуесть, что плебей, какъ и бѣднякъ, могъ жить съ огорода, т. е. съ двухъ югеровъ земли.

СХ. Мы видѣли выше (стр. 146), что одинъ югеръ, засѣянный пшеницею, могъ прокормить одного человѣка; хорошая же земля могла, пожалуй, прокормить и болѣе одного человѣка⁵⁶⁶). Очевидно, однако, что на средней землѣ *семейный* плебей могъ кормиться, перейдя лишь къ болѣе доходной обработкѣ земли подъ огородъ. Пусть даже часть земли плебея, напр. $\frac{2}{3}$ югера, отойдетъ подъ хижину и дворъ; однако и въ этомъ случаѣ при *огородной* обработкѣ надѣла его доходность все-же повысится приблизительно въ нѣсколько разъ⁵⁶⁷). Отсюда, малосемейный плебей при благоприятныхъ условіяхъ могъ кое-какъ кормиться съ огорода. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что чистый сборъ съ одного югера

565) *Liv.* VI, 36, II (I, 150).

566) Въ особенности, если мы признаемъ болѣе правильнымъ вычисленіе доходности съ югера хорошей земли, основываясь исключительно на данныхъ Варрона (см. прим. 476).

567) Мы основываемъ расчетъ на слѣдующемъ: 1. югеръ пахоты могъ прокормить одного взрослога человѣка; если бы засѣвались два югера, то съ нихъ могли бы прокормиться уже два человѣка; при огородной же обработкѣ земли какъ разъ воздѣлывались каждый годъ два югера. 2. Доходность огорода мы повышаемъ до $2\frac{1}{2}$ разъ. 3. Принимая во вниманіе, что часть двухъ югеровъ была занята постройками, мы вмѣсто доходности „содержанія 5 человѣкъ“ понижаемъ ее до 4-хъ, т. е. $\frac{2}{3}$ югера, или почти половину его отводимъ подъ постройки. Вычисленіе это примѣрное, и на правильности расчета мы не настаиваемъ. Напротивъ, мы склонны думать, что съ огородной земли въ размѣрѣ меньше двухъ югеровъ могла кормиться развѣ семья изъ мужа, жены и одного или двухъ подростковъ-дѣтей. Поэтому-то вѣршнее поколѣніе и требовало себѣ постоянно земли. Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду, что огородная обработка земли не всегда была возможна и что она требуетъ во всякомъ случаѣ много кропотливой и постоянной работы. Мысль объ обращеніи плебеевъ надѣла подъ огородную землю была высказана *Heyne*: „unde si familia se sustentasse fertur, ad horti morem cultum agrum fuisse necesse est, eumque soli fertilissimi, proventusque uberrimi (*Opusc.* Gotting. 1785. Vol. I, p. 250 sq.)“. Впрочемъ, такъ думали уже раньше *Heyne*; см., напр., *J. Süßmilch*, *Die göttliche Ordnung* (Berlin, 1775) Bd. II. S. 28.

могъ прокормить раба почти однимъ хлѣбомъ. Мы видѣли выше, что ежегодное потребление хлѣба человѣкомъ, питающимся не однимъ хлѣбомъ, а и другими продуктами, *понижено* Варрономъ до трехъ модіевъ, т. е. въ 1½, раза. Могъ ли плебей въ древнѣйшія времена выпускать свой скотъ на общинное поле, за отсутствіемъ къ тому, насколько намъ извѣстно, положительныхъ данныхъ, мы отказываемся опредѣленно судить⁵⁶⁸), но что плебеямъ при нарѣзкѣ имъ земли вымежевывался *выгонъ*, на это имѣются, повидимому, указанія въ источникахъ. *Варронъ* сообщаетъ, что въ поляхъ, раздѣленныхъ „по-мужамъ“ (*virgim*), четыре центуріи, соединенныя въ формѣ квадрата, назывались именемъ *saltus*, т. е. „выгонною землею“⁵⁶⁹). Въ этомъ не совсѣмъ ясномъ свидѣтельствѣ Варрона заключается, вѣроятно, намекъ на выдѣленіе выгонной земли въ четыре центуріи поселенцамъ при неколоніальномъ отводѣ земель. Это предположеніе подтверждается понятіемъ, даннымъ *Исидоромъ* о пастбищномъ полѣ (*comprascuus ager*)⁵⁷⁰). Если это такъ, то плебеи получали при неколоніальномъ отводѣ земель четыре центуріи въ качествѣ общаго выгона для выпуска своего скота⁵⁷¹). Такимъ образомъ, плебей имѣлъ пищу не только отъ обработаннаго надѣла, но питался также и продуктами отъ своего скота.

568) Плебей не могъ вольно занимать *ager publicus* подъ пахоту (ср. прим. 450); иначе думаетъ *P. Ed. Huschke*, Über die Stelle des Varro S. 13, Anm. 27, не указывая къ тому оснований; ср. у него же S. 78, 5, Anm. 5; *Ihne*, R. G. IV S. 172; ср. I S. 164 и 306; см. литературу у *Willems'a* I. с. р. 333, note 10. Несмотря на это плебей постоянно требовалъ сокращенія захвата земель патриціями. Поэтому же изъ ограниченія для патриціевъ содержать скотъ въ любомъ числѣ на общинной землѣ (*ager publicus*) едва ли можно вывести заключеніе о правѣ плебея выгонять на нее свой скотъ. Ср. еще *Ihne*, R. G. I S. 162.

569) См. стр. 14 и прим. 33 и 90. *Варронъ* объясняетъ слова *saltus* въ значеніи лѣсныхъ и пастбищныхъ угодій (*Varr. l. l. V, 36*). Ср. *A. Walde*, l. c. s. v. *saltus* (S. 541). Въ позднѣйшее время римской исторіи слово *saltus* имѣло, какъ извѣстно, другое еще значеніе. — Ср. еще *Mommsen*, Jurist. Schrift. S. 100.

570) См. прим. 259.

571) Площадь четырехъ центурій въ 800 югеровъ составляетъ около 184½, десятинъ земли. На какое количество поселенцевъ давался этотъ выгонъ — неизвѣстно. Въ какомъ отношеніи находился выгонъ въ четыре центуріи къ выгону (*saltus*) въ 25 центурій, т. е. около 1153 десятины (*Sic. 158, 20*, у насъ I, 90) — также неизвѣстно.

§ 29. Семиюгеровый плебейскій надѣлъ.

СХІ. По мѣрѣ того, какъ плебеи начали получать земельный надѣлъ въ два югера и стали войнами, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали все больше правъ гражданина, или члена общины, измѣнялось и ихъ положеніе. Своими трудами — потомъ и кровью — они создавали отечество, въ которомъ, однако, они все еще числились не сынами, а какъ бы пасынками. Старая идея о томъ, что только членъ общины имѣлъ право на заимку общественной земли, оставалась еще въ силѣ. Съ другой стороны, не менѣе очевиднымъ становилось, что двухъюгеровый, по существу, солдатскій надѣлъ былъ большою несправедливостью по отношенію къ плебеямъ. Предстояла дилемма или нарушить старый принципъ о заимкѣ земли только полноправными членами общины, или надѣлять плебея въ такомъ размѣрѣ землю, чтобы ея хватало на содержаніе его семьи. Заимка обыкновенно малокультурной земли требовала затраты капитала и большого количества свободного времени. Тѣмъ и другимъ не располагалъ плебей, постоянно занятый войнами и обремененный долгами⁵⁷²⁾. Гораздо проще было надѣлять плебея уже обработанной землей въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія потребностей его семьи. Насколько можно вѣрить традиціонной римской исторіи, — дилемма была рѣшена въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, и плебей началъ надѣляться семью югерами вмѣсто прежнихъ двухъ. *Когда* произошла эта перемѣна, и *почему* сталъ даваться плебею именно семиюгеровый надѣлъ, а не какой либо другой — оба эти вопроса до сихъ поръ остаются невыясненными⁵⁷³⁾.

572) Ср. *Liv.* VI, 5, 5; VI, 27. Къ тому же необработанныя земли по близости къ Риму были давно уже заняты патриціями; итти же далеко отъ Рима на неразработанную землю безъ денегъ и орудій производства едва ли было для плебея привлекательно.

573) См. рѣшеніе этихъ вопросовъ у *Niebuhr*'а, R. G. Bd. II S. 184 f. Рѣшеніе Нибура справедливо отвергнуто современной литературой. Этихъ же вопросовъ вскользь касался *Ihne*, *Forschungen auf dem Gebiete der röm. Verfassungsg.* Frankf. 1847. См. еще *Ihne*, R. G. I, S. 162; *P. Ed. Huschke*, *Ueber die Stelle des Varro von den Liciniern* S. 21 ff; *Goes. Antiquit. agrar.* p. 50; *Kornemann*, s. v. *coloniae* (*Pauly-Wissowa, Real-encycl.* Bd IV¹ S. 574 f.) Произошло это отчасти, вѣроятно, потому, что при изученіи данныхъ вопросовъ была разорвана историческая преемственность между двухъюгеровымъ и семиюгеровымъ

СХІІ. Указанія на практиковавшійся при надѣленіи землею въ Римѣ семиюгеровой надѣль даютъ главнымъ образомъ авторы, писавшіе по сельскому хозяйству⁵⁷⁴). Изъ нихъ наиболѣе древнее свидѣтельство принадлежитъ *Варрону*. Къ сожалѣнію, свидѣтельство этого писателя не отличается ясностью⁵⁷⁵). Прежде всего возникаетъ вопросъ, когда жилъ *С. Licinius*, введшій впервые семиюгеровой плебейскій надѣль. Изъ текста Варрона слѣдуетъ, что онъ жилъ въ 609 г. отъ основанія Рима. Дѣйствительно, въ это время жилъ *С. Licinius Crassus*. Но признанію этого Лицинія творцомъ семиюгеровой мѣры противятся факты надѣленія плебеевъ семиюгеровыми участками задолго до этого времени. Кромѣ того, *Варронъ* не говоритъ, что *С. Licinius*, жившій въ 609 г. отъ основанія Рима первый установилъ надѣльную мѣру въ 7 югеровъ⁵⁷⁶). Напротивъ, *Колумелла*, говоря о семиюгеровой мѣрѣ Лицинія (*Liciniana septena iugera*), употребленной этимъ трибуномъ при наръзкѣ земли плебеямъ по изгнаніи изъ Рима царей, сообщаетъ, что *Курій Дентатъ*, бывшій консуломъ въ 464/200 г., удовольствовался плебейскою мѣрою (*plebeia mensura*) и что вскорѣ, послѣ того, какъ римская область вслѣдствіе завоеваній расширилась, *С. Licinius* былъ осужденъ на основаніи своего же закона, запрещавшаго владѣть отдѣльному лицу свыше пятисотъ югеровъ⁵⁷⁷). Та-

надѣлами. Двухъюгеровой надѣль считали усадебной землей и представляли его, какъ доказательство существованія въ Римѣ общиннаго землевладѣнія. Происхождение и роль семиюгероваго надѣла — позднѣйшаго *heredium*'а — были при этомъ оставлены въ сторонѣ.

574) *Plin.* Н. Н. XVIII, 3 (I, 14 и I, 15); *Varr.* R. R. I, 2, 9 (I, 35); *Col.* I, Praef. 14 (I, 40 ср. I, 41) и въ особенности I, 3, 10. Кромѣ нихъ см. *Val. Max.* IV, 4, 7; — 4, 6; — 8, 1; 4, 11 (I, 267—270) и *Liv.* V, 30, 8; ср. *Diod.* XIV, 102 (1, 215).

575) *Varr.* I, 2, 9 (I, 35). Кромѣ толкованія къ этому мѣсту у *G. Schneider*'а (у насъ I, 35), см. еще *P. Ed. Huschke*, Ueber die Stelle des Varro von den Liciniern (de re rust. I, 2, § 9). Heidelberg. 1835. S. 21 ff. Этотъ авторъ даетъ *подробный* обзоръ и критику литературныхъ мнѣній.

576) См. у насъ прим. 35. Ср. литературу по этому вопросу у *G. Schneider*'а I. с. р. 259 sq. и въ особенности у *Huschke*, I. с. S. 31 f.

577) *Col.* R. R. I, 3, 10: „Ideoque post reges exactos Liciniana illa septena iugera, quae plebi tribunus viri- tim diviserat, maiores quaestus antiquis retulere, quam nunc nobis praebent amplissima vetereta. Tanta quidem Curius Dentatus . . . plebeia mensura contentus fuit. Mox etiam agrorum vastitatem victoriae nostrae et interneciones hostium fecissent. . . suaque lege C. Licinius damnatus est . . .“

кимъ образомъ, Колумелла, хотя и называетъ семиюгеровую мѣру *лициніевской*, но не говоритъ прямо, когда жилъ трибунъ Лициній — творецъ этой мѣры. Приходится снова довольствоваться косвенными указаніями. Можно предположить, что семиюгеровая мѣра была введена тѣмъ-же Лициніемъ, который провелъ законъ о пятисотьюгеровомъ владѣніи и былъ самъ осужденъ за его нарушеніе. Этотъ Лициній (С. Licinius Stolo) жилъ въ IV вѣкѣ отъ основанія Рима, а его законъ былъ изданъ въ ³⁸⁷/₃₈₇ г. ⁵⁷⁹). Но противъ этого

578) Въ послѣднее время *Низе* высказался противъ возможности изданія этого закона въ ³⁸⁷/₃₈₇ г. Свои соображенія по этому вопросу онъ подробно изложилъ въ *Hermes*, XXIII. S. 410 ff., въ статьѣ: Das sogenannte Licinisch-sextische Ackergesetz. По предположенію *Низе*, аграрный законъ принадлежитъ гораздо болѣе позднему времени и *не можетъ быть древнѣе второй пунической войны* (ср. В. Niese, Grundriss. d. röm. Gesch. S. 55 Anm. 5). Относительно мнѣнія *Низе* см. *Pais*, l. c. Vol. I — P. II, p. 136, 2; *De Sanctis*, l. c. Vol. II, p. 7, 1; p. 216, 2; *O. Schmidt*, Die gegenwärtige Krisis in der Auffassung der älteren röm. Geschichte (въ Neue Jahrbücher f. d. kl. Altert. Gesch. u. deutsch. Litter. Leipzig. 1900. V. S. 43 f. Въ юридической литературѣ на мнѣніе *Низе* вовсе не обратили вниманія. Тѣмъ не менѣе доводы *Низе* требуютъ того, чтобы съ ними считались и юристы. Здѣсь не мѣсто, однако, подвергнуть всесторонней критикѣ эти доводы *Низе*. Мы ограничиваемся лишь разборомъ двухъ наиболѣе существенныхъ пунктовъ его аргументаціи. 1. Такъ, *Низе* указываетъ на умолчаніе объ аграрномъ законѣ „преданія до Ливія“, въ особенности — на молчаніе объ этомъ *Цицерона* и *Диодора*. Но молчаніе мало что доказываетъ, съ чѣмъ соглашается *мимоходомъ* и самъ *Низе*; а кромѣ того, что уже болѣе важно — этотъ доводъ и не совсѣмъ вѣренъ. Мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство *Варрона*, который прямо говоритъ: „Nam C. Licinium Stolonem, et Cn. Tremellium Scrofam video venire. unum cuius maiores de modo agri legem tulerunt. Nam Stolonis illa lex, quae vetat plus D. iugera habere civem R. (Varr. R. R. I, 2, 9)“. Это свидѣтельство *Варрона* является и болѣе древнимъ, чѣмъ умолчаніе *Диодора*. Книга XV-ая *Диодора*, въ которой говорится о борьбѣ за консульство плебеевъ, написана имъ не раньше 733/21 г. (ср. *Бузескулъ*, Введ. въ рим. истор., 255); между тѣмъ, какъ *Варронъ* написалъ свои книги о Сельскомъ хозяйствѣ въ 717/37 г. (*Модестовъ*, Лекціи по истории рим. литер. стр. 354), т. е. *положительное* свидѣтельство *Варрона* существовало раньше *отрицательнаго* свидѣтельства *Диодора* на 16 лѣтъ. Наконецъ, цѣлый рядъ писателей единодушно повторяютъ, что творцомъ закона о пятисотьюгеровомъ владѣніи былъ С. *Licinius Stolo* (*Plin.* Н. N. XVIII, 3; *Plut.* Camil. 39, ср. Т. Gracch. 8; *Val. Max.* VIII, 6, 3, ср. *Vell.* II, 6). Было-бы слишкомъ смѣло на основаніи молчанія *Диодора* и *Цицерона* (ср., однако, *Cic.* de l. agr. II, 8) предполагать, что всѣ эти писатели, въ томъ числѣ и *Варронъ*, не знали о времени изданія аграрнаго закона. Ихъ ошибка приметъ

предположенія говоритъ сообщеніе Колумеллы, что плебеи были надѣлены землею по семи югеровъ на мужа (*viritim*) *по изгнаніи изъ Рима царей*. Трудно согласовать это указаніе на время изгнанія царей съ введеніемъ семиюгеровой мѣры въ ³⁸⁷/₃₆₇ г., т. е. спустя болѣе, чѣмъ одно столѣтіе. Кромѣ того, другой писатель, *Плиній*, сообщаетъ прямо, что семиюгеровая мѣра была введена по изгнаніи изъ Рима царей ⁵⁷⁹). На основаніи свидѣтельства Плинія можно думать, что творецъ плебейской семиюгеровой мѣры жилъ въ эпоху изгнанія изъ Рима царей. Дѣйствительно, въ ²⁶⁰/₄₉₄ г. существовалъ трибунъ *C. Licinius* ⁵⁸⁰). Наконецъ, *Ливій* сообщаетъ,

характеръ грубой и непростительной небрежности, если согласиться съ *Niese*, что законъ былъ изданъ не раньше конца ганнибаловой войны (въ *Hermes* I. с. S. 422; болѣе осторожно — въ *Grundr. d. röm. Gesch.* S. 55, Anm. 5), такъ какъ въ этомъ случаѣ окажется, что они не знали, и *въ особенности Варронъ*, закона, изданнаго, можно сказать, еще на ихъ памяти. Вѣдь, Варронъ родился въ ⁶³⁸/₁₁₆ г., т. е. приблизительно 85 лѣтъ спустя по окончаніи второй пунической войны. 2. Второй доводъ *Niese* уже *чисто теоретическій*. Онъ вычисляетъ, что римская территорія вмѣстѣ съ вейскою областью была слишкомъ мала для того, чтобы на ней могли развиваться большія владѣнія, а слѣдовательно не было нужды издавать и законъ объ ограниченіи владѣльцевъ 500 югерами. *J. Beloch* (*Der italische Bund unter Roms Hegemonie*. Leipzig 1880 S. 69 f.) на котораго въ своемъ вычисленіи ссылается *Niese*, устанавливаетъ размѣръ древней римской территоріи вмѣстѣ съ вейскою областью равнымъ 212.277 гектарамъ. Предположимъ, что не сто человекъ, какъ то беретъ для примѣра *Niese*, а триста были ограничены во владѣніи *ager publicus* пятьюстами югеровъ. Владѣнія этихъ лицъ составить въ такомъ случаѣ всего 37.773 гектара, т. е. немного болѣе $\frac{1}{6}$ всей территоріи. *O. Schmidt*, I. с. S. 42, основываясь на распредѣленіи земельной собственности въ Саксоніи, предполагаетъ, что аграрный законъ Лицинія долженъ былъ дѣйствительно коснуться 300 — 400 крупныхъ землевладѣльцевъ. Оставляя въ сторонѣ сравненіе *O. Schmidt*'омъ римскаго землевладѣнія въ ³⁸¹/₃₆₇ г. съ саксонскимъ въ XIX в., мы должны сказать, что изданіе аграрнаго закона, ограничившаго свободную заимку, было умѣстно въ скоромъ времени по завоеваніи вейской области, такъ какъ съ ея присоединеніемъ открывался широкій просторъ для захвата новой области. Соображеніе *Niese* о заселенности вейской области мало убѣдительно. Владѣльцы, разумѣется, сами не обрабатывали свою землю; ее обрабатывало, конечно, то же римское населеніе. О плотности римскаго населенія и еще о теоріи *Niese* см. ниже въ этомъ же очеркѣ.

579) *Plin.* H. N. XVIII, 3 (I, 14).

580) См. *Liv.* II, 32, 2. *Dionys.* VI, 89. См. мнѣніе *Huschke* (I. с. S. 52, Anm. 100).

ми цѣлый рядъ опытовъ до разрушенія этихъ вещей включительно.

Дать ребенку возможно болѣе отчетливое знакомство съ внѣшнимъ міромъ представляетъ собою одно изъ самыхъ главныхъ и важныхъ условій рациональнаго воспитанія, потому и органы внѣшнихъ чувствъ, имѣющіе такое громадное значеніе не только въ физической, но и въ психической нашей жизни, естественно, должны стать на первый планъ въ этомъ случаѣ при стремленіи воспитанія къ общему органическому усовершенствованію ребенка. Если даже наши органы внѣшнихъ чувствъ въ порядкѣ, мы можемъ видѣть, слышать, но въ то же время это еще далеко не значитъ всегда, что можемъ понимать. Физическое развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ видимо само собою способно идти впередъ, а психически можно оставаться нерѣдко слѣпымъ и глухимъ, т. е. видѣть однѣ только опредѣленныя краски, слышать ничего не говорящія уму звуки. Способность къ различнаго рода впечатлѣніямъ мы получаемъ отъ самой природы, но сила каждаго впечатлѣнія зависитъ всецѣло также не мало и отъ того, какъ это впечатлѣніе было нами воспринято. Напримѣръ, если мы, сдѣлаемъ переходъ отъ темноты къ свѣту, отъ тишины къ шуму и т. п., то при этомъ испытываемъ большую или меньшую рѣзкость впечатлѣній, но эта проявившаяся рѣзкость впечатлѣнія можетъ остаться исключительно только чувственнаго характера, не произведя дѣйствія на нашъ интеллектъ. Для того, же чтобы оказать воздѣйствіе на нашъ интеллектъ, нѣтъ необходимости въ рѣзкости, особой силѣ впечатлѣнія, а необходимо безусловно эмоціальное возбужденіе. Пояснимъ примѣромъ. Предположимъ, что мы разсматриваемъ какой либо заинтересовавшій насъ предметъ, какое либо явленіе. Если намъ покажутъ его послѣдовательно безъ рѣзкихъ переходовъ отъ одной особенности къ другой, это произведетъ должное впечатлѣніе. То же самое и при каждой передачѣ свѣдѣній, рассказѣ. Ведутся они покойно, безъ крика, шума, они достигаютъ намѣченной цѣли. Чѣмъ больше объясненіе, рассказъ будутъ сопровождаться какими либо рѣзкими проявленіями, тѣмъ съ большимъ затрудненіемъ можетъ быть достигнуто съ нашей стороны необходимое для того вниманіе. Итакъ, воспринять какое нибудь новое впечатлѣніе, это значитъ ощутить, замѣтить перемѣну; по-

этому сопоставляя предметы или факты, мы дѣлаемъ всегда ихъ сравненіе, сравниваемъ ихъ по цвѣту, формѣ, величинѣ, тяжести. Сравнивая стремимся найти всегда въ предметахъ сходство и различіе. Чѣмъ энергичнѣе будетъ производиться такая работа, тѣмъ впечатлѣнія будутъ интенсивнѣй, умственная дѣятельность живѣе и наоборотъ — при слабости и упадкѣ нашей энергіи наши впечатлѣнія, хотя и будутъ восприниматься, но могутъ остаться болѣе туманными. Имѣя все это въ виду первоначальное воспитаніе необходимо должно стремиться всегда умѣло поддерживать бодрость и свѣжесть силъ дѣтскаго ума, не допуская его приходить въ состояніе индифферентизма, и не давать ему возможности работать черезчуръ вяло и лѣнливо. Умъ живой и дѣятельный представляетъ собою необходимое условіе для всякаго рода дѣятельности и потому стремиться поддерживать, а если нужно, даже пробуждать умственную энергію ребенка рациональное воспитаніе будетъ находить всегда для себя необходимымъ, а въ интересахъ усиленія умственной энергіи ребенка помимо хорошаго питанія и достаточнаго отдыха, прежде всего найдетъ необходимымъ систематически упражнять его органы внѣшнихъ чувствъ. Въ этомъ отношеніи хорошую помощь родителямъ-воспитателямъ оказалъ своей системой Фребель.

IX.

Воспитательная система Фребеля и ея значеніе. Дѣтскія игры.

Ученикъ и послѣдователь Песталоцци Фребель не менѣе его горячо любилъ дѣтей. Посвятивъ всю свою жизнь служенію великому дѣлу воспитанія будущаго чело-вѣка, Фребель обладалъ всѣми данными для выполненія этой трудной задачи.

При своихъ обширныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ въ области педагогіи, Фребель имѣлъ вполнѣ основательное знакомство съ трудами своихъ предшественниковъ, почему получилъ полную возможность поставить свою воспитательную систему на научную высоту и подвести ее подъ общіе законы. Все построеніе Фребельской системы основано на томъ, что дѣтскій міръ имѣетъ тѣ же законы, какъ и міръ всего челоуѣчества, всей природы. Система Фребеля не была исключительно продуктомъ теоретическихъ выводовъ кабинетнаго ученаго, а явилась также и не менѣе прямымъ слѣдствіемъ внимательнаго наблюденія и изученія самой дѣтской жизни. Въ виду того, что система эта взята болѣе непосредственно изъ самой жизни, а не искусно только придумана, въ этомъ ея и большая цѣнность и достоинство. Вполнѣ естественно, что каждый, кому дорого и интересно развитіе маленькой челоуѣческой личности, долженъ всегда съ полнымъ уваженіемъ отнестись къ свѣтлымъ взглядамъ Фребеля, дѣтскаго друга.

Со времени своего возникновенія на мѣстѣ родины, въ Германіи, воспитательная система Фребеля подвергалась къ тому же всестороннему обсужденію, по поводу ея было выпущено въ свѣтъ довольно капитальныхъ педагогическихъ

трудоѡ. Въ педагогическомъ мѣрѣ вообще эта система обратила на себя вниманіе, она встрѣтила себѣ здѣсь довольно и сторонниковъ, и противниковъ. Сторонники ея видѣли и видятъ главное достоинство Фребелевской системы именно въ томъ, что она не искусственна и ставятъ это въ заслугу ея инициатору, противники же, наоборотъ, находятъ, что Фребель ничего не изобрѣлъ самостоятельно, и то что онъ заимствовалъ у самихъ дѣтей, онъ испортилъ, придавъ всему искусственную форму.

Конечно, слѣпые подражатели Фребелевскому наглядному методу занятій съ дѣтьми часто могутъ рисковать дойти до очень неудачнаго примѣненія рекомендуемыхъ имъ пріемовъ. Нельзя отрицать и того, что послѣдователи Фребеля въ своемъ увлеченіи имъ нерѣдко сверхъ ожиданій уродуютъ его систему. Но виноватъ ли въ томъ самъ ея основатель? Идея сама по себѣ можетъ быть совершенно иного характера, чѣмъ ея примѣненіе людьми, такъ и въ данномъ случаѣ. Повидимому, Фребелевскіе такъ называемые „дары“ настолько же элементарны по формѣ; насколько и просты сами рекомендуемые имъ воспитателямъ пріемы. Однако и тѣмъ и другимъ надо пользоваться умѣло. Самое тщательное изученіе рекомендуемыхъ Фребелемъ пріемовъ позволяетъ человѣку быть лишь ремесленникомъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Вполнѣ естественно, что исполняя свое дѣло, какъ ремесленникъ, не ознакомившись основательно, не проникнувшись всей глубиной философскаго смысла идеи Фребеля, не трудно изуродовать дѣло, такое великое и отвѣтственное. Особенно громадное значеніе имѣетъ это при первоначальномъ воспитаніи. Плохой школьный учитель вполнѣ способенъ не въ силахъ принести столько вреда, сколько могутъ оставить его первые воспитатели и руководители ребенка, имѣющіе дѣло слишкомъ нѣжнымъ и хрупкимъ раннимъ возрастомъ ребенка.

Все построеніе Фребелевской системы основано, какъ сказано, на томъ, что дѣтскій мѣръ имѣетъ тѣ же законы, какъ и мѣръ всего человѣчества, всей природы. Эту идею Фребель и выразилъ въ видѣ вполнѣ организованной системы. Историческая заслуга Фребеля заключается въ томъ, что до извѣстной степени онъ открылъ секретъ успѣха дѣтскаго развитія въ умѣломъ копированіи самой природы дитяти. Внимательно присматриваясь и

изучая дѣтскій міръ, онъ постарался подвести всю дѣятельность ребенка подъ общіе опредѣленные законы и выяснить эти законы, отдѣляя ихъ отъ произвола или случайностей. Наблюдая и знакомясь съ дѣтскимъ міромъ и его потребностями, Фребель самъ учился у дѣтей, чѣмъ и получилъ болѣе возможности лучше различать среди потребностей этого міра естественныя отъ извращенныхъ въ силу условій. Свои наблюденія Фребель подвергалъ строгому анализу. Параллельно шло у него и изученіе тѣхъ средствъ, къ которымъ обыкновенно дѣти прибѣгаютъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ воспитательномъ дѣлѣ Фребель старался указать, какое важное значеніе имѣетъ правило: всему свое время и мѣсто. Исходя изъ такого положенія, онъ стремился выдержать стройность и послѣдовательность въ своей системѣ. Здѣсь заботливо избѣгается какихъ либо скачковъ или рѣзкихъ переходовъ. Девизъ Фребеля — отъ легкаго къ трудному, потому и всѣ приемы его стараются наблюдать строгую постепенность въ своихъ переходахъ отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ простаго къ болѣе сложному. При этомъ необходимо замѣтить, что система Фребеля далеко не требуетъ пунктуальности исполненія какой либо программы, почему и можетъ быть избѣгнута сухость и односторонность. Конечно, извѣстная послѣдовательность всегда необходима. При внимательномъ изученіи и умѣломъ отношеніи къ фребелевской системѣ можно убѣдиться въ ея цѣнности и жизненности. Фребель былъ нѣмецъ, сама идея его возникла, развивалась и примѣнялась имъ къ родной почвѣ. Но всякая великая идея легко можетъ быть примѣнима у всѣхъ національностей, такъ какъ трактуетъ объ общихъ законахъ развитія чело- вѣка, которые для всѣхъ одинаковы. Понятно, что средства примѣненія идеи должны всегда гармонировать съ каждымъ національнымъ характеромъ. Примѣняя методу Фребеля, напр., къ нашимъ русскимъ дѣтямъ, живущимъ при нѣсколь- ко иныхъ условіяхъ, необходимо, конечно, обставить ее приѣмами и особенностями нашей родной жизни, тогда можно рассчитывать и на удачу. Иначе если средства примѣненія фребелевской идеи не будутъ гармонировать съ національ- нымъ характеромъ, она теряетъ большую долю своего значенія.

Фребель признавалъ необходимость систематическаго и всесторонняго воспитанія ребенка до поступленія его въ

школу. Для большаго удобства и послѣдовательности онъ раздѣлили свой трудъ на два отдѣла. Первый былъ имъ посвященъ ребенку до 3-лѣтняго возраста, еще не вышедшему изъ попеченія матери; второй имѣлъ въ виду дѣтей до 7-лѣтняго возраста, когда ребенокъ, уже вполне человекъ въ миниатюрѣ, долженъ подготавливаться для поступленія въ школу. Въ первомъ отдѣлѣ первые воспитатели ребенка найдутъ для себя строгую послѣдовательность наставленій, во второмъ, въ отдѣлѣ такъ называемаго „дѣтскаго сада“, Фребель старался помочь тому большинству дѣтей, поступающихъ въ школу, которыя получили къ ней дома сравнительно слабую подготовку. „Дѣтскій садъ“, по идеѣ Фребеля, является такимъ образомъ подготавливающимъ къ школьной обстановкѣ. Само названіе „дѣтскій садъ“ имѣло отчасти прямое, отчасти переносное значеніе. Инициаторъ „дѣтскаго сада“ считалъ вообще полезнымъ для дѣтей проводить возможно больше времени среди природы, на открытомъ воздухѣ; садъ являлся, по его мнѣнію, самымъ удобнымъ мѣстомъ для этихъ цѣлей. Помимо того названіемъ „дѣтскій садъ“ Фребель какъ бы нагляднѣе хотѣлъ указать на ребенка, какъ на растеніе, отъ котораго опытный специалистъ садовникъ долженъ сумѣть устранить все вредное, мѣшающее правильному росту и развитію и въ то же время долженъ позаботиться, чтобы дать все необходимое для свободнаго и полнаго его расцвѣта.

Если въ семьѣ ребенокъ не получитъ хорошей подготовки въ воспитательномъ отношеніи, какъ бы ни была хороша постановка школы, куда онъ попадетъ впоследствии, школа эта все же окажется для него явленіемъ чуждымъ и не будетъ въ силахъ производить на него необходимаго вліянія. Потому и цѣненъ можетъ быть такъ Фребелевскій „дѣтскій садъ“, который до извѣстной степени представляетъ собою переходную ступень отъ семьи къ школѣ. На родинѣ Фребеля, въ Германіи, это прекрасно поняли, и „дѣтскіе сады“ получили широкое распространеніе.

Одно изъ главныхъ и выдающихся достоинствъ Фребелевской системы заключается въ томъ, что составитель ея всегда и во всемъ стремился считаться съ психологіей ребенка, чѣмъ и рекомендовалъ также пользоваться воспитателямъ безъ ущерба для ихъ дѣла. Въ виду того, что дѣтство заслуживаетъ къ себѣ всегда внимательнаго

отношенія, а потому и тщательнаго изученія, должно получать неоспоримое значеніе и все то, чѣмъ болѣе рельефно отражаются дѣтскія особенности. Никогда нельзя упускать изъ вида того, что дѣтство обладаетъ своеобразными особенностями. Оно по своему чувствуетъ, дѣйствуетъ и разсуждаетъ. У нея своя собственная логика, какъ и манера говорить и думать; сами его отношенія къ взрослымъ и сверстникамъ имѣютъ собственныя своеобразныя начала. По мнѣнію Фребеля, эта своеобразность дѣтскихъ свойствъ — вещь очень цѣнная и въ воспитательномъ отношеніи требуетъ полнаго вниманія. Дать имъ правильное направленіе онъ находилъ возможнымъ лишь при крайне осторожномъ и бережномъ къ нимъ отношеніи. Въ виду же того, что дѣтскій міръ, лучше сказать „мірокъ“, такъ же миниатюрень, какъ и сами его обитатели, съ ихъ размѣромъ силъ и разсудительности всегда приходится считаться. За нимъ необходимъ постоянный надзоръ, который, въ случаѣ несостоятельности слабыхъ дѣтскихъ силъ, могъ бы дать имъ во время и умѣло свою помощь.

Что дѣтство необходимо уважать и бережно относиться къ его свойствамъ, которыя нельзя грубо ломать и коверкать, это былъ завѣтъ всѣхъ нашихъ выдающихся педагоговъ. Они всѣ, такъ же какъ и Фребель, находили далеко не педагогичнымъ со стороны взрослыхъ требованія, чтобы дѣти безпрекословно принимали и подчинялись указаніямъ старшихъ, безъ наглядныхъ для себя доказательствъ. Наглядность всегда и во всемъ потому и была одной изъ главныхъ мѣръ рекомендуемыхъ воспитателямъ Фребелемъ. Если наблюдается, что дѣти неохотно исполняютъ наши указанія, Фребель находилъ гораздо лучшимъ больше предоставлять имъ свободы, чѣмъ стремиться насильно навязывать имъ свои желанія.

Человѣкъ взрослый имѣетъ возможность выработать изъ себя предприимчиваго, энергичнаго дѣятеля лишь въ томъ случаѣ, если онъ явится полнымъ распорядителемъ и господиномъ своей дѣятельности. Однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія возможности руководить собою, создавать впоследствии самостоятельно свои убѣжденія служить развитіе съ ранней поры дѣтства большей степени самодѣятельности. Подготовку къ этому друзья дѣтей и рекомендуютъ начинать съ дѣтства, давая болѣе простора, воли и само-

дѣятельности дѣтямъ въ ихъ занятіяхъ. Съ этой цѣлью стремятся возможно болѣе къ тому, чтобы дѣти вѣдали шире свои дѣла, являясь главными хозяевами своего дѣтскаго міра. На этомъ основаніи сама помощь еще слабымъ дѣтскимъ силамъ не можетъ быть принудительнаго, навязчиваго характера, такъ какъ главное достоинство этой помощи въ томъ, чтобы не водить постоянно на помочахъ, а только лишь умѣло направлять дѣтскую самодѣятельность.

Наблюдая дѣтей не трудно замѣтить, что едва у дѣтей начинается дѣятельность мысли, они уже охотно проявляютъ готовность примѣнять свои силы на практическихъ занятіяхъ. Каждый здоровый ребенокъ, живой и веселый, по своему стремится постоянно быть чѣмъ-либо занятымъ. Эта непрерывная, можно сказать даже самопроизвольная дѣятельность является прямымъ слѣдствіемъ избытка у здороваго дитяти естественной энергіи. Если съ своей стороны воспитатель будетъ поддерживать ребенка въ такого рода намѣреніяхъ, будетъ умѣло помогать ему, ребенокъ охотно станетъ пытаться итти все дальше и дальше въ принятомъ направленіи. Если же предоставить его самому себѣ, не обращать на него особеннаго вниманія, слабое черезчуръ дитя увидитъ свою полную беспомощность и можетъ оставить свою первоначальную попытку, что далеко нежелательно.

Легко можно видѣть, что ребенокъ, предоставленный самому себѣ, скоро начинаетъ скучать. Происходитъ же это отъ того, что силы ребенка еще такъ слабы и безъ посторонней поддержки и направленія быстро утомляются въ безплодныхъ попыткахъ найти себѣ примѣненіе. Часто не умѣя еще соразмѣрить свои силы, совершенно еще не зная размѣра ихъ, дитя берется за то, что далеко ему еще непосильно, и потерпѣвъ неудачу начинаетъ быстро охлаждать въ опредѣленномъ направленіи. Хорошо знакомые съ такими особенностями дѣтскаго міра, воспитатели ребенка, конечно, должны принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы не допустить его скучать отъ бездѣйствія. Жизненный опытъ наглядно всегда можетъ указать воспитателямъ, что скука — часто главная разрушительница жизнерадостности, этой очень цѣнной особенности здороваго ребенка. Не скучѣ ли нерѣдко бывають обязаны дѣти и начальными корнями своего пессимизма съ ранняго дѣтства? Потому то въ качествѣ опаснаго врага скука должна быть строго преслѣдуема и

изгоняема изъ дѣтской жизни. Стремясь основать свои мѣры помощи ребенку больше на естественномъ влеченіи его самого, Фребель и его послѣдователи рекомендуютъ для этого средства, не изобрѣтенныя ими искусственно, а лишь тонко подмѣченныя, какъ особо излюбленныя дѣтскимъ міромъ издревле.

Фребель прекрасно подмѣтилъ и указалъ, какую именно сторону ребенка оказывается болѣе дѣйствительнымъ затрогивать и какъ извлекать изъ этого пользу, утилизировать ее. По завѣту Фребеля занятія съ ребенкомъ не должны превышать его силъ и въ то же время главнымъ образомъ не утрачивать для него своего интереса.

Дѣтскій возрастъ отличается впечатлительностью и восприимчивостью. Каждый ребенокъ до извѣстной степени всегда обладаетъ природной любознательностью. Весь окружающій міръ для него такъ полонъ новизны, такъ неудержимо влечетъ къ себѣ и потому такъ полонъ всегда неистощимаго интереса. Все это, конечно, можетъ сильно облегчать задачу воспитателя. Однако, хотя дѣтская любознательность общепризнана, наблюдательность наглядна, стремленіе къ дѣятельности постоянно, тѣмъ не менѣе все это у ребенка долгое время имѣетъ черезчуръ неустойчивый, колеблющійся характеръ, такъ какъ ничѣмъ вполне опредѣленнымъ еще не регулируется. Чѣмъ ребенокъ меньше, тѣмъ меньше у него и склонности, привычки, сосредоточивать свое вниманіе на какомъ либо одномъ предметѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Продолжительность занятій въ одномъ какомъ либо направленіи для юнаго человечества не всегда еще по силамъ, а потому ему это часто можетъ быть и не по вкусу. Навыкъ быть внимательнымъ, соразмѣрять умѣть свои силы не приходитъ для ребенка сразу, дается съ трудомъ, а потому и для развитія устойчивости дѣтскаго вниманія всегда необходимо требуется довольно времени и усилій.

Наблюденія выяснили, что чѣмъ сильнѣе мы, уже люди взрослые, ощущаемъ удовольствіе, тѣмъ съ большей энергіей вся сила нашего ума стремится присоединиться къ акту, доставляющему это удовольствіе. Удовольствіе влечетъ насъ къ тому, что его вызываетъ, а контрастъ удовольствія — страданіе по тому же закону всегда насъ отталкиваетъ отъ того, что ему способствуетъ. Каждый знаетъ, насколько пріятная работа способна привлекать къ себѣ, насколько она

по тому же самому теряет долю своей трудности и въ то же насколько неприятная работа отвращаетъ и является болѣе тяжелой, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ сущности, „пользоваться жизнью“ не значить ли стремиться по возможности все трудное и тяжелое замѣнять всѣмъ, что нравится и приятно? Замѣнить же неприятное приятнымъ, страданіе наслажденіемъ, значить достигнуть и перехода отъ принужденія къ свободѣ, отъ монотонности къ разнообразію и отъ мрака къ свѣту. Исходя изъ такого положенія, если желательно дать ребенку болѣе возможности не утомляясь постепенно упражнять свои силы, лучшій путь заинтересовать ребенка чѣмъ-либо для него приятнымъ.

Въ чемъ дитя увидитъ для себя приятное, на томъ оно окажется способно свободно сосредочить всю силу своего вниманія. Наблюденія безъ труда позволяютъ замѣтить, что пока длится наслажденіе, до тѣхъ поръ и удерживается въ опредѣленномъ направленіи вниманіе дитяти; едва интересъ начинаетъ ослабѣвать, ребенокъ уже ищетъ перемѣны, ищетъ чего-либо новаго, для себя болѣе интереснаго и приятнаго.

Умѣть заинтересовать ребенка и тѣмъ самымъ умѣть удержать въ опредѣленномъ направленіи его вниманіе представляетъ громадную заслугу для воспитателя. Съ увѣренностью можно сказать, что если трудъ ребенка будетъ соотвѣтствовать способностямъ, если въ лицѣ воспитателя ребенокъ найдетъ разумную помощь и руководство, развитіе его имѣетъ много данныхъ, чтобы пойти быстрыми шагами.

Фребель и его послѣдователи открыли до извѣстной степени этотъ секретъ успѣха въ своемъ натуральномъ методѣ обученія ребенка, стремясь насколько возможно болѣе копировать его природу. Наблюденія и опытъ надъ дѣтьми могутъ на каждомъ шагѣ указывать, что стоитъ ребенку захотѣть, напримеръ, запомнить что-либо, изучить какой нибудь предметъ, конечно доступный для его пониманія, ребенокъ этого достигнетъ. Цѣль будетъ достигнута тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ проявлено со стороны ребенка къ тому охоты. Предположимъ, ребенокъ заинтересовался какимъ нибудь названіемъ. Сразу запомнить это названіе онъ и не всегда можетъ оказать въ силахъ, но при первомъ же удобномъ случаѣ онъ объ этомъ названіи вспомнитъ, спроситъ и будетъ его повторять

въ разговорѣ, въ играхъ, и въ результатѣ достигнеть своего. Возьмемъ другой примѣръ. Ребенка заинтересовалъ собою какой либо предметъ. Ребенокъ систематически займется его изученіемъ, онъ разсмотритъ его со всѣхъ сторонъ, замѣтитъ даже безъ посторонняго вмѣшательства всѣ его отличительные признаки. Примѣровъ, подобныхъ указаннымъ, привести можно довольно и всѣ они одинаково будутъ указывать на то, что для получения прочныхъ свѣдѣній въ чемъ бы то ни было ребенку необходимо къ тому имѣть прежде всего желаніе.

Фребель старается систематически помочь маленькому человѣку понять лучше и разобратъся во всемъ его окружающемъ. При посредствѣ своихъ игрушекъ Фребель знакомитъ его съ основными свойствами, окружающихъ предметовъ и такимъ образомъ получается совершенно естественное упражненіе физическихъ и умственныхъ силъ ребенка.

Фребель раздѣлялъ вполне мнѣніе Песталлоци въ отношеніи воспитанія, гдѣ первенствующее значеніе признавалось болѣе за дѣломъ, чѣмъ за словомъ. Потому снабжать умъ ребенка какими либо знаніями, по мнѣнію Фребеля, имѣеть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если при этомъ у ребенка развивается и умънье примѣнять ихъ. Само по себѣ знаніе, обогащая умъ ребенка свѣдѣніями, должно сосредоточить на этомъ всѣ его силы. Извѣстно, что каждый механизмъ всегда способенъ работать тѣмъ лучше и успѣшнѣй, чѣмъ больше онъ упражнялся. Такимъ образомъ, подготавливая путемъ систематическаго упражненія, подъ видомъ интересной игры, способности ребенка воспринимать впечатлѣнія, тѣмъ болѣе гарантіи для наиболѣе успѣшной работы въ случаѣ надобности. Путемъ упражненій, а тѣмъ болѣе интересныхъ, мы всегда въ заключеніе можемъ дойти до того, что тотъ актъ, который раньше мы производили сознательно, который требовалъ первое время довольно усилий, постепенно переходитъ въ нѣчто уже безсознательное, механическое, привычное.

Стремясь постепенно развивать ребенка умственно, каждый хорошо знакомый съ системой Фребеля имѣеть возможность дать ребенку довольно ясное представленіе объ окружающемъ его мірѣ. Въ виду того, что человѣкъ одаренъ способностью воспринимать всевозможныя впечатлѣнія и, перерабатывая ихъ, воспроизводитъ черезъ посредство

своихъ внѣшнихъ проявленій, на эту особенность Фребель считаетъ первымъ долгомъ обратить вниманіе. Съ самой ранней поры при помощи забавы, игрушекъ, онъ старается по возможности дать здоровую и питательную пищу какъ воспринимающей, такъ и творческой способности ребенка.

Руководствуясь тѣмъ, что при столкновеніи чловѣка съ внѣшнимъ міромъ изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ основными посредниками являются прежде всего зрѣніе, слухъ и осязаніе, Фребель нашель необходимымъ удѣлитель имъ особую долю вниманія. Заботясь о постепенномъ и послѣдовательномъ развитіи познавательной способности у дѣтей, онъ дѣлаетъ съ этой цѣлью опредѣленную группировку впечатлѣній съ такимъ расчетомъ, чтобы эти впечатлѣнія могли производить свое вліяніе на познавательныя способности ребенка, не утомляя и въ то же время не оставляя ихъ въ бездѣйствіи. Этотъ отдѣлъ разработанъ у Фребеля съ особо стройной послѣдовательностью, о чемъ мы уже упоминали. Заботливо избѣгая скачковъ, рѣзкихъ переходовъ, приемы Фребеля въ данномъ случаѣ строго послѣдовательны, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и отъ простаго къ болѣе сложному. Такимъ путемъ, давая ребенку возможность постепенно упражнять свои силы, Фребель помогаетъ ему сдѣлать органы внѣшнихъ чувствъ послушными орудіями воли въ послѣдствіи.

И вотъ, чтобы положить прочныя основы умственнаго развитія дитяти, является необходимымъ прежде всего научить его правильно пользоваться своими органами внѣшнихъ чувствъ. Фребелевскія игры и игрушки — прекрасное средство для приведенія въ исполненіе этого намѣренія.

Подобно растенію, которое черпаетъ свои силы изъ окружающей его среды, ребенокъ растетъ и развивается прежде всего подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Подъ ея вліяніемъ слагаются его первыя впечатлѣнія окружающаго міра, начинается развитіе его психики. Сама дѣятельность дитяти является прямымъ слѣдствіемъ переработки этихъ впечатлѣній окружающаго въ болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя впечатлѣнія. Исходя изъ такого положенія, Фребель видѣлъ въ обстановкѣ окружающей ребенка существенную вещь въ дѣлѣ разумаго воспитанія, почему и считалъ необходимымъ окружающіе ребенка предметы приспособлять къ своимъ цѣлямъ. Какъ

мы уже сказали выше, Фребель старался, насколько могъ, избѣгать искусственности, такъ и данномъ случаѣ его намѣреніе было - слѣдовать лишь природѣ и опыту.

Въ качествѣ убѣжденного противника того, чтобы не давать дѣтямъ искусственныхъ впечатлѣній и такимъ путемъ какъ не навязывать ихъ, онъ совѣтуетъ, едва только у ребенка начнетъ замѣчаться зарожденіе сознательнаго отношенія къ окружающему, систематически знакомить его съ основными цвѣтами и формой предмета. Съ точки зрѣнія Фребеля, разнообразіе предметовъ окружающей обстановки вообще черезчуръ еще велико для слабыхъ силъ маленькаго человѣка и онъ не въ состояніи въ ней какъ слѣдуетъ разбираться. И вотъ, чтобы сдѣлать окружающее для него болѣе посильнымъ и доступнымъ, Фребель и стремится по возможности упростить первоначальныя впечатлѣнія ребенка и тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ сравнительно болѣе доступными пониманію.

Первая самая простая форма предмета, съ которой Фребель находитъ удобнѣе начинать знакомство нашего юнаго человечества, это сферическая. Для такой цѣли онъ беретъ мягкій мячъ, который можетъ прекрасно служить предметомъ нагляднаго знакомства помимо формы и со многими другими свойствами, напримѣръ, цвѣтомъ, упругостью, и т. п.

Свой такъ называемый „первый даръ“ — 3 мяча основныхъ цвѣтовъ, краснаго, желтаго и синяго, и 3 дополнительныхъ, зеленаго, фіолетоваго и оранжеваго, — Фребель предлагаетъ воспитателямъ укрѣплять на подвижныхъ ниткахъ къ колыбели маленькаго ребенка. Эти разноцвѣтные мячики, естественно, привлекаютъ къ себѣ вниманіе дитяти, забавляютъ его и въ то же время съ малыхъ дней даютъ ему возможность чувствовать себя и занятымъ, и довольнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Благодаря этимъ 6 мячикамъ ребенокъ получаетъ возможность послѣдовательно упражнять свое зрѣніе и въ то же время, благодаря мягкости и круглой ихъ формѣ, онъ безъ всякаго для себя вреда можетъ упражнять также и свои мускулы. Мячъ, вообще источникъ разнообразныхъ игръ, служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ для упражненія гибкости, ловкости тѣла ребенка.

Для ребенка, вышедшаго изъ колыбели, Фребель предлагаетъ свой „второй даръ“, состоящій изъ шара, уже

твердаго, и такихъ же куба и цилиндра. Ребенокъ, уже ознакомившійся въ мягкимъ мячемъ, теперь получаетъ возможность сдѣлать сравненіе его съ твердымъ шаромъ, затѣмъ слѣдуетъ постепенный переходъ къ сравненію шара и куба, умѣющихъ довольно разницы по формѣ. Что же касается цилиндра, то онъ является формой переходной между шаромъ и кубомъ.

Когда дитя достаточно успѣетъ освоиться съ такой, самой простой формой предмета, Фребель предлагаетъ ему свой „третій даръ“ кубъ, раздѣленный на 8 равныхъ кубиковъ. Это дѣленіе куба на части наталкиваетъ ребенка на мысль, что форма предмета можетъ не быть въ зависимости отъ его величины. Конечно, дѣло воспитателя — умѣло направить при этомъ и обратить вниманіе ребенка въ желаемую сторону. Играя кубиками, дитя получить широкую возможность дать просторъ своей фантазіи, а умѣлое руководство воспитателя въ то же время совершенно незамѣтно поможетъ образованію перваго представленія о законахъ симметріи.

Слѣдующій „четвертый даръ“ — послѣдовательная варіація предыдущаго. Онъ представляетъ собою тотъ же кубъ, только раздѣленный уже на 8 равныхъ плитокъ — прямоугольниковъ.

Затѣмъ, когда ребенокъ освоится съ такого рода дѣленіемъ куба, ему предлагается „пятый даръ“, гдѣ фигурируетъ все тотъ же кубъ, но уже совершенно иначе составленный. Раздѣленный на 28 маленькихъ кубиковъ, онъ является болѣе осложненнымъ, такъ какъ составляющіе его маленькіе кубики въ свою очередь частью подѣлены діагонально пополамъ, частью пересѣкающимися діагоналями дѣлятся на четверти.

Наконецъ „6 даръ“ — въ заключеніе предлагается ребенку кубъ съ 28 дѣленіями неодинаковыми: здѣсь есть нѣсколько прямоугольныхъ плитокъ, нѣсколько столбиковъ и плитокъ квадратныхъ.

Послѣ куба дѣлается постепенный переходъ къ треугольникамъ самаго разнообразнаго рода и вида.

Вполнѣ понятно, что, имѣя дѣло съ фребельскими дарами, дитя во время игры можетъ безъ особаго труда усваивать себѣ основныя свойства и особенности предметовъ. Всѣ свои свѣдѣнія при этомъ дитя получаетъ при посред-

ствѣ личныхъ впечатлѣній, провѣряя ихъ нагляднымъ опытомъ. Фребелевскіе дары даютъ ему богатый матеріалъ для игръ-занятій. При посредствѣ разнообразныхъ кубиковъ, треугольниковъ, плитокъ, столбиковъ, цилиндровъ и шаровъ ребенокъ имѣетъ возможность составлять различнаго рода сооруженія, тѣ же предметы служатъ ему нагляднымъ упражненіемъ въ счетѣ и для знакомства съ основными математическими и геометрическими законами. Развивая у него навыкъ къ симметричности, они кладутъ основу воспитанія его эстетическихъ способностей.

При умѣломъ руководствѣ и пользованіи фребельской системой и игрушками является вообще возможность довольно скоро приучить ребенка наблюдать предметы, научить его послѣдовательно различать форму, величину предметовъ и пространственное ихъ отношеніе. Отыскивая сходство или различіе между данными ему Фребелемъ предметами-игрушками, наблюдая ихъ признаки путемъ сравненій, ребенокъ безъ особыхъ усилій доходитъ до образованія конкретныхъ понятій. Воспринимать же и запечатлѣвать въ умѣ конкретную, картинную сторону міра дѣти вообще обладаютъ безусловной склонностью. И если свое первое знакомство съ внѣшнимъ міромъ, свои болѣе правильныя познанія его ребенокъ получаетъ понятнымъ ему эмпирическимъ путемъ, если у ребенка будутъ систематически вырабатываться конкретныя понятія, тѣмъ самымъ будетъ дана основательная подготовка къ образованію у него понятій отвлеченныхъ.

Хотя у дѣтей и наблюдается постепенно вырабатывающаяся отъ природы способность наблюдать, нагляднымъ доказательствомъ которой является стремленіе къ подражанію, тѣмъ не менѣе способность эта у нихъ далеко еще не доразвита до абстракціи. Происходитъ же это оттого, что дѣтская память, хотя въ большинствѣ и хороша, но способность къ сужденію черезчуръ еще въ зачаточномъ видѣ. Прекрасно понимая это, Фребель находилъ необходимымъ внимательно руководить эмпирическими знаніями дѣтей и въ то же время пользоваться этими знаніями для перехода къ знаніямъ научнымъ. Безспорно, что приступая къ первоначальному обрученію дѣтей, скорѣе и лучше достигнетъ цѣли тотъ, кому удастся изыскать наиболѣе удобный способъ, чтобы сдѣлать для нихъ доступнѣе и интереснѣе тонкости отвлеченной идеи. Чѣмъ же удобнѣе устранить

препятствія къ болѣе легкому пониманію ея дѣтьми, какъ не стремленіемъ къ возможно большей ея наглядности этому наилучшему пути устранить для ребенка все темное и непонятное. Проявляя строгую послѣдовательность своего плана, Фребель отъ „даровъ“ дѣлаетъ переходъ къ раскладыванію палочекъ, что даетъ ребенку наглядное понятіе о свойствѣхъ линій, служить для счета и является прекрасною переходной ступенью затѣмъ къ рисованію.

Рисованіе всегда было любимымъ занятіемъ дѣтей. Не трудно наблюдать, какъ дѣти часто пытаются нарисовать особо понравившійся имъ предметъ. Но, если при этомъ нѣтъ опытнаго руководителя, который поддержалъ бы такого рода цѣнную попытку, она можетъ исчезнуть, какъ и возникла. Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ намѣреній нарисовать что-нибудь самостоятельно дитя убѣдится въ своемъ безсиліи и ему скоро надоѣстъ возобновлять безплодныя попытки. Тѣ же результаты могутъ получаться, когда это интересное для ребенка занятіе съ первыхъ шаговъ обратится для него въ нѣчто подобное уроку. Вполнѣ естественно, что если заставлятъ ребенка перерисовывать безчисленныя линіи и даже фигуры, которыя въ данный моментъ очень мало привлекаютъ участіе его сознанія, это занятіе быстро можетъ надоѣсть. Во избѣжанія этого слѣдуетъ, по возможности, допускать нѣкоторую свободу выбора. Что же касается Фребеля, у него настолько разработанъ приѣмъ обращенія съ клѣточками и линіями, что въ состояніи заинтересовать не только ребенка: разнообразіе ихъ группировокъ и взрослому способно заставить оказывать охотно помощь ребенку.

Фребель былъ сторонникомъ начала занятій рисованіемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, потому и совѣтовалъ пріучать къ этому искусству ребенка еще до школы.

Какъ каждое искусство, рисованіе, конечно, прежде всего способствуетъ развитію эстетическаго чувства человека. Затѣмъ, начиная заниматься съ ребенкомъ рисованіемъ съ ранняго дѣтства, мы тѣмъ самымъ даемъ ему прекрасное средство развитію вѣрности своего глаза и ловкости, гибкости руки. Въ виду того, что рисованіе является всегда для дѣтей занятіемъ интереснымъ и пріятнымъ, потому къ нему и прибѣгаютъ до обученія письму, чему рисованіе служитъ большою предварительной подго-

товкой. У ребенка, упражнявшагося съ ранней поры въ рисованьи оказывается до извѣстной степени уже развитымъ глазомѣръ, недостаточная степень развитія котораго всегда довольно сильно затрудняетъ обученіе письму. При глазомѣрѣ, уже достигшемъ извѣстной быстроты и ловкости, многія трудности, сопряженныя съ искусствомъ письма, способны исчезнуть сами собой. Помимо того у ребенка, упражнявшагося въ рисованьи, рука успѣваетъ приобрѣсть опредѣленный навыкъ въ воспроизведеніи линій и ей всегда будетъ легче справиться съ трудностями искусства письма. Искусство же письма само по себѣ неинтересно и чѣмъ легче оно будетъ даваться ребенку и чѣмъ скорѣе ребенокъ самъ убѣдится въ своемъ успѣхѣ, тѣмъ съ большей охотой онъ станетъ заниматься письмомъ.

Чтобы способствовать насколько возможно раньше у дѣтей развитію вѣрности взгляда и руки, Фребель совѣтуетъ занимать дѣтей вырѣзываніемъ различнаго рода фигуръ изъ бумаги, плетеніемъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ или тонкихъ досточекъ различныхъ незамысловатыхъ вещицъ. Изъ бумаги же дѣти подъ руководствомъ воспитателя получаютъ возможность самостоятельно изготовить себѣ полное разнообразіе игрушекъ. Фребель въ видѣ образцовъ даетъ имъ множество фигуръ. Не говоря уже о томъ, что самый процессъ сооруженія всѣхъ этихъ коробочекъ, лодочекъ, пѣтушковъ и т. п. вещей для дѣтей очень занимателенъ, но своими пропорціональными дѣленіями они дадутъ ребенку въ то же время наглядное представленіе о свойствахъ геометрическихъ фигуръ, квадратовъ, треугольниковъ и т. п.

Исходя изъ принципа: отъ простаго къ болѣе сложному и отъ легкаго къ трудному, Фребель послѣ самыхъ разнообразныхъ вырѣзываній, выкалываній фигуръ, плетенья и т. п. переходитъ къ лѣпкѣ. Учась лѣпить по методѣ Фребеля, дѣти продолжаютъ приготовленіе игрушекъ. Такимъ образомъ они получаютъ возможность изъ малаго, въ сущности, матеріала извлекать богатый источникъ для своей дѣятельности. Занятію дѣтей лѣпкой за послѣднее время придается большое значеніе. Французскій педагогъ Руссело совѣтуетъ упражнять дѣтей въ лѣпкѣ изъ глины самыхъ простыхъ фигуръ предварительно передъ вырѣзываніемъ ихъ же изъ бумаги. Когда лѣпка и вырѣзываніе

будутъ исполнены, онъ предлагаетъ воспроизводить тѣ же фигуры въ видѣ рисунковъ на грифельной доскѣ.

Съ помощью Фребеля ребенокъ съ ранней поры привыкаетъ быть занятымъ, привыкаетъ незамѣтно къ работѣ. Другъ его Фребель употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы сдѣлать дѣтскую работу мало того что интересной, пріятной для маленькаго труженика, но и вполне для него понятной, слѣдовательно и осмысленной. Каждая изъ работъ, предложенныхъ Фребелемъ, главное, при умѣломъ руководствѣ, далеко не механическаго характера. Она способна привлекать къ себѣ ребенка и тѣмъ самымъ незамѣтно будить его мысль, давать ему посильныя знанія. Стремясь довести интересную свою работу до конца, ребенокъ послѣдовательно упражняется и съ теченіемъ времени привыкаетъ къ терпѣнію. Руководитель ребенка, если правильно пойметъ и проникнется идеей Фребеля, убѣдится, что все стремленіе Фребеля въ направленіи развитія у ребенка необходимаго терпѣнія клонится къ развитію его лишь въ качествѣ средства для возможно лучшаго перенесенія всѣхъ трудностей работы и для культивированія стойкости въ преслѣдованіи своей цѣли. Это далеко не тотъ родъ терпѣнія, который развивается обыкновенно путемъ бессмысленной механической работы, терпѣнія пассивнаго, инертнаго характера, это умѣнье съ дѣтства подчинять свои желанія активной волѣ. Фребель очень искусно помогаетъ ребенку систематически упражнять свою волю, побуждая его къ видимой самостоятельности въ дѣлѣ. Работа получаетъ для ребенка большую цѣну, доставляетъ больше удовольствія, когда наглядно онъ самъ можетъ видѣть результаты своихъ усилій. Вполнѣ естественно, что лишь только дитя начнетъ замѣчать, насколько усилія его успѣшны, у него можетъ явиться нѣкоторое довольство собственными силами, и все большая и большая увѣренность въ нихъ. Сознаніе, что онъ правильно понялъ и исполнилъ свою работу, способно сильно помогать дальнѣйшему успѣху. При такихъ условіяхъ дѣти всегда чувствуютъ себя прекрасно, и учатся работать безъ принужденія.

Система Фребеля, рассчитанная главнымъ образомъ на первоначальный періодъ занятій съ дѣтьми, обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что можетъ быть примѣнима при самыхъ скромныхъ матеріальныхъ средствахъ. Составитель ея зада-

вался цѣлью удовлетворить возможно полнѣе потребности ребенка, избѣгая непроизводительно лишнихъ при этомъ затратъ.

Извѣстно, что каждому человѣку свойственно искать общества людей, равныхъ по умственному развитію, общественному положенію, людей, съ которыми можно имѣть общіе точки соприкосновенія, общіе интересы.

И вотъ эта идея заложена въ основаніи такъ называемыхъ „дѣтскихъ садовъ“ Фребеля.

Чтобы развитіе дѣтей шло гармонично, имъ необходимо общество сверстниковъ. Въ семьѣ ребенокъ всегда или въ обществѣ взрослыхъ или братьевъ и сестеръ, старше или моложе его. Въ томъ и другомъ случаѣ цѣль не достигается, такъ какъ нѣтъ равенства.

Многіе родители, сознавая необходимость общества сверстниковъ для своего ребенка, стараются выбрать ихъ изъ дѣтей знакомыхъ семействъ, дабы избѣгнуть возможности также проявленія дурного вліянія. Но рѣдко, въ сущности, достигаются этимъ намѣченныя цѣли. Въ каждой семьѣ свои порядки, своя система воспитанія. При всѣхъ сравнительно хорошихъ условіяхъ дѣти въ качествѣ гостей не могутъ чувствовать себя непринужденно. Необходимость не выходить изъ общепринятыхъ условій, чтобы не являться диссонансомъ, нарушающимъ принятый хозяевами порядокъ, не даетъ особаго удовольствія ребенку.

И вотъ для того, чтобы общество дѣтей въ волю могло удовлетворить свои потребности и при этомъ не было никому помѣхой, Фребель рекомендуетъ устройство „дѣтскихъ садовъ“.

Подъ руководствомъ „садовницы“ (женщина считается болѣе подходящей къ завѣдыванію „дѣтскимъ садомъ“) дѣти играютъ въ различнаго рода подвижныя игры, слушаютъ рассказы „садовницы“ разсматриваютъ картины и т. п. Занятія стараются, по возможности, распределить послѣдовательно и тѣмъ самымъ стремятся приучать ребенка къ болѣе систематическому и усидчивому труду. При этомъ главнымъ условіемъ является поддержать у ребенка интересъ къ работѣ, но, въ то же время, не напрягать его силъ черезчуръ.

Отъ опытной „садовницы“ зависитъ такъ чередовать игры, рассказы и работы, чтобы дѣти чувствовали себя бодро, относились внимательно къ своему дѣлу.

Дѣти не подводятся здѣсь, конечно, подъ общій уровень. Требования отъ нихъ соразмѣряются съ ихъ силами, возрастомъ и развитіемъ.

Дѣти дѣлятся на группы: въ одной больше игръ, въ другой больше работъ.

Фребель стремился дать, по возможности, полное удовлетвореніе главной потребности ребенка быть постоянно въ движеніи. Какъ сторонникъ идеи гармоническаго развитія, Фребель старался соединить въ одно цѣлое физическія и умственные упражненія. Это соединеніе проведено въ его подвижныхъ играхъ.

Эти игры для дѣтей служатъ въ одно и въ то же время физической и умственной гимнастикой. Онѣ направлены къ тому, чтобы способствовать развитію въ ребенкѣ ловкости, гибкости членовъ, быстроты движеній, граціи и воспитывать въ ребенкѣ находчивость, сообразительность и чувство порядка. Игры всегда очень разнообразны, при этомъ считается необходимымъ, чтобы дѣти освоились прежде всего съ основными положеніями каждой изъ нихъ, затѣмъ всякій играющій долженъ имѣть опредѣленную роль въ игрѣ, въ своемъ родѣ обязанность. Во время этихъ игръ дѣти должны исполнять свои обязанности, какъ требуетъ того игра, иначе она разстраивается. Въ виду этого дѣти привыкаютъ къ сознательному отношенію и подчиненію своей воли общимъ интересамъ, привыкаютъ дѣйствовать дружно, заодно, такимъ путемъ незамѣтно развивая въ себѣ это цѣнное качество.

Чтобы внести болѣе разнообразія и оживленія, игры сопровождаются пѣніемъ. При этомъ имѣется еще въ виду, что ритмическія движенія подъ звуки пѣсни или музыки всегда способны оказывать благотворное дѣйствіе на расположеніе духа людей. Опредѣленный тактъ пѣсни или музыки заставляеть дѣтей пріучаться соразмѣрять свои движенія: вялыхъ дѣтей онъ оживляетъ, умѣряя, въ то же время, чрезмѣрную быстроту движенія другихъ.

Итакъ, цѣль воспитателя тѣмъ скорѣе можетъ быть достигнута, чѣмъ сильнѣе явится со стороны ребенка желанія, охоты, заинтересоваться предметомъ. Въ качествѣ испытаннаго средства, лучшаго пути для воздѣйствія въ этомъ отношеніи на дѣтскій міръ знатокъ дѣтской души Фребель рекомендуетъ забаву, дѣтскія игры. Стремясь основать насколько возможно болѣе всѣ свои мѣры къ усовер-

шенствованію дитяти на его естественномъ влеченіи, чѣмъ изобрѣтатъ что либо искусственно, Фребель избралъ дѣтскія игры, въ качествѣ вѣрнаго пути, который указывалъ ему самъ ребенокъ. Ребенокъ любитъ игры. Если онъ здоровъ, рѣзвиться, играть для него никогда не надоѣдаетъ. Игра для ребенка никогда не утрачиваетъ своей неистощимой прелести. Въ своихъ играхъ, которыя дѣти часто сами себѣ изобрѣтаютъ, они находятъ для себѣ въ одно и то же время и развлеченіе, и занятіе. Сама природа нашего юнаго человечества нигдѣ такъ хорошо и рельефно себя не проявляетъ, какъ въ его дѣтскихъ играхъ. Игры представляютъ собою его сферу, его міръ, гдѣ дѣтство живетъ всѣмъ своимъ существомъ.

Наблюденія указываютъ, что въ самой своей основѣ дѣтская игра — это проявленіе одинаково физическихъ и моральныхъ силъ ребенка, энергично воспроизводящихъ все заимствованное имъ изъ окружающей родной среды. Было замѣчено, что чѣмъ больше ребенокъ имѣетъ возможности свободнѣе предаваться своимъ играмъ, тѣмъ всегда рѣзче и отчетливѣй получается этотъ отгѣнокъ. Окружающая ребенка среда — первый источникъ его общаго развитія и свои наблюденіе надъ ней ребенокъ всегда стремится внести и воспроизводить въ своихъ играхъ, проявляя такимъ образомъ въ высшей степени важный элементъ умственной жизни — фантазію и творчество. Чѣмъ живѣе и дѣятельнѣе душевныя способности ребенка, тѣмъ оживленнѣй его игры и тѣмъ сильнѣе способны увлекать своего изобрѣтателя. Фантазія, чувство чудеснаго, которыми такъ богато дѣтство, даютъ ребенку возможность при помощи самыхъ элементарныхъ средствъ, вроде, напр., спичекъ, лоскутковъ, обрѣзковъ бумаги и т. п. крайне прозаическихъ вещей, прекрасно поэтизировать свои игры. Чѣмъ слабѣе развитъ у ребенка полетъ фантазіи, тѣмъ меньшей изобрѣтательностью ребенокъ отличается въ своихъ забавахъ и тѣмъ болѣе подобенъ онъ тогда птицѣ, лишенной крыльевъ. Лишить дѣтей ихъ игръ, равносильно лишенію ихъ самаго необходимаго, такъ какъ значеніе игръ при первоначальномъ развитіи ребенка равносильно необходимымъ для него пищи и воздуха. Въ раннюю пору дѣтства, смѣло можно сказать, помимо потребности питанія главная потребность ребенка заключается въ игрѣ. Черезъ посредство игръ дѣти полу-

чаютъ свои первыя знанія природы и людей. Съ этимъ періодомъ обыкновенно для дѣтей бываютъ связаны всѣ лучшія воспоминанія, всѣ тѣ радости, которыя пришлось имъ испытать, упражняя играми свои способности.

Кого интересовалъ дѣтскій міръ, тотъ безъ труда могъ замѣтить, что въ играхъ душа ребенка такъ же способна проявляться, какъ въ поступкахъ и дѣйствіяхъ взрослого его характеръ. Вполнѣ естественно, что въ силу своихъ природныхъ индивидуальныхъ наклонностей ребенокъ всегда склоненъ проявлять опредѣленное стремленіе къ такого же характера и играмъ. Къ нимъ влекутъ ребенка сами его врожденныя наклонности, а игры съ своей стороны помогаютъ этимъ наклонностямъ болѣе крѣпнуть. Наблюденія надъ жизнью, дѣйствительно, даютъ возможность нерѣдко замѣчать, насколько будущій артистъ, ученый, художникъ и даже практическій дѣлецъ болѣе или менѣе уже могутъ обнаруживать свои таланты съ дѣтства въ играхъ. Конечно, вполнѣдствіи проявленныя въ дѣтскихъ играхъ наклонности ребенка, смотря по условіямъ, могутъ быть развиты до высоты міровой славы и извѣстности или не выйдутъ изъ обыкновеннаго уровня посредственности, это явится уже дѣломъ будущаго, но исторія намъ можетъ указать довольно примѣровъ, гдѣ игры дѣтства уже достаточно ясно указывали на природныя влеченія. Императоръ Петръ Великій, говоритъ напр., исторія, съ увлеченіемъ предавался играмъ съ сверстниками, обучая ихъ военному искусству или устраивая на прудахъ с. Измайловскаго примѣрныя плаванія своей флотиліи.

Конечно, дѣтская игра, какъ справедливо замѣчаетъ Покровский, „есть своего рода подготовительная работа, требующая иногда не мало предварительныхъ упражненій, дабы вполнѣдствіи путемъ различныхъ пріемовъ, выраженныхъ въ игрѣ, шутя и забавляясь, съ пользой и толкомъ приложить эти пріемы къ практической жизни“. Въ виду же того, что каждая способность, проявляемая ребенкомъ въ дѣтствѣ, требуетъ себѣ упражненій, игры, которыя ребенокъ для себя изобрѣтаетъ, въ сущности ни что иное какъ, первыя попытки съ его стороны дать опредѣленное упражненіе своимъ способностямъ.

Въ виду того, что каждый ребенокъ — до нѣкоторой степени челоѣкъ взрослый съ своими силами въ миниатюрѣ, въ дѣтскихъ играхъ можетъ сказываться

ваться не только характеръ среды, касты, но и національности. Естественно, характеръ каждаго народа всегда даетъ свой отпечатокъ на всѣхъ проявленіяхъ частной и общественной жизни, слѣды его можно наблюдать одинаково и въ дѣтскомъ мірѣ. Съ ранней поры дѣтства въ Черногоріи, напр., любимая игрушка мальчика пистолеть. Отважность черногорцевъ прежде всего, конечно, продуктъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ задатковъ, которые, находя себѣ постоянную поддержку въ оружающей средѣ, придаютъ свой отбѣнокъ и дѣтскимъ забавамъ. Наблюденія надъ жизнью какъ отдѣльнаго лица, такъ и каждой націи даютъ возможность одинаково замѣтить, что дѣти сначала путемъ подражанія взрослымъ могутъ постепенно привыкать къ опредѣленному роду занятій. При помощи же своихъ игръ достигая самосовершенствованія въ какой либо области вполнѣ, доступнымъ имъ путемъ, дѣти тѣмъ незамѣтнѣе готовятъ себя постепенно къ практической жизни въ опредѣленномъ направленіи. Игры нашей дѣтской поры, радость и утѣха дѣтства, безспорно всегда лучшее средство для склада въ опредѣленномъ направленіи нашего ума и характера. Еще въ глубокой древности Платонъ былъ того мнѣнія, что при посредствѣ игръ и игрушекъ можно заранѣе знакомить и готовить дѣтей съ ихъ будущими занятіями. Локкъ на дѣтскія игры также смотрѣлъ уже вполнѣ какъ на вѣрное средство для развитія опредѣленнаго рода привычекъ. Искренно желая дѣтямъ добра и признавая громадное значеніе для дѣтскаго міра его игръ и игрушекъ, Фребель первый болѣе или менѣе основательно изучилъ эти дѣтскія забавы съ цѣлью дать имъ съ своей стороны возможность разумнаго приложенія. Онъ первый выразилъ эту идею въ видѣ вполнѣ организованной системы, и педагогически разработалъ матеріалъ, который употреблялся и раньше, но менѣе сознательно.

X.

Отношенія къ воспитанію тѣла и души античнаго міра и позднѣйшихъ временъ. Теорія и практика въ послѣднее время въ данномъ вопросѣ.

Что организмъ человѣка состоитъ изъ двухъ сторонъ — тѣла и души, это признавалось еще въ глубокой древности. Что же касается вопроса, въ какомъ отношеніи должны быть воспитываемы обѣ эти стороны пропорціонально своему значенію, этотъ вопросъ долгое время рѣшался разнo, являлся спорнымъ. Въ силу условій жизни, въ силу такъ или иначе сложившихся обстоятельствъ, люди оказывались не всегда склонны признавать какъ равноцѣнность души и тѣла, такъ и ихъ тѣсную связь и зависимость между собою. Поэтому и наблюдались нерѣдко попытки къ подчиненію одной стороны другой.

Въ былыя времена, когда склонны были думать, что способности человѣка могутъ быть раздѣльны и потому независимы между собою, полагали возможнымъ побуждать дѣйствовать какія либо изъ нихъ, тогда какъ другія будутъ пребывать въ полномъ покоѣ и не выйдутъ изъ него. Исторія можетъ указать намъ довольно примѣровъ въ этомъ направленіи. Были времена, когда люди стремились давать напр., преобладаніе своимъ физическимъ силамъ, и наоборотъ, когда они стремились жить болѣе духомъ какъ бы все не обладая тѣломъ. Но несмотря на то, что попытки подчиненія одной стороны другой, тѣла духу или обратно, въ исторіи человѣчества являлись періодически, тѣмъ не менѣе всегда одинаково оказывалось необходимымъ такъ или иначе заботиться о своемъ тѣлѣ, о его здоровьи, питаніи и чистотѣ, какъ нельзя было избѣгнуть, чтобы не по-

буждать и болѣе дѣятельно работать свой умъ и свое сердце. Для человѣка жить — значить достигать своихъ опредѣленныхъ цѣлей. Подвигаться же къ цѣли при помощи средствъ, которыми въ данный моментъ располагаемъ — главная наша задача. Основная же цѣль человѣчества въ сущности всегда остается неизмѣнной, хотя идемъ мы къ ней и видимо другими путями. Такъ, полярная звѣзда для моряка всегда была руководящей, плавалъ ли онъ на суднѣ древнихъ финикянъ, плыветъ ли теперь на суднѣ самой послѣдней усовершенствованной конструкціи.

Съ теченіемъ времени, чѣмъ больше человѣчество подвигалось по пути прогресса, чѣмъ больше усложнялись условія жизни, тѣмъ сложнѣе и утонченнѣе вырабатывалась общая организація, общій обликъ самага культурнаго человѣка. Потребности человѣка возрастали одновременно съ возрастаніемъ и возможностью лучшаго ихъ удовлетворенія. Стремленіе быть въ жизни болѣе активнымъ, чѣмъ пассивнымъ, все болѣе и болѣе оказывалось существеннымъ условіемъ, и отъ несоблюденія этого условія, чѣмъ сложнѣе становился человѣкъ, тѣмъ сильнѣе оказывался способнымъ страдать. Вполнѣ понятно, простая телѣга съ меньшимъ для себя ущербомъ могла даже потерять какое либо изъ своихъ колесъ, тогда какъ дѣятельность усовершенствованнаго локомотива можетъ пострадать отъ недостатка чего либо и гораздо менѣе замѣтнаго. Исторія человѣчества указываетъ, что побѣдное шествіе ея покупалось, какъ и до сихъ поръ продолжаетъ покупаться, дорогой цѣной страданій, цѣной борьбы и паденія утрачивавшихъ свое первоначальное значеніе идеаловъ. Но время шло, съ нимъ измѣнялись и взгляды людей.

Античный міръ, повидимому, отдавалъ тѣлу преобладаніе надъ духомъ, что и могло наблюдаться въ древне-греческомъ и римскомъ воспитаніи. Болѣе совершеннымъ воспитаніемъ у античныхъ народовъ считалось то, которое въ числѣ своихъ цѣлей ставило одной изъ главныхъ — вырабатывать проворнаго и мощнаго гладиатора. Болѣе другихъ усилій къ тому было направлено со стороны Спарты, гдѣ стремились не только мужчину, но и женщину готовить одинаково наслѣдовать физическую силу какъ отъ отца, такъ и отъ матери. Спарта признавала только людей сильныхъ, здоровыхъ, красивыхъ. Ея система воспитанія въ своемъ родѣ являлась даже

крайностью, это была въ своемъ родѣ система конскихъ заводчиковъ. Новорожденное дитя обыкновенно приносилось въ совѣтъ старшинъ и если его находили здоровымъ и небезобразнымъ, его рѣшали воспитывать, въ противномъ случаѣ въ качествѣ негоднаго продукта, его рѣшительно уничтожали. Спартанцы не только укрѣпляли методически своихъ дѣтей съ самой ранней поры дѣтства, но они буквально дрессировали, школили ихъ. Суровость и строгость требованій спартанцевъ въ этомъ направленіи получила историческую извѣстность. Въ виду того, что военное дѣло для Спарты было впереди всего — въ такомъ направленіи и были всѣ стремленія воспитанія. Ксенофонтъ указываетъ, что изъ всѣхъ грековъ у спартанцевъ и наиболѣе систематически были поставлены всѣ упражненія отдѣльныхъ частей тѣла. Не только въ дѣтствѣ, молодости, но всю свою жизнь спартанецъ ежедневно считалъ необходимымъ упражнять свое тѣло. Въ результатѣ, какъ говоритъ Ксенофонтъ: „спартанцы — здоровеннѣйшіе изъ всѣхъ грековъ, между ними найдешь самыхъ красивыхъ въ Греціи мужчинъ и женщинъ“.

Здоровое и красивое тѣло и во всей греческой цивилизаціи не представляло собой рѣдкости, произведенія одной лишь роскоши; какъ характерно замѣчаетъ Тэнъ: „для цивилизаціи античнаго міра красота и здоровье тѣла не то, что для нашего времени только бесполезны маки, случайно расцвѣтшіе на хлѣбныхъ поляхъ; ихъ слѣдуетъ напротивъ сравнить съ высокими колосами, переросшими всю жатву. Ихъ Геркулесы не были пригодны болѣе напоказъ, въ нихъ нуждались государства и въ такомъ направленіи предъявляли требованія общественные нравы“. Первѣйшимъ гражданамъ въ силу условій приходилось стремиться стать прежде всего лихими атлетами. При способѣ древнихъ вести войну въ рукопашную и въ одиночку, вполне естественно, что каждый полководецъ „въ то время былъ не выкладчикъ, располагающійся съ картой и подзорной трубой гдѣ нибудь на высотѣ; съ копьемъ въ рукахъ онъ бился въ въ головѣ своего отряда, грудь къ груди, какъ настоящій солдатъ. Мильтиадъ, Аристидъ, Периклъ и даже гораздо позже Агесилай, Пелопидъ, Пирръ участвуютъ въ бою не однимъ умомъ, но и руками, наносятъ и отбиваютъ удары, идутъ на штурмъ пѣшкомъ или на конѣ, врѣзываются въ жесточайшую свалку“.

Но и ни однѣ битвы требовали исполнѣ развитого тѣла, это же требованіе предъявлялось всѣмъ укладомъ жизни „воспитаннаго“ античнаго человѣка. Греки, какъ истые художники упражняли тѣло съ тѣмъ, чтобы сообщить ему не только силу, быстроту, упругость, но вмѣстѣ съ тѣмъ красоту и изящество. Нагое тѣло, судя по остаткамъ древне-греческой скульптуры и фрескамъ, красотой и гармоніей своихъ формъ наглядно свидѣтельствовало о тѣхъ заботахъ, среди которыхъ развивалось. Слѣды привилегированнаго или рабскаго состоянія это тѣло могло указывать всегда наглядно. Въ приемахъ, движеніяхъ и позахъ людей античнаго міра всегда можно видѣть прежде всего питомца палестры. Но статность походки, умѣнье красиво драпироваться, умѣнье ловко нагнуться или стоять прямо на ногахъ, это умѣнье быть во всѣхъ позахъ красивымъ, какъ статуя, сразу указывало на грека, облагороженнаго изысканностью воспитанія своего времени. Свободные граждане древней Греціи были въ своемъ родѣ дворяне древности, рѣзко отличавшіеся въ силу условій своей жизни отъ деревенскаго увальня или мастерового. Геродотъ говоритъ, что Клисѣенъ, тиранъ сикіонскій, чтобы узнать породу и воспитаніе принимаемыхъ у себя жениховъ своихъ дочерей, вывелъ этихъ жениховъ на арену.

Явиться съ честью на аренѣ во время народныхъ празднествъ и всевозможныхъ церемоній, которыя такъ любили древніе, удовлетворить такого рода вкусамъ и потребностямъ, для древняго міра единственно могла такъ наз. „гимназія“ и только при условіи посѣщенія ея и окончанія ея курса свободный гражданинъ-грекъ считался человѣкомъ благовоспитаннымъ, иначе онъ рисковалъ быть причисленному къ людямъ низкаго происхожденія.

Здѣсь искусство античнаго міра, воспроизведшее гармонически развитое и красивое тѣло въ статуяхъ изъ метала, мрамора, лишь слѣдовало за воспитаніемъ, создававшимъ живую статую.

Античные народы заботились прежде всего о силѣ и красотѣ своего тѣла, ставя отъ его прекрасной формы въ зависимость и душу, отсюда возникъ и самъ излюбленный афоризмъ древнихъ. Тѣло являлось матеріальной формой нематеріальной силы внутренняго человѣка. На этомъ и основывался культъ тѣла въ древности. Но грубая физи-

ческая сила никогда не обладала способностью удовлетворять разумнаго челоуѣка, который не можетъ держаться взгляда, что челоуѣку прежде всего необходимо быть только сильнымъ животнымъ. Въ противномъ случаѣ богатые физической силой звѣри пустыни, злодѣи, съ наслажденіемъ терзающіе своего ближняго, могли бы служить до извѣстной степени идеаломъ. Однако мифическій Геркулесъ и библейскій Самсонъ, эти идеальные представители физической мощи и силы въ древности, въ сущности, своимъ величіемъ далеко не были обязаны исключительно феноменальному развитію своихъ мускуловъ. Слава ихъ была достигнута лишь примѣненіемъ, употребленіемъ своей выдающейся физической силы для поддержки того, что по убѣжденіямъ ихъ времени, являлось требованіемъ справедливости. Такимъ образомъ въ самыя блестящія времена своего культа тѣло фигурировало лишь въ качествѣ орудія духа.

Душа не подчиняла его себѣ, не отбрасывала на второй планъ. Платонъ сравнивалъ молодыхъ людей съ посвященными богамъ прекрасными конями, которыхъ пускаютъ свободно гулять по пастбищу, но при этомъ задаются цѣлью наблюдать, найдутъ ли эти молодые люди собственнымъ чутьемъ „мудрость и добродѣтель“.

Аристотель, подавая совѣтъ юношѣ, обѣщаетъ послѣдовавшему ему отличное здоровье и настоящую гимнастическую красоту. „У тебя всегда будетъ полная грудь, бѣлая кожа, широкія плечи, большія ноги . . . цвѣтушимъ красавцемъ проживешь ты свой вѣкъ въ палестрахъ, ты пойдешь въ академію гулять подъ тѣнью священныхъ маслинъ въ вѣнкѣ изъ цвѣтущаго тростника на головѣ, съ разумнымъ-приятелемъ сверстникомъ, вдыхая въ себя на досугѣ ароматы травъ и распускающихся тополей, вполне наслаждаясь чудной весной, когда листва явора перешептывается съ сосѣднимъ вязомъ“.

Первая гимназія въ Аѣинахъ приблизительно восходила къ 700 г. до Р. Х. Во время Солона здѣсь насчитывали уже 3 большихъ гимназій и довольно большое количество болѣе мелкихъ. Какъ описываютъ, древне-греческая гимназія представляла собою большой квадратъ, окруженный портиками и расположенный обыкновенно среди яворовыхъ аллей, близъ источника. Украшеніемъ ее служили статуи боговъ и увѣнчанныхъ славою атлетовъ. Во главѣ гимназій

стояли спеціалісты свого дѣла. Въ такой школѣ, учрежденной вмѣстѣ и для усовершенствованія тѣла и для развитія ума, юноша долженъ былъ проводить цѣлые дни. Обыкновенно это требовалось въ періодъ между 16—18 г. Гимназіи послужили мѣстомъ, гдѣ зародилась впоследствии философія, они служили мѣстомъ бесѣдъ прославленныхъ мудрецовъ древности. Гимнастическія упражненія, игры, спеціально организованныя здѣсь для молодежи, устроенное бѣговое поле привлекало обыкновенно довольно посѣтителей. Указываютъ на Милона, который могъ взять на плечи быка или остановить на бѣгу колесницу; кротонецъ Фаиллъ однимъ скачкомъ могъ перепрыгивать пространство въ 55 футовъ и могъ бросать 8 фунтовый дискъ на разстояніе въ 95 футовъ, что и увѣковѣчено было его надгробной надписью. Но минуя подвиги чисто легендарныхъ героевъ, такого рода напр., люди, какъ Платонъ, Хрисиппъ, поэтъ Тимокреонъ зарекомендовали себя также атлетами. Говорятъ, что Пиеагоръ получилъ награду за кулачный бой, а Эврипидъ въ качествѣ атлета былъ увѣнчанъ лаврами на Элевксинскихъ играхъ.

Гимнастика въ Греціи составляла существенную часть всего воспитанія. Герои Гомера въ числѣ своихъ достоинствъ считаютъ свое умѣнье метать дискъ, умѣнье бороться, ристать на колесницахъ, быстро бѣгать и т. п. Человѣкъ неискусный въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, по Гомеру, слылъ „торгашемъ“, который только и думаетъ, чтобы плотнѣе нагрузить свой корабль, думаетъ только о барышахъ и о съѣстномъ запасѣ. Этотъ родъ людей Гомеръ считалъ людьми низшаго разряда.

Античные народы свою дрессировку и тренированіе тѣла вели долгими годами со всевозможнымъ тщаніемъ и безъ перерыва до самаго зрѣлаго возраста. Преслѣдуя свою цѣль, они всегда строго придерживались опредѣленнаго рода діеты. Они не отказывали себѣ въ пищѣ, ѣли даже сравнительно много, но старались, чтобы это имѣло свое время. При помощи холодной воды и банной скребницы они научились прекрасно укрѣплять свои мышцы и кожу. Холодная вода, въ своемъ родѣ массажъ въ соединеніи съ гимнастическими упражненіями, которыя происходили на воздухѣ, приводили всѣ части тѣла древняго грека въ полное равновѣсіе. Всѣ мышцы его были укрѣплены и доведены до

крайней податливости, ничто не было упущено изъ вида. Гимнастическія упражненія обыкновенно велись древними или совершенно нагими, или въ короткихъ туникахъ, чтобы не мѣшать полной свободѣ тѣлесныхъ движеній, поэтому кожа привыкала къ воздуху и была въ немъ какъ въ своей стихіи; загорѣвшая отъ солнца, окрѣпшая отъ холодной воды и натиранія масломъ, какъ было принято въ ту пору, она уже не бывала такъ чувствительна къ переѣнамъ въ температурѣ, не ежилась не дрожала отъ холода, не покрывалась ознобною сыпью или синими жилками, а представляла собою вполне здоровую ткань прекраснаго тона. Древніе имѣли прекрасныхъ специалистовъ въ такомъ направленіи, которые такъ истые художники, умѣли упражнять тѣло сообщая ему не только силу, упругость, быстроту движеній и ловкость, но умѣли придать ему симметричность, изящество и красоту. Греки въ древности считались вообще красивымъ племенемъ, но они и систематически заботились о своей красотѣ, и воля такимъ образомъ совершенствовала природу.

Красивое здоровое тѣло всѣхъ восхищало, всѣми прославлялось и въ то же время своей наготой никого не соблазняло. Видъ обнаженнаго тѣла для древнихъ не представлялъ собою чего либо необычнаго и потому не являлся страннымъ. Сама одежда древне-греческая, короткая безъ рукавовъ туника для мужчинъ, для женщинъ — болѣе удлиненная, сандаліи и квадратный кусокъ ткани въ видѣ плаща для выхода, — представляла собою очень просторную принадлежность, которую при случаѣ можно было очень быстро съ себя сбросить. Одежда эта, съ цѣлью предоставлять тѣлу полную свободу, не обтягивала его вплотную, а лишь слегка могла обозначать, обрисовывать его формы, при движеніи же нагое тѣло всегда сквозило въ промежуткахъ такой одежды. Во время упражненій въ гимназіяхъ, во время игръ состязаній въ бѣгѣ, при многихъ торжественныхъ пляскахъ принято было одежду сбрасывать съ себя совершенно. Обнаженное тѣло въ античныя времена появляется на сценѣ, при полномъ театрѣ, въ празднествахъ боговъ, предъ правителями и судьями. Зритель даетъ одинаковую цѣну его частямъ, благороднымъ и неблагороднымъ. Обнаженное тѣло въ древности не составляло удѣла той таинственной литературы позднѣйшей поры, передъ которой, какъ характерно замѣчаетъ Тэнъ „люди строгіе

закрываютъ себѣ лицо, а нѣженки затыкаютъ ноздри“. Причину этого Тэнъ усматриваетъ въ томъ, что у древнихъ „стыдливость не перешла еще въ жеманство, душа не царить у нихъ въ недосыгаемой высотѣ на какомъ то разобщенномъ ото всего тронѣ съ тѣмъ, чтобы принизить и отодвинуть въ тѣнь органы съ не столь благороднымъ назначеніемъ; она не краснѣетъ за нихъ, не скрываетъ ихъ; мысль о нихъ не вызываетъ ни стыда, ни улыбки“. На этой ступени и при той формѣ, въ какой стояли условія жизни античнаго міра, люди интересовались тѣломъ и душа не подчиняла его всецѣло себѣ или не отбрасывала на второй планъ; оно являлось значительнымъ само по себѣ. Въ виду того, что въ ту пору еще не произошло разрыва между животной стороной и духовной, всѣ великія силы природы для древняго были одинаково божественны, и нигдѣ тѣсная связь между жизнью и силами природы не являлась нагляднѣе. Если признаемъ это, вмѣстѣ съ тѣмъ мы поймемъ и то глубокое чувство поддерживавшее и самую греческую религію, поймемъ восторгъ и благоговѣніе древняго грека предъ ликами его боговъ, въ которыхъ онъ олицетворялъ великія силы живой природы. Въ основѣ греческаго политеизма лежало чувство живой, безсмертной, творческой природы.

„Если мы представляемъ боговъ въ человѣческомъ образѣ, говорили древніе греки, то это потому, что нѣтъ вѣдь формы прекраснѣе“. И изъ такой столь понятной для нихъ формы, они усматривали правящія душой и вселенной міровыя силы. При такихъ условіяхъ Фидій создалъ своего Зевса, свою Палладу и свою божественную Афродиту.

Греческіе боги, являвшіеся образцомъ античнаго зодчества, представляли собою образцы тѣлеснаго и атлетическаго совершенства. Между ними и обыкновенными смертными это и была видимая разница, а потому у Гомера мы встрѣчаемъ, какъ Улиссъ и Телемакъ, увидѣвъ какого либо выдающагося по наружности человѣка, очень красиваго и рослаго, имѣли обыкновеніе спрашивать, не богъ ли онъ.

Дѣйствительно, разсматривая религію античнаго міра, не трудно замѣтить, что божества этого міра являлись въ сущности болѣе людьми высшаго порядка во многихъ отношеніяхъ, почему и сами превращенія ихъ въ смертныхъ не казались невозможными. Въ вѣрованіяхъ античнаго міра не было мѣста чему либо неопредѣленному или несоизмѣри-

тому въ божествѣ. „Разсмотрите въ этомъ отношеніи религію грековъ, замѣчаетъ Тэнъ, — у нихъ нѣтъ чувства той необъятной безконечности, въ которой любое поколѣніе, любой народъ, всякое конечное существо, какъ бы ни было оно велико, представляется однимъ только моментомъ, одной точкой. Вѣчность не воздвигаетъ передъ ними своей пирамиды изъ цѣлыхъ миллиардовъ вѣковъ, какъ чудовищную гору, въ сравненіи съ которой наша маленькая жизнь какают крапинка или едва замѣтная кучка песку. Они не заботились, какъ другіе народы, индѣйцы, египтяне, семиты, германцы, о непрерывно возрождающемся кругѣ метампсихозъ, ни о вѣчномъ снѣ могилы, ни о той безформенной, бездонной пропасти, изъ которой твари выходятъ какъ легкій, мимолетный паръ, ни о единомъ, всепоглощающемъ и грозномъ Богѣ въ которомъ сосредочиваются всѣ силы естества и для котораго небо и земля только шатеръ и подножіе ногъ его, ни о томъ высшемъ, таинственномъ, незримомъ могуществѣ, которое благочестивая душа прорѣзываетъ сквозь видимый міръ, за его предѣлами.“ Въ „Прометеѣ“ Эсхила, напр., мы находимъ въ достаточной степени ясное указаніе, что величайшія изъ божествъ древнихъ, каковымъ былъ Зевсъ, воцарившись въ мірѣ, далеко не былъ гарантированъ отъ времени, когда могъ увидать конецъ своего могущества. Но пока длится могущество античныхъ боговъ, они жизнерадостны, вѣчно блаженные, бессмертные, они обитаютъ въ чертогахъ ослѣпительной красоты на высокомъ Олимпѣ, возсѣдаютъ на золотыхъ тронахъ, пьютъ нектаръ, вкушаютъ амброзію, а музы распѣваютъ передъ ними своими прекрасными голосами. Этотъ вѣчный пиръ при полномъ великолѣпіи являлся идеаломъ самой прекрасной жизни для смертнаго. Жизнь, близко подходящая къ жизни боговъ, желанная, идеальная, могла быть до извѣстной степени достижимой для смертнаго, когда онъ возвышался до божества, такъ выражался самъ энтузіазмъ и набожность античнаго міра. Поэтому разубрать въ честь боговъ городъ, устроить состязаніе въ красотѣ и силѣ, чѣмъ и возвыситъ смертнаго до божества, значило освободить этого смертнаго хотя на время отъ его обычной доли, при помощи всѣхъ великолѣпій, какія могли дать соединенныя искусства и поэзія. Гимнастическія игры, различнаго рода состязанія, пляски, пѣніе, цѣлыя оперныя

Постойте-же, пусть только дождь перестанетъ!“ И вотъ лишь только окончился дождь, обезьяны поднялись на дерево, разорили всѣ гнѣзда и раскидали яйца птицъ по землѣ. Поэтому я и говорю: «Наставлять можно только понимающаго и т. д.»“ Царь спросилъ: „Ну, что же дальше?“ Аистъ продолжалъ: „Тогда птицы въ гнѣвѣ сказали: „А кто поставилъ вашего фламинго царемъ?“ Тутъ ужъ и я разсердился и сказалъ: „А этого вашего павлина кто царемъ сдѣлалъ?“ Услышавши это, они принялись меня бить, но и я показалъ имъ свою силу. Ибо:

7. «Иногда и терпѣніе украшаетъ мужчину, какъ стыдливость женщину; но коли тебя оскорбили, ты долженъ дѣйствовать силой, точно также какъ женщина при половыхъ наслажденіяхъ должна быть раснузданна.»“

Царь улыбаясь замѣтилъ:

8. „«Кто, видя силу враговъ и свое безсиліе, не понимаетъ разницы въ положеніи, того враги легко одолѣваютъ.»“

И еще:

9. «Долго, глупый оселъ, покрытый тигровой шкурой, пасся на засѣянномъ полѣ и ѣлъ постоянно отличную пищу; но онъ закричалъ и былъ убитъ.»“

Аистъ спросилъ: „Какъ это такъ?“ и царь сталъ рассказывать.

Въ Хастинапурѣ жилъ мыльщикъ по имени Вишала. Его оселъ отъ чрезмѣрнаго ношенія тяжестей обезсилѣлъ и былъ близокъ къ смерти. Тогда мыльщикъ покрылъ его тигровой шкурой и выпустилъ на засѣянное поле, прилегающее къ лѣсу. Видя его издалека и думая, что это тигръ, хозяева полей поспѣшно убѣгали отъ него. Вотъ одинъ сторожъ поля въ панцырѣ изъ сѣрой шерсти приготовилъ лукъ и остановился въ одномъ концѣ поля, немного наклонившись. Увидѣвши его издалека, оселъ, уже отъѣвшійся и возстановившій свои силы, подумалъ, что это ослица, и съ крикомъ побѣжалъ прямо на него. Тогда сторожъ, по крику узнавши осла, безъ труда убилъ его. Поэтому я и говорю: «Долго глупый оселъ и т. д.» Ну, что же дальше?“ Долгоность продолжалъ: „Тогда птицы сказали: „Ахъ, ты негодный аистъ, ты еще поносишь нашего господина! Этого уже

нельзя допустить!“ и съ этими словами они всё стали бить меня клювами, а побивши, продолжали съ гнѣвомъ : „Ахъ, ты дуракъ! Этотъ твой фламинго настолько мягокъ, что въ его царствѣ нѣтъ никакого порядка. Въдь совершенно мягкой человѣкъ не можетъ даже того сохранить, что у него въ рукѣ; какъ же онъ можетъ управлять страной? И что у него за царство послѣ этого? Да и ты самъ — колодезная лягушка: ничего не видалъ, такъ и совѣтуешь намъ идти въ его царство. Послушай:

10. «Надо прибѣгать къ защитѣ только большого дерева, у котораго есть и плоды и тѣнь: если и можетъ случиться, что плодовъ на немъ не будетъ, то кто отниметъ отъ него тѣнь?»

И далѣе:

11. «Не слѣдуетъ служить покинутому человѣку, но слѣдуетъ искать покровительства у великаго: и вода въ рукахъ шинкарки называется водкой.»

И еще:

12. «Даже великій человѣкъ, обладающій многими достоинствами, превращается въ ничтожество въ глазахъ недостойнаго человѣка: такъ не можетъ огромный слонъ отразиться въ маленькомъ зеркалѣ.»

И вотъ что особенно важно.

13. «Одно упоминаніе имени могучаго царя ведетъ къ удачѣ: такъ зайцы добыли себѣ спокойную жизнь, упомянувъ имя луны.»“

Я спросилъ: „Какъ это такъ?“ и птицы стали рассказывать.

Однажды, когда и въ дождливое время не было дождя, стадо слонѡвъ, томимое жаждою, обратилось къ своему вожаку: „Господинъ! Положеніе наше безвыходное! Маленькимъ животнымъ еще есть, гдѣ купаться, а мы безъ купанья какъ слѣпые, не знаемъ, куда идти, что дѣлать.“ Тогда царь слонѡвъ, показавъ имъ не далеко отсюда свѣтлое озеро. Когда слоны шли туда, то они подавили своими ногами много зайцевъ, жившихъ на берегу этого озера. Тутъ заяцъ, по имени Стрѣла подумалъ: „Это стадо слонѡвъ, томимое жаждой, будетъ приходить сюда каждый день, и тогда весь нашъ родъ погибнетъ.“ Но тутъ одинъ старый заяцъ, по имени Побѣдитель сказалъ: „Не унывайте! Я найду средство про-

тивъ этого горя.“ Давши это обѣщаніе, онъ побѣжалъ и дорогою думалъ: „Какъ мнѣ подойти къ стаду слоновъ и говорить съ нимъ? Вѣдь

14. «Слонъ убиваетъ однимъ прикосновеніемъ, змѣя — поцѣлуемъ; царь убиваетъ улыбкой, а злодѣй — почетомъ.»

Лучше буду говорить съ вожакомъ стада, взобравшись на вершину скалы.“ Такъ онъ и сдѣлалъ, и вожакъ стада спросилъ его: „Кто ты и откуда пришелъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „Я посланецъ отъ господина Мѣсяца.“ Глава стада, сказалъ: „Скажи, въ чемъ же дѣло.“ Побѣдитель отвѣчалъ:

15. „Посоль даже при поднятомъ оружій говорить, что велѣно: ибо пословъ, вѣстниковъ правды, даже цари не смѣютъ убить.“

И такъ я говорю по повелѣнію Мѣсяца. Слушай: Не хорошо ты сдѣлалъ, что разогналъ сторожей озера Мѣсяца, ибо зайцы — наши сторожа. Не даромъ, какъ извѣстно, я ношу знакъ зайца.“ Услышавши эти слова посла, повелитель стада въ страхѣ сказалъ: „Мы вѣдь не знали, что дѣлали. Я больше туда ходить не буду.“ Вѣстникъ сказалъ на это: „Въ такомъ случаѣ ты долженъ сначала на томъ же озерѣ совершить поклоненіе господу, который дрожитъ отъ гнѣва, и вымолить у него прощеніе; тогда ты свободенъ.“ И привелъ заяцъ вожака стада на озеро, [показалъ ему дрожащее въ водѣ отраженіе луны и заставилъ его поклониться этому отраженію, а самъ сказалъ при этомъ: „Господи! Онъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію. Прости его!“ и съ этими словами отпустилъ его. Поэтому я и говорю: «Одно упоминаніе имени и т. д.»“

Тогда я сказалъ: „Нашъ царь тоже очень великій и сильный.“ Но птицы схватили меня, говоря: „Какъ ты смѣешь ходить по нашей землѣ!“ и повели къ царю Пестроцвѣту. Поставивши меня передъ царемъ, онъ съ поклонномъ сказали: „Выслушайте, Ваше Величество! Этотъ негодный аистъ гулялъ по нашей землѣ, да еще поносилъ при этомъ Ваше Величество.“ Царь спросилъ: „Кто онъ и откуда?“ Тѣ отвѣчали: „Придворный царя фламинго, Золотой Грудки, пришелъ съ Камфарнаго Острова.“ Тутъ коршунъ-совѣтникъ спросилъ меня: „А кто тамъ главный совѣтникъ?“ Я отвѣтилъ: „Чирокъ, по имени Всезнай.“ Коршунъ сказалъ: „Онъ подходитъ: онъ вашъ землякъ. Вѣдь

16. «Царь долженъ назначить совѣтникомъ лицо изъ своей страны, чистаго рода и чистыхъ обычаевъ, испытанной честности, умѣющаго владѣть оружіемъ, неимѣющаго порочныхъ наклонностей, не распутнаго, знающаго законы, наслѣдующаго свое достоинство отъ отца и дѣда, знаменитаго, умнаго и умѣющаго хорошо увеличивать казну.»⁴
17. «Царь, пьяный, ребенокъ, женщина и гордый богачъ стараются достать даже недостижимое, не говоря уже о томъ, что можно взять.»

Тутъ Попугай замѣтилъ: „Вѣдь Камфарный Островъ и другіе мелкіе острова принадлежатъ къ Джамбудвипѣ и входятъ въ царство Его Величества.“ Тутъ и царь подхватилъ: „Разумѣется, такъ!“ Вѣдь

18. «Царь, пьяный, ребенокъ, женщина и гордый богачъ стараются достать даже недостижимое, не говоря уже о томъ, что можно взять.»

Тутъ я сказалъ: „Если достаточно слово сказать, чтобы царство пріобрѣсти, то и я скажу, что и Джамбудвипа принадлежитъ къ владѣніямъ нашего повелителя, Золотой Грудки.“ Попугай спросилъ: „Какъ же разрѣшить этотъ вопросъ?“ Я сказалъ: „Войною.“ Тогда царь съ улыбкою сказалъ мнѣ: „Иди къ своему господину и скажи, чтобы онъ готовился.“ Я замѣтилъ: „Надо также послать вѣстника.“ Царь сказалъ: „Кому же идти посломъ? Вѣдь вотъ какого посла слѣдуетъ выбрать:

19. «Преданный, добродѣтельный, честный, ловкій, смѣлый, неимѣющій порочныхъ наклонностей, терпѣливый, брахманъ, умѣющій замѣчать слабыя стороны, умный — таковъ долженъ быть посолъ.“

Такихъ много найдется; но брахманомъ долженъ быть онъ. А

20. «милость царя даетъ счастье, но не родовитость: черный цвѣтъ яда калакуты не исчезаетъ отъ прикосновенія къ господу *).»

Поэтому пусть идетъ Попугай. — Ты, Попугай, пойдешь вмѣстѣ съ нимъ и передашь нашу волю.“ Услышавъ это, Попугай сказалъ: „Слушаюсь, Ваше Величество! Только аистъ этотъ злой, и я съ нимъ вмѣстѣ не пойду. Вѣдь извѣстно, что

21. «Злодѣй дѣлаетъ злое дѣло, а добрые люди стра-

*) Вишну выпилъ ядъ калакуту, и отъ этого шея его почернѣла.

даютъ: десятиголовый демонъ похитилъ Ситу, а великій океанъ былъ скованъ*)».

И далѣе:

22. «Вмѣстѣ со злымъ не слѣдуетъ ни быть, ни ходить: гусь былъ убитъ только за то, что былъ вмѣстѣ съ ворономъ, а перепелъ -- за то, что вмѣстѣ шелъ.»

Царь спросилъ: „Какъ это такъ?“ и Попугай сталъ рассказывать.

На большой дорогѣ, ведущей къ городу Уджайни, стояла смоковница. На ней жили гусь и воронъ. Однажды въ лѣтній жаръ одинъ путникъ легъ спать подъ нею, положивши рядомъ съ собою лукъ и стрѣлу. Черезъ нѣкоторое время тѣнь дерева сошла съ его лица. Гусь сидѣвшій на деревѣ, замѣтилъ, что солнце стало печь лицо путника, сжалился надъ нимъ, распустилъ крылья и такимъ образомъ снова навелъ тѣнь на него. Отъ удовольствія крѣпкаго сна путникъ открылъ ротъ, а воронъ выпустилъ ему въ ротъ свое испражненіе и полетѣлъ. Тутъ путникъ вскочилъ, посмотрѣлъ вверхъ и, увидѣвши гуся, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Поэтому я говорю, что не слѣдуетъ быть вмѣстѣ со злымъ; а теперъ расскажу про перепела.

Однажды всѣ птицы по случаю праздника Гаруды, должны были собраться на берегу моря. Вмѣстѣ съ ворономъ летѣлъ туда перепелъ. Воронъ отъ времени до времени клевалъ простоквашу изъ горшка, который несъ на головѣ шедшій тутъ же пастухъ. Когда пастухъ снялъ горшокъ съ простоквашей и взглянулъ вверхъ, онъ увидѣлъ ворона и перепела. Испугавшись его, воронъ улетѣлъ, а перепелъ, болѣе медленный въ движеніи, попался и былъ убитъ. Поэтому я и говорю: «Вмѣстѣ со злымъ не слѣдуетъ ни быть, ни ходить и т. д.» Тутъ я сказалъ: „Братъ Попугай, что ты говоришь? Я одинаково отношусь какъ къ Его Величеству, такъ и къ тебѣ.“ Попугай отвѣчалъ: „Такъ то, такъ; а всетаки

23. «всѣ пріятныя слова, которыя говорятъ злодѣи съ улыбкой, возбуждаютъ во мнѣ опасеніе, какъ не во время появившіеся цвѣты.»

*) Демонъ Равана похитилъ жену Рамы, Ситу, и Рама чтобы попасть на Цейлонъ, гдѣ жилъ демонъ, долженъ былъ, построить мостъ черезъ проливъ, „сковать океанъ.“

А злую твою природу я увидѣлъ въ твоихъ словахъ, такъ какъ они послужили причиною объявленія войны между этими двумя царями. Послушай:

24. «Проступокъ совершенъ на глазахъ, а дурака утѣшаютъ слова: телѣжникъ поднялъ на головѣ собственную жену съ ея любовникомъ.»»

Царь спросилъ: „Какъ это такъ?“ и попугай сталъ рассказывать.

Въ Яуванаширинагарѣ*) жилъ телѣжникъ, по имени Тиходумъ. Онъ зналъ, что жена его ему невѣрна, но на свиданіи съ любовникомъ поймать ее не могъ. Тогда телѣжникъ сказалъ, что пойдетъ въ другую деревню, а самъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, вернулся обратно и спрятался въ своемъ домѣ, подъ кроватью. Въ полной увѣренности, что телѣжникъ ушелъ въ другую деревню, жена вечеромъ позвала своего любовника, и они занялись любовною игрою на той же кровати: Прикоснувшись случайно къ чему-то живому, лежащему подъ кроватью, жена догадалась, что это мужъ, и очень смутилась. Тогда любовникъ спросилъ ее: „Что это ты сегодня меня не очень горячо принимаешь? И смущена, какъ будто?“ Та отвѣчала: „Супругъ мой, — жизнь моя — ушелъ въ другую деревню, а безъ него, какъ бы много ни было всякаго народа въ деревнѣ, она мнѣ представляется пустою, какъ лѣсъ.“ Любовникъ сказалъ: „Что это ты вдругъ такъ полюбила своего телѣжника?“ Невѣрная жена отвѣчала: „Глупый! Что ты говоришь? Слушай:

25. «Та жена исполняетъ законъ, которая остается привѣтливой къ мужу, хотя бы онъ ее бранилъ грубымъ словомъ или смотрѣлъ на нее гнѣвнымъ взоромъ.»

И еще:

26. «Райское счастье суждено той женѣ, которая любить своего мужа, живетъ ли онъ въ городѣ, или въ лѣсу, будетъ ли онъ злой, или добрый.»

И далѣе:

27. «Мужъ есть высшее украшеніе жены, другихъ украшеній ей не нужно: безъ мужа и красавица жена — некрасива.»

*) Соб. „въ городѣ юношеской красоты.“

Ты, любовникъ, иногда доставляешь мнѣ удовольствіе, какъ прихоть, какъ цвѣты или бетель. А вѣдь онъ, мой мужъ, можетъ меня и продать и отдать богамъ или брахманамъ. Однимъ словомъ, я живу только его жизнью, а умереть онъ, и я послѣдую за нимъ: я ужъ такъ рѣшила. Вѣдь

28. «тридцать пять миллионѣвъ лѣтъ, — сколько волосъ на человѣческомъ тѣлѣ, столько лѣтъ будетъ жить въ небесахъ жена, послѣдовавшая за мужемъ.»

И далѣе:

29. «Какъ ловецъ змѣй съ силою вытягиваетъ змѣю изъ ея норы, такъ жена спасаетъ своего мужа отъ мукъ ада и блаженствуетъ вмѣстѣ съ нимъ.»

Услышалъ все это телѣжникъ, и подумалъ: „Какой я счастливый, что у меня такая жена, всѣмъ сердцемъ любящая, милая, привѣтливая.“ Тутъ поднялъ онъ себѣ на голѣву кровать съ женою и любовникомъ и сталъ плясать. Поэтому я и говорю: «Проступокъ совершенъ на глазахъ и т. д.»

Тогда царь оказалъ мнѣ подобающія почести и отпустилъ. А Попугай идетъ за мною слѣдомъ. Теперь, зная все это, слѣдуетъ обдумать, что дѣлать. Чирокъ съ улыбкою сказалъ: „Ваше Величество! Аистъ даже и въ чужой странѣ по мѣрѣ силъ старался устроить Ваши дѣла. Но такова ужъ его природа, Ваше Величество.

30. «Умный готовъ дать сотню монетъ, лишь бы не ссориться; ссора безъ причины — вѣрный признакъ дурака.»

Царь сказалъ: „Нечего разбирать то, что прошло; нужно позаботиться о томъ, что теперь необходимо.“ Чирокъ сказалъ: „Ваше Величество, я хочу говорить безъ свидѣтелей.

31. «По цвѣту лица, по жестамъ, по отзвукамъ словъ и по выраженію лица и глазъ умный можетъ угадать смыслъ словъ; поэтому совѣщаться слѣдуетъ въ тайнѣ.»

Тогда царь остался со своимъ совѣтникомъ, а другіе удались. Чирокъ сказалъ: „Ваше Величество, я увѣренъ, что аистъ сдѣлалъ это по наущенію кого-нибудь изъ нашихъ слугъ.

32. «Лѣкарь живетъ богатыми больными, слуга несчастіемъ господина; умные живутъ дураками, а царь — тяжбами подданныхъ.»

Царь сказалъ: „Ладно! причину этого можно и потомъ разобратъ, а теперь говори, что нужно дѣлать.“ Чирокъ отвѣчалъ: „Прежде всего, Ваше Величество, нужно послать туда шпіона; тогда мы узнаемъ, какъ они устроили свои дѣла, чѣмъ они сильны и въ чемъ слабы.“

33. «Для наблюденія за тѣмъ, что нужно дѣлать и чего не нужно дѣлать, и въ своимъ царствѣ и въ чужихъ земляхъ царь долженъ имѣть шпіона; это — глазъ царя: безъ него царь слѣпъ.»

И онъ долженъ взять съ собою другого надежнаго человѣка, чтобы онъ могъ, оставаясь тамъ, послать его сюда, сообщивъ ему тайно, что нужно. Ибо такъ сказано:

34. «На священныхъ мѣстахъ купанья, въ обителяхъ и въ храмахъ царь долженъ говорить со своими шпіонами, переодѣтыми въ монаховъ, какъ-будто желая отъ нихъ научиться писанію.»

И такой шпіонъ, который можетъ двигаться и по землѣ и по водѣ, легко можетъ быть на жалованьѣ у обѣихъ сторонъ; поэтому нужно къ нему приставить другого аиста. А семья его должна остаться при дворѣ царя. И все это, Ваше Величество, также нужно устроить тайно.

35. «Замыселъ, который слышали шесть ушей, легко разглашается и дѣлается такимъ образомъ достояніемъ молвы; поэтому царь долженъ совѣщаться самъ другъ.»

И еще послушай:

36. «Вредъ, который причиняетъ царю разглашеніе замысла, уже непоправимъ, — такъ думаютъ знатоки политики.»

Царь подумалъ и сказалъ: „Я нашелъ самого подходящаго шпіона.“ Министръ отвѣчалъ: „Ваше Величество, въ такомъ случаѣ побѣда въ сраженіи обезпечена.“ Тутъ вошелъ привратникъ и съ поклономъ сказалъ: „Ваше Величество, изъ Джамбудвѣпы пришелъ Попугай и ждетъ у входа. Царь взглянулъ на чирка, и чирокъ сказалъ: „Пусть онъ побудетъ пока въ приготовленномъ для него помѣщеніи. Аудиенцію онъ получитъ потомъ.“ Привратникъ ушолъ, и царь сказалъ: „И такъ приходится воевать.“ Чирокъ отвѣчалъ: „Ваше Величество, и въ такомъ положеніи война все-таки не оправдывается политикой.“

37. «Плохъ тотъ совѣтникъ, который безъ разсужде-

нія совѣтуетъ царю объявлять войну или покидать свою страну.»

И далѣе:

38. «Никогда не слѣдуетъ пытаться въ битвѣ побѣдить врага, такъ какъ для обоихъ сражающихся побѣда одинаково сомнительна.»
39. «Всякій человѣкъ герой, пока не испробовалъ войны: кто не хвалится, пока не испробуетъ силы врага?»

И еще сказано:

40. «Руками не такъ удобно можно поднять камень, какъ рычагомъ: малымъ орудіемъ достигнуть большаго результата — вотъ въ чемъ великое значеніе хорошаго замысла.»

Однако видя, что война неизбѣжна, слѣдуетъ дѣйствовать.

41. «Если во время и старательно вспашешь поле, оно принесетъ тебѣ плодъ: такъ точно и политика, о царь, приносить плоды не сразу, а со временемъ.»
42. «Опасеніе при приближеніи опасности и смѣлость, когда она пришла, — вотъ доблесть великаго человѣка: онъ всегда выказываетъ твердость въ несчастіи.»

И далѣе:

43. «Всякому успѣху мѣшаетъ горячность съ самаго начала: развѣ и самая холодная вода не протачиваетъ горы?»

Въ особенности, Ваше Величество, то важно, что этотъ царь Пестроцвѣтъ очень силенъ, а

44. «съ сильнымъ сражаться нельзя посовѣтовать: бой съ нимъ подобенъ борьбѣ пѣшихъ людей со слономъ.»

И далѣе:

45. «Глупъ тотъ, кто не дождавшись удобной минуты бросается на врага: бороться противъ сильнаго значить летѣть, какъ мотылекъ на огонь.»
46. «Понимающей политику сначала прячется, какъ черепаха, и сносить даже удары, а придетъ время, и онъ подымается, какъ страшная змѣя.»

И вотъ еще послушайте, Ваше Величество:

47. «Кто умѣетъ находить средства, тотъ одинаково силенъ и противъ великаго, и противъ малаго:

потокъ рѣки вырываетъ съ корнемъ и деревья, и траву.»

Поэтому надо удерживать царскаго посла здѣсь подь благовидными предлогами, пока у насъ не будетъ готова крѣпость.

48. «Одинъ стрѣлокъ изъ лука, стоящій на валу, можетъ бороться противъ сотни, а сотня — противъ ста тысячъ, — вотъ въ чемъ заключаются выгоды крѣпости.»

И далѣе :

49. «Царя, страна котораго не имѣетъ крѣпости, легко одолѣть: царь, не имѣющій прибѣжища въ крѣпости, подобенъ человѣку, упавшему съ корабля.»
50. «Крѣпость слѣдуетъ дѣлать съ глубокимъ рвомъ и съ высокимъ валомъ; въ ней должны быть машины, запасы и вода, и она должна прилегать къ горѣ, къ рѣкѣ, къ пустынѣ или къ лѣсу.»
51. «Обширность, неприступность, запасы воды, хлѣба и топлива, входъ и выходъ — вотъ семь достоинствъ хорошей крѣпости.»

Царь спросилъ: „А кому поручить устройство крѣпости?“ Чирокъ отвѣчалъ :

52. „Кто въ чемъ опытенъ, того къ тому дѣлу и слѣдуетъ приставлять; такъ какъ даже хорошо знающій правила, но не видавшій дѣла часто дѣлаетъ ошибки въ дѣлахъ.»

Нужно пригласить, стало быть, Журавля“. Когда это было исполнено, то царь благосклонно обратился къ Журавлю: „Журавль, устрой намъ крѣпость.“ Журавль съ поклономъ отвѣчалъ: „Ваше Величество! Крѣпость у насъ уже давно готова, это — большое озеро. Но на островѣ, лежащемъ въ его срединѣ, нужно сдѣлать запасы. Ибо

53. «запасъ хлѣба, о царь, самый важный изъ всѣхъ запасовъ: денегъ въ ротъ не положишь, когда нужно будетъ поддерживать жизнь.»
54. «Извѣстно, что соль самая лучшая изъ всѣхъ приправъ: безъ нея каша отзываетъ коровьимъ навозомъ.»“

Царь сказалъ: „Ну, иди скорѣе и устрой все.“

Тутъ входитъ привратникъ и говоритъ: „Ваше Величество! Къ Вамъ пришелъ съ поклономъ съ острова Цей-

лона царь вороній по имени Черная Туча, со свитой. Желаетъ видѣть Ваше Величество.“ Царь сказалъ: „Воронъ уменъ и много видѣлъ: надо его принять.“ Чирокъ замѣтилъ: „Такъ то оно такъ, Ваше Величество, а все таки воронъ птица сухопутная, и стало быть, принадлежитъ къ враждебной намъ сторонѣ. Какъ же его принимать? Сказано также:

55. «Кто оставитъ свою партію и примкнетъ къ чужой, того, глупаго, убьютъ чужіе, какъ былъ убитъ синій шакаль.»“

Царь спросилъ: „Какъ это такъ?“ и Чирокъ сталъ рассказывать.

Одинъ шакаль, бродя безъ цѣли въ окрестностяхъ города, упалъ какъ то въ сосудъ для смѣшиванія индиго. Не будучи въ состояніи выбраться оттуда, онъ утромъ прикинулся мертвымъ, и хозяинъ сосуда съ индиго вытащилъ его оттуда, оттащилъ далеко въ сторону и бросилъ. Тогда шакаль, придя въ лѣсъ и замѣтивъ, что онъ выкрашенъ въ синій цвѣтъ, подумалъ: „Я теперь не простой шакаль*), и почему бы мнѣ не постараться достигъ высокаго положенія?“ И вотъ, созвавъ шакаловъ, онъ сказалъ имъ: „Лѣсной богъ соблаговолилъ собственноручно помазать меня сокомъ всѣхъ травъ на царство въ лѣсу. Посмотрите на мою окраску. И такъ съ сегодняшняго дня жизнь въ лѣсу должна подчиняться моей волѣ.“ Увидѣвъ его необыкновенный цвѣтъ, шакалы поклонились ему до земли и сказали: „Мы рабы Вашего Величества.“ Такимъ образомъ онъ достигъ высокаго положенія царя надъ всѣми звѣрями, живущими въ лѣсу, и окружилъ себя своими родичами. Но потомъ, когда приближенными въ его свитѣ сдѣлались тигры, львы и другіе звѣри, ему стыдно стало смотрѣть на шакаловъ, онъ сталъ пренебрегать своими родными и удалилъ ихъ отъ двора. Тогда, видя смущеніе шакаловъ, одинъ старый шакаль далъ имъ такое обѣщаніе: „Не смущайтесь! Если онъ, невѣжественный въ вопросахъ политики, пренебрегъ нами, когда мы знаемъ его слабыя стороны, то я устрою такъ, чтобы онъ погибъ. Вѣдь тигры и другіе звѣри только цвѣтомъ его ослѣплены и признаютъ его царемъ, не зная того, что

*) Въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ: „Я теперь имѣю прекрасный цвѣтъ“ или „Я теперь принадлежу къ высшей кастѣ“. По — санскритски „цвѣтъ“ и „каста“ — одно и то же слово (varṇa).

онъ шакаль. Поэтому устройте такъ, чтобы его узнали. А это нужно сдѣлать вотъ какъ. Въ сумерки подойдите къ нему поближе и сразу всѣ подымите громкій ревъ. Онъ услышитъ вашъ голосъ и невольно самъ завоетъ. Вѣдь

56. «невозможно возвыситься надъ своей собственной природой: сдѣлай собаку царемъ, она все равно будетъ грызть подошву.»

Тогда, узнавши его по голосу, тигръ убьетъ его.“ Шакалы послушались этого совѣта, и все случилось такъ, какъ сказалъ старый шакаль. Извѣстно также, что

57. «природный врагъ знаетъ все, и слабую сторону, и силу врага; настигая, онъ уничтожаетъ врага, какъ огонь сухое дерево.»

Поэтому я и говорю: «Кто оставитъ свою партію и т. д.»“
Царь сказалъ: „Хоть это и правда, но воронъ пришелъ изда- лека, и ему надо дать аудіенцію, а потомъ подумаемъ о союзѣ съ нимъ.“ Чирокъ сказалъ: „Ваше Величество! Шпіонъ посланъ, и крѣпость готова. Теперь можно принять Попугая и отпустить его. Однако

58. «Чанакья убилъ Нанду при помощи коварнаго посла*); поэтому посла, окруженнаго воинами, царь долженъ принимать, самъ окруженный свитою.»“

Тогда царь собралъ своихъ придворныхъ и пригласилъ Попугая и Ворона. Попугай едва кивнулъ головою царю, сѣлъ на предложенное мѣсто и сказалъ: „Золотая Грудка! Царь царей, Пестроцвѣтъ приказываетъ тебѣ, чтобы ты, если тебѣ дорога жизнь и царское достоинство, тотчасъ отправился къ нему и выразилъ покорность, припавши къ стопамъ Его Величества. Иначе тебѣ придется уступить ему свой престолъ“. Царь въ гнѣвѣ воскликнулъ: „Либо я, либо онъ: вмѣстѣ мы не можемъ существовать!“ Черная Туча вскочилъ и сказалъ: „Ваше Величество! Прикажите только, и я убью этого негоднаго Попугая.“ Всезнай сталъ успокаивать царя и Ворона и сказалъ: „Послушайте!

59. «Собрание въ которомъ нѣтъ старцевъ — не собрание; старцы, которые не хранятъ закона, — не старцы; законъ, въ которомъ нѣтъ правды, — не законъ; и правда, въ которой есть обманъ, — не правда.»

*) Ср. II, 91 и примѣчаніе.

А что говорить законъ?

60. «Посла, не только дважды рожденного*), но даже варвара, не долженъ царь убивать, хотя бы уже было поднято оружіе, ибо царь говоритъ устами посла.»

И еще:

61. «Кто видитъ въ словахъ посла униженіе себѣ и возвеличеніе врага? Пользуясь своею неприкосновенностью, посолъ всегда можетъ говорить, что хочеть.»“

Тогда царь и воронъ снова овладѣли собою. Между тѣмъ Попугай всталъ и ушелъ. Тогда Чирокъ пошелъ за нимъ, уговорилъ его вернуться, поднесъ ему въ даръ браслетъ и другія украшенія и проводилъ его, когда тотъ уходилъ.

Попугай пришелъ на гору Виндхья къ царю и поклонился ему. Царь Пестроцвѣтъ спросилъ его: „Что новаго, Попугай? Какова та сторона?“ Попугай отвѣчалъ: „Ваше Величество! Коротко такъ слѣдуетъ сказать: надо идти войною. А страна та, Камфарный Островъ, прямо уголокъ небесъ, не опишешь ея красоты.“

Царь созвалъ всѣхъ мудрецовъ и сталъ совѣщаться „Теперь, — сказалъ онъ — посовѣтуйте мнѣ, какъ нужно вести войну; а война уже неизбежна, такъ какъ сказано:

62. «Недовольные брахманы и довольные цари обречены на гибель такъ же, какъ стыдливыя блудницы и безстыдныя матери семейства.»“

Коршунъ, по имени Дальнозоркій сказалъ: „Ваше Величество! Вести войну на-ура считается неправильнымъ.

63. «Если союзниковъ много, и они настолько тверды въ вѣрности, что не боятся тревогъ войны, и если у враговъ положеніе какъ разъ обратное, тогда слѣдуетъ объявлять войну.»

И далѣе:

64. «Только тогда надо объявлять войну, когда можно быть увѣреннымъ, что она принесетъ три плода: землю, союзника и золото.»“

*) Разумѣется брахманъ: вторымъ рожденіемъ называется посвященіе въ брахманскіе ученики. Игра словъ: „дважды рожденною“ называется также и птица (рожденіе яйца и рожденіе изъ яйца). Здѣсь посломъ является попугай, названный раньше брахманомъ.

Царь сказалъ: „Пусть совѣтникъ сдѣлаетъ смотръ моимъ войскамъ. Или вся польза войска въ томъ, что оно получаетъ жалованье? Позовите лучше звѣздочета: пусть онъ укажетъ счастливое время для выступленія въ походъ.“
Совѣтникъ сказалъ: „И всетаки не слѣдуетъ такъ бросаться въ походъ.“

65. «Только сумасшедшіе бросаются безъ разсужденія во враженскую страну: это значить бросаться въ объятія на остіе меча.»

Царь сказалъ: „Не старайся всячески сломить мой пылъ. Лучше расскажи, какъ долженъ идти на вражескую землю тотъ, кто жаждетъ побѣды.“ Коршунъ отвѣчалъ: „Я расскажу; но и это можетъ принести плоды, только если будетъ выполнено. Вѣдь сказано:

66. «Не нужно никакого совѣтника, если царь не исполняетъ того, что говоритъ наука: вѣдь недостаточно только знать лѣкарство, чтобы прекратить болѣзнь.»

Но царское приказаніе нельзя не исполнить, и я расскажу, какъ объ этомъ пишутъ. Послушайте, Ваше Величество!

67. «Въ трудныхъ мѣстахъ по рѣкамъ, по горамъ и лѣсамъ, гдѣ только есть опасность, тамъ воевода долженъ двигаться войскомъ, построеннымъ въ боевомъ порядкѣ.»

68. «Впереди долженъ идти младшій воевода, во главѣ отборнаго отряда; въ серединѣ долженъ находиться гаремъ, царь и казна, а также слабая часть войска.»

69. «По обѣимъ сторонамъ конница, рядомъ съ нею колесницы, рядомъ съ ними слоны и за слонами пѣхота.»

70. «Сзади долженъ ѣхать старшій воевода, усердно ободряя слабыхъ, вмѣстѣ съ совѣтниками и отрядомъ лучшихъ солдатъ.»

71. «На мѣстность неровную, болотистую и гористую слѣдуетъ входить со слонами; на ровную — съ конницей, и всюду — съ пѣхотой.»

72. «Выступленіе со слонами особенно хорошо въ дождливое время, въ другое время — съ конницей, а съ пѣхотой всегда хорошо.»

73. «Въ лагеряхъ и въ трудныхъ переходахъ слѣдуетъ устраивать особую охрану царя, который даже подъ охраной хорошихъ солдатъ долженъ спать чуткимъ сномъ.»
74. «За царемъ неотступно должна слѣдовать казна; безъ казны нѣтъ и царства; хорошимъ солдатамъ царь долженъ платить: всякій сражается за того, кто платитъ.»

Ибо

75. «человѣкъ — не рабъ человѣка, а рабъ царскихъ денегъ: богатству или бѣдности всегда соотвѣтствуетъ и большее или меньшее значеніе человѣка.»
76. «Сражаться слѣдуетъ, не разбивая силъ, и одна часть войска должна поддерживать другую; а всякую слабую часть войска слѣдуетъ помѣщать въ середину строя.»
77. «Пѣхоту царь долженъ строить впереди всего войска; осадивши врага, онъ долженъ остановиться лагеремъ и опустошать его страну.»
78. «На ровномъ мѣстѣ ведутъ бой колесницы и конница, въ болотистой мѣстности — лодки и слоны, на мѣстахъ, поросшихъ деревьями и кустарникомъ — стрѣлки, а на открытомъ мѣстѣ — мечъ со щитомъ.»
79. «Всегда слѣдуетъ уничтожать вражескіе луга, хлѣбъ, воду, топливо, осушать пруды и портить валы и рвы.»
80. «Изъ всего царскаго войска слоны — самая лучшая часть: извѣстно, что слонъ обладаетъ семью оружіями въ однихъ органахъ своего тѣла.»*)
81. «Такъ какъ важность лошадей для солдатъ заключается въ томъ, что онѣ представляютъ живой валъ**), то тотъ царь, у котораго больше конницы, побѣждаетъ въ сухопутномъ бою.»

Сказано также:

82. «Сражающіеся на лошадяхъ и для боговъ непобѣдимы: даже далекихъ враговъ легко настигаютъ всадники.»

*) Четыре ноги, пара бивней, хоботъ и лобъ.

**) Ср. стихъ 48.

83. «Дѣломъ пѣхоты считается первое вступленіе въ бой, охрана всего войска и расчистка дорогъ.»
84. «Лучшимъ войскомъ считается то, которое состоитъ преимущественно изъ испытанныхъ кшатріевъ*), прирожденныхъ героевъ, знающихъ науку битвы, преданныхъ и неутомимыхъ.»
85. «Даже за большія деньги, царь, нельзя купить того воинственнаго пыла, который внушаетъ человеку царская милость.»
86. «Лучше небольшое отборное войско, чѣмъ большое сборище бритыхъ головъ: пораженіе плохого войска неизбѣжно влечетъ за собою и пораженіе отборнаго.»
87. «Если царь непривѣтливъ, не живетъ вмѣстѣ съ войскомъ, задерживаетъ паекъ, безъ дѣла тянетъ время и не воздаетъ по заслугамъ, все это ведетъ къ охлажденію войска.»
88. «Кто хочетъ побѣдить, тотъ долженъ наступать войскомъ, не изнуряя его: войско, изнуренное долгимъ походомъ, только способствуетъ успѣху враговъ.»
89. «Въ привлеченіи на свою сторону враговъ нѣтъ лучшаго совѣтника, какъ наслѣдникъ вражескаго престола: поэтому нужно приложить всякое стараніе, чтобы поднять наслѣдника.»
90. «Слѣдуетъ вступить въ сношенія съ царевичемъ или съ главнымъ совѣтникомъ, вызвать междоусобіе, а самому тѣмъ временемъ храбро нападать.»
- 92.**) «Царь долженъ заселять свою страну, выводя народъ изъ вражеской земли или даря въ знакъ милости: заселенная страна даетъ доходъ.»“

Царь сказалъ: „Ахъ! Къ чему тутъ тратить много словъ?“

93. «Усилить себя и ослабить врага, — въ этихъ двухъ задачахъ заключается вся политика; зная это, умные люди на этихъ темахъ развиваютъ свое краснорѣчіе.»“

Онъ улыбнулся и прибавилъ: „Говорятъ и такъ, однако:

*) Кшатрій — лицо военной касты.

**) Текстъ 91. строфы испорченъ.

94. «Есть разница между необузданнымъ существованіемъ и жизнью по указаніямъ науки: вѣдь нельзя же одинаково цѣнить свѣтъ и тьму.»⁴

Тутъ царь всталъ и отправился въ походъ въ указанное звѣздочетомъ время.

Между тѣмъ посланный шпионъ вернулся къ царю Золотой Грудкѣ и сказалъ: „Ваше Величество! Царь Пестроцвѣтъ уже близко: сейчасъ онъ стоитъ лагеремъ на горахъ Малая. Нужно поскорѣе осмотрѣть крѣпость. Этотъ Коршунъ хорошій совѣтникъ: случайно въ дружеской бесѣдѣ я узналъ отъ него, что въ нашей крѣпости уже давно онъ содержитъ кого-то.“ Чирокъ сказалъ: „Ваше Величество! Это, должно быть, Воронъ.“ Царь возразилъ: „Никогда этого не можетъ быть. Если бы это было такъ, то зачѣмъ сталъ бы онъ такъ возмущаться противъ Попугая.“ Шпионъ сказалъ: „Тамъ война рѣшена только послѣ возвращенія Попугая; а онъ здѣсь уже давно“. Совѣтникъ сказалъ: „Все-таки чужака слѣдуетъ опасаться.“ Царь возразилъ: „И чужаки бываютъ полезные. Послушай:

95. «Иногда и чужой бываетъ добрымъ другомъ, а иногда и родственникъ — злымъ врагомъ: рожденная нашимъ тѣломъ болѣзнь — нашъ врагъ, а другъ нашъ — зелье изъ далекаго лѣса.»

И далѣе:

96. «У царя Шудраки былъ слуга, по имени Вирава: онъ вскорѣ по поступленіи на службу сына своего не пожалѣлъ ради царя.»⁵

Чирокъ спросилъ: „Какъ это такъ?“ и царь сталъ рассказывать.

„Однажды -- очень давно -- я былъ влюбленъ въ Карпураманджари, дочь фламинго Карпуракѣли. То было на прудѣ при дворѣ царя Шудраки. Пришелъ туда однажды откуда-то раджпуть^{*}), по имени Вирава, обратился къ стоявшему у дверей дворца привратнику и сказалъ: „Я раджпуть, ищу заработка: допусти меня до царя.“ Когда ему дана была аудіенція, онъ сказалъ: „Ваше Величество! Если Вамъ нужна моя служба, то возьмите меня на жалованье.“ Шудрака спросилъ: „А сколько же ты хочешь жалованья?“ Вирава отвѣчалъ: „Четыреста червонцевъ въ день.“ Царь

^{*}) Каста, занимающаяся военнымъ дѣломъ.

спросилъ: „А какое же твое вооруженіе?“ Вира́вара отвѣчалъ: „Двѣ руки, третій — мечъ.“ Царь сказалъ: „Нѣтъ, это не подходитъ.“ Услышавъ это, Вира́вара поклонился и ушелъ. Тогда совѣтники сказали: „Ваше Величество! Наймите его на четыре дня, чтобы узнать, какой въ немъ толкъ, стоитъ-ли онъ такихъ денегъ или не стоитъ.“ Послушавшись этого совѣта, царь призвалъ Вира́вару, далъ ему бетеля*) и четыреста червонцевъ и тайно велѣлъ разузнать, что онъ съ ними сдѣлаетъ. Оказалось, что половину ихъ онъ отдалъ въ даръ богамъ и брахманамъ, половину остатка роздалъ бѣднымъ, а остальное истратилъ на пищу и на удовольствія. Все это онъ считалъ долгомъ исполнять ежедневно, а послѣ того день и ночь съ мечемъ въ рукѣ охранялъ входъ въ царскій покой и домой къ себѣ отправлялся, только когда царь самъ отпускалъ его.

И вотъ на четвертую ночь царь услышалъ жалобный крикъ и сказалъ: „Кто тамъ у дверей?“ — „Я, Вира́вара, Ваше Величество!“ отвѣчалъ онъ. Царь сказалъ: „Пойди, узнай, что это за крикъ.“ — „Слушаюсъ, Ваше Величество!“ сказалъ Вира́вара и побѣжалъ. А царь подумалъ: „Нехорошо, что я послалъ раджпұта одного въ такую непроглядную тьму; пойду и я узнать, что тамъ случилось.“ Тогда и царь взялъ мечъ и слѣдомъ за нимъ вышелъ за городъ. А Вира́вара, идя на голосъ, наткнулся на молодую и красивую женщину, украшенную всякими драгоценностями, которая рыдала. Онъ спросилъ ее: „Кто ты такая и о чемъ плачешь?“ Женщина отвѣчала: „Я — богиня счастья царя Шудраки. Долго я отдыхала въ великой радости подъ его сѣнью, а теперь должна покинуть его.“ Вира́вара спросилъ: „А какъ сдѣлать, чтобы ты снова благоволила возвратиться?“ Богиня отвѣчала: „Если ты принесешь въ жертву Всеблагой Богинѣ**) своего сына, Шактйвару, у котораго на тѣлѣ тридцать два знака счастья, тогда я снова останусь здѣсь, и надолго.“ Съ этими словами она исчезла. Тогда Вира́вара отправился къ себѣ домой и разбудилъ жену и сына. Проснувшись, они сѣли, и Вира́вара рассказалъ имъ, что сказала ему богиня счастья. Услышавши это, Шактйвара обрадовался

*) Обычай жевать бетель и до сихъ поръ очень распространенъ въ Индіи.

**) Дурга, супруга Шивы.

и сказалъ: „Какъ я счастливъ, что могу послужить къ спасенію царства моего повелителя! Чего же медлить, папа? Вѣдь такъ рѣдко наше брѣнное тѣло можетъ пригодиться на такое благое дѣло.

97. «И деньгами, и жизнью разумный человѣкъ долженъ жертвовать ради другого: вѣдь и то, и другое неизбѣжно погибнетъ, такъ лучше отдать ихъ на доброе дѣло*»»

А мать Шактівары сказала: „Если этого не сдѣлать, то чѣмъ другимъ можно оправдать ту большую плату, которую мы получаемъ?“ Послѣ этой бесѣды всѣ отправились въ храмъ Всеблагой Богини. Принеся ей дары, Виравара сказалъ: „Богиня! Будь милостива! Да будетъ благополучіе великому царю, Шудракъ! Прими эту жертву!“ Съ этими словами онъ отрубилъ сыну голову. И подумалъ Виравара: „Ну, теперь я оправдалъ жалованье, которое получилъ отъ царя. Но безъ сына и мнѣ жить не стоитъ.“ Такъ онъ подумалъ и отрубилъ голову и себѣ. Послѣ этого зарѣзалась и жена въ тоскѣ по мужѣ и сынѣ. Царь, который все это видѣлъ и слышалъ, былъ такъ пораженъ, что подумалъ:

98. „Живутъ и умираютъ подобные мнѣ мелкіе людишки, а такого, какъ этотъ человѣкъ, не было на свѣтѣ и не будетъ.»

Къ чему же и мнѣ царствовать, если его уже нѣтъ.“ И Шудрака поднялъ уже мечъ, чтобы отсѣчь себѣ голову, но Всеблагая Богиня остановила царя и сказала: „Сынъ мой! Довольно убійствъ! Теперь твое царство будетъ непоколебимо.“ Царь палъ на землю и сказалъ: „Богиня! Не нужно мнѣ ни царства, ни жизни, а если ты милостива ко мнѣ, то отдай остатокъ моей жизни ему, его женѣ и сыну. А я сдѣлаю то, что хотѣлъ.“ Богиня отвѣчала: „Я вполне довольна твоимъ высокимъ благородствомъ и вниманіемъ къ слугѣ. Иди, будь побѣдоносенъ. И этотъ раджпутьъ съ семьею будетъ живъ.“ Тогда Виравара съ женою и сыномъ ушелъ обратно въ своей домъ, а царь незамѣченный ими, возвратился во дворецъ, легъ и заснулъ. Когда потомъ царь позвалъ Виравару, который снова стоялъ у дверей, тотъ сказалъ ему: „Ваше Величество! Это плакала женщина; увидѣвши меня, она исчезла въ темнотѣ, и больше ничего не ока-

*) Ср. I, 34.

залось.“ Услышалъ царь эти слова, обрадовался и подумалъ: „Какой похвалы достойно такое необыкновенное благо-родство.

99. «Не скупись на доброе слово; будь героемъ и не хвастайся; будь щедръ, но не съ тѣми, кто этого не стоитъ; будь смѣль, но безъ грубости.»

И всѣ эти признаки великаго человѣка есть въ немъ.“ На утро царь собралъ всѣхъ мудрецовъ, рассказалъ имъ все, что случилось, и въ знакъ милости къ Вираварѣ отдалъ ему Карнатское*) царство. Какъ же можно говорить, что всѣ пришлецы дурны. И среди нихъ бываютъ и хорошіе, и дурные, и средніе.“ Чирокъ сказалъ:

100. „Кто изъ угоды царю говоритъ, что слѣдуетъ сдѣлать то, чего дѣлать нельзя, тотъ негодный совѣтникъ: лучше разсердить царя, нежели дать ему погибнуть отъ ошибки.“

Послушайте, Ваше Величество!

101. «„И я достигну того, что дано другому за его подвижничество.“ Ослѣпленный такимъ заблужденіемъ цырульникъ, ожидавшій клада, убилъ монаха и былъ казненъ.“»

Царь спросилъ: „Какъ это такъ?“ и совѣтникъ сталъ рассказывать.

Въ городѣ Айодхѣ**) жилъ кшатрій, по имени Чудамани. Онъ очень желалъ богатства и жестокими истязаніями тѣла своего старался добиться милости Господа, котораго голову вмѣсто алмаза украшаетъ полумѣсяцъ. Когда онъ такимъ образомъ очистился отъ грѣховъ, то по милости Господа владыка якшовъ***) явился ему во снѣ и научилъ его: „Сегодня утромъ послѣ бритья возьми палку и спрячься за воротами своего дома. И когда ты увидишь вошедшаго къ тебѣ во дворъ монаха-нищаго, безжалостно бей его палкою, и онъ превратится въ горшокъ, полный золота, котораго тебѣ хватить волю на всю жизнь для счастливаго существованія.“ Кшатрій такъ и сдѣлалъ, и все исполнилось, какъ было сказано. Видѣлъ это цырульникъ, призванный

*) Карната — область въ южной части Декана.

**) Современный Аудъ.

***) Якшъ — низшее божество, царь якшовъ — Кубера, богъ богатства.

для бритья, и подумаль: „Аха! Такъ вотъ какъ клады добываютъ. Сдѣлаю-ка и я точно такъ же.“ И съ этого времени цырульникъ каждый день утромъ съ палкою въ рукѣ прятался за воротами и ждалъ прихода нишаго-монаха. Наконецъ, однажды онъ дождался монаха, сталъ бить его палкой и убилъ. За это преступленіе царскіе слуги до смерти забили цырульника палками. Поэтому я и говорю: «И я достигну того и т. д.»»

Царь сказалъ:

102. „Какимъ образомъ безконечными разсказами про старину можно рѣшить вопросъ, преданъ ли намъ челоувѣкъ безкорыстно или онъ нашъ вѣроломный предатель?“

Оставимъ это и будемъ дѣлать, что начали. Если Пестроцвѣтъ находится на горѣ Малаѣ, то что-же теперь надо намъ дѣлать?“ Совѣтникъ отвѣчалъ: „Ваше Величество! Я слышалъ отъ возвратившагося шпіона, что царь Пестроцвѣтъ не обращаетъ вниманія на совѣты своего главнаго совѣтника Коршуна. Такъ какъ онъ съ этой стороны является глупымъ, то его можно побѣдить. Вѣдь сказано:

103. «Врага корыстолюбиваго, жестокаго, вялаго, неправдиваго, безпечнаго, боязливаго, непостояннаго, глупаго и презирающаго своихъ солдатъ, говорятъ, легко побѣдить.»

Поэтому, пока не отрѣзанъ входъ въ нашу крѣпость, слѣдуетъ отдать приказъ Журавлю и другимъ воеводамъ, чтобы они нападали на его войска при переправахъ черезъ рѣки, на горахъ и въ лѣсахъ. Вѣдь извѣстно, что

104. «когда войско утомлено долгимъ походомъ черезъ рѣки, горы и лѣса; когда оно напугано ужаснымъ пожаромъ; когда оно измучено голодомъ и жаждою;

105. когда оно пьянствуетъ или занято обѣдомъ; когда его терзаютъ болѣзни и голодь; когда оно не выстроено и когда оно малочисленно; когда

106. оно измучено дождемъ и вѣтромъ и покрыто грязью, пескомъ и водою; когда оно раздѣлено на части или разсѣяно племенами грабителей; такое вражеское войско царь долженъ разбить.»

И далѣе:

107. «Когда солдатъ утомленъ безсонною ночью, проведенною въ ожиданіи нападенія, и засыпаетъ днемъ, тогда царь долженъ напасть на войско, погруженное въ сонъ.»

Пусть же идутъ воеводы и, смотря по обстоятельствамъ, ночью или днемъ нападаютъ на войско безпечнаго врага.“

Такъ и сдѣлали, и много погибло солдатъ и воеводъ у царя Пестроцвѣта. Въ горѣ обратился онъ къ своему совѣтнику Дальнозоркому: „Что это значить, дорогой мой? Мы ли съ тобою чего-нибудь не предусмотрѣли, или я въ чемъ-нибудь неправильно поступилъ?“

Вѣдь извѣстно:

108. «Не долженъ царь поступать какъ попало, думая: „Вѣдь я царь!“ Дурные поступки убиваютъ царское благополучіе, какъ старость самую чудную красоту.»

И далѣе:

109. «Счастья достигаетъ тотъ, кто дѣятеленъ, здоровья — тотъ, кто ѣстъ хорошую пищу; жизнерадостности — тотъ, кто здоровъ; совершеннаго знанія достигаетъ тотъ, кто прилеженъ; и тотъ, кто правильно поступаетъ, достигаетъ добродѣтели, богатства и славы.»“

Коршунъ отвѣчалъ: „Ваше Величество!“

110. «Царь, какъ бы ни былъ онъ несвѣдущъ, чья знающихъ старцевъ, при ихъ помощи пріобрѣтаетъ славу: такъ дерево становится тѣнистымъ, отъ близости воды*).»

И далѣе:

111. «Пьянство, женщина, охота, игра въ кости, мотовство, грубость на словахъ и жестокость въ наказаніяхъ — вотъ недостатки царей.»

И еще:

112. «Ни тотъ, кто увлекается однимъ удалствомъ, ни тотъ, кто весь свой умъ потратилъ на хитрости, не могутъ достигъ большого счастья: его дадутъ только разумъ и геройская смѣлость.»

Вотъ и ты, видя силу своего войска, увлекся удалствомъ и не только не обратилъ вниманія на совѣты, которые я да-

*) Ср. стихъ 10. этой же книги.

валъ, но даже грубое слово мнѣ сказалъ. Плодомъ этихъ неправильныхъ поступковъ и является то, что теперь случилось.

Такъ сказано:

113. «Кто, имѣя плохихъ совѣтниковъ, не дѣлаеть ошибокъ въ политикѣ? Кого не терзають болѣзни, если онъ питается плохой пищей? Кого не ослѣпляетъ счастье? Кого не убиваетъ смерть? Кого не мучать желанія, возбужденныя женщиной?»

И подумалъ я про тебя: „Нѣтъ въ немъ разума; иначе развѣ сталъ бы онъ указанія политической науки замѣнять своими желаніями.“ Вѣдь

114. «у кого нѣтъ собственнаго ума, тому и наука не поможетъ: что пользы въ зеркалѣ, коли глазъ нѣтъ?»

Поэтому я ужъ и говорить пересталъ. „Царь, сложивши руки горстью*), сказалъ: „Пусть это будетъ моя вина, другъ мой! Теперь помоги мнѣ совѣтомъ, какъ мнѣ собрать оставшіяся войска и возвратиться обратно къ горамъ Виндхья.“ Коршунъ подумалъ про себя: „Этому уже надо помѣшать; но

115. «Никогда не слѣдуетъ вызывать гнѣва боговъ, учителя, быковъ, царей, брахмановъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ.»“

И громко онъ сказалъ съ улыбкою: „Не бойтесь, Ваше Величество, успокойтесь и выслушайте:

116. «Умъ совѣтниковъ проявляется тогда, когда нужно поправить испорченное, умъ врачей —, когда нужно лѣчить тяжелую болѣзнь: когда все благополучно, не хитро быть мудрецомъ.»

И далѣе:

117. «Дураки затѣють пустякъ и засуетятся, а умные, и великое дѣло начиная, сохраняють спокойствіе.»

Нужно только мужественно сломить эту крѣпость, и черезъ короткое время я приведу тебя и войско обратно на горы Виндхья со славой и блескомъ.“ Царь спросилъ: „Какъ это возможно сдѣлать съ такимъ малымъ войскомъ?“ Коршунъ отвѣчалъ: „Все будетъ, Ваше Величество. А такъ-какъ тотъ, кто хочетъ побѣдить, для достиженія побѣды не-

*) Выраженіе почтенія и просьбы.

премѣнно долженъ дѣйствовать рѣшительно, то сегодня же нужно отрѣзать всѣ дороги къ крѣпости.“

Между тѣмъ пришелъ къ Золотой Грудкѣ Аистъ — шпионъ и сказалъ: „Ваше Величество! Силъ у него мало, а между тѣмъ по совѣту Коршуна, онъ наступаетъ и собирается отрѣзать дороги въ крѣпость.“ Фламинго спросилъ: „Что же теперь дѣлать?“ Чирокъ отвѣчалъ: „Надо въ собственныхъ войскахъ отдѣлить отборную часть отъ той, что поплеше, и, сообразуясь съ достоинствомъ каждой части, выдавать имъ и деньги, и одежду, и все прочее. Такъ сказано:

118. «Если царь копейки не даетъ на ненужное дѣло, какъ будто рѣчь идетъ о тысячахъ золотыхъ, а гдѣ нужно, не жалѣетъ и десятковъ милліоновъ, — такого царя не покидаетъ богиня счастья.»

И далѣе:

119. «Чрезмѣрной траты не можетъ быть въ слѣдующихъ восьми случаяхъ: на жертву, на свадьбу, въ несчастіи, на истребленіе враговъ, на дѣло приносящее славу, на пріобрѣтеніе друзей, на любимыхъ женщинъ и на бѣдныхъ родственниковъ.»

120. «Только дуракъ боится небольшой траты и губить изъ-за этого все: развѣ умный человекъ, не желая платить пошлину, броситъ свой товаръ?»“

Царь спросилъ: „Но чѣмъ же въ данномъ случаѣ оправдывается чрезмѣрная трата денегъ? Вѣдь такъ сказано:

121. «Береги деньги на черный день.“

А совѣтникъ возразилъ:

„Откуда же у счастливаго возьмется черный день?»“

Царь отвѣчалъ:

„Когда нибудь и счастье измѣнить.“

Совѣтникъ сказалъ:

„Такъ же могутъ погибнуть и скопленные деньги.“

И такъ не скупись и оказывай своимъ лучшимъ солдатамъ вниманіе и дарами, и почетомъ. Вѣдь извѣстно, что

122. «солдаты, знающіе другъ друга, довольные, готовые жертвовать жизнью, благородные и пользующіеся подобающимъ почетомъ, обыкновенно побѣждаютъ вражеское войско.»

123. «Какихъ-нибудь пятьсотъ хорошихъ солдатъ — героевъ, обладающихъ мужествомъ, сплоченныхъ рѣшительныхъ, легко сомнуть вражеское войско.»

Далѣе:

124. «Себялюбиваго челоуѣка, который не цѣнитъ людей, который суровъ и неблагодаренъ, покидаютъ даже лучшіе люди, даже жена. Что же говорить о другихъ?»

Ибо:

125. «Любовь къ правдѣ, геройское мужество и щедрость — вотъ добродѣтели царя: порицаютъ того царя, который лишенъ этихъ качествъ.»

Помощниковъ по крайней мѣрѣ непременно надо отличить. Такъ сказано:

126. «Кто преданъ тебѣ настолько, что дѣлится съ тобою и счастье и несчастье, тому безъ боязни ввѣряй и свою жизнь и свое богатство.»

Ибо:

127. «Тотъ царь, который слушается совѣтовъ плутовъ, женщинъ или мальчишекъ, попадаетъ въ водоворотъ ложной политики и тонетъ въ океанѣ обязанностей.»

Вотъ послушайте, Ваше Величество!

128. «Кто умѣетъ обуздывать и радость и гнѣвъ, кто умно распоряжается своею казною, кто никогда не допускаетъ пренебреженія къ слугамъ, тому земля даетъ богатство.»

129. «Тѣхъ, кто вмѣстѣ съ царемъ неизмѣнно дѣлать счастье и несчастье, такихъ помощниковъ царь никогда не долженъ оставлять въ пренебреженіи.»

Ибо:

130. «Когда царь, какъ слѣпой блуждаетъ по океану обязанностей, то доброжелательный совѣтникъ подаетъ ему руку помощи.»“

Въ это время къ царю подходитъ воронъ Черная Туча и съ поклономъ говоритъ: „Ваше Величество! Милостиво взгляните на меня. Врагъ стоитъ у воротъ крѣпости и жаждетъ боя. Прикажите, Ваше Величество, и я сдѣлаю вылазку и покажу ему свою силу. Тогда и я не останусь въ долгу передъ Вашимъ Величествомъ за Ваши милости ко мнѣ.“ Чирокъ сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, только безъ вы-

лазки: если сражаться въ открытомъ бою, тогда защита крѣпости теряетъ свое значеніе. И кромѣ того:

131. «Какъ опасный крокодилъ, выйдя изъ воды, становится безсильнымъ, такъ точно и левъ, выйдя изъ лѣсу, дѣлается не опаснѣе шакала.»

Вашему Величеству слѣдуетъ отправиться и посмотрѣть на битву. Ибо:

132. «Царь долженъ смотрѣть, какъ сражается его войско, вышедшее впередъ на битву: вѣдь и собака, чувствуя на себѣ взоръ хозяина, становится подобной льву.»

Между тѣмъ враги всѣ подошли къ воротамъ крѣпости и затѣяли жаркій бой.

На слѣдующее утро царь Пестроцвѣтъ сказалъ Коршуну: „Теперь, дорогой мой, пора тебѣ исполнять свое обѣщаніе.“ Коршунъ отвѣчалъ: „Послушай только:

133. «Недостаткомъ крѣпости считается, если она не выдерживаетъ достаточнаго времени, если она слишкомъ мала, если ея начальникъ глупъ или пороченъ, если она незащищена и если ея гарнизонъ трусливъ.»

Здѣсь этихъ недостатковъ нѣтъ. Между тѣмъ

134. «существуютъ четыре средства для взятія крѣпости: подкупъ, долгая блокада, штурмъ и отчаянная храбрость.»

И въ этомъ направленіи прилагается всякое стараніе.“ Тутъ онъ что-то пошепталъ царю на ухо.

Утромъ на слѣдующій день еще до восхода солнца, когда жаркій бой кипѣлъ у четырехъ воротъ крѣпости, вѣроны одновременно подожгли дома, находившіеся внутри крѣпости. Услышавши суматоху и крики „Взята, взята крѣпость!“ и увидѣвши занявшійся огонь, много солдатъ царя-фламинго и другихъ жителей крѣпости поспѣшно бросились въ озеро.

135. «Въ минуту опасности, не долго думая, нужно рѣшать, что лучше дѣлать: идти ли на встрѣчу опасности, бороться ли или бѣжать.»

А царя-фламинго, отъ природы медленнаго въ движеніяхъ, вмѣстѣ съ Журавлемъ окружилъ воевода царя Пестроцвѣта Пѣтухъ. Царь Золотая Грудка сказалъ: „Воевода Журавль, не губи себя, спасая меня: ты еще можешь уйти; ступай же въ воду. А сына моего, Чударатну, ты съ согласія Всезная про-

возгласишь царемъ послѣ моей смерти.“ Журавль отвѣчалъ: „Ваше Величество! Напрасно Вы говорите такую обидную рѣчь. Пока свѣтять солнце и луна, да здравствуетъ Его Величество! Я — начальникъ Вашей крѣпости, и прежде чѣмъ врагъ войдетъ въ нее, дорогу ему преградить мой трупъ и зальетъ моя кровь. И кромѣ того, Ваше Величество:

136. «трудно найти господина снисходительнаго, щедрого и цѣнящаго достоинства.»“

Царь возразилъ: „Это — такъ, однако

«знаю я, что трудно найти и слугу честнаго, умѣлаго и преданнаго.»“

Журавль сказалъ: „И вотъ еще что выслушайте, Ваше Величество:

137. «Если-бы только въ битвѣ была опасность умереть, то битвы слѣдовало бы избѣгать; но вѣдь смерть неизбежно грозитъ человѣку: къ чему же напрасно марать свою славу?»

И далѣе:

138. «Въ мѣрѣ этомъ, брэнномъ и непостоянномъ, какъ движеніе волнъ, гонимыхъ вѣтромъ, случается, что одинъ жертвуетъ жизнью для другого: въ этомъ сказывается результатъ добрыхъ дѣлъ прежняго существованія.»

А тебя, повелителя, всегда нужно охранять. Вѣдь

139. «повелитель, совѣтникъ, земля, крѣпость, казна, войско, союзникъ и цехи горожанъ — вотъ главныя составныя части государства.»

И среди нихъ самая важная составная часть есть царь.

140. «Подданные, лишенные господина, не имѣютъ жизни, какъ бы они ни были богаты: когда жизнь покинула тѣло, тогда врачу, будь то самъ Дханвантари*), уже нечего дѣлать.»

И далѣе:

141. «Когда царь закрываетъ глаза, закрываетъ глаза и весь мѣръ; точно также цвѣтокъ лотоса открывается лишь съ восходомъ солнца.»“

Тутъ Пѣтухъ наскочилъ на царя-фламинго и нанесъ ему ударъ когтями и клювомъ. Тогда Журавль быстро подбѣжалъ и заслонилъ царя своимъ тѣломъ. Не смотря на то,

*) Дханвантари — врачъ боговъ.

что пѣтухи изранили Журавля когтями и клювами, онъ все-таки защитилъ царя своимъ тѣломъ, успѣлъ столкнуть его въ воду и даже убилъ своимъ клювомъ Пѣтуха -- воеводу. Но вскорѣ и самъ Журавль палъ подъ ударами многочисленныхъ враговъ.

А царь Пестроцвѣтъ вошелъ въ крѣпость, отдалъ на разграбленіе все, что можно было въ ней разграбить, и возвратился въ столицу подъ звуки пѣсенъ, прославлявшихъ побѣду.

Царевичи сказали: „Во всемъ войскѣ Фламинго счастли-вѣе всѣхъ Журавль: онъ пожертвовалъ собою для спасенія царя. Къ нему подходитъ изреченіе:

142. «Всѣ коровы рожаютъ сыновей, имѣющихъ обычный видъ быковъ, и только рѣдкая корова родитъ такого быка-царя, котораго рога касаются плечъ.»“

Вишнушарманъ сказалъ:

143. „Тѣ герои, которые въ битвѣ сложили свои головы за царя, проникнутые къ нему благодарностью и любовью, такіе герои пойдутъ въ небеса.»

И далѣе:

144. «Гдѣ бы ни палъ герой, окруженный врагами, онъ получаетъ вѣчную жизнь, если только онъ не потеряетъ мужества.»

И вотъ еще мое желаніе:

145. «Пусть никогда не будетъ въ ваше царствованіе войны съ ея слонами, конницей и пѣхотой! Пусть враги ваши скрываются въ горныхъ ущельяхъ, побѣжденные оружіемъ вашей государственной мудрости!»“

Книга четвертая.

М и р ь.

Вишнушарманъ сказалъ: „Вотъ я рассказалъ вамъ про войну; теперь надо устраивать миръ. Разсказъ о немъ начинается слѣдующею строфою:

1. «Окончилась великая битва, и войска обоихъ царей были разстроены; тотчасъ при посредствѣ переговоровъ Коршуна и Чирка былъ заключенъ миръ.»“

Царевичи спросили: „Какъ это такъ?“ и Вишнушарманъ сталъ разсказывать.

Царь Фламинго спросилъ: „Кто это поджогъ нашу крѣпость? Врагъ это былъ, или кто-нибудь изъ жившихъ въ нашей крѣпости, подкупленный врагомъ.“ Чирокъ отвѣчалъ: „Ваше Величество! Тотъ Вашъ безкорыстно преданный другъ, воронъ Черная Туча, вмѣстѣ со своею свитою исчезъ отсюда. Думается мнѣ, что его это дѣло.“ Царь задумался на минуту и сказалъ: „Да, это-такъ. Такова моя несчастная судьба. Вѣдь такъ сказано:

2. «Не совѣтники, а судьба, конечно, виновата въ томъ, что хорошо начатое дѣло какъ-то порвалось.»“
- Совѣтникъ сказалъ: „А вотъ еще что сказано:
3. «Попалъ человѣкъ въ несчастное положеніе и бранить судьбу, а не видеть, глупый, своихъ собственныхъ промаховъ.»

И далѣе:

4. «Кто не исполняетъ совѣтовъ своихъ доброжелателей-друзей, тотъ погибаетъ, какъ глупая черепаха, сорвавшаяся съ палки.»“

Царь спросилъ: „Какъ это такъ?“ и тотъ сталъ разсказывать.

Въ области Магадхъ есть озеро по имени Распустившійся Лотосъ. На немъ долгое время жила пара гусей, и жили они въ дружбѣ съ одной черепахой. Пришли однажды туда рыбаки и поговорили между собою, что они переночуютъ на берегу, а на утро наловятъ рыбъ, черепахъ и другихъ водяныхъ животныхъ. Услышавши это, черепаха обратилась къ гусямъ: „Друзья мои, вы слышали разговоръ рыбаковъ? Что же мнѣ теперь дѣлать?“ Гуси сказали: „Сначала нужно знать въ чемъ дѣло, а потомъ уже, что нужно, то и сдѣлаемъ.“ Черепаха возразила: „Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя. Я уже видала здѣсь несчастія. Такъ сказано:

5. «Заранѣе-заботься и Въ-дѣлѣ-не-теряйся — эти оба благополучно спаслись, а Будь-что-будетъ погибь.»»

Гуси спросили: „Какъ это такъ?“ и черепаха стала разсказывать.

Однажды на это самое озеро такъ же, какъ теперь, пришли рыбаки, и три рыбы совѣщались по этому поводу. Одну рыбу звали Заранѣе-заботься, и она сказала: „Я уйду въ другія мѣста“ и съ этими словами уплыла въ другое озеро. Другая рыба, которую звали Въ-дѣлѣ-не-теряйся, сказала: „Пока ничего неизвѣстно, зачѣмъ и я стану что-нибудь дѣлать ради будущаго? Придетъ опасность, тогда и буду дѣйствовать подобно съ обстоятельствами. Такъ сказано:

6. «Кто справляется съ наступившей бѣдою, тотъ умный человекъ: жена купца на глазахъ у мужа выгородила своего любовника.»

Рыба Будь-что-будетъ спросила: „Какъ это такъ?“ и Въ-дѣлѣ-не-теряйся разсказала слѣдующее:

Въ Викрамапурѣ жилъ купецъ, по имени Самудрадатта. Жена его, Ратнапратха была въ любовной связи съ однимъ изъ слугъ. Вѣдь

7. «Нѣтъ никого, кого бы женщины не любили, и нѣтъ никого, кого бы онѣ любили: онѣ подобны коловамъ, которыя ищутъ въ лѣсу все новой и новой травы *).»

Вотъ однажды Ратнапратха поцѣловала этого слугу въ

*) Ср. I, 159.

губы, а Самудрадátта замѣтилъ это. Тогда распутница быстро подошла къ своему мужу и сказала: „Милый мой, этотъ работникъ очень скверно себя ведетъ: я сейчасъ сама убѣдилась, что у него изо рта пахнетъ хингу*.“ Въдь извѣстно, что

8. «женщины ѣдятъ вдвое, хитрости у нихъ — вчетверо, находчивости — вшестеро, а сладострастія въ восемь разъ больше, чѣмъ у мужчинъ**).»

Услышавши это и работникъ въ гнѣвѣ сказалъ: „Какъ возможно служить въ домѣ, гдѣ такіе порядки? Каждую минуту жена нюхаетъ ротъ***) работника.“ Съ этими словами онъ всталъ и побѣжалъ, и купецъ едва уговорилъ его остаться. Поэтому я и говорю: «Кто справляется съ наступившей бѣдою и т. д.» Тутъ Будь-что-будетъ сказалъ:

9. «Чему не бывать, тому не бывать, а чему быть, того не миновать. Отчего не пить этого бальзама, убивающаго ядъ заботъ †)?»

На утро Въ-дѣлѣ-не-теряйся попался въ сѣти, притворился мертвымъ, былъ выброшенъ изъ сѣти, и что было силъ, поплылъ въ глубину; а Будь-что-будетъ былъ пойманъ рыбаками и убитъ. Поэтому я и говорю: «Заранѣе-заботься и т. д.» Надо устроить такъ, чтобы мнѣ попасть въ другое озеро.“ Гуси сказали; „Что хорошаго, если ты поползешь по землѣ?“ Черепаха отвѣтила: „Надо придумать такое средство, чтобы я вмѣстѣ съ вами могла передвигаться по воздуху.“ Гуси спросили: „Какъ же это возможно?“ Черепаха отвѣчала: „Вы будете держать клювами кусокъ палки, а я ухвачусь за него ртомъ; тогда вы на крыльяхъ подымите и меня.“ Одинъ гусь сказалъ: „Это средство возможное, но

10. «разумный человѣкъ, придумывая средство, долженъ обдумать и его послѣдствія: фараоновы мыши на глазахъ у глупой цапли съѣли ея птенцовъ.»“

Черепаха спросила: „Какъ это такъ?“ и гусь сталъ рассказывать.

Въ Сѣверной Странѣ есть гора по имени Коршунова Вершина. Здѣсь на берегу рѣки Айравати на смоковницѣ жили цапли. А подъ тѣмъ же деревомъ въ норѣ жила змѣя, ко-

*) Хингу — пахучая приправа къ кушаньямъ.

**) Ср. II, 105.

***) Непереводимая игра словъ: слова „нюхаетъ ротъ“ имѣютъ по-санскритски также значеніе „цѣлуетъ въ губы.“ (mukham āghrāti).

†) Ср. I, 19.

торая поѣдала маленькихъ птенцовъ цапель. Одна цапля услышала жалобы своихъ несчастныхъ подругъ и сказала имъ: „Сдѣлайте вотъ какъ: наловите рыбъ и положите ихъ по одной въ рядъ отъ норы фараоновыхъ мышей до самой змѣиной норки. Тогда фараоновы мыши, падкія до такой пищи, придутъ сюда и, увидѣвъ змѣю, по природной своей враждѣ къ ней убьютъ ее. Какъ сказала цапля, такъ все и вышло. Но фараоновы мыши услышали на деревѣ крикъ цаплиннхъ птенцовъ и съѣли также и ихъ. Поэтому я и говорю: «Разумный человекъ, придумывая средство, и т. д.» Когда мы тебя понесемъ, люди, увидѣвши тебя, будутъ, что-нибудь говорить, и если ты, услышавши ихъ слова, отвѣтишь на нихъ, тогда ты погибла. Такъ что во всякомъ случаѣ лучше тутъ оставаться.» Черепаха возразила: „Что, развѣ я дура? Конечно, я не буду ничего говорить.“ Когда гуси сдѣлали такъ, какъ просила черепаха, то пастухи коровъ, увидѣвши летящую черепаху, побѣжали съ криками за нею. Одинъ кричалъ: „Тутъ же мы изжаримъ и съѣдимъ черепаху!“ А другой: „Нѣтъ, домой ее отнесемъ!“ Услышавши такія обидныя слова, черепаха въ гнѣвѣ забыла, какъ ее раньше учили, и закричала: „Чтобъ вамъ золой подавиться!“ Но тутъ она упала и была убита пастухами. Поэтому я и говорю: «Кто не исполняетъ совѣтовъ и т. д.»“

Тутъ Аистъ, бывший шпиономъ, вошелъ и сказалъ: „Ваше Величество! Я давно уже говорилъ, что каждую минуту слѣдуетъ производить осмотръ крѣпости; а вы этого не сдѣлали. Плодомъ этой небрежности и является теперешнее несчастіе. Вѣдь крѣпость-то, Ваше Величество, поджогъ Воронъ Черная Туча по наущенію Коршуна.“ Царь вздохнулъ и сказалъ:

11. „Въ комъ поклонъ или подарокъ врага возбуждаетъ довѣріе, тотъ, какъ заснувшій на деревѣ, просыпается, упавши на землю.““

Шпионъ продолжалъ: „Когда Черная Туча поджогъ крѣпость и пришелъ отсюда къ Пестроцвѣту, то Пестроцвѣтъ обрадовался и сказалъ: „Этого ворона Черную Тучу надо сдѣлать царемъ Камфарнаго Острова. Вѣдь такъ сказано:

12. «Дѣло, которое сдѣлалъ слуга, исполняя свою обязанность, не должно пропасть даромъ: господинъ долженъ порадовать слугу наградою, благодарностью, привѣтливою рѣчью и взглядомъ.»“

Einige Forscher vertreten allerdings auch jetzt noch die Meinung, dass hier gar keine Verwechslung vorliege, sondern dass jener Herodes, der als erster Mann der Herodias genannt wird, gleichfalls den Namen Philippus getragen habe.¹⁾ Wenn sie damit im Recht sein sollten, würde die Angabe des Markus über die genannte Ehe mit der des Josephus (Antiqu.) völlig übereinstimmen. Gegen diese Annahme sind gewichtige Gründe geltend gemacht worden, und die weitaus überwiegende Mehrzahl der Forscher aller Richtungen hält daran fest, dass doch ein Irrtum vorliegt.

Dass ein solcher Irrtum bei Josephus Slav. zu konstatieren ist, kann überhaupt nicht bezweifelt werden. Denn hier wird Herodias ausdrücklich als die Gemahlin des Philippus bezeichnet, dessen Herrschaft nach seinem Tode Agrippa übergeben wurde. Das letztere ist eine Angabe, die auch Josephus macht (Ant. XVIII, 6, 10; b. j. II, 9, 6), und zwar bezüglich eben des Philippus, den er als Gemahl der Salome bezeichnet. Der Bericht des Slaven lässt also mit unzweideutiger Klarheit erkennen, dass eine Tradition bestanden hat, die Philippus als den ersten Gemahl der Herodias bezeichnete. Und liegt hier dieser Irrtum vor, so kann auch Markus zu diesem Irrtum gelangt sein, mögen die beiden Berichte nun von einander abhängig oder unabhängig sein. Denn dass der Verfasser der Vorlage des Slaven jedenfalls nicht zu seinem Irrtum durch ein Missverständnis der Markusangabe gelangt ist, erhellt daraus, dass er über die erste Ehe der Herodias noch die weitere Angabe macht, dass aus dieser Ehe vier Kinder entsprossen seien. Da Markus keine derartige Notiz hat, so kann Josephus Slav. seine Notiz nicht von ihm haben, sondern muss auf eine andere Quelle zurückgehen.

Dass die erste Ehe der Herodias nicht kinderlos gewesen war, weiss auch Markus, aber er redet nur von einem Kinde, einer Tochter, was wieder mit Jos. Ant. XVIII, 5, 4 übereinstimmt, wo diese einzige Tochter der Herodias Salome genannt wird.

Gerade dadurch, dass diese erste Ehe der Herodias nicht kinderlos geblieben war, wurde die Ehe des Herodes Antipas mit ihr zu einer illegalen, weil es eine Heirat in verbotenen Grade war (Lev. 18, 16, 20, 21), denn die Ehe mit der eigenen

1) z. B. Kübel, Nösgen. Vgl. auch die Notiz bei Berendts a. a. O. S. 34, Anm. 1.

Schwägerin war nur in dem einen Falle zulässig, wenn deren erste Ehe kinderlos geblieben war (Dt. 25, 5).¹⁾

Dennoch fällt bei Markus kein Ton auf dieses Moment. Dass die erste Ehe der Herodias nicht kinderlos geblieben war, erfahren wir nur beiläufig daraus, dass nachher die Tochter der Herodias auftritt. Es ist daher durchaus zu verstehen, dass fast alle Ausleger aus den Worten des Täufers nur den Vorwurf des Ehebruchs herauslesen. Bei Josephus Slav. dagegen fällt in der Strafredede des Täufers aller Nachdruck darauf, dass die Heirat des Herodes Antipas eine Heirat in verbotenem Grade war, die auch in Dt. 25, 5 keine Entschuldigung findet. Das Wort „Ehebruch“, das hier steht (III, 6), ist also nicht in dem eigentlichen Sinne der Schädigung einer fremden Ehe zu nehmen, was schon deshalb nicht zutrifft, weil Philippus ja tot war, sondern in dem weiteren Sinne der Übertretung der Eheordnungen des Gesetzes.

Die Erzählungen bei Markus und Josephus Slav. ruhen also auf durchaus verschiedenen Voraussetzungen. Wenn die Ausleger der Evangelien von einem doppelten Ehebruch reden, so hat ihnen, wie Merx²⁾ sagt, „ihr christlich geschultes Bewusstsein einen Possen gespielt“. Dennoch, glaube ich, haben sie den Markus nicht so ganz missverstanden, da auch schon seine Darstellung unter dem Einfluss solch „christlich geschulten Bewusstseins“ steht. Da sein Evangelium nicht ausschliesslich für judenchristliche, mit den Details der jüdischen Ehegesetzgebung vertraute Leser berechnet war, so hätte Markus, wenn ihm der eigentliche Grund der Illegalität jener Ehe bewusst gewesen wäre, diesen nicht verschweigen und die Tat des Herodes nicht zu einem „Ehebruch“ stempeln dürfen. Seine Ausdrucksweise ist durchaus eine „christliche“, und seine heidenchristlichen Leser konnten nichts anderes herauslesen, als dass es ein „Ehebruch“ im eigentlichen Sinne des Wortes gewesen sei, was ja bis heute selbst die Ausleger herauslesen, denen die erwähnte, allein in Frage kommende Bestimmung des jüdischen Rechts bewusst ist.³⁾

1) Vgl. bes. Merx, Die vier kanonischen Evangelien nach ihrem ältesten bekannten Texte. II, I, 1902, S. 226.

2) A. a. O.

3) Vgl. z. B. H o l t z m a n n, Handkomm. ¹⁹⁰¹, I, S. 77; Z a h n, Das Evangelium des Matthäus, ¹⁹⁰⁵, S. 504, Anm. 77.

Der Bericht des Josephus Slav. steht dagegen durchaus auf jüdischem Boden und ist an dem jüdischen Eherecht orientiert. Auf derselben Linie liegt auch die Verkündigung des Strafgerichts Gottes, das Herodes für seine Gesetzesübertretung treffen soll. Mag auch die nähere Formulierung: „Gott wird dich umbringen durch böse Trübsal in fremden Landen“ ein vaticinium ex eventu sein, so entspricht sie doch durchaus Lev. 18, 29, wo dem, der solche Greuel tut (vgl. v. 24), Ausrottung aus dem Volk angedroht wird. Es kann sein, dass der Berichterstatter sogar direkt in dem Geschehisse des Herodes (er starb in der Verbannung zu Lyon) eine Erfüllung dieser Strafordrohung des Gesetzes erblickt hat.

Wenn man also angesichts der Übereinstimmungen auch zugeben wollte, dass der Bericht des Josephus Slav. von Markus abhängig sein und eine Ausdeutung der kurzen Angabe desselben darstellen könne, so wird man dennoch selbst dann feststellen müssen, dass diese Ausdeutung nicht von einem Christen, sondern nur von einem Juden hergestellt sein kann. Denn es liegt betreffs des Hauptpunktes eben nicht nur eine Ausdeutung, sondern eine wesentliche Korrektur des Markusberichtes vor, die vorzunehmen nur der ein Interesse hatte, dem die Tat des Herodes nicht als Sünde im Sinne von Mt. 5, 32, sondern als Übertretung der mosaischen Ehesatzung verbrecherisch und strafällig erschien.

Eine Bestätigung dieses Resultates bietet die Notiz III, 2, dass alle „Gesetzeskundigen“ um dieser Eheschliessung willen Herodes verabscheut hätten.

Dass Herodes sich das Missfallen der Vertreter des Gesetzes zugezogen habe, berichten die Evangelien nicht, es würde nach dem oben über die Anschauung des Markus Hervorgehobenen auch schlecht zu ihrer Darstellung passen. Somit boten die Evangelien auch keinen Anlass für einen Benutzer derselben, hier diese Notiz einzufügen. Da die „Gesetzeskundigen“ auch in der weiteren Erzählung des Slaven keine Rolle spielen, so erscheinen sie hier nur als Gegensatz zum Täufer eingeführt. Das macht es wohl verständlich, warum hervorgehoben wird, dass sie nicht den Mut gehabt hätten Herodes zu rügen, aber noch nicht, warum von ihnen eine so harte Beurteilung des Herodes ausgesagt wird. Zur Betonung des Gegensatzes hätte die Aussage: „Die Gesetzeskundigen wagten nicht etc“ voll auf genügt.

Bei einem Christen als Verfasser ist die Betonung dessen, dass die Gesetzeskundigen in der Ehe des Herodes etwas geradezu Verabscheuungswürdiges erblickten, schon deshalb nicht verständlich, weil nach seiner eigenen Darstellung (II, 7) diese Ehe ja nicht einmal einen Ehebruch im Sinne von Mt. 5, 32 involvierte. Einem Christen späterer Zeit konnte eine Übertretung nur der mosaischen Ehesatzung bezüglich irgend welcher Eehindernisse (III, 6) nicht als eine so verabscheuungswürdige Tat erscheinen, dass er dem einen so starken Ausdruck gegeben hätte, selbst wenn er sich vergegenwärtigte, dass er von jüdischen Gesetzeskundigen redete. Diese Ausdrucksweise ist nur begreiflich bei einem Schriftsteller, der selbst die Tat des Herodes als etwas so Verabscheuungswürdiges empfand, dass er auch eine solche Ehe nur als „Ehebruch“ bezeichnen konnte (III, 6) und als selbstverständlich Abscheu darüber auch und erst recht bei den „Gesetzeskundigen“ voraussetzen musste.

Dem entspricht es auch, dass er den Täufer nicht nur in härtester Weise seinen Vorwurf erheben, sondern auch gleich selbst Herodes die Entschuldigung der Leviratehe abschneiden lässt. An diese überhaupt zu denken, bieten die Evangelien keinen Anlass, und ohne solchen Anlass dürfte ein Christ kaum darauf gekommen sein, auf eine solche anzuspieren.

Der jüdische Standpunkt des Verfassers ist hier so unverkennbar, dass es im höchsten Grade unwahrscheinlich erscheint, dass ein Christ der späteren Zeit verstanden haben sollte, in so meisterhafter Weise seiner Erzählung dieses Kolorit zu verleihen.

Dass in der Tat die vorliegende Erzählung nicht auf Grund der kanonischen Evangelien komponiert worden ist, ergibt auch eine nähere Prüfung derjenigen Notizen, die sich mit der evangelischen Erzählung näher berühren.

Das Verhalten des Herodes gegen den Täufer.

Während die Evangelien (Mk. und Mt.) durch eine ausführliche Erzählung erklären, wie es zu der Hinrichtung des Täufers gekommen ist, bietet der slavische Bericht nur einige kurze Notizen, die sich nur schwer mit jener Erzählung in Einklang bringen lassen. Allerdings darauf, „dass Jos. Slav. von der eigentlichen Veranlassung der Tötung (des Täufers), dem

Tanz und der Bitte der Salome, kein Wort sagt“ und somit grade „das Charakteristische“ ausgelassen hätte,¹⁾ ist kein besonderes Gewicht zu legen, denn zu dieser Auslassung könnten ihn ganz bestimmte Gründe bewogen haben. Viel wichtiger ist, dass er neben dieser „Auslassung“ dazu gekommen sein müsste, sich in andern Punkten in direkten Widerspruch zu den Evangelien zu setzen, ein Widerspruch, der so stark ist, dass er überhaupt nicht mehr nur als eine Folge der „Auslassung“ geschätzt werden kann, zumal er keineswegs nur durch diese bedingt erscheint.

Nach dem Josephusbericht erregt der Vorwurf des Täufers den Zorn des Herodes. Aber während die Evangelien nun erzählen, dass Herodes grade um dieses Vorwurfes willen den Täufer ins Gefängnis geworfen habe, weiss der slavische Josephus davon nichts. Im Gegenteil, Herodes lässt den Täufer nur züchtigen und davonjagen. Erst dass der Täufer fortgesetzt, unaufhörlich Herodes mit seinen Bezichtigungen beunruhigt, bringt es dazu, dass Herodes ihn endlich kurzweg niederzuhauen befiehlt.

Dieser ganzen Erzählung liegt die Vorstellung zu Grunde, dass Herodes von Anfang an vom Zorn gegen den Täufer erfüllt gewesen sei, bis endlich dieser Zorn, durch den Täufer immer wieder aufs neue gereizt, den Mordbefehl geben lässt. So handelt der rohe Tyrann, der auf niemand und nichts Rücksicht nimmt, als nur auf das, was ihm selbst gefällig ist.

Nach den Evangelien dagegen ist der Täufer wegen seines kühnen Tadels gefangen gesetzt (Mk. 6, 17 f., Mt. 14, 3 f., Lk. 3, 19 f.), aber obgleich Herodes durchaus geneigt erscheint, sich des lästigen Mahners durch Tötung völlig zu entledigen (Mt. 14, 5; nach Mk. 6, 19 ist es Herodias), so wagt er es doch nicht, einen solchen Befehl zu geben. In der Angabe des Grundes weichen Markus und Matthäus von einander ab (Lukas hat einen parallelen Bericht überhaupt nicht). Nach Markus ist es bei Herodes Furcht vor dem Täufer selbst, genauer Furcht davor, dass es ihm Unglück bringen werde, wenn er den Täufer, den er selbst als einen *ἀνὴρ δίκαιος καὶ ἅγιος* anerkennen muss, zu töten wage. Nach Matthäus ist es Furcht vor dem Volke, dass dieses durch eine Tötung des volkstümlichen Propheten zu

1) Berendts a. a. O. S. 35.

Gewaltmassregeln getrieben würde. Durch beide Angaben aber soll klargestellt werden, dass, wenn nun im Folgenden doch von einer Tötung des Täufers erzählt wird, nicht Herodes als der eigentliche Schuldige zu stehen komme, sondern die, die ihn mit List zu solcher Tat getrieben.

Dass der Verfasser des Josephusberichtes aus irgend welchen Gründen diese ganze Erzählung, wie es zu der Tötung des Täufers gekommen ist, bewusstermassen ausgelassen und sie durch eine nur kurze Notiz ersetzt habe, ist dadurch ausgeschlossen, dass er sie eben nicht nur ausgelassen und sich auf eine Notiz beschränkt hat, die in aller Kürze nur die Haupttatsache angibt, sondern dass er eine ganz anders geartete Erzählung an die Stelle gesetzt hat.

Freilich, auf den Umstand ist kein Gewicht zu legen, dass nach den Evangelien der Vorwurf des Täufers sofort zu einer Gefangennahme führt, nach Josephus Slav. erst in weiterer Folge. Denn auch nach den Evangelien ist nicht deutlich, dass die Gefangennahme sofort, unmittelbar nachdem der Täufer seinen Tadel verlaublich hatte, erfolgt sei. Das Imperfektum *ἔλεγεν* (Mk. 6, 18. Mt. 14, 4), bezw. das Partizipium *ἐλεγχόμενος* (Lk. 3, 19) kann von einem wiederholten, im Laufe längerer Zeit mehrfach verlaublichen Tadel des Täufers verstanden werden, was sich also mit der Josephusnotiz („er bezichtigte unaufhörlich“) decken würde. Auch dass der Josephusbericht nichts von einer vorgängigen Gefangenschaft des Täufers erzählt, soll nicht betont werden, denn diese könnte man immerhin in den Worten „bis er ihm Gewalt tat und“ angedeutet finden, wenngleich es näherliegend, ja kaum anders verständlich ist, als dass das Antun der Gewalt grade in dem Niederhauen bestanden habe.

Aber wo hat der Verfasser des Josephusberichts die Angabe von der Züchtigung des Täufers (III, 7) her? Die Evangelien bieten nicht den geringsten Anhaltspunkt zu dieser Annahme, ja, sie schliessen eine solche durch ihre geflissentliche Entschuldigung des Herodes direkt aus. Nach Josephus ist der zornwütige Tyrann Herodes der einzige und alleinige, durch nichts zu entschuldigende Urheber der Hinrichtung des Täufers. Nach den Evangelien fällt alle Schuld auf Herodias. Herodes, der eine solche Tat scheut, der vielmehr nach Markus den Täufer sogar vor den Nachstellungen der Herodias zu schützen bestrebt ist (*συνετήρει αὐτόν* 6, 20) und gerne den Worten des Mannes zuhört (ebd.), lässt sich nur mit Widerstreben den

Befehl zur Tötung ablisten und erscheint dadurch betrübt (περίλυτος γενόμενος Mk. 6, 26, λυπηθείς Mt. 14, 9). Durch die Josephusnotiz ist die ganze Pointe der Erzählung in ihr Gegenteil verkehrt.

Das könnte nur mit voller Absichtlichkeit geschehen sein. Und wem sollen wir die zutrauen? Einem späteren Christen vielleicht? Aber welches Interesse sollte der daran gehabt haben, Herodias zu entlasten und die ganze Schuld geflissentlich Herodes zuzuschieben? Etwa weil derselbe Herodes Antipas nach Lukas (23, 6—16) später in der Leidensgeschichte Jesu eine so fragwürdige Rolle gespielt hat? Aber diese Erzählung stimmt, was die Charakterisierung des Herodes anlangt, grade mit den Markusnotizen 6, 20 gut überein. Und die Hauptsache ist ja nicht die, dass für ein christliches Bewusstsein Herodes durch die gemachten Angaben belastet, sondern dass Herodias entlastet wird, denn diese ist in der Markus-Matthäuserzählung die Hauptperson. Und durch die Streichung oder Auslassung dieser Erzählung wurde jedem, der sie aus den Evangelien kannte, vor allem nur der Eindruck erweckt, dass nicht Herodias die Schuldige gewesen sei. So führt uns auch dieser Umstand wieder zu dem Schlusse, dass der Verfasser die evangelische Erzählung eben nicht gekannt und als Quelle benutzt hat, sondern unabhängig von ihr zu seiner Darstellung gelangt ist.

Der Bericht des slavischen Josephus steht aber auch in völligem Widerspruch zu der Erzählung, die Josephus Antiqu. XVIII, 5, 2 bietet. Hier wird die Ehe des Herodes überhaupt nicht als eine gesetzwidrige bezeichnet, auch nicht irgend ein persönlicher Konflikt zwischen Herodes und dem Täufer angedeutet, sondern die Tötung des Täufers erfolgt ausschliesslich aus politischen Gründen. Weil Herodes wahrnahm, welchen grossen Zulauf der Täufer fand und welchen bestimmenden Einfluss er auf das Volk hatte, befürchtete er, dass die Überredungsgabe dieses Mannes (τὸ πιθανόν) das Volk zu einem Aufbruch treiben könnte, und um dem vorzubeugen, liess er ihn durch Hinrichtung rechtzeitig (πρὶν τι νεώτερον ἐξ αὐτοῦ γενέσθαι) beseitigen. Die Gefangenschaft des Täufers wird ausdrücklich durch diesen Verdacht (ὄποψία) des Herodes motiviert.

Zu diesem Widerspruch zwischen den beiden Josephusrelationen bemerkt Berendts¹⁾: „Sollte nicht auch hierbei die

1) A. a. O. S. 36.

Rücksicht auf das griechisch-römische Publikum massgebend gewesen sein, das die aus dem Mosaischen Gesetz hervorgehenden Conflictte nicht mitzuempfinden vermochte?“ -- Unmöglich erscheint das ja freilich nicht, aber dennoch glaube ich Josephus eine solche Massnahme an dieser Stelle nicht zutrauen zu können. Es ist nämlich der Zusammenhang zu beachten, in dem in den Antiquitäten die erwähnte Erzählung vom Tode des Täufers steht. Im Vorhergehenden ist ausführlich grade von dem Plane des Herodes, seine Gemahlin, die Tochter des Araberkönigs Aretas, zu verstossen und Herodias zu heiraten, geredet. Es wird dabei berichtet, dass die Aretastochter zu ihrem Vater geflüchtet sei, der aus Rache Herodes mit Krieg überzogen habe. Die Entscheidungsschlacht fiel für Herodes ungünstig aus, weil ein Teil seines Heeres zum Feinde überging. Und dann heisst es wörtlich: „Τισὶ δὲ τῶν Ἰουδαίων ἐδόκει ὀλωλέναι τὸν Ἡρώδου στρατὸν ὑπὸ τοῦ θεοῦ καὶ μάλα δικαίως τινυμένου κατὰ ποινὴν Ἰωάννου.“

Es ist zu beachten, dass Josephus 1) hier den Tod des Täufers und die ehebrecherischen Pläne des Herodes doch neben einander erwähnt, sie aber nicht in einen Zusammenhang bringt, und dass er 2) ausdrücklich die Erwähnung der Tötung des Täufers an dieser Stelle durch den Hinweis auf die Meinung „einiger Juden“ motiviert. Er gibt damit zu erkennen, dass es seine Ansicht nicht ist, dass zwischen jenen Ereignissen ein innerer Zusammenhang bestanden habe, dass vielmehr jene Meinung der Juden nur durch die zufällige zeitliche Nähe des Todes des Täufers und der Niederlage des Herodes veranlasst worden sei.

Wenn Josephus hier schon überhaupt den Tod des Täufers im Zusammenhang seiner Erzählung von den Ehegeschichten des Herodes erwähnt, und wenn er weiter diese Erwähnung mit dem Hinweis auf die Meinung anderer und zwar „einiger Juden“ motiviert, so hätte auch seine Rücksicht auf sein griechisch-römisches Leserpublikum ihn nicht abzuhalten gebraucht, die Meinung der Juden auch dahin anzugeben, dass die Tötung des Täufers eben durch einen Tadel jener Ehegeschichten des Herodes veranlasst worden sei. Setzt er nun hier an Stelle dessen eine ganz andere Notiz hin, so gibt er damit zu erkennen, dass eben nicht solche „Rücksicht“ ihn dazu veranlasst hat, sondern einfaches Nichtwissen.

Damit ist zugleich gegeben, dass die beiden Josephusrelationen, trotz der Übereinstimmung, dass nach beiden (im

Gegensatz zu den Evangelien) allein Herodes an dem Tode des Täufers die Schuld trägt, nicht von ein und demselben Verfasser herrühren können. Der Autor der im slavischen Text des jüdischen Krieges erhaltenen Relation kannte die Geschichte anders als der Autor der griechischen Antiquitäten.

Die Quellen der verschiedenen Berichte über das Ende des Täufers.

Mit seiner Angabe, dass es die Meinung „einiger Juden“ gewesen sei, weist uns Josephus selbst den Weg. Die Verbindung der genannten Ereignisse in der Meinung „einiger“ beweist, dass die zeitliche Nähe der Ereignisse Veranlassung gegeben hatte, sie zu einander in Beziehung zu setzen, dass das aber keineswegs überall geschehen war. Der Berichtersteller selbst, Josephus, hat nur gelegentlich von solchen Urteilen gehört, und sie erscheinen ihm nur bemerkenswert, weil sie die ihm interessante Persönlichkeit des Täufers betreffen. Und als die Meinung dieser „einigen“ führt er an, dass die Niederlage des Herodes eine Strafe für die Tötung des Täufers gewesen sei, nicht aber, dass die Tötung des Täufers auch zu den Ehegeschichten des Herodes, welche diese Niederlage nach sich gezogen hatten, in einer Beziehung gestanden habe.

Die Berichte der Evangelien lassen erkennen, dass man auch in anderer Weise über den Zusammenhang der in Rede stehenden Ereignisse geurteilt hat. Es sind also über diese Dinge verschiedene Erzählungen im Umlauf gewesen, die, mehrfach sich berührend und schneidend, doch wieder in manchen Stücken von einander abwichen, je nachdem, worauf sich vorzugsweise das Interesse richtete.

Die beiden Josephusrelationen und die Berichte der Evangelien über diese Stücke erscheinen somit als Niederschläge verschieden gefärbter Volkstraditionen.

Diese Erkenntnis, dass wir uns hier auf dem Boden volkstümlicher Tradition befinden, wird direkt bestätigt durch eine Prüfung des Charakters der einzelnen Erzählungsformen.

Die Antiquitätenerzählung wird, wie erwähnt, von ihrem Verfasser selbst, soweit sie sich auf den Täufer bezieht, als auf der Meinung einzelner ruhend bezeichnet. Von sich aus gibt der Historiker nur an, dass Herodes den Täufer aus politischer

Besorgnis habe töten lassen. Inwieweit diese Angabe auf guter historischer Kenntnis ruht, bleibt zunächst dahingestellt. Ist aber sein Bericht, wie einige vermuten, von späterer christlicher Hand interpoliert, so lässt die Abweichung von den Angaben der Evangelien erkennen, dass der Verfasser der Interpolation seine Darstellung nicht aus den Evangelien geschöpft hat, sondern auf irgendwelchen ausserkanonischen Traditionen fusst.

Was sodann die Berichte der Evangelien über den Tod des Täufers anlangt, so tragen auch sie Merkmale an sich, dass sie auf volkstümlichen Traditionen ruhen.

Schon allein das eigentümliche Verhältnis von Übereinstimmung und Abweichung, in dem an dieser Stelle Matthäus und Markus stehen, während Lukas die ganze Erzählung mit einer kurzen Notiz übergeht, beweist, dass den beiden ersten Evangelisten ein in mancher Beziehung nicht übereinstimmendes Quellenmaterial zur Verfügung gestanden hat. Matthäus erzählt den ganzen Hergang, die Gefangennahme des Täufers, den Tanz der Salome am Geburtsfest des Herodes, die Hinrichtung des Täufers auf Grund des Versprechens des Herodes, viel kürzer als Markus, aber doch in allen wesentlichen Stücken mit ihm übereinstimmend. Ja, stellenweise stimmt er mit Markus bis auf den griechischen Wortlaut überein (vgl. Mt. 14, 4. 6. 8. 9. 11 mit Mk. 6, 18. 21. 24. 26. 28), was um so auffallender ist, als diese Übereinstimmungen von bemerkenswerten Abweichungen (innerhalb derselben Sätze) umrahmt werden. Dass er hier einer anderen Quelle gefolgt ist, aber doch auch den Markus gekannt und benutzt hat, wird bewiesen durch den Umstand, dass er an einer Stelle in besonders bezeichnender Weise von Markus abweicht, dennoch in der Folge im Anschluss an Markus sich in gewissen Widerspruch zu sich selbst setzt.

Markus hebt nämlich ausdrücklich hervor, wodurch auch seine ganze weitere Erzählung gut motiviert erscheint, dass Herodias es gewesen sei, die den Täufer töten wollte (ἤθελεν αὐτὸν ἀποκτεῖναι), Herodes dagegen ihn vor den Anschlägen der Herodias zu schützen bestrebt war (6, 19 f.). Matthäus braucht dagegen von Herodes selbst die bis auf die Verbalform gleichlautenden Worte: θέλων αὐτὸν ἀποκτεῖναι (14, 5). Nichtsdestoweniger lässt Matthäus Herodes betrübt darüber sein, als er in der Folge doch genötigt ist, den Hinrichtungsbefehl zu geben (v 9). Dass das λυπηθεὶς an dieser Stelle im gleichen

Sinne zu nehmen ist, wie des Markus paralleles περιλυπος γενόμενος (v. 26) und dass Matthäus hier überhaupt an Markus sich anlehnt, wird bewiesen durch den Gleichlaut des griechischen Ausdrucks in den betreffenden Versen, ¹⁾ der um so auffallender ist, als er mit dem übrigen Matthäustext nicht recht stimmt, sofern, wie erwähnt, das λυπηθείς zu v. 5 in Widerspruch steht, ebenso wie die Bezeichnung βασιλεύς gegen die korrektere τετραάρχης v. 1, dann aber auch die Erwähnung der mit zu Tische Liegenden durch die vorhergehende Erzählung, nicht motiviert ist, denn Markus hatte allein, nicht aber auch Matthäus, solcher Gäste bei der Geburtstagsfeier des Herodes Erwähnung getan. Auch das mit Markus stimmende διὰ τοὺς ὄρκους passt nicht recht zu dem Singular μεθ' ὄρκου, den Matthäus v. 7 gebraucht hatte. ²⁾

Auf volkstümliche Überlieferung weist uns auch die ungenaue Bezeichnung des Herodes als βασιλεύς (Mk. v. 14 und 26 = Mt. v. 9). Matthäus und ebenso der von diesem unabhängige Lukas geben Herodes beide den richtigen Titel τετραάρχης (Mt. 14, 1. Lk. 9, 7), korrigieren also entweder aus historischer Genauigkeit Markus oder brauchen den ihnen geläufigen Titel. Es ist leicht möglich, dass die bei Markus vorliegende ungenaue Bezeichnung daraus sich erklärt, dass Markus „einem volkstümlichen Sprachgebrauch der Palästinenser“ gefolgt ist, „welche auch in der Zwischenzeit zwischen dem Tode des alten Herodes und der Ernennung des Herodes Agrippa I. zum König nicht aufhörten von König, Königreich, Königlichen Beamten etc. zu reden.“ ³⁾

Insbesondere aber die ganze Ausmalung der Szene von dem Tanz der Herodiastochter trägt den Stempel volkstümlicher

1) Vgl.:

Mt. v. 9	Mk. v. 26
καὶ λυπηθείς ὁ βασιλεύς διὰ τοὺς ὄρκους καὶ τοὺς συνανακειμένους...	καὶ περιλυπος γενόμενος ὁ βασιλεύς διὰ τοὺς ὄρκους καὶ τοὺς ἀνακειμένους...

2) Dieses gegen R. Hoffmann, Das Markusevangelium und seine Quellen. 1904. S. 261.

3) J. Weiss, Das älteste Evangelium, 1903, S. 203. So auch Zahn, Einleitung, II, S. 250. Den Titel βασιλεύς gibt übrigens auch das Petrus-evangelium dem Herodes.

Erzählungsweise. Die Anstösse, die u. a. Holzmann,¹⁾ Merx,²⁾ J. Weiss³⁾ hier empfunden haben, sind in der Tat so stark, dass man an der Geschichtlichkeit des Berichteten Zweifel hegen kann. Namentlich der Tanz der Prinzessin während des Männergelages erscheint als eine „Unmöglichkeit“, „das kann nur glauben, wer orientalische Solotänze nicht gesehen hat.“⁴⁾ Dennoch, grade weil hier eine solche Unmöglichkeit vorliegt, wage ich es nicht, diese Erzählung für eine jedes historischen Untergrundes entbehrende Legende zu erklären. Aber wenn auch ein historischer Untergrund nicht mangelt, so wird doch vom Detail der Erzählung vieles der ausschmückenden Volkstradition auf die Rechnung zu setzen sein.⁵⁾

Von hier aus erklärt sich auch die bereits besprochene falsche Namenangabe, dass Herodias die Gemahlin des Philippus gewesen sei. Es ist nichts weiter als ein Irrtum, der auf einer ganz zufälligen Verwechslung beruht. Diese Verwechslung erklärt sich leicht, wenn man in Betracht zieht, dass 1) Herodes Boëthos Privatmann war, der in der Geschichte keine Rolle gespielt hat, während Philippus als Tetrarch eine viel bekanntere Persönlichkeit war, und dass 2) durch die Ehe der Tochter der Herodias mit diesem Philippus eine Beziehung beider zu einander gegeben war.

Auf die gleiche Volkstradition, dass Herodias die Gemahlin und nicht die Schwiegermutter des Philippus gewesen sei, geht nun auch die slavische Josephuserzählung zurück. Aber in der ihrem Verfasser bekannt gewordenen Tradition haben sich die Verwechslungen schon gehäuft. Er weiss, dass Philippus, der doch nach Josephus Antiqu. XVIII, 5, 4 kinderlos gestorben war, 4 Kinder hinterlassen habe. Berendts⁶⁾ hat gut erklärt, wie dieser Irrtum entstanden sein kann. Da nach Josephus Slav. nicht Salome, sondern Herodias die Gemahlin des Philippus war, so

1) Handkommentar, ³I, 1901, 77. Er nennt die Erzählung das „Mußter einer Legende“.

2) A. a. O. II, 1, S. 228 f.

3) A. a. O. S. 203 f.

4) Merx, a. a. O. S. 228: „Solche Tänze waren Sache der Prostituierten, δεικτυριάδες.“

5) Vgl. besonders die Ausführungen von Merx, a. a. O., die unter der angegebenen Beschränkung sehr bemerkenswert sind.

6) A. a. O. S. 36 f.

musste Salome ihm als Tochter des Philippus gelten. Auf der anderen Seite war bekannt, dass die Gemahlin des Philippus (d. h. Salome aus zweiter Ehe mit Aristobulos) noch 3 Kinder gehabt habe. Durch fälschliche Verbindung dieser Nachrichten, die eine Volkstradition kritisch zu prüfen keinen Anlass nahm, mag jene seltsame Vierzahl entstanden sein.

Wenn Berendts ¹⁾ hinzufügt: „Ein solches Missverständnis war allerdings nur dann möglich, als des Josephus Antiquitäten noch nicht veröffentlicht oder allgemein bekannt geworden waren,“ so ist das richtig, wenn man besonders die Schlussworte betont. In einer späteren Zeit, als die Antiquitäten allgemein bekannt geworden waren, erscheint ein solches Missverständnis in der Tat unmöglich. Ein späterer christlicher Interpolator kann es sich daher auch nicht haben zu schulden kommen lassen. Wie sollte er zu seinem Missverständnis gelangt sein, da die Evangelien keine Handhabe dazu boten und das über die Verwandtschaftsverhältnisse der Herodianer orientierende Geschichtswerk des Josephus so genaue Angaben bot? Allerdings kann ich auch Josephus selbst „in einer früheren literarischen Periode“ nicht als den Autor dieses Abschnittes ansehen, ²⁾ denn es ist nicht anzunehmen, dass ein Geschichtsschreiber, der über den jüdischen Krieg ein so genau berichtendes Werk schrieb, damals noch so völlig verschwommene Kenntnisse über die geschichtlichen Persönlichkeiten besessen haben sollte, wenn er einige Zeit darauf sich so sicher orientiert erwies. Sollte er sich wirklich in der Zwischenzeit bessere Kenntnisse angeeignet haben?

So drängt auch hier wieder alles darauf, dass wir in dem Verfasser des slavischen Berichtes einen Mann vor uns haben, der auf Grund volkstümlicher Traditionen, so gut oder schlecht er es vermochte, über Ereignisse, die ihm erzählenswert und wichtig dünkten, Bericht erstattet hat, das aber zu einer Zeit, wo solche volkstümliche Traditionen noch relativ reichlich neben der evangelischen Tradition vorhanden waren und wo das zweite grosse Geschichtswerk des Josephus ihm noch unbekannt sein konnte, d. h. noch im Laufe des 1. Jahrhunderts.

1) Ebd. S. 37.

2) Gegen Berendts, a. a. O.

Die Entstehung und der historische Wert der verschiedenen Berichte über das Ende des Täufers.

Eine Vergleichung der verschiedenen Berichte gewährt einen Einblick in ihre Entstehung und ermöglicht damit zugleich auch ein Urteil über ihren historischen Wert.

Allen Berichten gemeinsam ist nur die eine Tatsache, dass Herodes den Täufer hat töten lassen. An der Geschichtlichkeit dieser Tatsache kann kein Zweifel bestehen. Nun war der Täufer ein Mann, der auch nach dem unparteiischen Urteil des Verfassers der Antiquitäten beim Volke grosses Aufsehen erregt hatte und weites Ansehen genoss. Die Nachricht von seinem schmachvollen Tode muss deswegen nicht nur Empörung, wie die Angabe in den Antiquitäten erkennen lässt, sondern auch sofort die Frage nach dem Warum wachgerufen haben. „Offiziell“ ist man darüber gewiss nicht orientiert worden, und so war denn freier Raum für allerlei Vermutungen, oder man erfuhr vielleicht unter der Hand dieses oder jenes an Neben Umständen und war darauf angewiesen, sich daraus den Zusammenhang zu kombinieren.

Irgend ein Anlass musste in dem Verhalten des Täufers Herodes zu seiner Tat gegeben gewesen sein. Darüber wird kein Zweifel gewesen sein. Wer nun die Art des Busspredigers in der Wüste kannte, rücksichtslos das Unrecht, wo er es fand, ohne Ansehen der Person zu strafen, der konnte leicht auf die Vermutung kommen, dass er auch Herodes gegenüber in dieser Weise sich geäußert und damit dessen Unwillen erregt haben werde. Nun wird gewiss die dem jüdischen Volksbewusstsein anstössige zweite Eheschliessung des Herodes nicht unbekannt geblieben sein. Es lag nahe zu vermuten, dass der Täufer eben wegen dieser Eheschliessung Herodes Vorwürfe gemacht habe. Hierüber mag aber auch sicherere Kunde über die Mauern des Herodesschlusses gedrungen sein, denn der Täufer war nicht der Mann, solchen Vorwurf auch einem Herodes gegenüber nur unter vier Augen auszusprechen. Wohl aber wird über die Aufnahme des Vorwurfs nichts Sicheres verlautet sein, nur dass in der Folge Herodes den Täufer hatte gefangensetzen lassen, muss bekannt geworden sein.

Wenn nun der Verfasser der slavischen Relation berichtet, dass die Verhaftung erst auf Grund wiederholter Vorwürfe ef-

folgt sei, so wird er damit, da die Evangelien dem nicht widersprechen, wohl im Recht sein. Aber wenn er weiter von Züchtigungsstrafe, Fortjagen und nachmaligen Befehl den Täufer niederzuhauen erzählt, so wird das nur freie Ausführung des einen Gedankens sein: Herodes war zornig.

Ebenso wie Herodes war nun aber auch Herodias von dem Vorwurf des Täufers getroffen und sie musste ebenso als rachedürstend erscheinen.

Hier ist nun, je nachdem wie man Herodes — günstiger oder ungünstiger — beurteilt hat, eine Spaltung der Tradition eingetreten. Auf der einen Seite blieb man bei dem Einfacheren stehen, dass Herodes von sich aus den Blutbefehl gegeben habe, — so der slavische Josephus. Auf der anderen Seite, wo man eine derartige Handlungsweise Herodes nicht zutrauen konnte, weil man ihn besser zu kennen glaubte oder auch sein Urteil über den Täufer kannte, wird man Herodias die Schuld zugeschrieben haben. Den Niederschlag dieser Überlieferungsform bezeichnet Markus. Die Mitte zwischen beiden hält Matthäus, der in der Beurteilung des Herodes auf seiten der erstgenannten Überlieferungsform steht, aber doch in der Gefolgschaft des Markus die Schuld an dem Blutbefehl Herodias zuschreibt.

Bestimmend für die Ausbildung letzterer Überlieferungsform mag auch eine weitere Kunde geworden sein, nämlich die Kunde von dem Ereignis, das der ausgebildeten Markuserzählung zu Grunde liegt. Diese Kunde bot dem Interesse an phantastischen Erzählungen einen dankbaren Stoff, den die Legendenbildung nicht unbenutzt gelassen hat. Jedenfalls wird dabei soviel historisch gewesen sein, dass Herodias durch eine klug ersonnene List ihren Gemahl ihrem Willen gefügig gemacht haben wird. Das kann sich in Wirklichkeit auf ganz andere Dinge bezogen haben. Aber eben weil man Herodes eine solche Bluttat wie die Tötung des Täufers nicht zutraute, wird man die genannte Kunde vielleicht auf eben diesen Fall bezogen haben.

Gewiss kann auch noch mancher weitere Einzelzug in der Markuserzählung auf gute geschichtliche Kunde zurückgehen. So wurde z. B. oben schon von dem Tanz der Salome vermutet, dass diese Szene einen historischen Untergrund haben werde, weil die freie Erdichtung einer solchen Szene schwer glaublich ist. Dennoch ist hier kein Anlass diesen Fragen weiter nachzugehen.

Mit Sicherheit lässt sich vor allem nur das Eine aussagen, dass der Täufer auf Befehl des Herodes getötet worden ist, und dass über die näheren Umstände verschiedene Überlieferungen im Umlaufe gewesen sind. Und demgemäss ist weiter zu urteilen, dass die verschiedenen Berichte über dieses Ereignis im wesentlichen der gleichen Wertung unterliegen, dass sie eben nichts anders sind als Niederschläge verschiedener, nebeneinander hergehender Überlieferungen.

Es ist nicht unmöglich, dass Lukas, wenn er bei Erwähnung der Gefangennahme des Täufers (3, 19 f.) die ganze Szene vom Tanz der Salome ausgelassen hat, die er doch in seiner Quelle gelesen haben muss, dieses aus kritischen Gründen getan hat, weil er eben Grund hatte, der Güte dieser Überlieferung zu misstrauen. Ist es doch nach seiner eigenen Aussage (1, 3) sein Bestreben gewesen, möglichst genau zu berichten. Vielleicht ist ihm bekannt gewesen, dass der von Markus genannte Name des Philippus falsch war, und das hat ihn vielleicht misstrauisch gemacht. Er steht auch allein mit der Notiz, dass der Täufer Herodes nicht nur wegen seiner Ehe mit Herodias, sondern auch *περι πάντων ὧν ἐποίησεν πονηρῶν* Vorwürfe gemacht habe. Ob er damit „eigene Kunde verrät“, ¹⁾ bleibt dahingestellt. Dieser Zusatz kann auch seiner eigenen Vermutung entsprungen sein. Ein sicherer Massstab für die Beurteilung der Markusform der Überlieferung lässt sich aus ihm nicht entnehmen.

Auch der Antiquitätenbericht führt uns in dieser Hinsicht keinen Schritt weiter. Denn was Josephus hier als sichere Kunde hat, ist nur das Zeugnis, welcher starken Eindruck die Tötung des Täufers durch Herodes auf das Volk gemacht hat. Ob er mit seiner Angabe der Motive des Herodes für diese Tat mehr bietet als seine eigene Vermutung, ist nicht auszumachen. Jedenfalls wird er Näheres über die ganze Sache nicht mit Sicherheit gewusst haben.

Sonach besteht der Hauptwert des slavischen Berichtes über das Ende des Täufers insbesondere darin, dass er uns einen Blick tun lässt in die Entwicklung der Überlieferung, auf der die uns bekannten Erzählungen von diesem Ereignis ruhen. Erscheinen die Evangelien an dieser Stelle von keinem höheren Wert als das etwa gleichzeitige Apokryphon, so ist

1) So J. Weiss in Meyer Komm. zu Lukas, ⁹1892, S. 355.

damit ein Hinweis darauf geboten, wie sehr es noch einer sorgsameren Wertung der mündlichen Überlieferung bedarf, um den Quellenwert der Evangelien in jedem einzelnen Fall richtig abzuschätzen. Nicht das zeitlich älteste Evangelium verdient vor seinen Nachfolgern — deshalb, weil es das älteste ist, — den Vorzug und grössere Glaubwürdigkeit, sondern der Bericht, der die Überlieferung in ihrer ursprünglichsten Form aufbehalten hat. Da die mündliche Überlieferung nicht sofort versiegt ist, nachdem die ersten Aufzeichnungen erfolgt waren, kann auch der später schreibende Schriftsteller sich gelegentlich besser orientiert erweisen als seine Vorgänger.

Die Zeugnisse von Christo.

Das Verhältnis der Christusstücke zu den Täuferstücken.

Weitaus der interessanteste Abschnitt ist der oben in der Übersetzung sub IV mitgeteilte, der einen Bericht über Jesu Leben und Sterben enthält. Ihm schliessen sich ergänzend die Abschnitte VI—VIII an, unter denen namentlich der VII von besonderer Bedeutung erscheint.

Diese Abschnitte unterliegen nach zwei Seiten hin der Beurteilung. Einerseits bietet der Verfasser wie in den Täuferstücken historische Erzählung, anderseits Urteile über die Person Jesu.

Berendts hat Recht gehabt, wenn er sagt: „Von der Beurteilung dieses Berichtes über Christi Leben und Sterben wird wohl das Urteil über den Wert aller acht Zeugnisse zum grössten Teil abhängen.“ In der Tat hat sich der Widerspruch der Gegner vorzugsweise an diese Abschnitte geknüpft. Das ist verständlich, aber ich kann es dennoch nicht als berechtigt anerkennen. Denn wenn sich der Bericht des slavischen Textes in diesen Abschnitten auch als gänzlich wertlos erweisen sollte, so ist damit das Urteil über die anderen Stücke, wie über die von dem Täufer handelnden, noch nicht mit gefällt. Denn es ist sehr wohl denkbar, dass die Quellen des Verfassers, wenn er auf volkstümlicher Tradition fusste, betreffs der einzelnen Stücke von sehr verschiedenem Werte waren. Er kann sehr wohl über manches gute geschichtliche Erinnerungen aufbewahrt haben, über anderes nur sehr mangelhafte, stark korrumpierte Traditionen zur Verfügung gehabt haben. Das gilt umsomehr, wenn es vorzugsweise Traditionen gewesen sind, die in jüdi-

schen, dem Christentum relativ fernstehenden Kreisen im Umlauf waren, zumal da es sich dabei um zwei verschiedene historische Persönlichkeiten, den Täufer und Jesus, und damit um zwei für das jüdische Bewusstsein durchaus verschiedene geschichtliche Ereignisse handelte. Denn es ist sehr wohl denkbar, dass sich manche Kreise dem Täufer bei seinem Auftreten genähert haben, sich später aber haben abstossen lassen und von der Wirksamkeit Jesu daher nicht mehr erfahren haben als alle Volksgenossen. So kann es also Kreise gegeben haben, die über den Täufer verhältnismässig gut orientiert waren, von Jesu und seiner Geschichte aber herzlich wenig und nur Unverbürgtes wussten. Und aus welchen Kreisen die Traditionen stammen, die möglicherweise im slavischen Josephus einen Niederschlag gefunden haben, wissen wir ja nicht, wir wissen, vorläufig jedenfalls betreffs der Täuferstücke, nur das Eine, dass es jüdische, nicht christliche Kreise gewesen sind.

Die Christusstücke, unter welchem Namen ich um der Kürze willen die Abschnitte IV, VI, VII, VIII zusammenfassen will, unterliegen demnach einer gesonderten Beurteilung, die nicht beeinflusst werden darf durch unser Urteil, das wir über die Täuferstücke gewonnen haben, weder im günstigen, noch im ungünstigen Sinne.

Auf der anderen Seite ist aber festzuhalten und kann keinem Zweifel unterliegen, dass die Stücke alle von einer Hand herühren und dass wir es nicht mit Interpolationen des Josephustextes aus verschiedener Hand zu tun haben. Nicht nur enthalten die Täuferstücke und die Christusstücke vielfach gleiche Wendungen, sie atmen auch alle durchweg den gleichen Geist und tragen den gleichen Charakter. Hier wie dort bemüht sich der Verfasser, ob nun wirklich oder anscheinend, ein Urteil über die ihm entgegentretenden Erscheinungen zu gewinnen, ohne dass es ihm doch gelingt, eine entschiedene, feste Stellung zu gewinnen, mit Entschiedenheit zuzustimmen oder abzulehnen. Sein Urteil bleibt überall unsicher und schwankend. Auch an den Christusstücken können wir die Wahrnehmung machen, dass ein Mann zu uns redet, dem das, was er vernommen hat, der Wiedergabe wert erschien, der aber doch nicht innerlich zu den Ereignissen Stellung zu nehmen sich getrieben fühlte, sondern ihnen kühl gegenübersteht. Er macht sich seine Gedanken über das, was er gehört hat und wiedergibt, er referiert auch die Urteile anderer über die Ereignisse

er kritisiert diese Urteile, will aber selbst möglichst objektiv bleiben. Dadurch unterscheidet er sich aufs allerdeutlichste von den Verfassern der auf christlichem Boden entstandenen apokryphen Evangelienschriften.

Mag diese Stellung des Verfassers zu den von ihm berichteten Ereignissen nun seine wirkliche oder nur eine fingierte sein, in jedem Fall beweist sie die Zusammengehörigkeit sämtlicher „Zusätze“ und ihre Entstehung aus einer Hand. Entscheidend für den christlichen oder nichtchristlichen Charakter der Schriftstücke ist sie natürlich nicht. Dennoch erscheint die Erkenntnis der gleichen Autorschaft insofern wichtig, als dadurch ein Vergleich der einzelnen Stücke miteinander gerechtfertigt wird und nötigenfalls die Untersuchung des einen Stückes sich an den Resultaten der Untersuchung eines anderen orientieren darf.

Das „Christuszeugnis“ im slavischen Text und sein Verhältnis zu dem „Christuszeugnis“ im Antiquitätentext.

„Damals trat ein Mann auf . . .“ Charakteristisch für die Christusstücke wie für die Täuferstücke ist, dass die in Rede stehende Persönlichkeit ausführlich und umständlich beschrieben, ihr Name aber nicht genannt wird. Sollte der Verfasser die Namen nicht gekannt haben? Das ist nicht anzunehmen, wo er doch so viel von diesen Männern erfahren hat und zu erzählen weiss. Das Fehlen der Namen kann nur auf einem absichtlichen Verschweigen derselben beruhen. Das gibt zu denken.

Schon daran wird deutlich, dass es nicht die Hand eines Christen ist, die hier schreibt. Die berühmte christliche Interpolation im Antiquitätentext (XVIII, 3, 3) beginnt fast gleichlautend mit unserem Text, nennt aber sofort den Namen Jesu¹⁾. Ein Christ hätte in der Tat nicht den geringsten Grund gehabt, die allbekannten Namen zu verschweigen.

Anders liegt die Sache, wenn es ein Nichtchrist ist, der hier redet. Wie der ganze Abschnitt zeigt, ist der Verfasser bekannt mit der Wertschätzung, die die Person Jesu in weiten

1) Über die Übereinstimmung der beiden Texte vgl. unten S. 86.

Kreisen gefunden hat. Ist das der Fall, dann muss ihm auch die Tatsache, dass sich um Jesum ein Anhängerkreis, eine zu ihm sich bekennende Jüngerschaft und Gemeinde gesammelt hatte, nicht unbekannt geblieben sein. Dann wird er aber auch gewusst haben, dass das Bekenntnis dieser Gemeinde ein Bekenntnis zu Jesu war, ein Bekennen seines Namens. Für ihn verband sich somit mit der Namensnennung schon eine bestimmte Vorstellung von dem Träger des Namens, ja, es ist sogar möglich, dass ihm, dem Juden, entsprechend dem ganzen Vorstellungskreis, der ihm geläufig war, der Name mehr erschien, als uns Neuzeitlichen ein Name ist, — dass durch den Namen jenem das Urteil über den damit Bezeichneten in einer ganz bestimmten Richtung festgelegt erschien. Eben ein solches bestimmtes Urteil will der Historiker vermeiden, er will sich seine kühle Objektivität wahren, er will nicht in den Verdacht kommen, selbst ein heimlicher Anhänger Jesu zu sein, er will der objektiv referierende Historiker bleiben.

Dass wir so richtig urteilen, macht ein Vergleich mit der Antiquitätenstelle deutlich. Wenn es dort heisst: „Zu dieser Zeit lebte Jesus, ein weiser Mann, wenn anders man ihn einen Menschen nennen soll“, so wird durch die vorangestellte Namensnennung die Aufmerksamkeit des Lesers von vornherein auf die Gestalt des unter diesem Namen Bekannten gelenkt; die folgenden Näherbestimmungen sind danach für den Leser nichts weiter als eben nur Näherbestimmungen, durch die sein eigenes Urteil über Jesum nicht weiter beeinflusst wird. Denn der hier schreibt, ist ein Christ, dessen Urteil über Jesum bereits feststeht und der mit dem Namen Jesus bereits eine feste Vorstellung von dieser Persönlichkeit verbindet. Das hindert ihn, von dieser Persönlichkeit nun eine solche nähere Beschreibung zu geben, dass auch der Leser, der hier zum ersten Mal etwas über diese Persönlichkeit hören sollte, sich ein genügendes Urteil über sie bilden könnte.

Anders der Verfasser des slavischen Abschnitts. Er bemüht sich eine möglichst umfassende Beschreibung der Persönlichkeit Jesu zu geben, um dem Leser ein selbständiges Urteil zu ermöglichen. Demgemäss vermeidet er die Nennung des Namens. Für Leser, die noch nichts von Jesu wussten, hätte der Name selbst keinen Wert gehabt, und Leser, die schon etwas von ihm wussten, sollten eben genötigt werden, erst auf Grund des hier über ihn Gesagten sich ein Urteil zu bilden,

ohne etwas aus ihrer eigenen Erinnerung hinzuzutun oder durch eigenes Wissen voreingenommen zu sein.

Im höchsten Grade auffallend erscheint die bereits erwähnte fast wörtliche Übereinstimmung besonders der ersten Worte des slavischen Christuszeugnisses und des Antiquitätenzeugnisses. So gross die Übereinstimmung, so charakteristisch sind aber auf der anderen Seite die Abweichungen. Um beides dem Leser übersichtlich vor die Augen zu stellen, setze ich das Antiquitätenzeugnis mit den Parallelen des Slaven hierher, durch Sperrdruck die Übereinstimmungen hervorhebend.

Antiquitäten.

1. Zu dieser Zeit lebte Jesus, ein weiser Mann, wenn anders man ihn einen Menschen nennen soll.

2. Er war nämlich ein Täter wunderbarer Werke, ein Lehrer der Menschen, die mit Freuden die Wahrheit aufnehmen.

3. Und viele Juden als auch viele Hellenen zog er zu sich heran.

4. Er war der Messias.

Jos. Slav.

IV. 1. Damals trat ein Mann auf, wenn es auch geziemend ist, ihn einen Menschen zu nennen. 2. Sowohl seine Natur, wie seine Gestalt waren menschlich, seine Erscheinung aber war mehr als menschlich. 3. Seine Werke jedoch waren göttlich und er wirkte Wunderthaten, erstaunliche und kräftige. 4. Deshalb ist es mir nicht möglich, ihn einen Menschen zu nennen. 5. Wiederum aber auf das allgemeine Wesen sehend, werde ich (ihn) auch nicht einen Engel nennen.

(Vgl. weiter unten II.)

6. Und alles, was er wirkte durch irgend eine unsichtbare Kraft, wirkte er durch Wort und Befehl. 7. Die einen sagten von ihm, dass unser erster Gesetzgeber auferstanden sei von den Toten und viele Heilungen und Künste darweise. 8. Die ande-

(Vgl. oben 3.)

5. Und als ihn auf Anklage unserer ersten Männer

Pilatus mit dem Kreuze bestraft hatte,

liessen nicht ab die, welche ihn zuerst geliebt.

6. Denn er erschien ihnen nach drei Tagen wieder lebendig,

nachdem die göttlichen Propheten dieses und tausend anderes Wunderbare über ihn gesagt hatten.

7. Noch bis heute hat das Geschlecht derer nicht aufgehört, die nach ihm Christen genannt sind.

ren aber meinten, dass er von Gott gesandt sei.

11. Und viele aus dem Volke folgten ihm nach und nahmen seine Lehren auf.

26. Von Neid wurden die Gesetzeslehrer (vgl. 15. 16) vergiftet und gaben 30 Talente dem Pilatus, damit er ihn töte. 27. Und der, nachdem er (das Geld) genommen, liess ihnen den Willen, damit sie selbst ihr Vorhaben ausführen sollten. 28. Und jene nahmen ihn und kreuzigten ihn durch das väterliche Gesetz.

(vgl. die ganze Erzählung V.)

VII. 5. Die einen nun geben vor, er sei auferstanden, die anderen aber, dass er gestohlen sei von seinen Freunden. 6. Ich weiss aber nicht, welche richtiger sprechen.

(Vgl. V.)

Die wörtliche Übereinstimmung namentlich der ersten Sätze lässt keinen Zweifel darüber aufkommen, dass die beiden Zeugnisse nicht unabhängig von einander entstanden sind. Ein genauerer Vergleich der Zeugnisse, namentlich unter Berücksichtigung der Abweichungen in den parallelen Sätzen, lässt

auch mit Sicherheit entscheiden, auf welcher Seite die Abhängigkeit liegt.

Wenn Schürer¹⁾ schreibt: „Überdies folgt der Slave, soweit sich aus Berendts' Angaben ersehen lässt, eben unserem griechischen Werk, nur dass dasselbe teils verkürzt, teils durch die fremden Zutaten bereichert ist“, so wird er dieses Urteil, da er es in keiner Weise einschränkt, auch auf das Verhältnis des slavischen Textes zum zitierten Antiquitätenzeugnis bezogen wissen wollen. Danach hätte dann der Slave oder (nach Schürer richtiger) sein byzantinischer Vorgänger die im griechischen Antiquitätentext stehende Interpolation in erweiterter Form in seine Bearbeitung des jüdischen Krieges übertragen. Somit würde nach Schürer hier eine wesentliche Erweiterung des kurzen Antiquitätenzeugnisses vorliegen.

Berendts hat richtig erkannt, dass eine solche Annahme eine Unmöglichkeit darstellt und „zu einem schier unlösbaren Rätsel führen würde“²⁾. Er hebt mit Recht zwei Momente hervor: 1) alles spezifisch Christliche, das das Antiquitätenzeugnis enthält, ist hier entfernt, und 2) die Übereinstimmung mit den Evangelien ist aufgegeben „zugunsten frei erfundener Züge in der Geschichte Jesu“.

Charakteristisch für das Antiquitätenzeugnis und beweisend für seine christliche Herkunft sind vor allem die auch von Berendts u. a. hervorgehobenen Momente: die bestimmte und unumwundene Aussage, dass Jesus der Messias gewesen ist (4), und sodann der Hinweis auf die Erfüllung der alttestamentlichen Weissagung in ihm (in 6).

Dass ein solcher Hinweis in dem slavischen Text keinerlei Parallele hat, ist um so bemerkenswerter, als ja in der urchristlichen Literatur grade die Erfüllung der Weissagung eines der wichtigsten und am häufigsten wiederkehrenden Stücke ist, die zum Erweise der Wahrheit des Christentums angeführt werden. Und wenn der Slave das Antiquitätenzeugnis als Vorlage gehabt hätte, dann hätte er nicht nur einen solchen Hinweis nicht gebracht, sondern ihn weggestrichen. Das wäre bei einem christlichen Autor undenkbar.

Noch charakteristischer ist das andere Moment. Die „Vorlage“ enthält eine direkte Aussage über die Messianität Jesu.

1) ThLZ. 1906 Sp. 266.

2) A. a. O. S. 44.

In der „Bearbeitung“ fehlt aber sogar jede Erwähnung des Messiasnamens. An Stelle jener direkten Aussage über die Messianität Jesu finden wir nur ein blosses Referat verschiedener über Jesum laut gewordener Meinungen, das den Leser über die eigene Meinung des Verfassers völlig im Unklaren lässt. So hätte sich ein Christ niemals ausgedrückt. Oder er müsste es getan haben, um den Leser zu täuschen, d. h. um den Anschein zu erwecken, die von ihm formulierten Sätze rührten von Josephus selbst her. Aber auch dann ist nicht einzusehen, warum er das Messiasbekenntnis seiner Vorlage so völlig ausgemerzt und nicht einmal als Meinung irgend welcher anderer angeführt hat.

Ähnlich liegt die Sache auch in den weiteren einer Vergleichung sich darbietenden Stücken.

Gemeinsam beiden Zeugnissen ist der Hinweis auf die Wunderwirksamkeit Jesu. Die Stellung dieses Hinweises unmittelbar nach dem übereinstimmenden Einleitungssatz, dessen Erläuterung sie dient (Ant. „nämlich“; über das „jedoch“ des Slaven vgl. unten), lässt auch hier die Abhängigkeit des einen Zeugnis vom anderen nicht zweifelhaft sein.

Im Antiquitätenzeugnis schliesst sich nun aber unmittelbar daran ein Hinweis auf die Lehre Jesu („ein Täter . . .“, „ein Lehrer . . .“). Diese wird unumwunden als „die Wahrheit“ bezeichnet. Im slavischen Text fehlt jede Parallele dazu. Nirgends, weder hier noch an irgend einer anderen Stelle, ist auf die Lehre Jesu Bezug genommen. Nur einmal heisst es von dem Volke: „sie nahmen seine Lehren auf“ (IV, 11), ohne dass aber irgend eine Aussage über den Inhalt dieser Lehren gemacht würde. Auch die Aussage IV, 9: „er widersetzte sich in vielem dem Gesetz und hielt den Sabbat nicht nach väterlichem Brauch,“ enthält keine Aussage über die Lehrwirksamkeit Jesu, sondern nur über sein praktisches Verhalten. Erst die Berichte der Evangelien, die neben dieses Tun Jesu eine entsprechende Bekehrung stellen, die „Sabbatsstreitigkeiten“ lassen an eine Lehrwirksamkeit Jesu über die Verbindlichkeit des Sabbatgebotes, bzw. des Gesetzes denken. Beim Slaven fällt dagegen alles Gewicht ausschliesslich auf die Wunderwirksamkeit Jesu.

Das Fehlen einer Parallele zu der Aussage über die Lehre Jesu nötigt wiederum zu dem Schluss, dass die Abhängigkeit auf seiten des Antiquitätenzeugnisses liegt. Andernfalls hätte der Bearbeiter die Aussage seiner „Vorlage“ ausgemerzt, ja,

jede entsprechende Aussage (etwa wieder als Meinung „anderer“) vermieden, ohne dass einzusehen ist, was ihn dazu veranlasst haben sollte.

Die Auslassung wäre um so auffälliger, als es sich ja beim slavischen Zeugnis in seinem Verhältnis zum Antiquitätenzeugnis um eine bedeutende Erweiterung handeln würde. So wird die Wunderwirksamkeit Jesu, die im Antiquitätenzeugnis in einem kurzen Satz berührt wird, hier auf das breiteste und ausführlichste behandelt. Hätte nun das Antiquitätenzeugnis dazu die Vorlage gebildet, so hätte es mit seinem Hinweis auf die Lehre Jesu ebenso eine „Vorlage“ geboten, die der „Bearbeiter“ aber ignoriert haben müsste, was nicht ohne Grund und ohne Absichtlichkeit geschehen sein könnte. Und das um so weniger, wenn wir uns als Verfasser einen Christen denken sollen. Für einen solchen steht die Lehre Jesu neben dessen Wunderwirksamkeit mindestens gleichwertig da, und dass ein solcher jeden Hinweis auf die Lehre Jesu, selbst gegen seine Vorlage, aus irgend welchen Gründen vermieden haben sollte, erscheint direkt ausgeschlossen.

Es ist ja auch sonst nicht die Art des „Bearbeiters“ seine „Vorlage“ völlig zu ignorieren, er modifiziert sie ja nur. Das haben wir schon bei dem „Messiasbekenntnis“ gesehen, und das gleiche Verfahren finden wir bei der Erwähnung der Auferstehung. Wie bei jenem, so tritt auch hier an die Stelle der direkten, jeden Zweifel an der Wirklichkeit des Ausgesagten ausschliessenden Behauptung der Auferstehung Jesu „am dritten Tage“ im VII Abschnitt des Slaven nur ein Referat verschiedener Aussagen anderer, wobei die eigene Meinung des Verfassers unausgesprochen bleibt. Ob ein Christ so geschrieben haben kann, wird die eingehendere Untersuchung des betreffenden Abschnitts klarstellen.

Nach allem erweist sich die Meinung Berendts', dass die Abhängigkeit nur auf seiten des Antiquitätenzeugnisses liegen kann, als durchaus berechtigt.

Wenn somit die Abhängigkeit des einen Zeugnisses vom anderen nicht zu bestreiten ist, so ist der Schluss unausweichlich, dass schon dem Verfasser der Interpolation im griechischen Antiquitätentext eine Bearbeitung des jüdischen Krieges, die die in der slavischen Übersetzung erhaltenen Zusätze bereits enthielt, vorgelegen haben muss. Die Zusätze des Slaven sind also älter als die Interpolation des Antiquitätentextes, d. h. älter

als der dem Eusebius von Caesarea bekannte Text der Antiquitäten des Josephus.

Ist sonach der im slavischen Text erhaltene Bericht über Jesum dem Verfasser der Antiquitäteninterpolation bekannt gewesen, so will ich ihn doch nicht als dessen Vorlage angesprochen wissen und kann nicht zugeben, dass das ganze Antiquitätenzeugnis (wenn man alles offenbar Christliche ausscheidet) sich als ein kurzer Auszug aus jenem Bericht begreifen lasse¹⁾. Berendts selbst muss zugeben, dass „dieser Auszug möglichst farblos ausgefallen“ sei. Wie die oben gegebene Nebeneinanderstellung der beiden Zeugnisse erkennen lässt, beschränkt sich die Übereinstimmung nur auf die ersten Sätze. Im übrigen ist das Antiquitätenzeugnis ganz selbständig. Die sachlichen Parallelen in seinen Sätzen 3 und 5 zu entsprechenden Sätzen des Slaven sind eben nichts weiter als sachliche Parallelen, die keine Abhängigkeit von letzterem Text beweisen. Denn sie enthalten nichts diesem Charakteristisches, sondern nur Aussagen, die auch ohne Kenntnis des im slavischen Text erhaltenen Zeugnisses formuliert sein können.

Das gilt namentlich von der Aussage über den Tod Jesu. Der Slave lässt Pilatus die Kreuzigung den Juden gestatten und sie wird von diesen ausgeführt. Die „Anklage“ steht sehr viel weiter zurück (IV, 18—20). Der „Excerptor“ hätte nicht nur alle die langen Verhandlungen zwischen den Synedristen und Pilatus weggelassen, sondern den Slaven auch dahin korrigiert, dass Pilatus selbst die Kreuzigungsstrafe verhängt habe. Das ist nicht nur eine „Anpassung“ an den Bericht der Evangelien²⁾, sondern — ebenso, dass dieses auf „Anklage“ der Synedristen geschah, — einfach eine den evangelischen Bericht selbst kurz zusammenfassende Aussage.

Eine weitere bemerkenswerte Abweichung von dem Wortlaut des Slaven findet sich in der Bezeichnung der Synedristen. Der slavische Text bezeichnet sie als „die Gesetzeslehrer“ (IV, 26) und vorher noch als „die jüdischen Führer“, eig. „Macht-haber“ = οἱ ἄρχοντες (IV, 18). Im Antiquitätenzeugnis werden sie als „unsere ersten Männer“ eingeführt. Wenn auch diese Bezeichnung mit der des Slaven „die jüdischen Führer“ parallel ist, so ist doch weniger glaubhaft, dass sie aus dieser entstanden

1) Gegen Berendts, a. a. O. S. 44.

2) Berendts a. a. O.

sei, als dass sie eine zusammenfassende Umschreibung der in den Evangelien wechselnden Bezeichnungen *οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ γραμματεῖς, οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ Φαρισαῖοι, οἱ γραμματεῖς καὶ οἱ Φαρισαῖοι, οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ* u. a. darstellt.

Auch die Aussage über die Anhänger Jesu im Antiquitätenzeugnis (3) begreift sich leichter als eine selbständige, die auf Grund der Evangelien oder vielleicht noch besser nach der tatsächlichen Verbreitung des Christentums, wie sie dem späteren Christen lebendig bewusst war, formuliert ist. Dass darin keine Abhängigkeit vom slavischen Text liegt, wird nicht nur durch das andere Verbum finitum nahegelegt, sondern auch dadurch, dass der Slave nicht von „Völkern“, sondern nur von einem Volke redet. Denn dass die Lesart „aus dem Volke“ in IV, 11 und 21 die ursprüngliche ist und nicht die des Cod. Synod. „aus den Völkern“, scheint mir unzweifelhaft zu sein. Die Entstehung der Lesart „aus dem Volke“ aus der anderen liesse sich nur so erklären, dass ein Abschreiber diese Korrektur vorgenommen habe, weil nach den Evangelien von einem Nachfolgen Jesu während dessen irdischen Lebens eigentlich doch nur betreffs „vieler“ aus den Juden geredet werden könne. Das ist aber eine so pedantisch genaue Anpassung an die Evangelien, wie wir sie kaum glaubhaft finden können, zumal ähnliche Anpassungen in den sonstigen differenten Lesarten sich nicht finden. Dagegen erscheint die Korrektur „aus den Völkern“ angesichts dessen, dass ja faktisch nicht nur Juden, sondern auch andere sich zu Jesu bekannt haben, überaus nahelegend.

Auch in den übrigen Teilen erweist sich das Antiquitätenzeugnis unabhängig vom Text der slavischen Rezension. Die bestimmte Aussage über die Messianität Jesu (3) könnte allerdings im Gegensatz zu den unbestimmten Aussagen der „Vorlage“ formuliert sein, aber eine Notwendigkeit dieses anzunehmen liegt nicht vor. Ebenso erscheint der Schluss von 5 nicht durch den Slaven veranlasst. Er bringt ja nur eine allgemein bekannte Tatsache zum Ausdruck, und der Verfasser bedurfte zur Formulierung dieses Satzes nicht erst einer Vorlage, wie sie die Erzählung des Slaven in Abschnitt V enthält.

Sicher unabhängig vom slavischen Zeugnis ist der ganze Schlusspassus des Antiquitätenzeugnisses. Der Satz 6^a hat nur scheinbar an Jos. Slav. VII, 5 eine Parallele, sofern an beiden Stellen von der Auferstehung Jesu geredet wird. Die Wahl

des Ausdruckes in Ant. 6 beweist, dass der Verfasser nicht der unbestimmten Aussage seiner „Vorlage“ eine bestimmtere entgegenstellen wollte, sondern dass seine Formulierung eher an 1 Kor. 15, bezw. den entsprechenden Evangelienstellen orientiert ist. Die weiteren Schlussätze 6^b und 7 des Antiquitätenzeugnisses sind gänzlich ohne Parallele im slavischen Text.

Dieses Verhältnis der beiden Zeugnisse: am Anfang völlige Abhängigkeit, im Weiteren völlige Unabhängigkeit, lässt erkennen, dass der Interpolator des Antiquitätentextes wohl das im slavischen Text des *Bellum judaicum* erhaltene Zeugnis gekannt hat, sich auch zum Teil durch den Wortlaut desselben hat bestimmen lassen, dass er aber nicht dieses Zeugnis in verkürzter und modifizierter Form in den Antiquitätentext hat übertragen wollen. Höchstens die Annahme ist zulässig, dass er sich durch das Vorhandensein eines solchen Zeugnisses in einer — wie er wusste — von Josephus herrührenden Schrift zu seiner Interpolation hat anregen lassen, d. h. dass er in der anderen Josephusschrift, den Antiquitäten, an der entsprechenden Stelle eine Notiz über Jesum vermisste und eine solche daher dort von sich aus wenigstens in aller Kürze einfügte.

Dieses Resultat, dass der Interpolator des Antiquitätentextes das im slavischen Text erhaltene Zeugnis gekannt hat, sich aber bei seiner Formulierung nicht durch dasselbe hat bestimmen lassen, ist für unsere Untersuchung nicht unwichtig.

Wir erkennen daraus vor allem das Urteil eines Christen der voreusebianischen Zeit über jenes ältere Christuszeugnis im Josephustext. Nur eine kurze Notiz fügte er in seinen Text ein, aber was ihm in dieser Notiz zu sagen wichtig erschien, waren zum grössten Teil ganz andere Dinge, als das Zeugnis des *Jos. Slav.* sie enthält. Er verkürzte dieses deshalb nicht einfach, sondern sah von ihm ganz ab. Dass der Interpolator ein gebildeter Mann war, beweist der Umstand, dass er seine Interpolation der Sprache des Josephus nicht schlecht anzupassen verstanden hat. Daher ist uns auch sein Urteil beachtenswert. Er hat jedenfalls erkannt, dass das Christuszeugnis des *Jos. Slav.* nicht von einem Christen herrühren konnte; er hat es vielleicht für einen von Josephus selbst stammenden Bericht gehalten.

Seine eigene Formulierung lässt weiter erkennen, was er an diesem Josephuszeugnis auszusetzen fand. Er fand in ihm nur einen Bericht über die geschichtlichen Ereignisse, vermisste

aber die Hauptsache, die Erkenntnis, dass dieser Jesus in der Tat mehr war als ein „Mensch“ und dass sein Leben dieses auch hat deutlich erkennbar werden lassen. Diesem einen Ausdruck zu verleihen, war sein Bestreben bei der eigenen Interpolation.

Damit wird auch deutlich, wie ein christlicher Interpolator, wenn von einem solchen das slavische Zeugnis herrühren soll, sich ausgedrückt hätte. Zu seiner Interpolation hätte ihn nicht nur veranlassen können, dass der jüdische Historiker in seinem Werk eine Erwähnung jener ihm wichtig erscheinenden Ereignisse vermissen liess. Demgemäss wäre es nicht sein Bestreben gewesen, möglichst in der Art des jüdischen Historikers die Lücke zu füllen. Die Tendenz eines christlichen Interpolators wäre vielmehr darauf gegangen, das dem Christen Wichtige gleichfalls zu seinem Recht kommen zu lassen. Und wenn er sich auch bemüht hätte, möglichst sich so auszudrücken, wie der Jude Josephus sich ausgedrückt hätte, um dadurch seiner Interpolation den josephinischen Stempel aufzudrücken, so hätte er das doch, wie schon oben an einzelnen Stellen gelegentlich gezeigt wurde, in einer Weise tun können, die der bei ihm notwendig vorauszusetzenden Tendenz besser entsprach als der in Wirklichkeit vorliegende Text. Dass eine solche Tendenz nirgends durchblickt, ist ein starker Beweis für den nichtchristlichen Ursprung des slavischen Christuszeugnisses.

Die Person Jesu.

An der Spitze des 1. Christusstückes (IV) steht eine ausführliche Erwägung über die Person Jesu. Der erste Satz ist auch in dem Antiquitätenzeugnis in nur wenig abweichender Formulierung enthalten. Es ist die Aussage, dass damals ein Mann aufgetreten sei, dessen Wunderwirksamkeit es zweifelhaft macht, ob man ihn überhaupt einen Menschen nennen könne.

Dieser Einleitungssatz des Antiquitätenzeugnisses wird von den Kritikern mit zu den Stücken gerechnet, welche den christlichen Interpolator verraten¹⁾. In der Tat, an dieser Stelle und in diesem Zusammenhange können die Worte kaum anders ge-

1) So z. B. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes, ³I S. 547. G. A. Müller, Christus bei Josephus. 1890, S. 14, u. a.

deutet werden. Wenn Schürer sagt: „Schon die Worte εἶπε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρῆ setzen offenbar den Glauben an die Gottheit Christi voraus ¹⁾“, so kann ich dem nur beipflichten. Der Widerspruch Berendts' gründet sich nicht auf das Antiquitätenzeugnis selbst, sondern auf den entsprechenden Satz des slavischen Zeugnisses und auf dessen Zusammenhang. Er meint: „Die Ergänzung zu diesen Worten (des Antiquitätenzeugnisses) findet sich in unserem (dem slavischen) Zeugnis und macht sie erst verständlich ²⁾“. Diese Meinung Berendts' ruht auf der Voraussetzung, dass der Interpolator des Antiquitätentextes die fraglichen Worte nicht nur dem im slavischen Texte erhaltenen Zeugnisse entnommen, sondern sie auch in dem Sinne verstanden habe, wie sie von ihrem Verfasser gemeint worden waren.

Nun hat sich uns aber schon erwiesen, dass der Interpolator des Antiquitätenzeugnisses jenes andere Zeugnis wohl gekannt, somit jene Worte also in der Tat zweifelsohne aus ihm entlehnt hat, dass er aber auf der anderen Seite keineswegs abhängig von jenem Zeugnis ist, sondern seine Interpolation durchaus selbständig formuliert hat. Daraus folgt, dass, wenn er jene Worte auch herübergenommen hat, er mit ihnen keineswegs das ausgedrückt haben muss, was sie vielleicht ursprünglich bedeuteten. Er kann sie ja auch missverstanden und, ebenso wie die modernen Kritiker seine Worte, in dem ihm, dem Christen, nächstliegenden Sinne genommen haben, nämlich als Anspielung auf die Gottheit Christi.

So unzweifelhaft auch mir nun ist, dass die einleitenden Worte des Antiquitätenzeugnisses den Glauben an die Gottheit Christi voraussetzen, so unzweifelhaft ist mir andererseits, dass die gleichlautenden Worte im slavischen Text in diesem Sinne nicht genommen werden dürfen, ja, ich meine, sie können überhaupt nicht von einem Christen herrühren.

Allerdings findet auch R. Seeberg, der sonst an der jüdischen Herkunft des Schriftstückes festhält, in den Einleitungssätzen des slavischen Zeugnisses „christliche Wendungen“ und meint die ganze Stelle mache den Eindruck, von einer Christenhand herzustammen ³⁾, sieht in ihr daher eine der wenigen,

1) A. a. O.

2) A. a. O. S. 39, Anm. 1.

3) A. a. O. S. 292, Anm. 31 und 32.

nachträglich eingefügten christlichen Interpolationen ¹⁾. Betreffs dieser, soeben in Rede stehenden Stelle vermag ich ihm nicht zuzustimmen.

Was zunächst die Konstruktion des Satzes anlangt, so hat auch schon R. Seeberg richtig beobachtet, dass hier etwas nicht in Ordnung ist. Er bemerkt: „Übrigens ist sie (diese Stelle) nicht glücklich geraten. Zu der ‚menschlichen Gestalt‘ tritt als Gegensatz die übermenschliche ‚Erscheinung‘, dann aber die ‚göttlichen Werke‘. Man erwartet nur das zweite, weil das erste überhaupt keinen richtigen Gegensatz ergibt und der doppelte Gegensatz auffällt“ ²⁾. Es liegt hier in der Tat eine Unklarheit vor, die durch die slavische Übersetzung veranlasst ist. Diese lässt sich deutsch in verschiedener Weise wiedergeben.

Im ersten Satz wird der, von dem geredet werden soll, mit einem Ausdruck, der nur auf einen Menschen passt (muž = ἀνὴρ), bezeichnet, sofort aber der Zweifel ausgesprochen, ob diese Bezeichnung zutreffend ist. Das findet im Folgenden eine Erläuterung. Als ἀνὴρ und somit als Mensch musste man ihn bezeichnen, denn „seine Natur wie seine Gestalt waren menschlich“, d. h. seine Beschaffenheit wie auch dem entsprechend sein körperliches Aussehen liess darüber keinen Zweifel aufkommen, dass man es mit einem wirklichen Menschen zu tun hatte. Und dennoch musste man daran zweifeln, denn „seine Erscheinung war mehr als menschlich“. Berendts hat korrekt „Erscheinung“ gesetzt, aber dieses deutsche Wort ist insofern doch missverständlich, als es auch in dem Sinne „körperliches Aussehen“ gefasst werden kann, also in der Tat „keinen richtigen Gegensatz“ zu ergeben scheint. Das an dieser Stelle stehende slavische Wort „srak“ ist bezeichnender und ergibt wohl einen Gegensatz. Es bezeichnet das, was man mit den Augen wahrnimmt, ohne dass das wirklich zu sein braucht, also „Erscheinung“ im eigentlichen Sinne, d. h. das, was zu sein scheint.

Der Satz will also besagen: es war ein Mensch — nach Natur und Gestalt —, also sicher ein Mensch, und doch war etwas an ihm wahrnehmbar, was dem nicht entsprach, was mehr als menschlich war. Weil so die Worte selbst einen Gegensatz zu einander bilden, ist die Übersetzung „seine Erscheinung a b e r“

1) A. a. O. S. 308.

2) A. a. O. S. 292, Anm. 31.

Der Idealismus

als lebenerhaltendes Prinzip.

Betrachtungen eines Arztes

von

Professor Dr. Alexander Jarotzky

Direktor der medizinischen Hospitalklinik a. d. Universität
zu Jurjew (Dorpat).

Vorwort.

Die vorliegende Schrift enthält eine kritische Analyse der Grundlagen, auf denen das Gebäude der modernen Medizin errichtet ist, und hat deshalb vor allem ärztliche Leser im Auge. Doch sind die Fragen, die ich hier behandle, von so allgemeiner Bedeutung für weite Kreise, dass ich mich bemüht habe, sie durch möglichst populäre Darstellung auch dem gebildeten Laien zugänglich zu machen. Die Frage nach dem Einfluss der höheren Seiten des Seelenlebens auf den Verlauf der Krankheitsprozesse hat für mich als Arzt nicht nur theoretische sondern auch praktische Bedeutung. Deshalb wendet sich dieses Buch vornehmlich an die, denen es, wie mir scheint, besonderen Nutzen bringen kann, nämlich an die an schweren chronischen Krankheiten (als: Tuberkulose, Syphilis, Herz- und Nierenkrankheiten) Leidenden, desgleichen an diejenigen, welche sich für erblich schwer belastet halten, und deren Angehörige.

Zum Schlusse komme ich einer mir angenehmen Pflicht nach, indem ich meinen aufrichtigen Dank dem Herrn Oberlehrer C. Lundmann in Dorpat ausspreche, welcher in liebens-

würdigster Weise die Uebersetzung der ersten 15 Kapitel der vorliegenden Arbeit durchzusehen sich die Mühe genommen, den übrigen Teil der Arbeit aber persönlich übersetzt hat. Seinem lebenswürdigen Entgegenkommen verdanke ich das Zustandekommen dieser deutschen Ausgabe meiner Arbeit.

Prof. Dr. Alexander Jarotzky

Direktor der medizinischen Hospitalklinik a. d. Universität
zu Dorpat (Jurjew).

Jurjew (Dorpat), den 16. September 1908.

I. Teil.

I.

Ein Rückblick auf den Zeitraum auch nur der letzten zwanzig Jahre überzeugt uns von dem grossen Fortschritt, den die medizinische Wissenschaft selbst in einer relativ so kurzen Zeitspanne gemacht hat. Besonders augenfällig wird es, wenn man vergleicht, was ich und meine Altersgenossen als Studenten der Medizin zu lernen und zu hören hatten, und was ich selbst in meinen Vorlesungen zu berühren habe. Ganze Disziplinen haben sich gewaltig verändert. Einen besonderen Fortschritt hat seit jener Zeit die Lehre von den ansteckenden Krankheiten zu verzeichnen. Während meiner Studienzeit war der Arzt der Diphtherie gegenüber vollständig hilflos. Die therapeutischen Eingriffe erwiesen keinen besonderen Nutzen, und einige von ihnen waren sogar geradezu schädlich. Keine Familie konnte sich dieser schrecklichen Krankheit gegenüber für gesichert halten, und je reicher der Kindersegen, je glücklicher also die Familie war, desto furchtbarer drohte ihr Gefahr seitens der Diphtherie. Im Laufe weniger Tage konnte eine Familie ihres ganzen Kindersegens beraubt werden. So hartnäckig war die Krankheit, so gross ihre Uebertragbarkeit, dass ganze Gebiete in Russland im Laufe weniger Jahre die ganze heranwachsende Generation einbüssten. Der Kraftaufwand der Aerzte und der Landschaften in Kampfe gegen diese Epidemie führte nicht nur zu keinem greifbaren Erfolg, sondern diente im Gegenteil dazu, gegen die Helfer in der Not Hass und Verstimmung zu säen, obgleich gerade die Aerzte die ersten Opfer der Epidemie waren und zahlreich zu Grunde gingen. Seit der Entdeckung des Diphtherieheilserums hat sich dies alles total verändert. Freilich muss die Diphtherie auch jetzt noch als ein

furchtbarer Feind angesehen werden, aber die Art ihrer Bekämpfung ist eine andere geworden. Ist die Krankheit zeitig erkannt und die Serumeinspritzung nicht zu spät vorgenommen worden, so kommt es in der weitaus grössten Zahl der Fälle zur Heilung. Wenn in einer kinderreichen Familie ein Kind an der Diphtherie erkrankt, können wir die anderen Kinder durch prophylaktische Serumeinspritzungen gegen die Krankheit schützen. Die Bedeutung des Mittels lässt sich am besten daran ermessen, das die russische Landbevölkerung, die noch vor kurzem die Schutzmassregeln gegen die Verbreitung der Diphtherie und das die letzteren anwendende medizinische Personal mit Hass und Misstrauen betrachtete, in der letzten Zeit ihre Anschauung von Grund aus geändert hat. Die Bevölkerung hat jetzt gegen solche Eingriffe wie die Seruminjektion nicht nur nichts einzuwenden, sondern sie zeigt sich in Gegenteil den Aerzten gegenüber sehr entgegenkommend. Die südrussischen einsam und weltentfernt liegenden Dörfer verschreiben das Heilserum auf eigene Kosten, damit es immer zur Hand und in genügender Menge bei dem Arzte oder Apotheker vorrätig sei.

Erstaunlich ist auch der Erfolg, den die Wissenschaft in Bezug auf die Pest gezeitigt hat. Während meiner Studienzeit galt die Pest für eine furchtbare, geheimnisvolle Krankheit, welche von den früheren Jahrhunderten her den Namen „der Schwarze Tod“ hatte. Doch über das Wesen der Krankheit und die Art ihrer Bekämpfung war man vollständig im Dunkeln. Die Pest war gleichsam eine schaurige, verhängnisvolle Macht, über welche geschichtliche Ueberlieferungen berichteten, dass sie nicht nur einzelne Länder, sondern ganze Kontinente entvölkert habe. Welchen Schreck die Pest einzuflössen imstande war, ersieht man aus der russischen Kriminalgesetzgebung, nach welcher mit der Todesstrafe nur die wichtigsten Staatsverbrechen und die Verletzung der Quarantänevorschriften geahndet wurden.

Heutzutage ist die Pestfrage in ein neues Stadium hingerückt. Wir haben nicht nur den Pesterreger — den Pestbazillus kennen gelernt, wir kennen auch die Art und Weise der Verbreitung dieser Seuche, die Rolle der Ratten dabei. Die Schutzimpfung gegen die Pest und das Pestheilserum sind entdeckt worden und haben bei ihrer Anwendung in zahlreichen Fällen gute Resultate gegeben.

Nicht minder radikal ist der Umschwung, welcher während derselben Zeit in den Ansichten über das Sumpffieber eingetreten ist. Wohl ist der Erreger des Sumpffiebers schon seit dem Ende der 70-er Jahre bekannt, doch hatte seine Entdeckung die praktische Lösung der Frage über die Bekämpfung des Sumpffiebers wenig gefördert, da die Wege, auf welchen der Schmarotzer in das Blut der Menschen gelangt, unbekannt waren. Erst der Forschung der letzten Zeit ist es gelungen die Rolle festzustellen, welche eine besondere Art der Moskitos als Verbreiter und Zwischenwirt der Sumpffiebersparasiten spielt. Diese Entdeckungen machten es erst möglich den Kampf gegen das Sumpffieber nach einem genau ausgearbeiteten Plan zu führen. Obgleich es jetzt noch viel zu früh ist von einem endgiltigen Siege über das Sumpffieber zu reden, so ist dieser doch bloss eine Frage der Zeit, der Geldmittel und der konsequenten Durchführung des Kriegsplanes. Wir, Bewohner der nördlichen Zonen, können uns keinen Begriff davon machen, ein wie gefährlicher Feind das Sumpffieber ist, wieviele Menschenleben es vernichtet und wie es ganze Ortschaften unbewohnbar macht.

Wir haben als Beispiel das Gebiet angeführt, in welchem die medizinische Wissenschaft während der letzten Dezennien die bedeutendsten Errungenschaften aufweisen kann. In den übrigen Spezialitäten der Heilkunde sind die Erfolge nicht so in die Augen fallend, ist aber immerhin Namhaftes geleistet worden. Unsere Kenntnisse haben sich in jeder Hinsicht erweitert, wir haben tiefer den Zusammenhang der beobachteten Erscheinungen erfasst, wir sind, so zu sagen, in höherem Grade Herren der Lage.

Sind schon die Erfolge, die im Laufe der letzten 20—30 Jahre erreicht worden, recht bedeutend, so kann man die Resultate der medizinischen Wissenschaft im Verlauf des ganzen letzten Jahrhunderts wirklich grossartig nennen. Die Aufzählung und Schilderung dieser Resultate gehört nicht in den Rahmen dieser Arbeit. Ich will nur erwähnen, dass unsere Vorstellungen nicht nur über das Wesen der pathologischen Prozesse, sondern über das lebende Wesen überhaupt sich im Vergleich zu früher total verändert haben, ja dass sie vielleicht erst jetzt wissenschaftliche genannt werden können. Gleichzeitig ist auch die Zahl der Heilmittel und Methoden ungemein gewachsen.

Es sei mir erlaubt nur an zwei Beispielen darzutun, in welchem Masse die Errungenschaften der Medizin auf das Leben zurückgewirkt haben. Die Schutzpockenimpfung, eine Entdeckung des XVIII. Jahrhunderts, hat sich verbreitet und Fuss gefasst im Laufe des XIX. Jahrhunderts, und dank ihr ist die Gefahr an Pocken zu erkranken vollständig geschwunden. Die Staaten, welche die Schutzpockenimpfung methodisch und konsequent durchführen, sind gegen das Auftreten von Pockenepidemien gesichert, und doch ist es noch garnicht so lange her, als die Pockengefahr noch wie ein Damoklesschwert über einem jeden einzelnen hing und diese Krankheit Entstellung, oft Blindheit oder den Tod herbeiführte.

Ein zweites Beispiel der ausserordentlichen Erfolge der Medizin bietet uns der Kampf gegen das Wochenbettfieber, eine Krankheit, welche noch unlängst jede Frau, die vor der Entbindung stand, bedrohte. Die Zahl der Wöchnerinnen, die an dem Kindbettfieber starben, war enorm, da die Ursache der Erkrankung, sowie die Art ihrer Verbreitung vollständig unbekannt waren. Jetzt sieht es damit ganz anders aus: das Wochenbettfieber kommt nur ausnahmsweise vor und zwar nur in Fällen von grober Nachlässigkeit oder Ignoranz des Arztes oder der Hebamme. Es konnte nicht ausbleiben, dass der vollständige Umschwung der Behandlungsweise während des wichtigsten Ereignisses im Leben der Frau — der Geburt — auf den Bestand der Familie zurückwirkte: es sterben weniger Mütter in der Blüte der Jahre, weniger Kinder werden zu Waisen, eine Stiefmutter kommt seltener vor.

Es schiene ganz natürlich, dass angesichts solcher Errungenschaften der Medizin diese selbst und nicht minder ihre Jünger — die Aerzte — sich einer besonderen Autorität und eines besonderen Vertrauens bei den breiten Volksmassen erfreuten. Das wäre umsomehr zu erwarten, als die jüngsten Erfolge, wie z. B. die Entdeckung des Diphtherieheilserums, zu der Hoffnung berechtigen, dass wenn nicht heute so doch morgen Mittel gegen die Tuberkulose und die Syphilis — die ärgsten Feinde der Menschheit entdeckt werden können. Die oben angeführten Triumphe der Medizin hätten den Massen doch zu der Erkenntnis verhelfen sollen, dass die Medizin, wie sie von den Kapazitäten der Wissenschaft repräsentiert wird, eine mächtige Waffe im Kampfe gegen die Krankheiten ist.

In Wirklichkeit verhält sich die Sache aber umgekehrt, und parallel den Erfolgen der Medizin wächst in den Massen das Gefühl der Unzufriedenheit mit den Resultaten der wissenschaftlichen Arbeit und das Misstrauen den Aerzten gegenüber. Es wundert uns nicht, dass das in Russland vorkommt, einem Lande, wo die Kultur so ungleichmässig verbreitet ist. Wenn bei uns das Gros der Bevölkerung es vorzieht sich beim „Snachar“¹⁾ zu kurieren, so lässt sich das vor allem durch Aerztemangel erklären. Für die Mehrzahl der Bevölkerung ist ärztliche Hilfe in der Tat unerreichbar — das Volk ist zu arm, und der Aerzte gibt es so wenig. Sehen wir, dass neben einem gebildeten und in der Praxis tüchtigen Arzt ein „Snachar“ floriert und dessen Hilfe ebenso oft, nicht selten sogar häufiger als die des Arztes, in Anspruch genommen wird, so lässt sich das unschwer durch den Bildungsmangel der Bevölkerung erklären, unter der sogar die Kunst des Lesens und Schreibens wenig verbreitet ist. Vermutlich wird mit der Ausbreitung der Bildung im Volke dem Kurpfuschertum der Boden unter den Füßen entzogen werden, und die wissenschaftliche Medizin wird allmählich festeren Fuss fassen.

Höchst überraschend ist es aber, dass wir auch im Auslande das Kurpfuscherwesen üppig blühen sehen, und das nicht nur in den katholischen Ländern, sondern auch in den hochkultivierten protestantischen, wo das Bildungsniveau der Massen besonders hoch steht. Wir sehen es in Deutschland, England und Amerika. Genaue zahlenmässige Angaben lassen sich darüber kaum geben, aber es steht fest, dass die Gegner der wissenschaftlichen Medizin, wie Kneipp und diverse Zirkel, wo das Gesundbeten geübt wird, eines gewaltigen Zuspruchs sich erfreuen, Tausende von Patienten anlocken und einen charakteristischen Zug im Leben der erwähnten Länder bilden. Man sieht, dass in Deutschland, entsprechend der Verkapitalisierung der Volkswirtschaft auch auf dem ärztlichen Gebiet grosse Unternehmungen, in welche bedeutende Geldmittel eingesteckt werden, immer häufiger werden, wie z. B. die Gründung von Sanatorien, Kurorten u. s. w. Eine ähnliche Erscheinung lässt sich auch beim Kurpfuschertum konstatieren; auch hier entstehen auf dem Grossbetrieb basierte Heilzwecken dienende

1) Snachar — Hexenmeister, der auch zugleich Kurpfuscher ist.

Unternehmungen, die sich dank dem Zuspruch unzähliger Kranken bezahlt machen.

Die Grösse dieser Heilstätten beweist uns, was für einen mächtigen Zug in der Psychologie der Volksmassen der Glaube an das Kurpfuschertum bildet.

In seinem Artikel „Die Kurpfuscher in Deutschland“ weist Dr. Gomolitzky an der Hand eines reichhaltigen Materials die grosse Verbreitung des Kurpfuschertums in Deutschland nach¹⁾. Folgende Tatsachen sollen als Illustration dienen. Laut Bericht der Medizinalkammer des Königreichs Sachsen für das Jahr 1898 überwiegt in einigen Städten des Sachsenlandes die Zahl der Kurpfuscher die der Aerzte, so z. B. in Zittau, Kochlitz u. a. In Annaberg kommen auf 28 Aerzte 36 Kurpfuscher. Die Zahl der Aerzte im ganzen Königreich Sachsen beträgt 1897, die der Kurpfuscher, eingerechnet die undiplomierten Zahnärzte, gegen 900. Es kommt also auf zwei Aerzte ein Kurpfuscher, wobei nach dem Bericht ein stetiges Anwachsen der Zahl der letzteren von Jahr zu Jahr festgestellt ist. Eine stattliche Reihe von Gerichtsverhandlungen lässt sowohl auf die Höhe des von den Kurpfuschern angerichteten Schadens, als auch auf die Unwissenheit des Volkes sogar in Deutschland schliessen. Selbst die Stellen von Fabrikärzten sind nicht selten mit Kurpfuschern besetzt.

Dr. Gomolitzky führt in seinem Artikel eine Mitteilung aus dem „Würt. Corr. Bl.“ vom 23. Dez. 1899 an, die folgenden Wortlaut hat: schon mehrere Wochen halten sich hier (in Pforzheim) zwei Araber auf, die als Wunderärzte sich einen glänzenden Ruf erworben haben. Zahlreiche Personen versichern, von ihnen geheilt worden zu sein. Der eine von den Arabern wurde wegen Betrugs zu achttägigem Arrest verurteilt. Als die Kunde davon sich unter seinen Patienten verbreitete und es ausserdem ruchbar wurde, dass nach der Verbüssung der Haftstrafe der Betrüger aus der Stadt verwiesen werden sollte, wurde von den Anhängern des Wunderarztes eine grosse Versammlung einberufen, in der dem Verurteilten und seiner Heilmethode ein begeistertes Vertrauensvotum ausgedrückt, gegen die Ausweisung ein Protest erhoben und von 400 Anwesenden unterzeichnet wurde. Die Heilmethode bestand aber

1) Russkoje Bogatstwo, 1900, № 6 (in russischer Sprache).

in der Anwendung von Massage, heissem Oel, von auf Rhabarber abgestandenem Wein, Salzwasser u. s. w., wobei zur Steigerung der Wirkung der Mixturen in letztere mit unverständlichen Zeichen bekritzelte Papierschnitzelchen hineingestreut wurden.

Ausser diesen im Artikel des Dr. Gomolitzky zitierten Beispielen kann man eine grosse Menge anderen anführen.

So schreibt Dr. Löwenfeld anlässlich der deutschen Zustände, „dass Bildung und Verstandesschärfe durchaus nicht immer parallel gehen, und dass wir bei manchen zu den Gebildeten zählenden Personen einen Hang zum Aberglauben und einer Kritiklosigkeit begegnen, die wir bei den gänzlich ununterrichteten Angehörigen der unteren Stände häufig vermissen. Wollten wir einem intelligenten Arbeiter das Tragen eines Amulettes oder eines sogen. Sympathiemittels gegen gewisse Beschwerden verordnen, so würden wir meist nur ein Achselzucken hervorrufen, in den Kreisen der Gebildeten, speziell bei manchen Damen, finden dagegen derartige Mittel noch immer Anklang“¹⁾.

Wodurch lässt sich nun dieses Gefühl der Unzufriedenheit, welches die moderne Medizin ungeachtet aller ihrer Errungenschaften gegen sich erweckt, erklären? Ein solches Gefühl ist aber zweifellos vorhanden — weite Kreise der Bevölkerung suchen ärztliche Hilfe ausserhalb der Grenzen der wissenschaftlichen Medizin.

Zur Erklärung dieser Erscheinung kann man eine ganze Reihe von Gründen vorbringen. Erstens befindet sich die Weltanschauung der breiten Volksmassen in schroffem Gegensatz zu der der wissenschaftlichen Medizin. Obgleich das Kultur-niveau der Volksmassen in West-Europa sehr viel höher steht, als in Russland, so ist es nicht destoweniger auch dort nicht hoch genug. Elementarbildung und äusserer Schliff allein berechtigten noch nicht zu dem Titel „kultiviert“.

Zweitens sind trotz der eminenten Erfolge der Medizin die Hauptfeinde der Menschheit, die Tuberkulose, die Syphilis und die bösartigen Geschwülste noch nicht bezwungen und ist ihnen gegenüber die Medizin noch ziemlich machtlos. Vielleicht lassen die teilweisen Erfolge der Medizin, von welchen

1) Dr. Löwenfeld, „Lehrbuch der gesammten Psychotherapie“, Wiesbaden, 1897, p. 59.

oben die Rede gewesen ist, um so schmerzlicher ihre Hilflosigkeit diesen Krankheiten gegenüber empfinden. Endlich sind einige, wie z. B. Metschnikoff der Ansicht, dass die Menschheit mit den Erfolgen der Medizin nie ganz zufrieden sein werde, da diese trotz der grössten Errungenschaften nie im Stande sein werde, zwei der Hauptübel im Dasein der lebenden Wesen — das Alter und den Tod — zu überwinden.

Die erwähnten Gründe zur Unzufriedenheit mit der Medizin sind sozusagen ausserhalb ihrer zu suchen, und die Medizin vermag nicht sie zu beseitigen. Es fragt sich aber doch, ob nicht der Ursprung der erwähnten Unzufriedenheit in der Medizin selbst wurzelt, ob der logische Aufbau der Medizin nicht Lücken aufweist, ob sie in ihren Schlussfolgerungen alle Ideenmomente, über welche die Menschheit heutzutage verfügt, angewandt hat, und ob nicht die Folgerungen daher einseitig und zum Teil falsch sind. Im Folgenden wollen wir versuchen das Gesamtbild der modernen medizinischen Weltanschauung einer kritischen Betrachtung zu unterziehen und damit einen Beitrag zur Beantwortung der Frage zu liefern.

II.

Das Fundament, auf welchem das ganze Gebäude der modernen Medizin aufgeführt worden, ist am Ende des XVIII. Jahrhunderts gelegt worden. Die zwei Hebel, welche den ausserordentlichen Fortschritt der Medizin im Laufe des vorigen Jahrhunderts, bedingt haben, wurden schon zu jener Zeit angesetzt. Der erste von ihnen ist die Ansicht, dass das lebende Wesen ein Mechanismus sei, in welchem alles bis zum Detail, ähnlich wie in der anorganischen Welt, durch Gesetze der Physik und Chemie erklärt werden könne; der zweite sind physiologische Experimente am lebenden Tier. Im Laufe dieser Epoche sind die grundlegenden Tatsachen festgestellt und die Wege angebahnt worden, auf welchen die Wissenschaft fortschritt. Und trotz der grossartigen Erfolge der Physiologie und Medizin während der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts, sind die Errungenschaften dieser Wissenschaften nur eine logische Weiterentwicklung und Ansammlung von wissenschaftlichen Tatsachen auf dem Wege, den Lavoisier, Bichat, Laennec und Magendie gewiesen haben.

Die Vorstellung vom lebenden Wesen als von einer Maschine wurde wissenschaftlich begründet durch die Untersuchungen von Lavoisier über den Atmungsprozess, der in der Aufnahme von Sauerstoff und der Ausscheidung von Kohlensäure besteht, ganz wie es beim Brennprozess der Fall ist. Die Atmung wurde von Lavoisier als langsames Brennen definiert. Bichat und Laennec bewiesen den Zusammenhang zwischen den Krankheitsprozessen einerseits und den pathologischen Veränderungen der Gewebe andererseits und wiesen die Richtung, in welcher später Virchow und seine Schüler so vieles geleistet haben. Magendie begann systematische Versuche an Tieren zur Lösung physiologischer Fragen.

Die Ergründung der Lebenserscheinungen durch den Tierversuch und die Vorstellung vom lebenden Wesen als von einer Maschine erwiesen sich als zwei gewaltige Mittel der wissenschaftlichen Forschung. Nehmen wir z. B. die Untersuchungen über die Organe des Blutkreislaufs. Die Bemühungen der Gelehrten des XIX. Jahrhunderts gingen dahin, sämtliche hier wahrzunehmende Erscheinungen auf die Wirkung rein mechanischer Gesetze zurückzuführen: das Herz sah man als eine Saugpumpe an, die Blutgefäße als ein System sich verzweigender Röhren. Als es den Physiologen gelungen war diese Aufgabe zu bewältigen und die Erscheinungen des Blutkreislaufs durch die Gesetze der Mechanik zu erklären, erstand vor ihnen eine neue Aufgabe, nämlich die physiologischen Vorgänge in der lebenden Zelle des Herzmuskels, deren Kontraktionen das Blut in die Gefäße hineintreibt, vom Standpunkte der Physik und der Chemie zu erklären. Diese Aufgabe läuft dahin hinaus, die Zelle als einen Mechanismus darzustellen; sie ist bis jetzt zwar nicht gelöst, aber das Prinzip, welches während der ersten Hälfte der Arbeit so fruchtbringend gewirkt hat, führt auch hier zu immer neuen Entdeckungen.

Die Wissenschaft ist nicht imstande, die absolute Wahrheit zu entdecken, und denkt auch nicht daran. Wenn man behauptet, dass das lebende Wesen eine Maschine sei, so ist das schliesslich nur eine Annahme, eine Hypothese, aber eine sehr fruchtbare Hypothese, da sie die Entdeckung einer Menge von Beziehungen zwischen den Erscheinungen bewirkt und in einem Teil der Erscheinungen die mathematische Behandlungsweise ermöglicht hat. So hat sie ein tieferes Eindringen in

die Lebensvorgänge ermöglicht und eine Menge Ergebnisse von grosser praktischer Bedeutung veranlasst. Das wissenschaftliche Tierexperiment ist eines von den wichtigsten Mitteln der Forschung im Laufe der wissenschaftlichen Entwicklung der Medizin geworden.

Es ist eine allbekannte Tatsache, dass die Methoden der Forschung und die Denkweise in der Wissenschaft ihren materiellen Inhalt stark beeinflussen. Das sehen wir auch bei der Medizin, deren Objekt der Mensch ist, aber die Art ihrer Forschung ist eine solche gewesen, dass das meiste Material, mit welchem sie arbeitet, durch Tierversuche erworben ist. Man konnte allenfalls noch den groben anatomischen Bau des Menschen an der menschlichen Leiche studieren, wollte man aber die mikroskopische Struktur der Gewebe kennen lernen, so war man gezwungen an Tieren zu experimentieren. Die Sache verhält sich nämlich so, dass der Mensch erst einige Zeit nach dem Tode sezirt werden kann; diese Zeit ist in den verschiedenen Ländern von dem Gesetz verschieden normiert, aber sie genügt immer dazu, die feine Struktur der Zellen zu verändern.

Hinsichtlich der Lehre von den physiologischen Funktionen des menschlichen Körpers lässt sich sagen, dass sie fast bedingungslos auf dem Tierexperiment beruht, denn die Vivisektion lässt sich am Menschen nicht machen. Gelingt es auch einiges am lebenden Menschen zu beobachten oder mit ihm einen Versuch anzustellen, welcher ihm nicht schadet, so haben doch die gewonnenen Resultate im Vergleich mit dem ganzen von den Physiologen aufgeführten wissenschaftlichen Bau nur einen geringen Wert.

Handelt es sich nun ferner um das Studium der Krankheitsprozesse, so lässt sich am Krankenbette wohl eine Menge von Beobachtungsmaterial sammeln, aber um es richtig einschätzen und beleuchten zu können, sind einerseits von den Physiologen gemachte Deduktionen unerlässlich, anderseits der Tierversuch, welcher die Beobachtung künstlich erzeugter Krankheitsprozesse ermöglichen soll.

Nehmen wir als Beispiel die Beobachtung an infektiös erkrankten Menschen und anderseits an Tieren, bei welchen dieselbe Krankheit durch künstliche Uebertragung der Keime hervorgerufen worden ist. Der Unterschied in beiden Fällen ist, was die Möglichkeit einer allseitigen und gründlichen Unter-

suchung betrifft, sehr gross. Das Tierexperiment erlaubt uns, mit Krankheitskeimen von verschiedener Virulenz zu arbeiten, eine beliebige Menge von Tieren zu impfen, diese nach bestimmten Zeitabschnitten zu töten und ihre Organe der subtilsten mikroskopischen und chemischen Untersuchung zu unterwerfen.

In einer für die Forschung durchaus nicht so günstigen Lage befindet sich der Gelehrte am Krankenbett. Vor allem verfügt er nicht nach Gutdünken über das zu beobachtende Material, denn dieses Material, nämlich die Kranken, kommen und gehen, entsprechend der Entwicklung der Epidemie, unabhängig von seinem Wunsch und davon, wie es ihm für die Beobachtung am besten passen würde. Die anatomische Untersuchung der Veränderungen im kranken Organismus ist nur im Falle einer Sektion möglich; dann ist sie aber erschwert, weil die Organe durch die Zersetzung schon verändert sind. Von besonderer Wichtigkeit ist der Umstand, dass der Tod bei einer Infektionskrankheit erst dann eintritt, wenn die Widerstandsfähigkeit des Organismus gegen die bakterielle Schädlichkeit schon vernichtet ist. Bei der Sektion erfahren wir nichts über die Veränderungen im Organismus während des allmählichen Unterliegens im Kampfe gegen das tödliche Prinzip, sondern sehen nur das Endstadium eines abgelaufenen Prozesses. Von dem letzteren auf das Vorhergegangene zu schliessen ist nicht leichter, als nach einer Palastruine auf dem Brandplatze den herrlichen Bau vor seinem Untergange zu rekonstruieren.

Die Untersuchungsmethoden am Krankenbett sind heutzutage fein ausgearbeitet. Der Arzt arbeitet mit allen Hilfsmitteln, welche die Physik und Chemie ihm in die Hand geben, und welche ihn die feinsten Nüancen in der Veränderung des Organismus wahrnehmbar machen. Infolgedessen ist die Krankenuntersuchung sehr kompliziert geworden, sie besteht aus einer Unmenge einzelner Untersuchungen, man muss jahrelang arbeiten, um sich die ganze Methodik anzueignen, und trotzdem sind die Resultate der Untersuchung nicht selten nur annähernd richtig. Um über den Zustand der Blutzirkulation im gegebenen Moment sicher urteilen zu können, muss man vor allem die Höhe des Druckes bestimmen, unter welchem das Blut in den Gefässen zirkuliert. Beim Tier ist das sehr leicht.

Man öffnet ein Blutgefäß und liest die betreffende Höhe vom eingestellten Manometer ab. Beim Menschen geht das nicht an. Man hat infolgedessen viel Mühe darauf verwandt, eine Methode zu finden, um die Höhe des Blutdrucks beim Menschen ohne operativen Eingriff zu bestimmen. Im Laufe von Jahrzehnten hat man eine Menge sinnreicher Apparate konstruiert, ohne die Aufgabe zur Zufriedenheit gelöst zu haben. Der Blutdruck lässt sich zur Zeit noch nicht mit Genauigkeit messen. So erweist es sich, dass trotz der Mannigfaltigkeit der Untersuchungsmethoden, trotz der zuweilen glänzenden Resultate, zu denen sie führen, das durch ihre Anwendung gewonnene Urteil doch immerhin ein hypothetisches ist; dabei ist nicht zu vergessen, dass seine Begründung in letzter Instanz im Tierexperiment liegt und durch die aus diesem gewonnenen Resultate bedingt wird.

Danach ist es begreiflich, das vor dem geistigen Auge des wissenschaftlich gebildeten Arztes, bei dem Gedanken an eine von der Norm abweichende Tätigkeit des einen oder anderen Organs das entsprechende Tierexperiment im physiologischen Laboratorium auftaucht. Hat er mit einer Erkrankung des Herzens zu tun, so sieht er das isolierte resp. ausgeschnittene Herz, wie es dank seinen Kontraktionen durch ein System von Röhren künstliches Blut treibt und durch das letztere stundenlang am Leben erhalten wird, oder es drängt sich ihm die Erinnerung an ein anderes Experiment auf, wo das Herz an seinem Platz gelassen ist, aber unter der Einwirkung irgend eines Nervenreizes seine Funktion ändert.

Bei der Behandlung eines Magenkranken wird der Arzt sich an J. P. Pawlows berühmte Experimente über die Funktion des Drüsenapparats im Magen der Hunde erinnern. Auch wenn der Arzt mit ansteckenden Krankheiten zu tun hat, wird ihm der ganze Prozess klarer und verständlicher erscheinen, wenn er die Eindrücke, die er von dem entsprechenden Tierexperiment bekommen hat, im Geiste wieder auffrischt. Hat er einen Fall von Tuberkulose, so wird er sich die Fälle von künstlich erzeugter tuberkulöser Infektion bei den Meer-schweinchen vergegenwärtigen. Und wenn er einen von einer akuten Infektionskrankheit betroffenen Patienten vor sich hat, muss er geradezu sich eine ganze Reihe von künstlich an Tieren erzeugten Infektionsprozessen vorstellen, die durch die

krankheitserregenden Bakterien in verschiedener Dosierung und verschiedener Virulenz hervorgerufen sind; sonst wird er sich kein klares Bild von dem Zusammenhang der einzelnen Krankheitserscheinungen und ihrem Verlauf machen können.

Die klinische Arbeit des Arztes ist dermassen mit dem physiologischen Experiment verbunden, dass man angefangen hat, bei den Kliniken Laboratorien einzurichten, um durch den Tierversuch die lückenhafte Beobachtung am Krankenbette zu ergänzen. Dass die innigen Beziehungen zwischen den beiden Instituten für die Wissenschaft im höchsten Grade förderlich sind, braucht kaum gesagt zu werden.

III.

So ist die Auffassung des lebenden Wesens als eines Mechanismus und die Verbindung des Laboratoriums mit der Klinik die Grundlage für die gewaltigen Fortschritte der Medizin im verflossenen Jahrhundert geworden, aber unzweifelhaft hat diese Richtung auch ihre ungünstigen Folgen gehabt. Der Grund dafür ist in Folgendem zu suchen: Die Methode der wissenschaftlichen Forschung ist ein Werkzeug in der Hand des Forschers. Aber je besser diese Methode ist, je grössere Resultate sie gibt, desto mehr knechtet sie den nach ihr Arbeitenden. Der Arbeiter passt sich seinem Werkzeug an. Das findet in der Weise statt, dass die Methode der Forschung einen Kreis von Tatsachen bedingt, innerhalb dessen der Forscher sich mit seinen Resultaten bewegt. Es ist leicht verständlich, dass eine Arbeit, die viele Jahre und von mehreren Generationen mit einem gewissen Material ausgeführt wird, sich schliesslich die Arbeitenden selbst in gewisser Hinsicht anpasst. Welches Gepräge ist nun dem Arzt durch die experimentelle und materialistische Richtung aufgedrückt?

Man kann nicht leugnen, dass die Richtung, in welcher sich die Medizin im letzten Jahrhundert entwickelt hat, den Begriff des kranken Menschen vereinfacht und schematisiert.

Es ist selbstverständlich, dass durch die Vorstellung vom lebenden Wesen als von einer Maschine in verhängnisvoller Weise unsere Anschauung vom lebenden Wesen vereinfacht und schematisiert wird. Ungeachtet aller Vorbehalte, dass man es mit einer ungewöhnlich komplizierten und vollkommenen

Maschine zu tun habe, werden bei der Erforschung vor allem die elementaren, dem lebenden Wesen und der von Menschenhand verfertigten Maschine gemeinsamen Beziehungen hervortreten und die mehr komplizierten, im gegenwärtigen Augenblick nicht in die Formel hineinpassenden Erscheinungen weniger berücksichtigt werden. Das wird natürlich besonders der Fall sein bei der Erforschung der Erscheinungen des Seelenlebens. Es erscheint so als ganz rationell, die höchsten Seeleneigenschaften, die idealen Bestrebungen, die Begeisterung und d. m. als das Ergebnis der besonderen Struktur des Nervensystems und chemischer und anderer molekularer Prozesse in den Elementen des Nervensystems aufzufassen. Doch diese Aufgabe liegt zur Zeit ausserhalb des Gebiets der wissenschaftlichen Forschung.

Ebenso musste der Umstand, dass der klinischen Behandlungsweise gewöhnlich das Tierexperiment zu Grunde gelegt wird, den Gesichtspunkt des Arztes hinsichtlich des Patienten beeinflussen. Freilich ist der Mensch ein Tier, und zwar ein Tier, welches den Menschenaffen (Gorilla, Schimpanse, Orang-Utan) wahrscheinlich näher verwandt ist, als diese den anderen Tieren und sogar den Affen. Aber wenn auch der Mensch ein Tier ist, so ist er doch ein Tier von einer ganz besonderen Art, das sich durch ungewöhnliche Entwicklung des seelischen Lebens auszeichnet, — ein Tier, dessen Handlungen durch komplizierte, hohe sittliche Prinzipien bedingt sein können, das zu ungewöhnlicher Erhebung der Seele befähigt ist.

Wenn wir nur nachfragen, wie die medizinische Wissenschaft den kranken Menschen behandelt, so sehen wir, dass heutzutage ein Unterschied zwischen der Menschen- und der Tierheilkunde nicht besteht, dass die beiden sich vielmehr decken. Vom allgemeinen Standpunkt wäre es ganz richtig die Tierheilkunde als den Inbegriff der Pathologie und Therapie sämtlicher Lebewesen zu definieren und die jetzige Medizin nur als einen speziellen Teil des ganzen zu betrachten. Ungeachtet ihres mehr speziellen Charakters könnte letztere reicher an Inhalt und besser ausgearbeitet sein, da ihr Objekt höher organisiert und für uns interessanter ist als die übrigen Organismen.

Im gegenwärtigen Moment verhält sich die Sache anders. Der praktische Teil der Tierheilkunde und die praktische Medizin sind nach demselben Grundriss aufgebaut und haben die-

selben leitenden Prinzipien, sie sind dem Wesen nach identisch. Ein jeder tüchtige Tierarzt könnte bei gutem Willen auch Menschen behandeln. Seine Wissenschaft gibt ihm die theoretische Basis, die allgemeinen Gesichtspunkte und die meisten therapeutischen Eingriffe. Die Modifizierung des Allgemeinen in Anwendung auf den Menschen wäre nicht grösser, als bei der Behandlung einer beliebigen, dem Veterinär noch unbekannteren Tierart.

Es wäre angebracht, wenn es sich nur um Operationen handelte, denn die Grundsätze, nach welchen eine Operation heutzutage geleitet wird, sind dieselben, ob nun ein Mensch oder ein Tier operiert wird, ja die Operation, die am Menschen ausgeführt werden soll, wird zuerst sorgfältig am Tier studiert. Auch die Fälle von Infektionskrankheiten, wo der Patient bewusstlos oder mit getrübbten Bewusstsein darniederliegt, könnten von demselben Gesichtspunkt betrachtet werden. Die Behandlung eines solchen Menschen wäre mit der Fürsorge um einen verdorbenen Mechanismus zu vergleichen, bei dem es darauf ankommt, ihn nicht vollständig stocken zu lassen. Dass ein derart kranker Mensch sich kaum von einem kranken Tier unterscheidet, ist evident, und die Behandlung beider könnte mutatis mutandis die gleiche sein. Nun braucht aber kaum gesagt zu werden, dass eine solche vereinfachte Einschätzungsweise des Menschen in den meisten Krankheitsfällen unangebracht und unzulässig, ja sogar unlogisch ist, denn sie ignoriert vollständig den gewaltigen Unterschied, welchen die geistige Organisation des Menschen zwischen ihm und sogar den höchst organisierten Tieren bildet.

Das Herz des Menschen stellt in der Tat eine Art von Pumpwerk vor; es wäre aber nicht richtig den herzkranken Menschen als eine Maschinerie mit einem verdorbenen Pumpmechanismus zu betrachten und demgemäss zu behandeln.

Wir haben wohl eine besondere Art von therapeutischen Massnahmen, welche zur Heilung von Kranken angewandt wird. Das ist die sogenannte Psychotherapie. Aber bei gründlicher Prüfung dieses Zweiges der Medizin finden wir auch hier dieselben Ideen und dasselbe Verfahren, welche der Veterinär bei der Behandlung seiner kranken Tiere anwendet. Die Hauptrolle spielen in der Psychotherapie die Massnahmen zur Aufmunterung des Kranken. Die Mittel dazu können sehr kom-

pliziert sein und aus langen, dem Zweck entsprechend ausgearbeiteten Reden bestehen; ihrem Wesen nach aber unterscheiden sie sich in nichts von dem Versuch eines Mannes, sein krankes Tier durch den Ton der Stimme und Streicheln aufzumuntern. Auch die nicht minder wichtige zweite Gruppe von Hilfsmitteln der Psychotherapie, die in der Isolierung des Kranken von aufregenden Eindrücken und der Schaffung einer ihn anheimelnden Umgebung besteht, ist wenigstens im Rudiment der Tierheilkunde nicht fremd. Das Seelenleben spielt zwar im Haushalt des tierischen Organismus eine geringe Rolle, dennoch ist unzweifelhaft auch beim kranken Tier die Psychotherapie anzuwenden. Das kranke Tier wird von seinem Herrn zarter behandelt als sonst, und vor allem ist darauf zu achten, dass es nicht gereizt werde.

Vor besonderer Bedeutung in der Psychotherapie ist die Anwendung des Hypnotismus und der Suggestion als Heilfaktoren¹⁾. Es ist aber allbekannt, dass auch Tiere suggestiv beeinflussbar sind, und dass man sie hypnotisieren kann. Der Hypnotismus ist übrigens ein Eingriff in das Seelenleben des Menschen nicht in veredelndem Sinne, er hebt nicht die sittlichen Kräfte der Seele und bringt die edelsten Seiten des Gemüts nicht zur Entfaltung, sondern senkt das Niveau der Seelentätigkeit, engt, indem er die Aufmerksamkeit auf einen Punkt konzentriert, das Bewusstseinsfeld ein. Ausserdem paralyisiert er die Widerstandskraft des Kranken und schädigt so ihn als sittliche Persönlichkeit.

Grossen Beifalls erfreut sich bei den Psychotherapeuten die sogenannte „larvierte“ Suggestion²⁾. Dieser Eingriff besteht darin, dass der Kranke in dem Glauben, ein stark wirkendes Mittel zu gebrauchen, ein unschuldiges Mittelchen sich einverleibt. Auf solche Weise gelingt es mit Brotpillen oder Gaben einfachen Wassers bei dem Kranken günstige Erfolge zu erzielen, und in einigen Fällen können derartige indifferente Mittel, wenn der Kranke nur von ihrer Wirksamkeit überzeugt ist, bedeutende physiologische Effekte hervorrufen, z. B. Durchfall oder Verstopfung, genau so, als ob der Kranke ein Abführ-

1) Vgl. Löwenfeld „Lehrbuch der gesammten Psychotherapie“, 1897. Wiesbaden.

2) Daselbst. S. 129.

mittel oder Opium bekommen hätte. Solche Erscheinungen kann man, beiläufig bemerkt, mit den neuerdings von J. P. Pawlow studierten „bedingten Reflexen“ in eine Reihe stellen. Diese Erscheinung besteht in Folgendem. Ein Hund wird in einer bestimmten Umgebung gefüttert, wobei etwas getan wird, was mit dem Akt des Fressens in keinem Zusammenhange steht, man zündet z. B. die Lampe an, oder lässt den Gong ertönen und dgl. Mit der Zeit entsteht zwischen der Vorstellung vom Fressen und dieser zufälligen Erscheinung eine Assoziation, so dass beim Anzünden der Lampe oder Ertönen des Gongs bei dem Hunde Speichel- oder Magensaftabsonderung entsteht, als ob wir dem Tier Fleisch oder sonst etwas Fressbares verabreicht hätten. Falls dem Signal mehrere Male der Reihe nach das Essen nicht folgt, so fängt die erwähnte Assoziation allmählich an sich aufzulösen, und das Signal wird immer weniger Speichel- und Magensaft auslösen. Es ist nicht schwer einzusehen, dass wir nötigenfalls die „bedingten Reflexe“ bei Tieren zu Heilzwecken verwenden könnten, ähnlich wie die larvierte Suggestion beim Menschen.

Es ist zweifellos, dass der moderne Arzt alles daran setzen muss, um bei seinem Patienten das rechte Verständnis für seinen augenblicklichen Zustand und die Behandlungsweise zu erwecken. Die Heilmethoden, die Lehre von dem Milieu für ihre Anwendung, die Diät, die Ansichten über die zu ergreifenden Vorsichtsmassregeln sind heutzutage so detailliert ausgearbeitet, sind so kompliziert, dass ihre Anwendung nur unter der Bedingung möglich ist, dass der Kranke selbst verständnisvoll dem Arzt in Allem entgegenkommt und die Ansichten des letzteren über die Ursachen der Erkrankung und Zweckmässigkeit der Heilmethode teilt. In dieser Richtung muss der Arzt auf den Kranken einzuwirken bestrebt sein. Es versteht sich von selbst, dass bei einer solchen Stellung des Arztes zum Kranken eine Analogie mit der Tierheilkunde nicht mehr möglich ist. Der Arzt versucht, indem er das Selbstbewusstsein des Kranken zu heben und sein Verständnis für den eigenen Zustand zu schärfen bestrebt ist, in ihm gleichsam einen zweiten Arzt zu erziehen, dessen Pflicht es ist, sich selbst zu überwachen und zu kurieren. Obgleich die so geschaffenen Verhältnisse in der Tierheilkunde undenkbar sind, muss doch gesagt werden, dass ein gewisser Anknüpfungspunkt immerhin

da ist. Der Arzt kann nämlich dem Patienten nicht mehr beibringen, als er selbst weiss, und sogar im günstigsten Falle, wenn ein sehr gescheidter Arzt einen hochintelligenten Patienten hat, sind beide in einen und denselben Ideenkreis gebannt, und dieser ist der Medizin und der Tierheilkunde gemeinsam.

IV.

Die moderne Tierheilkunde stellt sich uns als eine logisch durchdachte, abgerundete Wissenschaft vor. Das ganze Tatsachenmaterial, das ihr zur Verfügung steht, hat sie sachgemäss zu wissenschaftlichem Aufbau verwendet. Anders verhält es sich mit der modernen Medizin. Die während des XIX. Jahrhunderts angewandten Prinzipien der wissenschaftlichen Untersuchung (z. B.: — die Erklärung der Lebensvorgänge nach Grundsätzen der Mechanik und des Tierexperiments) haben eine Unmasse von neuen Tatsachen an den Tag gefördert und zu unerwarteten Schlussfolgerungen geführt; aber diese Unmenge des Materials hat die Medizin verschüttet und erdrückt. Im Geiste der Aerzte hat sich der Unterschied zwischen Menschen und Tier verwischt, sie haben das Dasein der ethischen Seite der menschlichen Psyche übersehen, die Fähigkeit des Menschen sich für das Edle zu begeistern und sich in seinen Handlungen von höheren Motiven leiten zu lassen zu ignorieren gelernt. Dass der Mensch einen edleren Teil des Seelenlebens hat, leugnen die Aerzte nicht, sie sind aber der Meinung, dass er in die Sphäre der ärztlichen Tätigkeit nicht hineinragt, das heisst, zu Erkrankungen im beobachtungswerten Masse nicht praedisponiert und als Heilfaktor nicht tätig ist. Die Aerzte, welche einen gewissen Einfluss der Seele, im edleren Sinne des Wortes, auf den Gesundheitszustand nicht leugnen wollen, sind doch der Ueberzeugung, dass die Fragen über die höchsten Seiten des Seelenlebens, die Ideale und ihre Verwirklichung, nicht ins Gebiet der Medizin gehören; der Kranke selbst, oder wer es wolle, könne sich dafür interessieren, der Arzt, als ein solcher, brauche es nicht. Seine Sache sei, das Bein, den Arm, das Hirn oder das Herz zu heilen unter Anwendung der in der Tat mächtigen Mittel, welche die Physik, die Chemie und der Tierversuch ihm darbieten. So hat sich die moderne Medizin, ungeachtet dessen, dass sie ihre Erfahrung so viel wie möglich

zahlenmässig und durch Formeln auszudrücken bestrebt ist, eines groben logischen Fehlers — einer Unwissenschaftlichkeit — schuldig gemacht. Wenn jemand bei einer wissenschaftlichen Untersuchung nur einen Teil der ihm zu Gebote stehenden Tatsachen berücksichtigt, wird er zweifellos zu falschen Schlüssen gelangen, auch wenn er das übrige lückenhafte Material in wissenschaftlicher Hinsicht fehlerfrei bearbeitet.

Es ist nicht belanglos zu bemerken, dass, trotz der vielgerühmten Fortschritte der Medizin im verflossenen Jahrhundert, die Person des Arztes viel von ihrem Nimbus eingebüsst hat, dass sie unbedeutender geworden ist als in früherer Zeit. Das hängt vom Umschwung in dem Leben der Menschheit ab. Die Menschen der früheren Generationen waren mehr sesshaft, als es jetzt der Fall ist, es überwog die Bevölkerung des flachen Landes und der Ortschaft, die Familienmitglieder trennten sich nicht von einander und verbrachten ihr Leben gewöhnlich in der Heimat und liessen sich von einem und demselben Arzt behandeln. Dieser war zuweilen der Berater von drei Generationen, der Hausarzt der guten alten Zeit, welcher seine Patienten, die vor seinen Augen geboren wurden, wuchsen und alt wurden, aufs genaueste kannte. Er brauchte nicht nach dem Vorleben seiner Patienten zu forschen, denn er kannte es aus Erfahrung. Er hatte nicht nur Gelegenheit die Familie in ihrem Werden und Wachsen zu beobachten, er kannte auch nicht selten infolge der Sesshaftigkeit der Leute die ganze Verwandtschaft seines Patienten bis in die Seitenlinien hinein. Nicht minder bekannt waren ihm auch die Lebensbedingungen, unter welchen seine Patienten sich befanden. Der Arzt galt als ein Freund, ein hochgeehrter Mann, dessen vielerprobte Ratschläge die Leute schätzten und befolgten.

Jetzt ist das Bild anders. Die Bevölkerung strömt vom Lande in die grossen Städte, sie ist sehr beweglich geworden: heute lebt der Mensch in dieser Gegend, morgen zieht er anderwärts hin. Beim Arzt erscheinen die Patienten als wildfremde Leute, er kann ihnen im besten Fall nur Viertelstunden seiner Zeit opfern, sehr oft sieht er sie nur einmal im Leben.

Die Entwicklung der Medizin selbst hat einiges zur Verarmung der Persönlichkeit des Arztes beigetragen. Die medizinische Wissenschaft ist in der jüngsten Zeit so umfangreich geworden, dass es für den einzelnen Menschen ein Ding

der Unmöglichkeit ist sie ganz zu beherrschen und die Spezialisierung sich als der natürliche Ausweg aufdrängt. Doch der Zerfall in die bekannten Disziplinen — Chirurgie, innere Krankheiten u. s. w. hat sich als unzureichend erwiesen, und eine weitere Spezialisierung hat sich innerhalb einer jeden dieser Disziplinen vollzogen: wir haben Aerzte für Magen- und Darmkrankheiten, für Stoffwechselkrankheiten u. s. w. Für die Wissenschaft verspricht diese Arbeitsteilung nur Erfolg, denn der Umstand, dass ein einzelner Beobachter eine grössere Menge seltener Fälle zu studieren bekommt, fördert ungemein die wissenschaftliche Erkenntnis. Für den Arzt bedeutet sie eher einen weiteren Schritt zur Schematisierung des Menschen, zur Kräftigung der Ansicht, dass der kranke Mensch einem verdorbenen Mechanismus gleich zu achten sei.

Endlich war die Lebenslage des Arztes früher eine viel bessere. Er lebte wohl bescheiden, hatte aber genug freie Zeit, um sich zu erholen, zu lesen, nachzudenken; der heutige Arzt opfert seine ganze Zeit dem Broterwerb. Demgemäss sind die Forderungen, welche die medizinische Wissenschaft an den Arzt und an den Kranken stellt, höher geschraubt worden, die Persönlichkeit des Arztes selbst hat aber im Vergleich zu früher eingebüsst.

Im Laufe der Erörterung pflegten wir der Medizin die Tierheilkunde gegenüber zu stellen. Es ist sehr interessant die Resultate, die von beiden erreicht sind, zu vergleichen. Im Publikum denkt man geringschätzig über die Tierheilkunde. Es kommt wahrscheinlich daher, dass die Vergangenheit dieser Wissenschaft nicht ruhmvoll ist. Mancher macht unwillkürlich die Tierheilkunde als solche für die Misserfolge irgend eines ungeschickten Tierarztes verantwortlich oder denkt an die Erzählungen der Landleute über die Grosstaten eines Pferdekurpfuschers. Das lässt sich aber nicht mehr auf die moderne Tierheilkunde beziehen, diese erscheint vielmehr als eine von den einflussreichsten Wissenschaften der Neuzeit, die sogar in unkultivierten und zurückgebliebenen Ländern, wie z. B. Russland, Wunder wirkt, indem sie furchtbare Seuchen, wie z. B. die Rinderpest u. s. w. ausrottet oder minder gefährlich macht.

Die Tierheilkunde ist heutzutage, da sie der Bakteriologie mächtige Waffen entleiht und mit dem Leben des einzelnen Tieres nicht viel Zeremonien macht, eine fast allmächtige Wis-

senschaft geworden. Die Ausrottung so furchtbarer Krankheiten wie z. B. der Tuberkulose, gegen die der Menschenarzt so wenig vermag, ist für die Tierärzte nur eine Frage der Zeit und des Geldes, des letzteren nur in engeren Sinne, denn das ausgeworfene Geld macht sich hundertfältig bezahlt. Um eine tuberkulosefreie Herde zu erzielen, teilt man den Viehbestand in zwei Gruppen — die gesunde Gruppe und die infizierte. Die erstere wird auf Kosten der zweiten vermehrt, indem man nur das gesunde Jungvieh aufzieht. Da die Wissenschaft uns die Möglichkeit gibt mit einem einfachen Mittel den Zustand der Herde betreffs der Verseuchung mit Tuberkulose einwandfrei zu kontrollieren, die kranken Tiere vollständig isoliert, im schlimmsten Falle geschlachtet werden können, so lässt sich bei planmässigem Vorgehen ein tuberkulosefreier Viehbestand ohne grosse Schwierigkeiten erreichen. Als ich einst zu einem Veterinär bemerkte, dass es ihnen nicht schwer falle, die Ausbreitung einer Seuche durch Tötung der angesteckten Tiere zu verhindern, meinte er, dass nicht nur die erkrankten Tiere getötet werden sollten, sondern im ernstesten Falle auch die gesunden, wenn diese mit dem erkrankten in Berührung gekommen seien. Das ist entschieden ein radikales Mittel. Ausserdem wird der Kampf gegen die Tierseuchen erfolgreich durch die Anwendung der Heilsera und Schutzimpfungen unterstützt, so dass, wenn heutzutage einer Epizootie nicht energisch zu Leibe gegangen wird, man vermuten kann, dass man noch nicht Zeit gehabt hat, die nötigen Massregeln zu ergreifen, oder dass der materielle Schaden durch die Seuche nicht von Belang ist. Ein Vorzug des Veterinärs liegt ferner in dem Umstand, dass er ein grösseres Verfügungsrecht über sein Material hat und infolgedessen die Wirkung wichtiger biologischer Faktoren seinen Zielen unterordnen kann. Indem er die Zuchttiere nach seinem Belieben paart, zieht er, dank dem Gesetz der Vererbung, neue Tierarten, die seinen Anforderungen entsprechen; er züchtet neue Arten, die imstande sind, schädlichen Einflüssen zu widerstehen.

Anders verhält es sich mit der Medizin. Das Prinzip der Unantastbarkeit der Person und die sozialpolitischen Verhältnisse der Menschheit fesseln die Medizin an Händen und Füssen, wenn es sich um die praktische Verwertung ihrer theoretischen Erkenntnisse handelt. Das Material, d. h. den kranken

Menschen wird sie gezwungen als Selbstzweck aufzufassen. Sie kann z. B. die Fortpflanzung der Schwindsüchtigen, der Syphilitiker und der Degenerierten nicht verhindern; und was daraus folgt, ist eine sieche Generation, welcher gesundheitlich aufzuhelfen er ebenso wenig imstande ist wie den Eltern. Eine körperliche Wiedergeburt der Rasse können wir nach der jetzigen wissenschaftlichen Einsicht nur von einer langsamen Sanierung der sozialen Verhältnisse oder von der natürlichen Zuchtwahl erhoffen, die ein allmähliches, qualvolles Aussterben der Minderwertigen und ihre Ersetzung durch gesunde und starke Individuen zur Folge hat. Ob die Gesundung der sozialen Verhältnisse veredelnd auf die Rasse zurückwirkt, ist schwer zu beweisen, aber höchst wahrscheinlich.

Es fragt sich aber, ob es den Menschen viel nützen würde, wenn die Medizin plötzlich in den Besitz solcher Mittel und Heilgriffe gelangen sollte, dass sie die meisten Krankheiten bannen könnte. So wie die Dinge sich jetzt verhalten, müssen wir diese Frage mit einem kategorischen „Nein“ beantworten. Die Morbidität hängt viel weniger von dem jeweiligen Stand der medizinischen Wissenschaft ab, als von der Produktivität der menschlichen Arbeit und vor allen Dingen von der Verteilung der Arbeitsprodukte. Gegenwärtig geschieht diese Verteilung nicht nach Massgabe der Bedürfnisse des Einzelnen und seiner Beteiligung an der Produktion, sondern entsprechend seiner politischen und sozialen Lage, so dass die am meisten Produzierenden, d. h. die Arbeiter am wenigsten bedacht werden. Die Lage des Arbeiters ist, was den Schutz seiner Gesundheit betrifft, grösstenteils schlimmer als die eines Arbeitstieres. Ein Besitzer sorgt sehr dafür, dass seine Zug- und Lasttiere in möglichst gutem Zustande erhalten werden, denn bei Erkrankung eines Tieres muss er es durch ein neues ersetzen, was Geld kostet. Anders ist das Verhältnis zwischen dem Arbeitgeber und Arbeitnehmer. Hier liegt das entscheidende Moment darin, dass für den Arbeitgeber die Person des Arbeiters nichts, seine Arbeitskraft aber alles ist, und dass er sich kein Gewissen daraus macht den Arbeiter durch einen anderen zu ersetzen, sobald seine Arbeitskraft versagt. Der Arbeiter ist eine Maschine, für deren Benutzung der Fabrikant etwas zahlen muss, deren Anschaffung oder Ersetzung aber ihm nichts kostet.

Die jetzige gesellschaftliche Ordnung ist also auf die Aus-

beutung der einen Klasse durch die andere aufgebaut, und das fällt bei der Beurteilung massenhygienischer Zustände schwer in die Wage. Die Bestrebungen, die auf die Hebung der Volksgesundheit gerichtet sind, werden nur dann etwas Positives erreichen können, wenn der Staat das Wohlergehen des einzelnen als seine höchste Aufgabe anerkannt haben wird. Ein jeder Mensch stellt eine gewisse produktive Einheit dar, deren Entwicklung dem Staat etwas gekostet hat, und deren Erhaltung schon deswegen allein die Sache eines gesunden Geschäftssinnes ist.

Der moderne Staat ist ein wirtschaftliches System, welches von der kleinen herrschenden Klasse nicht zum allgemeinen Wohl, sondern im Interesse enger selbstsüchtiger Klasseninteressen geleitet wird. Die grosse Masse der Bevölkerung kommt für diese Minderheit nur soweit in Betracht, als sie die indirekten Abgaben bezahlt, aus ihrer Mitte die Soldaten zum Schutz der regierenden Klasse gegen die äusseren und inneren Feinde stellt und auf den Fabriken als Arbeiterhände dient. Der Missbrauch der Volkskraft ist dabei unvermeidlich, er gehört zum System. Dass die lebende Arbeitsmaschine bald verschlissen und gebrauchsuntüchtig wird, geniert die herrschende Minderheit nicht im Geringsten, wenn nur das Ersatzmaterial vorhanden ist. Dass der Mensch, den die moderne wirtschaftliche Ordnung so schonungslos abhetzt, mit vieler Mühe und Sorge erzogen worden, fällt am wenigsten ein.

Der berühmte Satyriker Swift hat ein Pamphlet verfasst mit dem Titel „Ein bescheidener Vorschlag zur Erreichung dessen, dass die Kinder des einfachen Volks in Irland ihren Eltern nicht zur Last fallen, sondern zum allgemeinen Wohl verwertet werden sollen“¹⁾. Er schlägt darin den begüterten Klassen vor, die Kinder der einfachen Leute in den Speisezettel aufzunehmen. Soweit ist es weder in Irland noch in Russland gekommen, aber in dem letzteren Lande ist doch die enorme Kindersterblichkeit die grässlichste Erscheinung, die man sich nur denken kann, und man kann ohne Uebertreibung sagen, dass mit den Millionen Pud Weizen, die Russland jährlich exportiert, Tausende von Kindermorden verübt werden, denn von

1) The works of Jonathan Swift. Edinburgh, Nimmo, Hay and Mitchell 1889, p. 475.

tausend Neugeborenen stirbt ungefähr die Hälfte vor der Erreichung des fünften Lebensjahres¹⁾.

Wir haben die ungemein schwierigen Verhältnisse, unter welchen der Arzt für das Wohl seines Patienten zu kämpfen hat, kurz skizziert. Aus dem gesagten ersieht man, dass der Arzt, wenn er seinen Kampf erfolgreich führen will, sämtliche dem Menschen verliehenen Kräfte zu dem Zweck ausnutzen soll um die gesamte Menschheit vor dem Leiden zu befreien. Zu den unausgenützten Kräften, die von dem medizinischen Denkern bisher vollständig ignoriert wurden, gehört auch die ethische Seite der menschlichen Psyche, das Streben zum Ideal und das Streben, die Ideale im Leben zu verwirklichen.

V.

Es sei mir erlaubt der weiteren Ausführung des Gesagten ein Beispiel aus der Geschichte vorzuschicken. Ich wähle dazu das Rittertum und seine Ideale in dem eigenartigen Milieu des Mittelalters. Der Kampf der Menschen gegeneinander ging zu jener Zeit in den denkbar grössten Formen vor sich. Der Erfolg im Leben war auf der Seite des mit roher physischer Kraft und mit Gewandtheit im Gebrauch der Waffen ausgerüsteten Haudegens. Mit der Lanze den Feind aus dem Sattel zu heben, nötigenfalls ihm mit der Keule den Schädel zu zertrümmern oder ihm die Degenspitze in den Leib zu treiben — das waren Leistungen, zu denen der Ritter sich sein Lebenlang trainierte. Man sollte nun meinen, dass zu diesem physischen Ideal das seelische Korrelat von solchen Eigenschaften wie Schlaueit des Fuchses, Herzlosigkeit, Hinterlist das Naturnotwendige wäre.

1) Laut den Sterblichkeitstabellen, die Prof. Bortkewitsch für die orthodoxe Bevölkerung Russlands ausgerechnet hat, starben in dem Zeitraume von 1874—1884 von tausend Neugeborenen bis zum fünften Lebensjahre 469,09, in West-Europa nur 301,97. Nach den Angaben des zentralen statistischen Komitees starben im Laufe von 15 Jahren von 1867—1881 von 1000 Neugeborenen bis zum fünften Lebensjahre durchschnittlich 426,5. Die entsprechende Zahl war für West-Europa 285 vom Tausend, wobei zu bemerken ist, dass in vielen Ländern die Ziffer noch niedriger ist, z. B. in Frankreich 248,7, in England 246, Schweden 226,1, Dänemark 206,8, Norwegen 173,4, Irland 169,2 (S. Russische Semstwomedizin, herausgegeben für den XII. internationalen Aertzekongress, Moskau. 1899, p. 27).

In Wirklichkeit war aber das Entgegengesetzte der Fall. Das Zeitalter des Rittertums ist grade durch einen Aufschwung des Idealismus, wie sonst keins, ausgezeichnet, und das Rittertum als Träger des Idealismus ist auch heute noch sprichwörtlich. Die heiligste Pflicht des Mannes war die Schwachen zu beschützen, die Frauen zu ehren, für das Recht einzustehen und seiner Herzensdame uneigennützig treu zu dienen.

Guillaume Graf d'Ostrevent musste im Jahre 1330 vor dem Bischof der Stadt Cambrai das folgende Gelübde ablegen: täglich frühmorgens nüchtern die Messe zu hören, für den Glauben nötigenfalls in den Tod zu gehen, Witwen und Waisen zu beschirmen, ohne Grund keinen Krieg anzufangen, keine ungerechte Sache zu unterstützen, sondern die unschuldig Bedrückten zu verteidigen, Demut zu üben, Hab und Gut seiner Untertanen zu beschützen, nichts Feindliches gegen seinen Lehnsherrn zu unternehmen.

Ueber die Ritterromane, die litterarischen Denkmäler jener Epoche, die in grosser Menge auf uns herübergekommen sind, sagt Gaston Paris ¹⁾, dass sie uns das soziale, moralische und politische Ideal der höchsten Gesellschaftsklassen jener Zeit schildern, ein Ideal, welches auf das wirkliche Leben nicht ohne Einfluss war. Auf diese Romane lässt sich vor allem der Begriff der Ritterlichkeit, mit welchem die Vorstellung vom Mittelalter stets verknüpft wird, zurückführen. Und falls auch diese Ritterlichkeit nur eine oberflächliche Lackierung eines innerlich rohen Lebens war, so bildete sie doch den Zug, den die höhere Gesellschaft ihrem täglichen Leben mitzuteilen bestrebt war, den sie in ihrer Litteratur liebevoll suchte, und der, ein Hauptmerkmal jener Epoche, immer als ihr spezielles Attribut angesehen werden wird.

Es ist nicht leicht, sich zwei einander gegenseitig so ausschliessende Erscheinungen vorzustellen, wie das Leben zur Ritterzeit und die ritterlichen Ideale, und doch waren sie beide organisch miteinander verbunden. Wenn die Umgebung an den Menschen ungewöhnlich harte Forderungen stellt, so wächst mit der Persönlichkeit auch die idealistische Stimmung. Stellen wir uns zwei mittelalterliche Ritter im Zweikampfe vor

1) Gaston Paris, Manuel d'ancien français. La littérature française au moyen âge (XI.—XIV. siècle) p. 103—104. Paris. 1888.

— jede Schlacht bestand ja aus einer Menge von Zweikämpfen. — Als Sieger wird aus dem Kampfe der von beiden hervorgehoben, welcher die grösste Ausdauer beweisen, die sicherste Hand und das schärfste Auge für die Bewegungen des Gegners haben wird. Nehmen wir aber an, dass sich im Zweikampfe zwei Gegner von annähernd gleicher Kraft und Geschicklichkeit messen. Der eine ist ein roher tierischer Mensch, welchen Mordlust oder überströmendes Kraftgefühl zum Kampfe treibt, der andere aber ein Kämpfer, welcher von Begeisterung erfüllt ist für die Heilige Jungfrau, zu deren Ehren er kämpft, oder für die Dame seines Herzens, die er vergöttert, oder für den Ruhm, den er erringen will, und welcher im Kampf nicht die mindeste Furcht für sein Leben empfindet, denn er kämpft ja nicht aus egoistischen Motiven. Da ist es, vom Zufall abgesehen, ganz natürlich, dass der letztere den Sieg davon trägt.

Wir sehen also, dass die ritterliche Gesinnung, die uns im scharfen Kontrast zu dem düsteren, Vergewaltigung und Unrecht bergenden Fond des mittelalterlichen Lebens erscheint, logisch nur von dem letzteren bedingt wurde, gewissermassen eine logische Forderung der rauhen Wirklichkeit an den Menschen war. Dieser sollte nur seine rohe Kraft und Gewandtheit im Kampfe offenbaren; es erwies sich aber, dass um die Höchstleistung dieser rein physischen Fähigkeiten zu erreichen, der Geist sich auf die Höhen des Idealismus schwingen musste.

Es erweist sich also, dass, was uns als ein zufälliges Attribut des Rittertums erscheint, als eine durch das sorglose und müssige Leben erzeugte Tünche, in der Tat ein logisches Postulat aus den Verhältnissen war. Die ritterlichen Ideale fielen bei der Entscheidung des Zweikampfes ebenso wichtig in die Schale wie die kriegerische Ausrüstung und die Geübtheit im Kampfe.

Ein zweites Beispiel von der Macht der Begeisterung im Kampf gegen rohe physische Gewalt bietet uns das Heer Cromwells. Die physische Kraft in ihrer rücksichtslosesten Form verkörpert sich in der Attacke der schweren Kavallerie. Tausende schwer gepanzerter Reiter sausen sturmartig auf mächtigen Rossen gegen den Feind, um ihn mit Wucht niederzureiten und zu zermalmen. Doch die Ironsides Cromwells bewiesen auf das Glänzendste, dass die Begeisterung

ein entscheidender Faktor in der Schlacht ist. In der ersten Zeit des Kampfes zwischen dem König und dem Parlament erlitten die Heere des letzteren eine Schlappe nach der anderen. Einer von den Führern zweiten Ranges, der später so berühmte Cromwell, meinte dazu, dass ein Heer, welches aus Handwerkergelesen und Trakteurburschen rekrutiert sei, gegen die kriegsgeübten Kavaliere nie aufkommen werde und man der Kriegstüchtigkeit der Edelleute den religiösen Fanatismus der einfachen Leute als Gegengewicht setzen müsse. Er organisierte auf eigene Rechnung ein Regiment religiös begeisterter Leute, von denen er später selbst sagte, dass es „tüchtige Männer“ gewesen seien. Völlerei, Rauferei, Blasphemie waren aus ihren Lager verbannt, statt dessen Tugendhaftigkeit und fromme Uebungen von der höchsten Kriegsinstanz als Disziplinsache angeordnet. „Ein Soldat zahlt für ein jedes Schimpfwort 12 Pence Strafe,“ so lautet eine Anordnung. Schon in dem ersten Treffen zogen die Königlichen gegen die Ironsides den Kürzeren. Ihre Attacke war furchtbar. „Gott hat sie unseren Schwertern ausgeliefert, wie die Halme dem Schnitter,“ — schrieb Cromwell am folgenden Tage. Jetzt wurde das Parlamentssheer nach Cromwells Prinzipien reorganisiert. Man setzte alles daran, um zwanzigtausend „ehrliche Leute“ zusammen zu bekommen. „Besonders sorgfältig“ schrieb Cromwell vor, „sollt ihr bei der Wahl der Reiterkapitäne sein, und der Kavalleristen überhaupt. Es sollen wenige, aber biedere Leute sein. Wenn ihr zu Reiterkapitänen fromme ehrliche Leute ernennt, werden auch die anderen ehrlichen Leute ihnen nachfolgen.“ Die nach solchen Prinzipien formierte Armee erwies sich als unbesieglich, und es ist leicht zu begreifen, wodurch. Sie war ihrem Wesen nach grundverschieden von allen anderen Armeen, die je existiert hatten. Sie bestand aus jungen Farmern und Kleinhändlern, die sich auf eigene Kosten equipiert hatten und ihren Unterhalt selbst bestritten, denn der Lohn wurde ihnen zuweilen erst nach 12 Monaten ausgezahlt. Sie waren besonders stolz auf ihren Ruf als ehrliche und fromme Leute, und ungeachtet ihres Enthusiasmus und Fanatismus herrschte in ihrem Lager volle Ordnung und Frömmigkeit. Sie betrachteten sich nicht als Söldner, welche man nach Belieben anwerben oder entlassen konnte, sondern als Leute, die auf Gottes direktes Gebot ihre Farmen und Kauf-

läden verlassen hatten. Ihnen war, so meinten sie, die Ausführung eines grossen Werkes aufgetragen, und dieser Auftrag band sie bis zur Vollendung des Werks. Man sagt, dass selbst kriegsgewohnte Soldaten am Vorabend einer Schlacht eine gewisse Beklemmung empfinden, aber von den Puritanern wird erzählt, dass sie die Schlacht mit Ungeduld und heissem Verlangen erwartet hätten, wie der Liebende den Hochzeitstag.

Wir sehen also, dass der Mensch, um im Kampf mit roher physischer Kraft als Sieger hervorzugehen der Begeisterung und des idealistischen Aufschwunges bedarf. Ist dem aber so, so sollte der Kampf des Menschen gegen die Krankheit, der Kampf um die Gesundheit eines noch grösseren idealen Aufschwungs bedürfen.

VI.

Um dem Leser klar zu machen, welche Rolle die seelischen Kräfte bei der Heilung von Krankheiten spielen, müssen wir die Frage über das Wesen der Krankheit und ihre Heilung nach modernen Anschauungen kurz berühren.

Comte und Spencer präzisieren als das unterscheidende Merkmal der lebendigen Substanz von der toten, dass in letzterer die Prozesse entsprechend dem Milieu verlaufen (*Correspondence entre l'organisme et le milieu environnant*). Selbst das primitivste Lebewesen passt sich der Umgebung an, in der es lebt. Dank dieser Anpassungsfähigkeit vermag das Tier sowohl für die Erhaltung der Art, als auch seiner selbst aus dem Milieu den grössten Vorteil ziehen. Eine wichtige Aeusserung der Anpassungsfähigkeit konstatieren wir in dem Bestreben des Organismus, den Kreislauf der wunderbar harmonischen und sich gegenseitig bedingenden Lebensprozesse unter allen Umständen in Gleichgewicht zu erhalten. Bei einem Warmblüter z. B. ist die Arbeit der wichtigsten Organe an eine bestimmte Temperatur gebunden, die durch komplizierte Vorrichtungen auf der gleichen Höhe erhalten wird. Wird das Tier z. B. in einen kühlen Raum gebracht, so vermindert sich gleich die Wärmeabgabe durch die Haut, indem die Blutgefässe der Haut sich verengern, zu gleicher Zeit wird die Wärmeproduktion im Organismus erhöht. Umgekehrt wird, wenn das Tier in eine wärmere Umgebung versetzt wird, die Wärmeabgabe durch die Haut verstärkt und die Wärmeproduktion des Organismus gleichzeitig

vermindert. Auf eine jede das Gleichgewicht störende Einwirkung der Aussenwelt auf den Organismus reagiert dieser durch Einschaltung des regulierenden Prinzips.

Die Einwirkungen der Aussenwelt können aber von verschiedener Stärke sein, und je nachdem der Organismus auf die Reizgrade reagiert, beobachten wir eine verschiedene Abstufung der dabei zu Tage tretenden Erscheinungen. Ist der Reiz gewöhnlicher Art, und hat sich der Organismus ihm angepasst, so besteht die durch ihn ausgelöste Erscheinung in einer unwichtigen Abänderung der Lebensprozesse, und das Gleichgewicht ist wieder bald hergestellt. Ein starker Reiz dagegen bringt in den Lauf der Lebensprozesse eine Störung hervor, die sich nicht sobald wieder ausgleicht, wenn auch der Organismus die ausfallende oder geschwächte Funktion zu kompensieren d. h. zu ersetzen bestrebt ist, um die Abweichung von der Norm nach Möglichkeit auszugleichen. Eine solche Aenderung des Lebensprozesses nennen wir Krankheit. Wenn die von Aussen kommende Einwirkung zu heftig ist, wird das Gleichgewicht des Lebensprozesses vollständig aufgehoben, und der Tod tritt ein. So sehen wir z. B. dass bei geringeren Graden des Kältereizes die Wärmeregulierung automatisch ausgelöst wird, bei höheren dagegen die Leistungsfähigkeit des bis auf eine gewisse Höhe eingestellten Regulierapparates erschöpft wird und Erkältungskrankheiten eintreten, schliesslich bei der Einwirkung sehr niedriger Temperaturen der Erfrierungstod erfolgt.

Zur weiteren Illustration wollen wir den Kampf des Organismus gegen die Bakterien anführen. Letztere leben und vermehren sich in vielen Körperhöhlen des lebendigen Organismus, leben im Leichnam, indem sie seine Zersetzung besorgen. Der Organismus befindet sich in steter Berührung mit Bakterien, kommt aber nicht oft in Gefahr an ihnen zu Grunde zu gehen, da er eine Menge Schutzvorrichtungen gegen das Eindringen und das Ueberhandnehmen der eingedrungenen Bakterien hat. Die ganze Körperoberfläche ist mit einem besonderen elastischen Ueberzug — der Haut — versehen, welcher für die Bakterien bei normalen Umständen undurchgängig ist. Die Luftwege sind mit einer Schicht spezieller mit Wimpern versehenen Zellen — dem Flimmerepithel — ausgekleidet. Die Wimpern befinden sich in ununterbrochener Bewegung und

fördern sämtliche in die Luftwege geratenen Partikelchen nebst den daran haftenden Bakterien hinaus. Auch die für die Verdauung unentbehrlichen Säfte töten einige Arten von Mikroben. Bisher haben wir es nur mit der ersten Gruppe der Schutzmittel des Organismus gegen die Bakterien zu tun gehabt. Gelingt es dem letzteren trotzdem in den Körper hineinzudringen, so wird gegen sie die Armee der weissen Blutkörperchen oder Leukocyten aufgeboten. Im Kampfe gegen diese gehen die Bakterien zu Grunde, indem sie von den Leukocyten einfach aufgezehrt werden. Doch nicht immer gelingt es der Phagocytose, so heisst die Vernichtung der Bakterien durch die weissen Blutkörperchen, den Organismus von den Feinden zu säubern, sehr oft siedeln sich die Bakterien in den inneren Geweben an, und es kostet dem Organismus gewaltige Anstrengungen um gegen sie aufzukommen. Ohne Störung des normalen Verlaufs der Lebensprozesse geht es dabei nicht ab, und diese Störung ist es, was wir in diesem Falle ansteckende Krankheit nennen. Ist der Organismus vorher auf irgend eine Weise geschädigt worden, so kann er dem Ueberhandnehmen der Bakterien nicht wehren und geht zu Grunde.

Die Fähigkeit des Organismus gegen die Bakterien erfolgreich anzukämpfen hat sich im Laufe von Generationen ausgebildet. Indem unzählige Lebewesen in dem Kampfe gegen die Mikroben zu Grunde gingen und nur die mit gewissen Schutzvorrichtungen versehenen Organismen am Leben blieben, wurde durch die Vererbung eine gewisse Anpassung der Art an die neuen Lebensbedingungen erreicht. Ein Lebewesen ist lebensfähig, nur soweit es anpassungsfähig ist. Stellen wir uns vor, dass eine Gegend plötzlich von einer neuen Bakterienart heimgesucht wird, oder dass eine von den einheimischen Arten unerwartet virulent wird. Es entsteht eine neue Epidemie, die furchtbare Verheerungen anrichten kann, bis die Anpassungsfähigkeit bei den Ueberlebenden eine die Bakterieninvasion hemmende Schutzvorrichtung, mit anderen Worten Immunität hervorgebracht hat.

Das Milieu ist beständigen Veränderungen unterworfen, dem entsprechend ändert sich der Organismus. Gesundheit ist von diesem Standpunkt aus also die Harmonie zwischen dem Organismus und dem äusseren Milieu. Bei der Störung dieser Harmonie entsteht Krankheit, oder es tritt gar der Tod ein.

VII.

Die eben angeführte Definition der Begriffe von Gesundheit und Krankheit ist von grosser Wichtigkeit, wenn wir die Tätigkeit des modernen Arztes am Krankenbette vorurteilsfrei einschätzen wollen. Einst galt es für die wichtigste Aufgabe des Arztes die Diagnose der Krankheit zu stellen. Von der Zeit her datieren noch die Täfelchen am Kopfe des Krankenbettes mit der Aufschrift: Morbus etc. Der moderne Arzt hält die Diagnose an und für sich nicht für das wichtigste, wohl aber eine erschöpfende Untersuchung des Kranken, wobei der Zustand eines jeden Organs genau darauf geprüft wird, ob seine Funktion normal, und wenn nicht — in welcher Hinsicht sie nicht normal ist. Hat er sich von dem Zustande des Kranken genaue Rechenschaft gegeben, so kann er zuweilen mit einem einfachen therapeutischen Eingriff einen Umschlag zur Besserung erzielen. In der Mehrzahl der Fälle wird ihm dieses aber nicht gelingen, und ein kompliziertes System von Verordnungen, Vorschriften betreffend die Diät und die Lebensweise des Kranken wird sich als nötig erweisen.

Der erkrankte Organismus befindet sich also in einem Missverhältnis zu seiner Umgebung. Ist der Arzt nicht imstande, den aus dem Gleichgewicht geratenen Lebensprozess zu regeln, so kann er doch nicht selten das Milieu in der dem Fall entsprechenden Weise ändern. Manchmal ist diese Aenderung oder der Wechsel der Umgebung nur zeitweilig. Der genesene resp. wieder ins Gleichgewicht gebrachte Organismus kann ohne Risiko in seine frühere Umgebung zurückkehren. Nicht selten aber ist die Gesundheit so zerrüttet, die Leistungsfähigkeit des Organismus so herabgesetzt, dass eine vollständige Wiederherstellung unmöglich ist. Ein mit Einsicht umgeschaffenes Milieu des Kranken kann aber auch hier noch Erstaunliches bewirken: es kann das Leben verlängern und, wenigstens zum Teil, die Arbeitsfähigkeit wiederherstellen.

Wir wollen an der Hand einiger Beispiele die Heilmethode bei chronischen Krankheiten verdeutlichen.

Nehmen wir als das einfachste Beispiel einen Herzkranken. Der Zentralapparat, welcher durch seine Kontraktionen das Blut durch das Gefässsystem bis in die feinsten Verzwei-

gungen des letzteren treibt, die Gewebe mit den in Blut aufgelösten Nährstoffen versorgt, den Körper durch denselben Blutstrom von Schlacken reinigt, ist, nehmen wir an, defekt geworden.

Das Herz ist nichts anderes als ein Hohlmuskel, dessen innerer Raum in vier, durch Zwischenwände und Klappen voneinander getrennte Kammern zerfällt. Die Klappen zwingen den Blutstrom nur eine bestimmte Richtung einzuhalten. Das Herz als Pump- und Saugwerk unterscheidet sich von dem Ballon eines Pulverisators hauptsächlich dadurch, dass die Kraft, welche die Kontraktionen des Herzmuskels hervorruft, nicht ausserhalb des Organs, wie die Hand bei dem Ballon, sondern von ihm selbst ausgelöst wird. Das Herz besteht aus lebendigen Muskelzellen. Der Unterschied zwischen dem Herzen und anderen muskulösen Organen, wie z. B. dem Arm besteht darin, dass der letztere, sobald er vom Rumpfe getrennt wird, seine Bewegungsfähigkeit vollständig verliert, ja dass es dazu nicht einmal der vollen Trennung des Gliedes vom Rumpfe bedarf, es genügt die Durchschneidung der wichtigsten Nervenstämmen. Das Herz dagegen kann, wenn es auch aus dem Körper herausgenommen, so zu sagen isoliert ist, unter günstigen Umständen noch stundenlang funktionieren. Dem Wesen nach ist der die Herzaktion auslösende Apparat unbekannt, und die Forscher sind betreffs seiner verschiedener Meinung. Die einen halten gewisse in der Muskulatur des Herzens entdeckte Nervenzellen für die Urheber der Herzaktion, die anderen schreiben den Herzmuskelzellen an und für sich, unabhängig von Nervenzellen, die Fähigkeit zu rhythmischen Kontraktionen zu. Wie dem auch sei, das Herz ist ein rhythmisch sich kontrahierender Hohlmuskel, dessen gleichmässige, ununterbrochene Arbeit erst mit dem Tode aufhört. Wenn nun die Gelehrten, die den Herzmuskel von den Herznervenzellen unabhängig sein lassen, auch Recht haben sollten, so lässt es sich doch auf keine Weise in Abrede stellen, dass das Nervensystem die Herztätigkeit in hohem Masse beherrscht. Durch eine ganze Menge Nervenfasern wird das Herz mit dem Nervensystem und anderen Organen innigst verbunden, so dass seine Tätigkeit entsprechend dem Zustand des gesamten Organismus oder der einzelnen Organe selbsttätig geregelt wird. Die Reihe glänzender Entdeckungen auf dem Gebiete der Herz-

physiologie wurde durch die Feststellung der Beeinflussbarkeit des Tempos der Herzaktion durch Nervenreiz eingeleitet. Es wurde bewiesen, dass die Reizung gewisser Nerven die Herzaktion beschleunigt, die anderer Nerven sie verlangsamt. Es sind auch Nerven bekannt, welche die einzelnen Herzkontraktionen kräftiger oder schwächer machen oder die Herzmuskelzellen noch in anderen Richtungen beeinflussen. Doch darauf näher einzugehen gehört nicht zu unserer Aufgabe.

Dank seiner komplizierten Innervation wird das Herz in die Lage versetzt, sich dem augenblicklichen Zustand des Organismus anzupassen. Die Abhängigkeit der Herzstätigkeit von dem Allgemeinzustande ist seit undenkbaren Zeiten den Menschen bekannt und findet ihren Ausdruck in der Sprache fast aller Völker, indem das Herz als der Sitz aller seelischen Regungen und Emotionen bezeichnet wird.

Der Berliner Physiologe Engelmann vergleicht das Herz in Bezug auf die Selbständigkeit der Herzkontraktionen und ihre Beeinflussbarkeit durch das Zentralnervensystem mit dem Pianola¹⁾, einem Apparat, welcher, an einem Klavier angebracht, vermittelt einer besonderen Vorrichtung alle Musikstücke kunstgerecht ausführt, wobei der Mensch nach Belieben den Rhythmus und Tonfarbe zu regulieren vermag. Das Herz arbeitet unabhängig, automatisch, der Modus seiner Tätigkeit wird aber vom Zentralnervensystem gemäss dem augenblicklichen Zustand des Organismus geschaffen.

Was soll nun der Arzt tun, wenn das Herz z. B. infolge eines Klappenfehlers ungenügend funktioniert? Die verdorbene Klappe auszubessern ist er nicht imstande. Ist die Herzstätigkeit geschwächt, so kann er sie durch Einverleibung von Medikamenten oder durch andere therapeutische Eingriffe für eine Zeit kräftigen. Bleibt aber der Kranke bei seiner früheren Lebensweise, so versagt das Herz bald wieder und gründlicher als zuvor.

Da der Arzt das kranke Herz durch ein neues zu ersetzen, oder seine Leistungsfähigkeit auf die Dauer zu steigern nicht imstande ist, muss er in Anbetracht dessen, dass das Herz der

1) Engelmann, Das Herz. Festrede, gehalten am Stiftungstage der Kaiser Wilhelms Akademie, am 2. Dezember 1903. Leipzig. 1904.

wunde Punkt des Organismus ist, den Kranken zu einer Lebensführung überreden, welche an das kranke Organ die geringsten Anforderungen stellt.

Zu Höchstleistungen wird das Herz durch physische Anstrengungen angespornt. Die erste Aufgabe des Arztes besteht darin erhöhte Muskelarbeit in jeder Form von dem Kranken fernzuhalten, vor allen Dingen ihn vor solchen Leistungen wie dem Treppensteigen eindringlichst zu warnen, da vor Allem das kranke Herz sich durch Herzklopfen und Atemnot bei einer solchen Leistung fühlbar macht. Auch vor dem Heben von selbst leichteren Lasten, vor schwerer Handarbeit, selbst vor länger dauernden Spaziergängen muss gewarnt werden. Doch die Notwendigkeit absoluter Ruhe für den Kranken soll daraus nicht gefolgert werden. Nur in den Fällen, wo das Herz sich nach einer bedeutenden Störung erholen muss, ist Bettruhe vorgeschrieben; sonst ist dagegen eine leichte Muskelarbeit direkt angezeigt, um die Muskeln vor Verkümmern infolge von Untätigkeit zu bewahren und das Herz zur Tätigkeit anzuregen. Absolute Ruhe schadet auf die Dauer dem Herzen nicht weniger als Ueberanstrengung.

Dass der Herzkranke die sogenannten Herzgifte wie Alkohol und Tabak durchaus meiden soll, ist selbstverständlich. Der Gebrauch von die Herztätigkeit anregenden Mitteln, wie z. B. starkem Kaffee und Tee, ist auch nicht zu gestatten. Thermische Reize, wie sie durch kalte See- oder Flussbäder und andererseits heisse Wannen vermittelt werden, sollen gemieden werden, und nur der Gebrauch von warmen Wannen ist mit Vorsicht gestattet.

Erkältungs- und Infektionskrankheiten sind für das kranke Herz höchst gefährlich, selbst solche im allgemeinen unschuldige Krankheiten wie die Influenza und die Erkältungsbronchitis erschöpfen vollständig das kranke Herz.

Der Herzkranke soll sehr darauf bedacht sein möglichst wenig zu trinken (gemeint sind natürlich Wasser, Limonade, Fruchtsäfte u. s. w.), weil die Einverleibung von viel Flüssigkeit den Blutdruck in den Adern erhöht und dem Herzen ein grösseres Arbeitsmass aufbürdet, da es gezwungen ist eine grössere Blutmenge durch den Körper zu pumpen.

Eine gute Ernährung ist für den Herzkranken unentbehrlich. Eine ungenügende Zufuhr von Nahrungsstoffen würde den

Gesamtorganismus und vor allem das kranke Herz schwächen. Andererseits aber soll man nicht vergessen, dass der Herzkranke sogar nach einem leichten Diätfehler schwer leiden kann. Eine unschuldige Darmblähung (Meteorismus), kann, indem sie das Zwerchfell nach oben drängt und die Lunge komprimiert, Atemnot, Herzklopfen und sonstige schwere Erscheinungen hervorrufen.

Zum Schluss kommen wir zu einem der wichtigsten Kapitel im Dasein des herzkranken Menschen — zu seinem Gemütsleben.

Es gehört zu dem Erfahrungsschatz selbst des Laien, dass der Herzkranke Aufregungen meiden soll. Eine unerwartete heftige Gemütserschütterung kann selbst einen plötzlichen Stillstand des Herzens verursachen, von einer Verschlimmerung des Zustandes schon gar nicht zu reden. Aber auch Erregungen geringeren Grades schädigen das kranke Herz, indem sie es alterieren. Nicht minder nachteilig wirkt auf das kranke Herz Verstimmung, üble Laune und Unzufriedenheit. Gute Laune, heitere Stimmung sind zwei Elemente des Gemütslebens, die für den Herzkranken unentbehrlich sind.

Wir haben oben auf die Schädlichkeit der physischen Arbeit für den Herzkranken hingewiesen. Nicht minder schädlich ist für den Herzkranken eine anstrengende Gedankenarbeit, umso mehr da sie in sitzender Stellung ausgeführt werden muss. Letztere wirkt aber dadurch, dass sie die Ausdehnung der Lungen beengt, auf die Tätigkeit der Atmungs- und Blutzirkulationsorgane nachteilig, besonders wenn der Kranke sich in schlechter Luft aufhält.

Vollständige Beschäftigungslosigkeit ist, wie schon erwähnt wurde, für den Herzkranken sehr schädlich. Es gilt, ihm eine Beschäftigung zu verschaffen, die ihn sich als ein nützliches Mitglied der menschlichen Gesellschaft fühlen lässt, will man ihn nicht der Schwermut zum Opfer fallen lassen. Das kranke Herz verfällt in den sogenannten *circulus vitiosus*. Es versorgt ja nicht nur den Körper allein mit Blut, sondern auch sich selbst als einen Bestandteil des Körpers. Wird es nun in seiner Arbeit behindert, so wird infolge der mangelhaften Blutzirkulation, die so verursacht wird, zugleich mit dem Organismus es selbst schlechter ernährt und seine Leistungsfähigkeit als Pumpwerk beeinträchtigt u. s. w.

Der krankhafte Prozess verläuft gewöhnlich bei dem Herzkranken in folgender Weise. Das Herz wird durch irgendeine pathologische Veränderung in seiner Leistungsfähigkeit beeinträchtigt. Der Kranke wendet sich aber nicht sogleich an den Arzt, oder wenn er es auch tut, hält er sich nicht genau an die Verordnung. Die Folge davon ist, dass das Herz den an dasselbe gestellten Anforderungen sich nicht gewachsen zeigt, drohende Symptome der Herzinsuffizienz auftreten und der Kranke bettlägerig wird. Bei Bettruhe und entsprechender Behandlung erholt sich das Herz einigermaßen, der Kranke fühlt sich besser und kehrt zu seiner Berufsarbeit und der gewohnten Lebensweise zurück. Hier trifft er dieselben schädigenden Momente, die das Herz insuffizient gemacht hatten. Mit dem geschwächten Organ haben die Schädlichkeiten ein leichtes Spiel: es erweist sich recht bald wieder unfähig den Blutkreislauf zu regeln und der Patient legt sich wieder auf das Krankenlager. So wechselt beim Kranken relatives Wohlbefinden mit Perioden mehr oder minder ausgesprochener Desorganisation der Herztätigkeit, bis der Fall ganz hoffnungslos wird.

Das charakteristische Merkmal des Krankheitsprozesses besteht, wie zu sehen, in seiner stufenweise zunehmenden Intensität. Den einzelnen Anfall können die Aerzte durch therapeutische Eingriffe erfolgreich bekämpfen, damit ist aber nur das geringste getan. Die Hauptsache ist die Lebensweise des Kranken so zu ändern, dass das Herz nicht belastet wird. Wir haben oben bereits gesagt, wie das anzufangen sei. Der Arzt muss die Lebensweise des Kranken bis ins Detail kennen lernen, die Ernährung, Bewegung und Beschäftigung aufs genaueste regulieren. Da er selbstverständlich nicht ununterbrochen bei dem Kranken verweilen kann, muss dieser mit der Methode des Arztes, seinen Absichten und Plänen vertraut sein, um gewissermaßen sein eigener Arzt sein zu können. Wie wichtig Gemütsruhe, ein klarer Blick in seinen Zustand und ein fester Wille dabei für ihn ist, braucht kaum gesagt zu werden. Jeder Anfall von Melancholie, Unruhe oder Niedergeschlagenheit, der schon in direkter Weise auf das Herz schädlich wirkt, übt auf den Krankheitsverlauf auch in indirekter Weise einen schädlichen Einfluss aus, indem er Gleichgültigkeit gegen diätetische Massregeln verursacht.

Der Zustand des Herzkranken erinnert zum Teil an einen Menschen, welcher einen aus lockerem Sande bestehenden Bergabhang entlang gehen soll. Jeder unüberlegte Schritt bringt ihn tiefer nach unten, als er stand, und die heisseste Bemühung nach oben zu gelangen verschlimmert nur seine Lage und bringt ihn dem Abgrunde näher.

Zur Illustration des eben Gesagten will ich den tragischen Tod des grossen Klinikers Traube anführen. Traube hat viel für die Erforschung der Herzkrankheiten getan und starb selbst an einer solchen. Prof. Nothnagel, sein Schüler, schreibt, dass er nie vergessen werde, wie es mit Traube war. Trotz der Oedeme arbeitete er in der Klinik weiter, und anfangs ahnte niemand, wie schwer krank er war. Erst später gestand Traube, dass er sich die ganze Zeit behandelt hatte, indem er Herzmittel anfangs in kleinen, als das aber nicht mehr half, in steigenden Dosen, zu sich nahm. Als die Höchstgaben nicht mehr anschlugen, stellte er sich selbst die Prognose auf baldigen Tod und hatte recht¹⁾.

Die Zahl der Herzkranken ist sehr gross. Kein Alter wird verschont. Der junge Mensch erkrankt sowohl infolge übermässiger Muskelübungen oder sportlicher Leistungen als auch rheumatischer Affektion des Herzens. In der zweiten Hälfte des Lebens entstehen Herzkrankheiten auch auf syphilitischer Basis oder infolge des Alkoholismus; auch können Herzkrankheiten als Resultat eines frühzeitigen Alterns infolge ungünstiger Lebensbedingungen auftreten, welches am schärfsten sich am Herzen nachweisen lässt.

Die von der rationellen Therapie der Herzkrankheiten erreichten Resultate sind sehr bedeutend. Der Kranke, welcher sich selbst überlassen, in wenigen Monaten zu Grunde gehen würde, kann sich jahrelang eines verhältnismässigen Wohlergehens erfreuen. Ich muss aber noch einmal betonen, dass der Erfolg der Behandlung nicht zum kleinsten Teil auf der Persönlichkeit des Kranken basiert und die stets ungetrübte Stimmung des Kranken die beste Garantie für den glücklichen Ausgang der Krankheit ist.

1) Klinische Vorlesungen von Prof. Hermann Nothnagel. Therapie der Herzkrankheiten.

VIII.

Als ein zweites Beispiel für den Einfluss des Gemütszustandes auf den Heilungsprozess will ich die Nierenkrankheiten anführen. Die Rolle der Nieren im Organismus besteht in der Ausscheidung der Zerfallprodukte beim Stoffwechsel aus dem Körper. Die Arbeit der Nieren ist nicht so augenfällig wie die des Herzens, welche wir ohne Schwierigkeit in Zahlen ausdrücken können — sie kann sich auf eine bestimmte Zahl von Kilogrammometern für die Sekunde, Minute und Stunde belaufen. Wenn wir aber die Ausscheidungs- resp. Entgiftungsarbeit der Nieren durch ihr mechanisches Aequivalent ausdrücken, würden wir eine hohe Ziffer bekommen.

Die Leistungsfähigkeit der Nieren ist das wichtigste Moment bei den Erkrankungen dieses Organs. Besonders schädlich ist bei Nierenkrankheiten die Erkältung. Selbst eine geringfügige Abkühlung der Haut kann gefährlich werden, weshalb der Patient auch stets warm angezogen sein soll. Gleich dem Herzen ist auch die kranke Niere sehr empfindlich gegen den Alkohol, ausserdem aber noch gegen andere scharfe Reizmittel wie z. B. Senf, Pfeffer u. s. w. Die darin enthaltenen Stoffe gelangen aus dem Darmtraktus in die Blutbahn und werden durch die Nieren ausgeschieden. Dank ihrem reizenden Charakter schädigen sie die letztere recht bedeutend.

Das eben Gesagte verdeutlicht die Bedeutung der Diät bei Nierenkrankheiten überhaupt. Da die Zerfallprodukte bei dem Abbau der organischen Gebilde die Niere passieren müssen, so ist es von Belang den Speisezettel des Nierenkranken so zusammenzustellen, dass der Organismus seinen Bedarf an Baustoffen und energispendenden Verbindungen vollauf decken kann, ohne von Abfallstoffen überschwemmt zu werden. Bei einer solchen Diät werden die sogenannten Kohlenwasserstoffe in der Nahrung vorherrschen, z. B. die stärke- und zuckerhaltigen Speisen. Auch Fette werden ohne Schaden zu sich genommen, aber eiweisshaltige Stoffe, w. z. B. Fleisch, möglichst wenig. Das Fleisch gibt im Organismus, nachdem es utlisiert ist, eine Menge Abfallstoffe, die nicht harmlos erscheinen, wenn sie von der Niere ungenügend ausgeschieden werden.

Aehnlich wie bei dem Herzkranken konstatieren wir beim

Nephritiker Verschlimmerungen des Krankheitszustandes, die infolge zeitweiliger Insuffizienz der Niere entstehen. Dann können wir durch Bettruhe und andere therapeutische Massnahmen das gestörte Gleichgewicht wiederherstellen. Doch der mehr oder minder günstige Krankheitsverlauf wird hauptsächlich davon abhängen, inwieweit es dem Arzt und dem Kranken gelingt, eine dem Krankheitsfall angemessene Lebensweise auszuarbeiten und konsequent durchzuführen. Ebensowenig wie wir das kranke Herz „reparieren“ können, sind wir in den meisten Fällen auch imstande die kranke Niere so gesund zu machen, wie sie einmal war, aber durch diätetische Verordnungen können wir dem Nephritiker zu einem sehr erträglichen Dasein verhelfen.

Die diätetische Reglementation des Lebens muss beim Nephritiker mit noch viel mehr Sorgfalt durchgeführt werden als beim Herzkranken. Die Ernährungsweise des letzteren soll nur in den allgemeinen Grundrichtungen der Nahrhaftigkeit und Verdaulichkeit gehalten werden, beim Nierenkranken dagegen muss man den Speisezettel bis ins Kleinste regeln. Eine besondere Bedeutung kommt dem Schutz des Kranken gegen die Erkältung zu. Geht es nicht an ihn in einem wärmeren Klima leben zu lassen, so soll man ihn während der rauhen Jahreszeit nicht aus dem gutgeheizten Zimmer lassen.

Nicht unwichtig ist zu bemerken, dass der Organismus eine ungenügende Funktion der Nieren durch eine erhöhte Herztätigkeit auszugleichen bestrebt ist. Das Endresultat ist Uebermüdung und Insuffizienz des Herzens. Die Behandlung dieser sekundären Erkrankung ist, abgesehen von ihrer Beeinflussung durch die Nierentherapie, dieselbe, die wir oben anlässlich des primären Herzfehlers bereits besprochen haben.

Wir sehen also, dass auch in der zweiten grossen Gruppe der chronischen Krankheiten, die wir angeführt haben, um die Prinzipien der modernen Heilkunde zu beleuchten, das psychische Moment bei dem Kranken eine gewaltige Rolle spielt und das Fundament für den therapeutischen Aufbau bildet. Der Einfluss des Arztes dabei ist eminent.

Was den Heilerfolg betrifft, so lässt sich folgendes sagen. — In einigen Fällen endet die Monate, selbst Jahre lang betriebene Kur mit der Genesung, in anderen gelingt es wohl den Prozess zum Stillstand zu bringen, nicht aber zur Ausheilung. Die Krankheit existiert in einer versteckten chronischen Form

weiter. Endlich gelingt es zuweilen eine bösartige Form in eine mildere umzuwandeln und so das Leben zu verlängern.

Im allgemeinen kann der Arzt in den meisten Fällen der Nierenerkrankung Erfolgreiches leisten, so verhängnisvoll auch sonst diese Krankheiten sind. Wenn auch, wie schon gesagt, eine vollständige Heilung selten zu erreichen ist, wird doch der Kranke der Familie und der Gesellschaft erhalten. Der wissenschaftliche Fortschritt des XIX. Jahrhunderts hat uns einen tiefen Einblick in die geheimnisvollen Vorgänge im kranken Organismus ermöglicht und die medikamentöse und diätetische Therapie der Nierenkrankheiten bis ins feinste auszuarbeiten gestattet. Doch ähnlich wie bei den Herzkrankheiten, ist auch hier das Wichtigste, wie sich der Kranke selbst zu der Behandlung verhält. Sein Zustand erfordert von ihm hohe Intelligenz, Selbstvertrauen, starken Willen und Frohmuth. Wie hoch wir auch den Wert eines genialen, sorgfältig ausgearbeiteten Heilsystems einschätzen mögen, so ist doch der wichtigste Faktor, welcher diesen Wert verwirklicht, ihn ins Leben umsetzt, die Persönlichkeit des Kranken selbst — von der wir die Aeusserung höherer Seelenkräfte erwarten.

Schliesslich wollen wir ein drittes Beispiel der Behandlung einer ernsten chronischen Krankheit anführen, nämlich die der Schwindsucht d. h. des tuberkulösen Prozesses in den Lungen. Wie in den beiden ersten Beispielen werden wir auch hier unsere Behauptung von der wichtigen Rolle der ethischen Momente bestätigt sehen. Bis vor Kurzem noch galt die Schwindsucht für eine unheilbare Krankheit und ihre Diagnose eo ipso als das Todesurteil des Patienten. Es wird den meisten Lesern bekannt sein, dass es jetzt damit anders bestellt ist. Ist die Krankheit zeitig erkannt worden, d. h. hat der zersetzende Prozess nicht zuviel Lungengewebe zerstört, so kann bei rationaler Behandlung ein grosser Teil der Kranken gebessert, eventuell sogar geheilt werden. Es muss bemerkt werden, dass ein spezifisches Mittel gegen die Tuberkulose resp. ihren Erreger, den Kochschen Bazillus, zur Zeit noch nicht entdeckt ist und die Heilung ausschliesslich in der Hebung und Unterstützung der Schutzkräfte des Organismus in ihrem Kampfe gegen die Bakterien besteht. Das hygienisch-diätetische Prinzip in dem Kampfe gegen die Tuberkulose ist eine der grössten und herrlichsten Errungenschaften der Medizin.

Auf welchen Grundsätzen basiert nun dieses Heilsystem? Wie schon gesagt, besteht das Wesentliche der Behandlung darin, die Widerstandsfähigkeit des kranken Organismus dem Krankheitserreger gegenüber zu erhöhen. Erreicht wird es durch die Anwendung dreier Heilfaktoren. Der erste dieser ist Ruhe für den Kranken. Der Patient muss im Bette bleiben oder den Tag in halbsitzender Stellung verbringen. Durch den Ausschluss von physischer Bewegung wird ein rascher Verbrauch von organischer Substanz vermieden und ein Energievorrat für den Organismus erspart. Dass bei der Ruhe auch die kranke Lunge geschont wird, ist nur ein weiterer, nicht zu verachtender Vorteil. Der zweite Heilfaktor besteht in zweckmässiger Ernährung des Kranken. Er bekommt leicht verdauliche und sehr nahrhafte Speisen (viel Milch, Eier, Butter). Die Mahlzeiten müssen schmackhaft zubereitet sein, um den Appetit des Kranken anzuregen und das Verzehren grösserer Mengen zu erreichen. Um die Verdauungsorgane vor Ueberlastung zu schützen ist es ratsam, die Nahrungsaufnahme auf mehrere kleinere Mahlzeiten im Laufe des Tages zu verteilen. Also einerseits soll man den Ernährungszustand des Kranken durch reichliche Nahrungszufuhr zu heben bestrebt sein, andererseits wieder die Möglichkeit einer Ueberladung des Magens stets im Auge behalten. Was eine sachgemässe Ernährungstherapie mit Mühe erreicht hat, kann durch so einen diätetischen Fehlgriff wie die Magenüberladung in kürzester Zeit vernichtet werden.

Der dritte und letzte Heilfaktor in der Therapie der Schwindsucht ist — reine Luft, nach Möglichkeit das Ideal reiner Luft — eine vollständig staubfreie Luft. Es ist nämlich bekannt, dass eine an organischen Partikelchen reiche Luft, wie wir sie in Wohnräumen antreffen, das wichtigste Moment bei der Ansteckung durch die Lungentuberkulose bildet. Das Einatmen einer solchen Luft begünstigt das Entstehen von chronischen Erkrankungen der Luftwege. Die mit den Staubpartikelchen eingeatmeten Tuberkelbazillen finden darin einen passenden Boden zum Wachstum. Praktisch genügt man dem Prinzip der staubfreien Luft dadurch, dass man den Kranken aus der Stadt aufs Land oder in die Berge ziehen lässt, wo er womöglich in einer waldreichen Gegend den ganzen Tag im Freien liegend verbringt, natürlich an einem gegen den Wind geschützten Orte. Die Kälte spielt dabei keine Rolle — nur

muss der Kranke warm gekleidet sein. In den Schlafräumen können die Fenster sogar die ganze Nacht offen gelassen bleiben.

Eine solche Behandlungsweise kann natürlich am bequemsten in speziellen Heilanstalten — Sanatorien, die in günstigen Ortschaften liegen — durchgeführt werden. Die Kranken befinden sich unter steter Aufsicht der Anstaltsärzte, und das ganze Regime der Anstalt geht darauf aus, den oben beschriebenen therapeutischen Plan zu verwirklichen. Man sollte darnach meinen, dass die physischen Heilmittel der Ernährung, staubfreien Luft u. s. w. bei der Bekämpfung der Tuberkulose die einzig ausschlaggebenden Momente seien. Sollte man also ein Tier von der Schwindsucht kurieren, so müsste man dieselbe Behandlungsweise anwenden, wie sie beim Menschen beschrieben wurde. Doch ist die Rolle, die die seelischen Kräfte des Kranken bei dieser Behandlungsweise spielen, überaus wichtig.

Die erste Bedingung für den Heilerfolg ist das Vertrauen des Kranken zu dem System. Der Patient soll sich der Kur unterwerfen in der festen Zuversicht, dass er die Anstalt in wesentlich besserem Zustande verlassen werde, er soll ruhig liegen, ohne sich trübe Gedanken zu machen — die Sorgen des früheren Lebens verbannen. Den Ernährungszustand des Kranken aufzubessern gelingt ohne Entgegenkommen seitens des Kranken nicht. Er soll für die Wichtigkeit der besseren Ernährung volles Verständnis haben, soll versuchen mehr und mit Appetit zu essen. Die Heilstätte kann wohl den Kampf mit der Lungentuberkulose erleichtern — ihn erst möglich machen, aber den Kampf zu führen — das vermag nur der Kranke selbst. Heisses Verlangen darnach gesund zu werden, Einsicht gepaart mit nüchterner Auffassung der ernsten Lage und unbeugsamer Wille, das sind die Hauptbedingungen für den Heilerfolg.

Wenn schon in der Heilstätte, wo der Kranke sich unter ärztlicher Anleitung befindet, von ihm Energie und Intellekt als zwei den Erfolg bedingende Hauptmomente gefordert werden, so muss noch viel mehr Bedeutung der geistigen Persönlichkeit als Heilfaktor nach dem Verlassen der Anstalt zugemessen werden, gerade dann, wann der Kranke von neuem sich als ein Mitglied der Gesellschaft zu fühlen anfängt. Eine vollständige Ausheilung des Krankheitsprozesses in den Lungen

kommt nicht vor. Was wir unter Heilung der Tuberkulose verstehen, ist Stehenbleiben des zerstörenden Krankheitsprozesses und Ersetzung der zerstörten Stellen durch Bindegewebe und Wiederherstellung des Kranken soweit, dass er seiner gewohnten Beschäftigung nachgehen kann. In den Lungen dieses Geheilten befinden sich stets lebensfähige Tuberkelbazillen, die, wenn der Kranke wieder in eine ungünstige Lebenslage kommt, sich aufs Neue zu vermehren und sich im gesunden Lungengewebe einzunisten beginnen. Der Genesene soll stets mit der Möglichkeit einer neuen Erkrankung rechnen, und es kann sein, dass er das zweite Mal nicht so leichten Kaufs davonkommt.

Nach beendigter Kur in der Heilstätte soll der Genesene, ist er in seine früheren Lebensverhältnisse wieder zurückgekehrt, das Anstaltsregime sich zur Lebensnorm machen, natürlich soweit es geht. Vor jeder Erkältung soll er sich hüten, er soll sich gut nähren und stets für frische, reine Luft sorgen. Dazu soll er sich eine Zimmereinrichtung schaffen, die die Ansammlung von Staub unmöglich macht, und stets lüften.

Besonders schwer ist es für diese Kranken mit ihren Kräften Mass zu halten. Da sind vor allem die jungen Rekonvaleszenten, die in jugendlichem Eifer die Ausflüge, Gesellschaftsspiele und sportlichen Uebungen ihrer Altersgenossen mitmachen, oder sich im ernstesten Leben betätigen. Man vergisst dabei zu leicht, sich das Arbeitsfeld entsprechend dem Kräftevorrat zu wählen. Es ist ersichtlich, dass der Kranke ausserhalb der Anstalt das Regime des letzteren selbständig weiter führen — gewissermassen sein eigener Arzt sein soll. Es braucht kaum gesagt zu werden, dass das eine der schwierigsten Aufgaben für den Menschen ist. Sie erfordert zu ihrer Lösung das Höchstmass von Selbstbeherrschung, Ausdauer, Unverzagtheit — die Betätigung der höheren seelischen Kräfte.

IX.

Diese Thesen, die wir bei der Betrachtung der modernen Heilmethoden in Anwendung auf die drei grossen Krankheitsgruppen abgeleitet haben, könnten wir ohne Schwierigkeiten auf alle anderen schweren Krankheitsformen anwenden. Der diagnostische und therapeutische Apparat der Medizin ist sehr mächtig geworden, doch das wichtigste Moment, an welches

die Therapie ihre Hoffnungen knüpft, ist die Persönlichkeit des Menschen als der Inbegriff der höheren seelischen Kräfte und Charaktereigenschaften.

Die modernen Aerzte mussten natürlich diese Erfahrungstatsache berücksichtigen und griffen zu so manchem Mittel, um die Persönlichkeit des Kranken in ihrem Kampfe gegen die Krankheit zu stützen. Sie appellierten an den Intellekt des Kranken. Das komplizierte System der Verordnungen konnte nur dann auf Erfolg rechnen, wenn der Kranke ihm ein volles Verständnis entgegenbrachte. Deshalb ist der Arzt bemüht, in ernstesten Krankheitsfällen den Patienten über das Heilsystem zu informieren. Er hofft auf die Mitwirkung des Kranken. Die Zeit der früheren inappellablen Vorschriften ist zum Teil vorbei, weil der Arzt erkannt hat, dass sie bei der Behandlung nur eine nebensächliche Rolle spielen und in ernstesten Fällen belanglos sind.

Die zweite Art auf den Kranken psychisch einzuwirken ist ihm betreffs seiner Lage bange zu machen — einzugraulen, wie man sagt. Die Furcht für das Leben zwingt den Kranken unter das härteste Regime. Es ist das aber ein zweischneidiges Mittel und nur mit höchster Vorsicht anzuwenden, denn die Sorge um sich oder teure Anverwandte kann den Willen des Kranken vollständig lähmen, anstatt ihn anzufeuern.

In Hinsicht darauf sind die Aerzte bestrebt, auf jede Weise den Kranken zu ermuntern. Wenn man ihn über seine Lage aufklärt, stellt man ihm den Sachverhalt nie so schlimm dar, wie er in Wirklichkeit ist, sondern immer etwas rosiger. Die trüben Gedanken, die ein unglücklicher Kranker über seine verzweifelte Lage hegt, pflügt der Arzt mit dem allen Widerspruch ausschliessenden Ton seiner überzeugungsvollen Rede zu zerstreuen. Er weist auf die Möglichkeit der Heilung hin, flösst Zuversicht ein. Dass dies zuweilen die schwierigste Aufgabe sein kann, unterliegt keinem Zweifel.

Nicht minder schwierig ist drittens, in dem Kranken die Willenskraft und Entschlussfähigkeit zu wecken und gross zu ziehen. Den Anfang dazu macht die Anstalt. Früher hatten wir nur Anstalten für Lungenkranke, jetzt hat man solche auch für andere innere Leiden wie Magen-, Herz- und Nierenkrankheiten zu gründen angefangen. Der Vorzug der Anstaltsbehandlung vor allen anderen Behandlungsarten besteht darin,

dass der Kranke ohne weiteres in die für ihn passende Umgebung gelangt, sich einem für alle Zeit festgesetzten, Regime unterwerfen muss und endlich sich an diese festgeregelte Lebensweise so gewöhnt, dass es ihm nicht schwer fällt sie in sein alltägliches Leben hinüberzunehmen. Doch diese Erziehung durch die Anstalt kann nicht allseitig sein, und ein fester Wille, welcher imstande ist, einen vorgefassten Plan ohne Schwanken im Leben durchzuführen, ist meistens doch das Haupterfordernis für die Heilung.

Der Arzt wird in der Praxis den willensschwachen Patienten sittlich erziehen müssen. Um das zu erreichen, muss er sich anfangs mit dem Kranken eingehend beschäftigen, sein Leben bis ins Detail unter seiner Aufsicht halten, ihn bevormunden, um ihn zuletzt allmählich zur Selbständigkeit und Herrschaft über sein eigenes Leben zu erziehen.

Man kann sich leicht denken, wie schwer für den Arzt die Aufgabe ist, den Kranken während einer langwierigen Krankheit bei guter Laune zu erhalten oder einen charakterlosen Menschen in einen willensstarken umzuwandeln. Es gibt Aerzte, die in dieser Hinsicht besonders glücklich veranlagt sind. Sie üben auf ihre Kranken einen grossen Einfluss aus, verstehen sie aufzumuntern, sind imstande den Willensschwachen Entschlussfähigkeit und Ausdauer zu suggerieren. Das Schwierige dieser Einwirkung äussert sich besonders noch darin, dass die oft wiederholte Suggestion nur zu bald an Intensität verliert. Sogar Aerzte, die von Hause aus über eine bedeutende suggestive Kraft verfügen, sind der Aufgabe, den Kranken auf die Dauer seelisch zu beeinflussen, nicht gewachsen.

Um zu der Rolle der Persönlichkeit des Kranken bei der Heilung von chronischen Krankheiten zurückzukehren, fragt es sich, welche Momente der Seelentätigkeit den bedeutendsten Heilerfolg bedingen. Ohne Zweifel sind es der Wille zum Leben und die Furcht vor dem Tode, denn sie spornen den Kranken zur Selbstbeherrschung in allen Beziehungen an und machen alle Unannehmlichkeiten der Kur erträglich. Die Sorge um die Familie tut dasselbe. Doch haben die beiden Faktoren, wie schon früher gesagt, nur einen relativen Wert, da die Furcht für das Leben und die Sorge um die Familie auch umgekehrt d. h. depressiv wirken können, so dass die Lebensenergie, anstatt zu wachsen, sinkt. Der lebensfrohe, aufgeweckte Mensch

hat in seiner Charakteranlage eine Garantie für ein besseres Ueberstehen selbst einer schweren Krankheit und Wiedererlangung der Gesundheit.

Hat der Mensch vor der Krankheit ein intensives Geistes- und Gemütsleben geführt, so wird sein innerer Reichtum ihm mehr Mittel sittlicher Provenienz gegen das körperliche Uebel zur Verfügung stellen als irgend einem anderen. Der Drang wissenschaftlich zu arbeiten oder sich die sozialpolitische Wirksamkeit als Lebensziel zu setzen, steigern den Wert der Persönlichkeit in ihrer eigenen Schätzung, vergrössern sie, erweitern den Rahmen ihrer inneren Betätigung. Dasselbe tut auch die Hingabe an eng parteiliche oder Gruppeninteressen. Es ist klar, dass ein Mensch mit solchen höheren Regungen nicht so leicht verzagen wird, weil das Teuerste, was er hat, nicht in ihm und mit ihm zu Grunde geht, sondern ausserhalb seines Ich liegt. Solche Menschen unterschieben dem Leben einen höheren Sinn, welcher von dem Zustand ihrer Gesundheit, von ihren körperlichen Uebeln unabhängig ist. Die Hingabe an das Ideal, sei es die Liebe zur Wissenschaft oder Kunst, sei es die öffentliche Wirksamkeit, erscheint als die mächtigste Triebfeder des Lebens, sie verleiht Kraft und Ausdauer in den schwersten Zuständen des Lebens. Dass aufrichtiges religiöses Gefühl ebenso mächtig ist, versteht sich ohne weiteres.

Wenn wir nun aus dem Vorhergehenden das Facit ziehen, sehen wir, dass sogar im Wettstreit roher physischer Kräfte, im Zweikampf der eisengepanzerten Gesellen, die Begeisterung für ein Ideal das Ausschlaggebende gewesen ist. Ein jeder Mensch kann früh oder spät von irgendeinem chronischen Leiden befallen werden. Die medizinische Wissenschaft hat die Krankheitsprozesse allseitig und sorgfältig studiert und zu ihrer Bekämpfung mächtige und komplizierte Heilsysteme aufgestellt, die in den Händen der Aerzte hervorragendes leisten. Doch erfordert die erspriessliche Anwendung der Heilmethoden und Mittel eine Mitwirkung des Kranken selbst — seine Aktivität. Der Kampf gegen die Krankheit ist die härteste Form des Kampfes um das Leben. Der Schwindsüchtige oder der Herzkranke kann, was den Ernst der Lage betrifft, mit einem Menschen verglichen werden, welcher über ein schmales Brett gehend einen Abgrund überschreiten soll. Obgleich seine Aufgabe die denkbar schwerste ist, kann er ihr doch gerecht werden, wenn

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
